

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в декабре 2002 г.

№ 7 (60) • 2014

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

№ 7 (60) • 2014 • НОЯБРЬ. Выходит не менее четырех раз в год.

Решением президиума ВАК от 19 февраля 2010 г. № 6/6 научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26579 от 20 декабря 2006 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Н.И. ШЕСТАКОВ, д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

ЕГОРОВ А.Н., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
МАРАЛОВ В.Г., д-р психол. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ЧГУ)
ПЛАШЕНКОВ В.В., д-р воен. наук, проф. (ЧГУ)
ЧЕРНОВ А.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОР: Н.Г. МИХОВА
КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА
ПЕРЕВОДЧИК: Е.А. ПЕТРОВА

Адрес редакции: 162600 г. Череповец, Советский пр., д. 8, к. 306, тел. 8 (8202) 51-72-40

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Куртасов А.М., Швецов А.Н.</i> Метод автоматизированной генерации контрольно-тестовых заданий из текста учебных материалов	7
<i>Никуличев А.В.</i> Агентный подход с применением нечетких множеств для задачи синтаксического анализа текста	11
<i>Пыж С.В.</i> Мобильная автоматизированная система инвентаризации металлургической продукции и обеспечения безопасности в складских помещениях и используемый в ней метод анализа изображений на основе сверточной нейронной сети	15
<i>Смагин Г.И., Цюпко А.Б., Карпов Е.В.</i> Определение недостатков обработки типографских ножей в условиях современного типографского предприятия	20
<i>Степанов А.Т., Суворин Н.Н.</i> Изучение механизма удаления неметаллических включений при продувке металла в ковше аргоном	22

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Авдашкин А.А.</i> "Wer sind sie?": Специфика идентичности российских немцев на рубеже XX – XXI веков (на материалах Челябинской области)	25
<i>Агафонова А.Б.</i> Экологические проблемы городской среды в XIX – начале XX веков	28
<i>Афанасян К.К.</i> Эволюция повседневности благотворительного процесса на Ставрополье в контексте реализации принципа сословности в признании	32
<i>Кауркин Р.В., Павлова О.А.</i> Единоверие в Нижегородской губернии в конце XVIII – начале XXI веков	38
<i>Крылова Е.Н.</i> Банкетная кампания на страницах либеральной печати в 1904 г.	40
<i>Павлушков А.Р.</i> Создание системы церковного надзора в первой половине XVIII века	43
<i>Петелин Б.В., Дуганова А.А.</i> Первая мировая война и переход к новому экономическому порядку	47
<i>Хайлова Н.Б.</i> Пятидесятилетие судебной реформы 1864 года в России: взгляд либералов-центристов начала XX века	49

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Ворошилов Н.В.</i> Оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований	54
<i>Магруппова З.М., Виноградов А.Н.</i> Эффективное управление процессом ценообразования на металлургическом предприятии	59
<i>Магруппова З.М., Рогова С.В.</i> О вопросе развития некоммерческих организаций в России	65

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Боднарук Е.В.</i> Особенности использования глаголов <i>sollen</i> и <i>wollen</i> при передаче чужой речи о предстоящих событиях	70
<i>Бондаренко О.А.</i> Распространение традиционных ценностей на страницах региональных молодежных изданий (на примере газет и журналов Краснодарского края, Ростовской области и Республики Адыгея)	74
<i>Деметтьева А.А.</i> «Родословие» писательского таланта в книгах А.М. Ремизова «Подстриженными глазами», «Иверень»	76
<i>Дербенева О.Д.</i> Особенности реализации концепта «Любовь» в песенном тексте 20–50 годов XX века	79
<i>Кудинова Н.Л.</i> Категориальная принадлежность таксиса в английском языке	85
<i>Лезотина Ю.В.</i> «Всемирный сон» в лирике А. Фета	89
<i>Ломакина О.В.</i> Иноязычная фразеология и паремиология в текстах Л.Н. Толстого: особенности переключения языкового кода	93
<i>Новиков А.Е.</i> О.И. Сенковский как переводчик Гомера (о его концепции перевода «Одиссеи» Гомера)	96
<i>Овчинникова Н.Д.</i> Первичная компрессия и преобразование функционально-смысловых типов речи при жанровой трансформации в английском публицистическом тексте	100
<i>Переславцева Р.С.</i> Мотив <i>знания / незнания</i> в записках «На японской войне» В.В. Вересаева	104
<i>Поликарпов Д.Ф.</i> Суффиксально- и полусуффиксально-производные сленгизмы в субкультурных лексиконах рокеров, металлистов и панков в английском и русском языках	108
<i>Сальникова О.С.</i> Морфологические написания детей 7 лет как проявление чувства языка	110
<i>Тананыхина А.О.</i> Языковая игра в тексте англоязычной литературной сказки	113
<i>Фалоджу Дж.О.</i> Облик женщин в русских пословицах и поговорках: взгляд иностранца	117
<i>Чемодурова З.М.</i> «Топос внутреннего адресата» в системе пространственных отношений метафоры	120
<i>Шарафадина К.И.</i> Отклики европейских путешественников XVIII века на восточный «Селам»: присвоение «Чужого» ..	123

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Варламова Ю.В.</i> Развитие рефлексивных навыков студентов при подготовке проекта «Академическая презентация» на иностранном языке	127
<i>Листвин А.А.</i> Методологические аспекты среднего профессионального образования	131
<i>Смолонская А.Н.</i> Акмеологические аспекты проблемы помощи и поддержки детей	134
<i>Яковлева Е.В.</i> Использование интерактивных методов обучения в формировании социальной компетенции у будущих учителей начальных классов	138

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Башев А.В.</i> Специфика синтетического жанрового толкования цикла концерта-сюиты «Причуды» для балалайки и оркестра русских народных инструментов Ефрема Подгайца	144
---	-----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
<i>Воронов Д.И.</i> Ценностные ориентации компьютерозависимых	147
<i>Огородников А.М., Попов Л.М.</i> Самопреодоление как волевая характеристика в структуре психологической организации субъекта саморазвития	150
<i>Сорочинский П.В.</i> Изменение характеристик мышления и психического состояния человека под влиянием виртуальной реальности	154
<i>Чебыкина О.А.</i> Результаты уровней сформированности толерантности у младших подростков в процессе конструктивного взаимодействия	158
Сведения об авторах	163
Информация для авторов	168

CONTENTS

TECHNOLOGY

<i>Kurtasov A.M., Shvetsov A.N.</i> The method for generating the control and test items from the text of educational materials	7
<i>Nikulichev A.V.</i> Agent approach using fuzzy sets for the text parsing.....	11
<i>Pyzh S.V.</i> Mobile automated system of metallurgical products inventory and security providing in the storage rooms using convolutional neural network method for image analysis	15
<i>Smagin G.I., Tsyupko A.B., Karpov E.V.</i> Guillotine knife grinding defects in a modern printing house environment	20
<i>Stepanov A.T., Suvorin N.N.</i> Studying the mechanism of removal of non-metallic inclusions at the metal purge in the ladle ar- gon	22

HISTORY

<i>Avdashkin A.A.</i> «Wer sind sie?»: specifics of identity of Russian Germans at the turn of XX th – XXI st centuries (on the material of Chelyabinsk region).....	25
<i>Agafonova A.B.</i> Urban environmental problems in the XIX th – beginning of the XX th centuries.....	28
<i>Afanasyan K.K.</i> Daily routine evolution of the charity in Stavropol region when realizing the class principle in care.....	32
<i>Kaurkin R.V., Pavlova O.A.</i> Edinoverie in Nizhny Novgorod province at the end of the XVIII th century – beginning of the XXI st century	38
<i>Krylova E.N.</i> Banquet campaign in liberal press in 1904	40
<i>Pavlushkov A.P.</i> Creation of the system of church supervision in the first half of the XVIII th century.....	43
<i>Petelin B.V., Duganova A.A.</i> The First World War and transition to a new economic order	47
<i>Khailova N.B.</i> The 50 th anniversary of judicial reform in Russia: the opinion of the liberal-centrists of the early XX th century	49

ECONOMICS

<i>Voroshilov N.V.</i> Evaluation of efficiency of the regional policy of development of municipalities.....	54
<i>Magrupova Z.M., Vinogradov A.N.</i> Effective management of pricing metallurgical enterprises	59
<i>Magrupova Z.M., Rogova V.</i> Concerning development of non-profit sector in Russia	65

PHILOLOGY

<i>Bodnaruk E.V.</i> Specific features of the verbs <i>sollen</i> and <i>wollen</i> used to render another's speech about forthcoming events	70
<i>Bondarenko O.A.</i> Distribution of traditional values on the pages of regional youth publications (on the example of newspapers and magazines of Krasnodar region, Rostov region and Adygea Republic)	74
<i>Demytyeva A.A.</i> "Genealogy" of writer's talent in A.M. Remizov's books "Clipped eyes", "Iveren"	76
<i>Derbeneva O.D.</i> Features of realizing the concept «Love» in the song texts of 20 ^{ies} -50 ^{ies} of the XX th century.	79
<i>Kudinova N.L.</i> Categorical belonging of taxis in English	85
<i>Legotina J.V.</i> «Worldwide dream» in poetry of A.Fet	89
<i>Lomakina O.V.</i> Foreign phareseology and paramiology in Leo Tolstoy texts: peculiarities of switching language code	93
<i>Novikov A.E.</i> O.I. Senkovskiy as a translator of Homer (his conception of «Odyssey's» translation by Homer)	96
<i>Ovchinnikova N.D.</i> Primary compression and changes of rhetoric semantic modes in the process of genre transformation in English publicistic texts	100
<i>Pereslavtseva R.S.</i> Motive of knowing/ignorance in V. Veresaev's notes "On Japanese war"	104
<i>Polikarpov D.F.</i> Suffixed and semi-suffixed slangy words in subcultural lexicons of rockers, metalheads and punks in the English and Russian languages	108
<i>Salnikova O.S.</i> Morphologic writing of 7-year old children as manifestation of language intuition	110
<i>Tananykhina A.O.</i> Language game in English literary fairy-tales	113
<i>Faloku J.O.</i> The appearance of women in Russian proverbs and sayings: foreigner's view	117
<i>Chemodurova Z.M.</i> "The narratee's topos" in the system of spacial relations in metafiction	120
<i>Sharafadina K. I.</i> XVIII th century European travelers' responses to the eastern «Selam»: appropriation of «Foreign»	123

PEDAGOGY

<i>Varlamova J.V.</i> Students' reflective skills development while implementing the project «Academic presentation» in foreign language.....	127
<i>Listvin A.A.</i> Methodological aspects of secondary professional education.....	131
<i>Smolonskaya A.N.</i> Acmeological aspects of assistance and support for children.....	134
<i>Yakovleva E.V.</i> The use of interactive teaching methods in formation of social competence of future teachers of primary school ...	138

ART

<i>Baushev A.V.</i> Specificity of artificial genre interpretation of Efrem Podgaits' concert-suite cycle "Prichuda" for balalaika and Russian folk orchestra.....	144
--	-----

PSYCHOLOGY

<i>Voronov D.I.</i> Value system of computer-addicts.....	147
<i>Ogorodnikov A.M., Popov L.M.</i> Self-overcoming as a volitional characteristic in the structure of psychological organization of the subject's self-development	150

<i>Sorochinskiy P.V.</i> Change of characteristics of human's thinking and mental state under the influence of virtual reality	154
<i>Chebykina O.A.</i> The results of levels of development of tolerance among younger teenagers in the course of constructive interaction.....	158
Information about the authors	163
For the authors' attention	168

УДК 004.896:519.767.6

А.М. Куртасов, А.Н. Швецов

МЕТОД АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ГЕНЕРАЦИИ КОНТРОЛЬНО-ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ ИЗ ТЕКСТА УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Предложен метод генерации контрольно-тестовых заданий путем обработки естественно-языковых текстов. Описаны алгоритмы и архитектура генерирующей системы, использующей модель оценки качества получаемых заданий на основе машинного обучения.

Тесты проверки знаний, генерация тестовых заданий, генерация вопросов, обработка естественного языка, машинное обучение.

The method for generating the control and test items by processing natural-language texts is proposed in the article. The paper describes the algorithms and architecture of the generating system using the learning-based model for evaluating the quality of the produced test items.

Knowledge assessment tests, test item generation, question generation, natural language processing, machine learning.

Введение. Состояние проблемы. Контроль знаний является фундаментальной функцией образования, реализация которой требует значительных трудозатрат от преподавателей. Системы электронного обучения облегчают задачу контроля знаний за счет средств автоматизированной проверки знаний в форме тестирования. Такие средства обеспечивают проведение тестов в автоматическом режиме, в том числе дистанционно, однако процедуры композиции тестов до сих пор автоматизированы слабо: содержимое в основном создается вручную. Подготовка контрольно-тестовых заданий (КТЗ) представляет собой сложный процесс анализа, подготовки и обработки информации.

Анализ публикаций в области автоматизированной подготовки тестов [5, с. 73–118], [6] позволяет выделить три основных направления исследований. Значительное число научных работ связано с применением текстовых шаблонов КТЗ и их обработкой при помощи различных математических аппаратов (формальные грамматики, деревья И/ИЛИ и т. п.). Такие методы обеспечивают высокую вариативность тестов, однако составление шаблонов, как правило, осуществляется вручную.

Отдельные работы посвящены генерации КТЗ на основе инженерии знаний: предметная область (ПО) представляется в виде некоторой модели (например, семантической сети), из которой затем строятся КТЗ. В системах такого рода возможно достаточно точное соответствие между порождаемыми КТЗ и концептуальными сущностями, составляющими ПО, однако построение моделей ПО представляет собой отдельную сложную задачу.

Третий подход к генерации КТЗ, исследуемый в настоящей работе, основан на извлечении текстовых фрагментов из электронных документов (учебников,

статей и т.п.). Идея подхода заключается в том, что за счет средств обработки естественного языка (ОЕЯ) из составляющих текст предложений можно в автоматизированном режиме генерировать вопросы или упражнения того или иного вида.

Исходная концепция подхода применительно к русскому языку изложена в работе [3] на примере текстов по аэрокосмической тематике. В зарубежных работах данная тема освещена шире: например, описаны исследования, посвященные таким аспектам проблемы, как: оценка качества генерируемых из текста вопросов [8] и генерация ответов-дистракторов для КТЗ закрытой формы при помощи системы *WordNet* [10]. Авторы публикаций характеризуют проблему генерации вопросов как нетривиальную и указывают на необходимость учета семантики при обработке естественно-языковых текстов.

В работах [7], [9] дано описание базовых алгоритмов генерации КТЗ, используемых в разрабатываемом методе, и обозначены проблемы, связанные с семантической обработкой текста. Наиболее существенными представляются следующие проблемы: а) выделение самых важных с точки зрения смысла предложений из текста и б) выделение в предложении слов и фраз, к которым следует обращать вопросы (далее будем называть такие слова и фразы *ключами*).

Перспективным подходом к решению указанных проблем может являться машинное обучение (МО) – ряд статистических методов, позволяющих строить гипотезы о зависимостях между переменными, явные связи для которых не установлены. Пригодность предложений в проблеме (а) и ключей в проблеме (б) будет скрытой переменной, а набор наблюдаемых переменных (т.е. пространство признаков) будет складываться из информации об элементах текста,

которую можно получить доступными средствами ОЕЯ при обработке текста.

Схема реализации метода. Практическим воплощением метода должна стать генерирующая система, получающая на входе произвольные естественно-языковые (ЕЯ) тексты и предлагающая пользователю варианты КТЗ по данному тексту. Архитектура системы представлена на рис. 1. Модули системы решают следующие задачи:

- 1) обработка текста для получения его формализованного представления;
- 2) генерация КТЗ при помощи алгоритмов и правил трансформации;
- 3) классификация получаемых КТЗ по пригодности на основе предшествующего опыта и информации, получаемой на этапе (1);
- 4) фильтрация набора КТЗ с удалением непригодных КТЗ по результатам этапа (3).

Формализация задачи. Тест проверки знаний представляет собой некоторое упорядоченное множество КТЗ. В составе тестирующих систем обычно присутствует банк КТЗ – неупорядоченная совокупность всех КТЗ, из которых могут формироваться тесты. Представим банк заданий как множество T тестовых заданий t :

$$T = \{t_i : 1 \leq i \leq m\},$$

где m – число заданий в банке, или мощность банка заданий. Тогда формируемые тесты T_k будут представлять собой упорядоченные наборы вида:

$$T_k = (t_1, \dots, t_n), 1 \leq n \leq m, \forall (i \neq j), t_i \neq t_j,$$

где n – число заданий в тесте.

Для формирования тестов из банка заданий требуется реализация инъекции $(1, \dots, n) \rightarrow T$. На состав тестов могут накладываться ограничения, исходя из атрибутов, приписанных отдельным КТЗ (например, относительная сложность, принадлежность к той или иной теме и т.п.). Каждое КТЗ представим в виде следующего кортежа:

$$t = (q, s, k, A, P),$$

где q – основа задания, s – источник задания, k – ключ, A – множество вариантов ответа, P – множество педагогических атрибутов. Под основой задания q мы понимаем текст, предлагаемый испытуемому (вопросительная конструкция или задание на заполнение пропусков). Член s вводится для сохранения исходной фразы, из которой порождено задание. Ключ k – слово или фраза, к которой задается вопрос в данном КТЗ (в случае открытого задания соответствует строке правильного ответа, а в случае закрытого задания сопоставляется одному из вариантов ответа). Множество вариантов ответа $A = \{k\} \cup D$, где D – множество дистракторов, которое содержит отвлекающие варианты ответов в случае закрытых заданий; $D \neq \emptyset$ в случае открытого задания. Множество P содержит атрибуты, получаемые после расчета тестологических показателей задания (например, относительная сложность), а также приписываемые ему в рамках данного учебного курса (принадлежность теме); непосредственно после генерации КТЗ $P = \emptyset$.

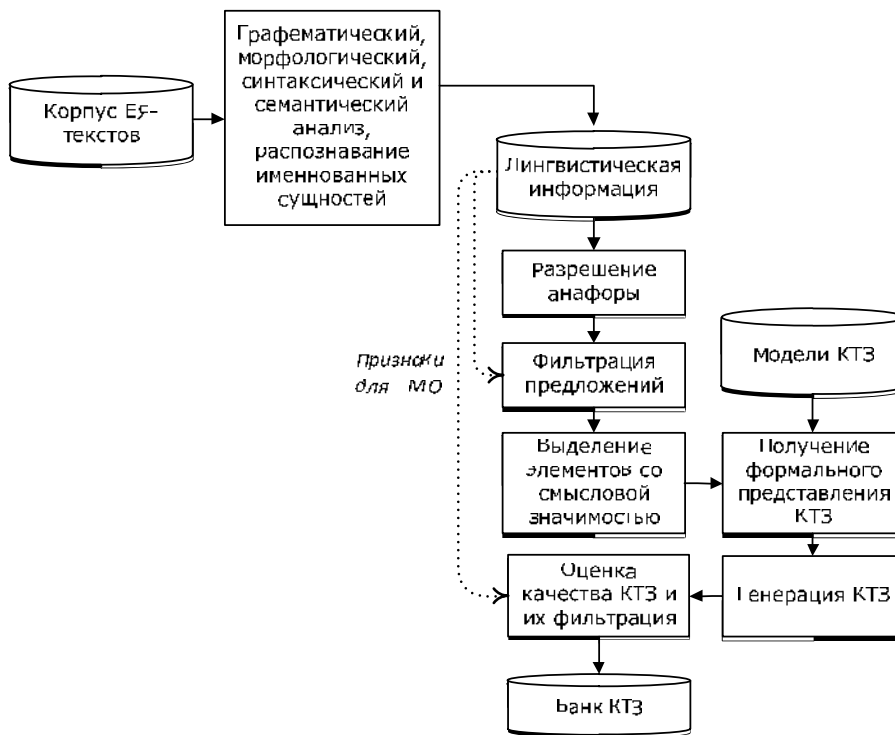

Рис. 1. Архитектура генерирующей системы

Следуя введенным обозначениям, процедуру генерации КТЗ абстрактно представим как преобразование

$$G : C \rightarrow (t_1, \dots, t_p),$$

а процедуру фильтрации КТЗ как

$$F : (t_1, \dots, t_p), X \rightarrow (t_1, \dots, t_q), q \leq p,$$

где C – обрабатываемый корпус текстов, p – число КТЗ, порожденных после выполнения процедуры генерации, q – число КТЗ, прошедших фильтрацию, X – матрица значений признаков, по которым классифицирующий алгоритм осуществляет фильтрацию.

Преобразование F осуществляется на базе вычисления значения функции h – гипотезы классификации, получаемой при помощи машинного обучения из предшествующего опыта работы системы (рис. 2) [11]. Матрица X формируется из данных, получаемых от средств ОЕЯ при анализе корпуса C . Размерность матрицы $p \times f$, где f – число признаков, присущих каждому сгенерированному КТЗ.

Рис. 2. Определение пригодности КТЗ на основе машинного обучения

Обработка текста. Цель обработки текста – преобразование текста в лексемно-морфологические, синтаксические и семантические представления, позволяющие осуществлять необходимые преобразования текста и получать об элементах текста лингвистическую информацию, используемую в качестве признаков для машинного обучения.

Предварительный этап – *подготовка документов* – заключается в выполнении поверхностных операций над текстом с целью получить структурированный набор текстовых данных. В число этих операций входят идентификация кодировки символов, идентификация языка (в данном случае русского), секционирование текста (определение фактического содержимого документов с удалением ссылок, элементов форматирования и т.п.).

Следующим этапом является *сегментация текста*, или *графематический анализ*. Основными задачами здесь являются токенизация (разбиение текста на орфографические слова, или токены), нормализация (приведение различных форм написания токенов к единой форме) и сегментация на предложения с учетом различных нюансов (например, точка не всегда указывает на конец предложения). Мы принимаем утвердительные предложения текста за основные единицы для формирования КТЗ, так как предложение по определению служит для формирования и выражения законченной мысли в речи. Поэтому этап

сегментации на предложения представляет большую важность для генерации КТЗ.

При *морфологическом анализе* для каждого использованного в тексте слова определяется набор морфологических характеристик: часть речи, род, число и падеж для существительных, число и лицо для глаголов и т.п. Этап сопряжен с рядом проблем, связанных с лексико-морфологической омонимией, которые в современных реализациях решаются за счет эвристических и вероятностных моделей. Применяв морфологический анализатор к обрабатываемому тексту, мы получаем набор морфологических признаков для каждого токена.

Синтаксический анализ имеет целью определить роли слов в предложении и их связи между собой. Проблемой этапа является возникновение альтернативных вариантов синтаксического разбора вследствие несовершенства правил, по которым обнаруживаются связи между словами, и наличия лексико-морфологической многозначности словоформ. Результатом анализа является представление синтаксических связей каждого предложения в виде некоторой модели. Мы применяем модель дерева составляющих, в которой структура предложения представляется как иерархия групп (именных, глагольных, предложных и т.п.) и входящих в группы вершин, представляющих слова с морфологической информацией.

Цель *семантического анализа* – установление смысловых отношений между словами в тексте. В основе анализа лежит идея о том, что значение слова не является элементарной смысловой единицей [1]. Оно делимо на более элементарные смыслы, которые составляют словарь особого семантического языка. В результате анализа получается семантический граф, показывающий отношения между смысловыми единицами. Поскольку такой граф является отображением слов в смыслы, информацию из него целесообразно использовать для выделения содержательно-значущих элементов.

Еще один важный этап обработки текста заключается в *выделении именованных сущностей* (персоналий, географических названий, дат и т.п.). Как правило, эти сущности представляют смысловую ценность, поэтому их выделение целесообразно использовать в алгоритмах генерации КТЗ.

После получения морфосинтаксической и семантической информации о предложениях выполняются две процедуры обработки текста, направленные на получение набора предложений, готовых к преобразованию в КТЗ: разрешение анафоры и фильтрация предложений.

Разрешение анафоры, или референциальный анализ, необходим потому, что в текстах нередко используются языковые выражения, которые не могут быть проинтерпретированы без обращения к предыдущему контексту, например, местоимения третьего лица. Разрешение анафоры позволяет установить, к какому языковому выражению (антецеденту) из предыдущего текста относится анафорическое местоимение и к какой сущности реального мира (рефе-

ренту) местоимение и его антецедент отсылают [2]. В нашей задаче разрешение анафоры целесообразно задействовать для автоматической замены местоимений на соответствующие существительные при извлечении предложений.

Фильтрация предложений является одной из ключевых проблем в задаче генерации КТЗ. В системах ОЕЯ процедура сокращения текста с целью сохранения наиболее важных его частей называется автоматическим реферированием. К задаче выбора полезных с точки зрения смысла предложений можно применить частный случай автореферирования, когда из текста выделяются характерные фрагменты без формирования связанных аннотаций (составление выдержек). В число параметров, рассматриваемых при фильтрации предложений, входит расположение предложения в тексте, вхождение в предложение ключевых фраз (например, «в заключение»), статистические меры частоты появления определенных терминов и т.п. Сведения об определении этих параметров в рамках задачи генерации КТЗ приведены в работе [4]. Перспективным способом классификации предложений после определения параметров можно считать машинное обучение (тогда следует применять схему, аналогичную показанной на рис. 2).

Генерация КТЗ. Авторами разработаны различные алгоритмы генерации КТЗ, отличающиеся глубиной анализа естественного языка. На входе алгоритмы получают начинающиеся с заглавной буквы и оканчивающиеся точкой утвердительные предложения.

Основная проблема при генерации – выбор ключа. Применение случайного выбора ключа на уровне токенов неприемлемо по семантическим требованиям, поэтому выбор ограничивается такими условиями, как: вхождение конкретных слов, конструкций, именованных сущностей, синтаксическая роль анализируемой подстроки в предложении и ее положение в семантическом графе.

Полученные пары источников и ключей (s , k) можно анализировать с точки зрения пригодности методами МО, используя в качестве наблюдаемых переменных данные, полученные от средств ОЕЯ. Гипотеза анализа состоит в том, что смысловая ценность возможного ключа может зависеть от лингвистических характеристик составляющих его слов.

Алгоритмы генерации разделены на две группы. Алгоритмы первой группы основаны на простых предположениях при выборе ключа: они осуществляют просмотр предложения с поиском слов или конструкций определенного вида и заменяют найденную последовательность на пропуски (поиск аббревиатур, числовых значений, определений, конструкций «если ..., то ...»). Алгоритмы второй группы выполняют построение вопроса по результатам морфосинтаксического анализа предложения (вопросы к подлежащему – *что?*, *кто?*; вопросы к прилагательным – *какой(-ая, -ое, -ие)?*; вопросы к обстоятельству места – *где?*; вопросы к обстоятельству времени – *когда?*). Описание алгоритмов и примеры приведены в работах [7], [9].

Оценка качества получаемых КТЗ и их фильтрация. Для реализации схемы фильтрации, показанной на рис. 2, построена статистическая модель логистической регрессии, позволяющая предсказывать вероятность возникновения некоторого события путем подгонки данных к логистической кривой. В задачах классификации объект x относится к классу $y = 1$, если предсказанная моделью вероятность $P\{y = 1|x\} > 0,5$, и к классу $y = 0$ в противном случае. На выходе модель дает вероятность $P(\text{КЛАСС}|ПРИЗНАКИ)$. В данном случае это будет вероятность того, что сгенерированное КТЗ получит положительную оценку на основании присущих ему признаков.

Для выбора ключей рассматриваются лексические признаки (вхождения в потенциальный ключ аббревиатур, слов в верхнем регистре, слов из тематического глоссария, стоп-слов), морфологические признаки (части речи и словоформы), синтаксические признаки (глубина нахождения ключа в синтаксическом дереве, положение ключа относительно сказуемого и подлежащего, часть речи до и после ключа), семантические признаки (положение в семантическом графе).

Для экспериментального исследования метода разработан прототип программного комплекса, содержащий генератор КТЗ и классификатор КТЗ по качеству, основанный на МО.

Литература

1. *Апресян, Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. – М., 1966.
2. *Бонч-Осмоловская, А.А.* Разрешение анафоры / А.А. Бонч-Осмоловская, С.Ю. Толдова // Фонд знаний «Ломоносов». – URL: www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0127469.
3. *Воронец, И.В.* Универсальная автоматизированная система тестирования знаний и самообучения, основанная на анализе естественно-языковых текстов учебных пособий / И.В. Воронец, А.Н. Швецов, В.С. Алешин // Пилотируемые полеты в космос: Сб. докл. V Международ. науч.-практ. конф. 9–10 апреля 2003 г. – Звездный городок Моск. обл., 2003. – С. 65–67.
4. *Куртасов, А.М.* Возможности применения автоматического реферирования для фильтрации текста в автоматизированной системе генерации тестов из учебных пособий / А.М. Куртасов // Информатизация процессов формирования открытых систем на основе СУБД, САПР, АСНИ и систем искусственного интеллекта: Материалы VII Межд. научно-техн. конф. – Вологда, 2013. – С. 119–122.
5. Методология создания агентно-ориентированных учебных комплексов для подготовки специалистов технического профиля: отчет о НИР (промежуточ.) / Вологодский государственный технический университет; рук. А.Н. Швецов; исполн.: В.А. Горбунов [и др.]. – М., 2011. – № ГР 01201056386.
6. *Танченко, С.С.* Анализ методов генерации тестовых заданий / С.С. Танченко, С.В. Титенко, А.А. Гагарин // XIII Международная научная конференция имени Т.А. Таран «Интеллектуальный анализ информации ИАИ-2013», Киев, 15–17 мая 2013 г.: Сб. тр. / гл. ред. С.В. Сирота. – К., 2013. – С. 220–226.
7. *Швецов, А.Н.* Семантический подход к задаче генерации учебных тестов на основе извлечения знаний из ес-

тественно-языковых текстов / А.Н. Швецов, А.М. Куртасов // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 1(36). – Т. 2. – С. 11–15.

8. Heilman, M. Good Question! Statistical Ranking for Question Generation. / M. Heilman, N.A. Smith // Human Language Technologies: The 2010 Annual Conference of NAACL. – Los Angeles, California, 2010. – P. 609–617.

9. Kurtasov, A.M. A System for Generating Cloze Test Items from Russian-Language Text / A.M. Kurtasov // Proceedings of the Student Research Workshop associated with

The 9th International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing (RANLP 2013). – Hissar, Bulgaria, 2013.

10. Mitkov, R. A computer-aided environment for generating multiple-choice test items / R. Mitkov, Le An Ha, N. Karamanis // Natural Language Engineering. – 2006. – 12(2). – P. 1–18.

11. Ng, Andrew Supervised Learning // CS229 Lecture Notes, Stanford University. – URL: <http://cs229.stanford.edu/notes/cs229-notes1.pdf>

УДК 004.8

А.В. Никуличев

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент А.Н. Сорокин

АГЕНТНЫЙ ПОДХОД С ПРИМЕНЕНИЕМ НЕЧЕТКИХ МНОЖЕСТВ ДЛЯ ЗАДАЧИ СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Статья посвящена применению агентно-ориентированного подхода к автоматизации синтаксического анализа предложения на естественном языке. Предлагается методика построения системы, в которой с каждой лексемой связан интеллектуальный агент-исполнитель, сам вычисляющий родительскую связь. За основу рационального выбора альтернативы агентом взят аппарат нечетких множеств, который позволяет использовать интуитивные экспертные знания.

Принятие решений, нечеткие множества, синтаксический анализ, мультиагентная система.

The article is devoted to the agent-based approach to automate text parsing. The technique of constructing the system where each lexical unit is associated with an intelligent agent-performer, calculating a parent relationship, is suggested. The basis for the rational selection of an alternative agent is the formalism of fuzzy sets, which allows the use of intuitive knowledge.

Decision-making, fuzzy sets, text parsing, multiagent system.

В связи с возникновением парадигмы агентно-ориентированных систем, использующих агентов как высокоуровневую абстракцию для формализации и структурирования предметной области и как мощное программное средство для разработки и реализации сложных информационных систем, решение многих задач стало более структурированным и «красивым». В рамках данной статьи будет рассмотрен вариант принятия решений интеллектуальным агентом на основе нечетких множеств применительно к задаче синтаксического анализа.

Следует отметить, что попытки создания автоматического синтаксического анализа применялись уже с 1950-х гг. [3]. Среди всех из них можно выделить анализаторы, использующие оптимально покрытие синтаксической структуры фразы набором правил, описывающих элементарные синтагматические отношения между словами текста [2]. Основная проблема данного подхода – это неоднозначность и сложность составления корректной базы синтагм для последовательной проверки. Таким образом, задача до сих пор является актуальной и требует другого подхода для решения; на смену процедурным алгоритмам пришли алгоритмы, связанные с искусственным интеллектом.

Целью работы является проработка методики синтаксического анализа естественно-языковых предложений на основе мультиагентной системы.

Рассмотрим классическую схему распределенного решения задач несколькими агентами [5] применительно к синтаксическому анализу более подробно:

1. Агент-субординатор (руководитель, центральный орган) проводит декомпозицию исходной проблемы. В рамках нашей задачи он занимается разбивкой предложения на естественном языке на отдельные лексемы и находит их параметры (род, число, падеж и т.д.). Важно отметить, что параметры лексемы не всегда могут быть однозначно определены без контекста и установившихся связей.

2. Отдельные задачи распределяются между агентами-исполнителями. В нашем случае отдельной задачей является нахождение агентом родителя для назначенной ему лексемы. Причем поиск должен осуществляться на основе экспертных знаний, т.е. выбор должен быть обоснованным, и агент должен выбрать наиболее подходящую для него альтернативу.

3. Для получения общего результата производится композиция, интеграция частных результатов, соответствующих выделенным задачам. На данном этапе агент-субординатор также производит анализ результата и корректировку своих решений относительно параметров лексем. Процесс начинается заново, пока не останется вариантов для корректировки. После этого агент-субординатор выбирает самый подходящий вариант среди полученных в результате

рабочего процесса. За основу берутся такие признаки, как: соответствие грамматике языка, частотные характеристики и некоторые особенности, выраженные в виде экспертных знаний (своего рода «костыли»).

Экспертные знания, о которых идет речь в п. 2, являются в большей степени интуитивными, поэтому имеет смысл использовать нечеткие множества для принятия решения при выборе подходящей альтернативы.

Теория принятия решений на основе нечетких множеств – достаточно развитый инструмент. Предлагаемые ею решения основаны на нечеткой информации и несут на себе печать нечеткости, однако обосновывают выбор одного из предлагаемых вариантов и показывают, как увеличение информированности сказывается на достоверности и правильности принимаемых решений.

Первое применение в рамках задачи, описанной в данной статье, – это выбор агентом-исполнителем подходящей альтернативы для родительской связи. Второе применение – выбор между вариантами разбора. Он связан, прежде всего, с омонимией, которая возникает из-за одинакового написания разных форм одного слова (например, слово «одеяло» имеет одинаковую форму для винительного и именительного падежа). Рассмотрим применение более подробно.

При исследовании реальной ситуации или процесса с целью принятия рационального решения естественно начать с выявления множества всех допустимых решений или альтернатив. Информация о реальной ситуации или процессе принятия решений, на основе которой одни альтернативы можно предпочесть другим, может быть задана различными способами. Самый универсальных их них – это отношение предпочтения в множестве альтернатив [1].

Отношение предпочтения определяется путем высказывания для каждой пары альтернатив из множества X утверждений вида:

$$"x \text{ не хуже } y", \text{ т.е. } x \succ y \text{ или } (x, y) \in R,$$

где x, y – альтернативы, принадлежащие множеству X , R – отношение предпочтения.

Информация в такой форме позволяет сузить класс рациональных выборов, включив в него лишь те альтернативы, которые не доминируются ни одной альтернативой множества X . Их можно представить в следующем виде:

$$X^{\text{н.д.}} = \{x \mid x \in X, (y, x) \notin R \setminus R^{-1} \quad \forall y \in X\}.$$

Выбор из данного множества является рациональным, однако, в реальных системах встречаются такие ситуации, когда у лица, принимающего решения, нет четкого представления о предпочтениях между всеми или некоторыми из альтернатив. Поэтому более гибким способом формализации имеющихся у экспертов знаний о реальной ситуации представляется такой, при котором они имеют возможность описывать степень своей убежденности в предпочтениях

между альтернативами из интервала $[0, 1]$. Таким образом вводится понятие нечеткого отношения предпочтения, у которого также можно найти множество недоминируемых альтернатив (точнее степени недоминируемости, так как отношение нечеткое) по следующей формуле:

$$\mu_R^{\text{н.д.}}(x) = 1 - \sup_{y \in X} \mu_R^s(y, x), \quad x \in X, \quad (1)$$

где μ_R^s – отношение строго предпочтения, которое равно

$$\mu_R^s(x, y) = \begin{cases} \mu_R(x, y) - \mu_R(y, x) & \text{при } \mu_R(x, y) \geq \mu_R(y, x) \\ 0 & \text{при } \mu_R(x, y) \leq \mu_R(y, x). \end{cases} \quad (2)$$

Таким образом, найдя нечеткое отношение предпочтения, можно рационально выбрать ту или иную альтернативу (составить очередь из выбора по предпочтительности), что и требуется агенту-исполнителю при синтаксическом разборе.

Рассмотрим пример. Пусть имеется предложение «Большой столб упал на дом с железной крышей». Для лексемы «большой» агент-исполнитель, связанный с ней, будет рассматривать три альтернативы: столб, дом и крыши. Рассмотрим определение отношения предпочтения на примере прилагательного и следующих условий эксперта:

1. *Условие согласованности с родителем (1)*. Например, для прилагательного и существительного должны совпадать род, число и падеж, как в словосочетании «письменный стол».

2. *Условие расположения относительно родителя (0,7)*. Прямой порядок употребляется чаще для прилагательных, поэтому более предпочтительней обратного. В качестве примера можно привести словосочетание «у крыльца большого дома».

3. *Условие близости к родителю (0,4)*. Близость прилагательного к существительному интуитивно связывает их вместе. Например: «около деревянной стены беседки».

У каждого условия (критерия) есть свой вес, который указывает на степень сознательности (интуитивности). То есть чем ближе вес к единице, тем условие более сознательно и менее интуитивно, и наоборот. Если условие является истинными, то в общую сумму прибавляется его вес. Далее находится общая степень принадлежности отношению предпочтения по формуле:

$$\mu_R = \frac{\sum p_i}{n}, \quad (3)$$

где p_i – вес условия, или 0 (в случае, если условие ложное), n – общее количество правил. Так как отношение рефлексивное по диагонали можно выставить единицы. Рассмотрим альтернативы x_1 и x_2 . «Большой» согласовано со «столб», значит оно точно не хуже альтернативы «дом», к общей сумме при-

бавляем 1. Далее проверяем второе и третье условие, оба они истины, значит общая сумма равна 2,1 и степень принадлежности равна $2,1/3 = 0,7$. Аналогично найдем коэффициенты для остальных пар и получим следующее нечеткое отношение предпочтения (табл. 1) на множестве $L = \{x_1 - \text{столб}, x_2 - \text{дом}, x_3 - \text{крыша}\}$.

Таблица 1

Отношение предпочтения между альтернативами

R	x_1	x_2	x_3
x_1	1	0,7	0,7
x_2	0,57	1	0,57
x_3	0,23	0,7	1

Найдем отношение строго предпочтения по формуле (2). Далее по формуле (1) вычислим множество недоминируемых альтернатив (табл. 2).

Таблица 2

Множество недоминируемых альтернатив

	x_1	x_2	x_3
$\mu_R^{\text{н.д.}}$	1	0,87	0,53

Таким образом, рациональная очередь выбора альтернатив будет выглядеть как последовательность $\{x_1, x_2, x_3\}$.

Экспертные знания могут быть довольно разносторонние. Среди них могут быть не только критерии, которые помогают предпочесть одну альтернативу другой, но и условия, с помощью которых эксперт определяет, какая из альтернатив вероятнее всего подходит на роль родителя, а какая – только в очень редких случаях. Каждое из условий имеет свой вес, который трактуется как степень допустимости альтернативы. В результате получим отображение $v: L \rightarrow [0, 1]$.

Для примера составления отображения $v(L)$ рассмотрим предложение «Когда прошел сильный дождь, грязный асфальт стал чистым» и следующие условия:

– *Именная часть сказуемого (0,5)*. Если альтернатива на роль родителя находится перед глаголами «быть», «являться» или «становится», а сама лексема находится после них, то в этом случае прилагательное скорей всего является именной частью составного именного сказуемого и зависит от глагола. Например, «Ее платье было красное».

– *Разные сегменты расположения (0,4)*. Альтернатива на роль родителя находится в другом сегменте, например: «Был слышен звонкий голос, который приводил в ужас». Для лексемы «звонкий» альтернатива «ужас» будет удовлетворять данному условию.

Пусть для лексемы «чистым» агент рассматривает три альтернативы: «дождь», «асфальта» и «стал», т.е. $L = \{x_1 - \text{дождь}, x_2 - \text{асфальт}, x_3 - \text{стал}\}$. Для вы-

числения общего коэффициента воспользуемся формулой (3) (для ложного условия к общей сумме добавляется 1, вместо 0). Для первой альтернативы истинным будет только условие 2, следовательно, коэффициент равен $(1 + 0,4)/2 = 0,7$. Для второй альтернативы – 0,75, а для третьей – 1 (табл. 3).

Таблица 3

Множество допустимости альтернатив

	x_1	x_2	x_3
v_L	0,7	0,75	1

Следует отметить, что некоторые условия для данного множества могут быть преобразованы в условия предпочтения и участвовать при определении отношения R , однако вариант с отдельным множеством более гибкий и ограничивает эксперта от лишней работы.

Таким образом, при рациональном выборе альтернативы (лексемы на роль родителя) мы должны учитывать еще отношение предпочтения Rd со следующей функцией принадлежности:

$$\mu_{Rd} = \begin{cases} 1 & \text{при } v(x) \geq v(y), \\ 0 & \text{в остальных случаях.} \end{cases}$$

В итоге получилось два отношения предпочтения, относительно которых нужно принять рациональное решение. Для этого воспользуемся следующим алгоритмом [4, с. 149 – 150].

1. Построим отношение Q_1 , функция принадлежности которого равна

$$\mu_{Q_1} = \min(x_R, x_{Rd}),$$

где x_R и x_{Rd} – значения функции принадлежности отношений R и Rd соответственно, и найдем на нем множество недоминируемых альтернатив с функцией принадлежности $\mu_1^{\text{н.д.}}$.

2. Построим отношение Q_2 , функция принадлежности которого равна

$$\mu_{Q_2} = \frac{1}{2}(\mu_A(x_i, x_j) + \mu_B(x_i, x_j)),$$

и также найдем на нем множество недоминируемых альтернатив с функцией принадлежности $\mu_2^{\text{н.д.}}$.

3. Результирующее множество есть пересечение $\mu_1^{\text{н.д.}}$ и $\mu_2^{\text{н.д.}}$.

По результирующему множеству (аналогично первому примеру) можно создать очередь рационального выбора, которая будет учитывать как допустимость самих альтернатив на роль родителя, так и предпочтительность между ними.

Опишем методику синтаксического разбора более подробно (см. рисунок).

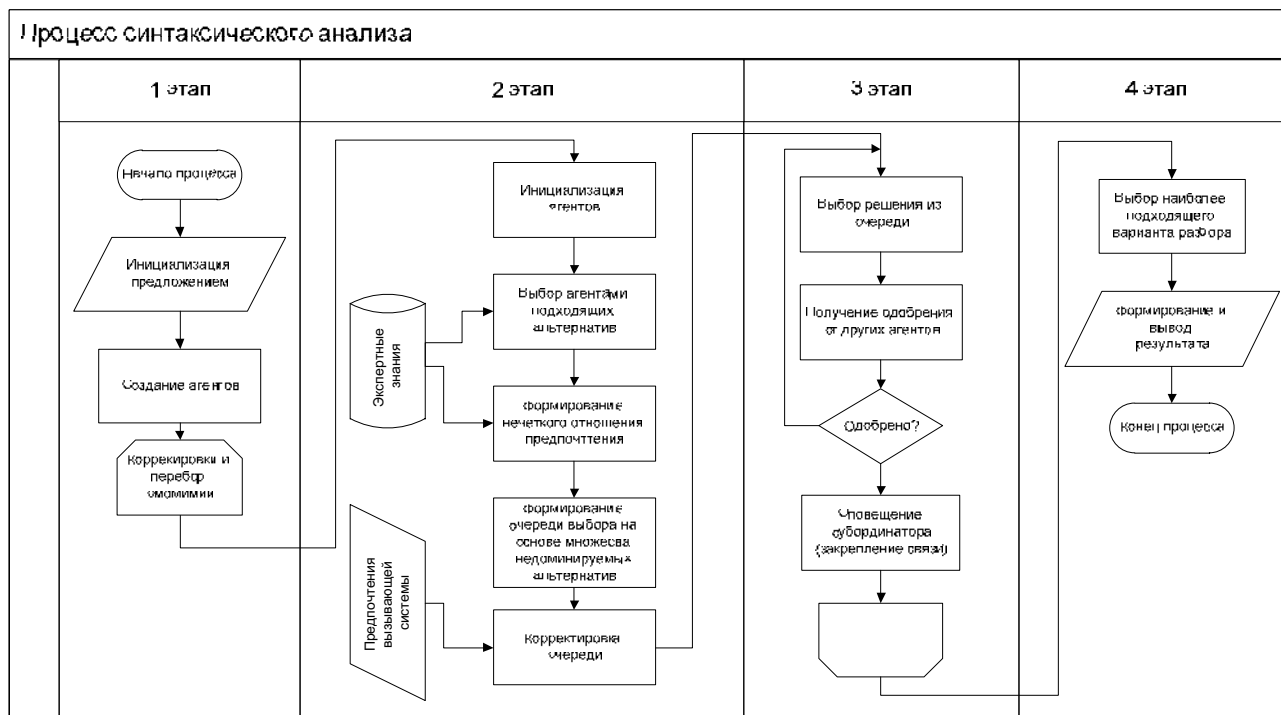

Рисунок. Блок-схема процесса синтаксического анализа для многоагентной системы

На первом этапе происходит инициализация агента-субординатора предложением на естественном языке. Он в свою очередь разбирает его на лексемы и сегменты, определяет их параметры и создает для каждой единицы разбора агента. Так как определение параметров (род, число, падеж и т.д.) из-за омонимии может быть неоднозначным, происходит перебор среди полученных вариантов.

На втором этапе агенты-исполнители инициализируются сегментами и лексемами с определенными на предыдущем этапе параметрами. Далее они (агенты-исполнители с лексемами) формируют очередь выбора для определения родительской связи. Сначала агент-исполнитель фильтрует все лексемы, оставляя только те, которые могут претендовать на роль родителя (например, исключает союзы, предлоги и т.д.). После этого формируется нечеткое отношение предпочтения (учитываются все контекстные условия – стратегия детерминированного анализа) и строится очередь рационального выбора. Следует отметить, что результат может не удовлетворять вызывающую систему в семантическом плане (например, из-за неоднозначности во фразе «мать любит дочь») или агента-субординатора (из-за применения серии фильтров – фильтровой анализ), поэтому следующей операцией является корректировка очереди посредством матрицы достоверных или предпочтительных связей (описание ее формирования выходит за рамки данной статьи).

Третий этап связан непосредственно с процессом поиска родительских связей. Для этого используется полученная ранее очередь решений (самый первый элемент этой очереди является самым рациональным с точки зрения агента). Выбрав первый на очереди

элемент, агент-исполнитель пытается согласовать данную связь с агентом, который будет выступать на роль родителя и агентом, который связан с сегментов для текущей лексемы (в случае если родитель находится в другом сегменте, данный агент может проверить связь на уровне сегментов). Если одобрение не получено, берется следующее на очереди решение, иначе агент-исполнитель закрепляет связь оповещением агента-субординатора.

Как только все агенты отчитались перед агентом-субординатором о выбранных связях, происходит смена параметров в случае наличия омонимии или неудачного разбора (стратегия механизма возвратов), и процесс начинается заново со второго этапа. Агент-субординатор при этом фиксирует удачный вариант разбора (альтернативу), который должен быть учтен при формировании окончательного результата.

На последнем этапе (четвертом) агент-субординатор на основе частотных характеристик и соответствий грамматике языка составляет отношение предпочтения и очередь недоминируемых альтернатив среди вариантов разбора. После чего происходит формирование и вывод результата в виде rdf-графа. На этом процесс заканчивается.

Следует отметить, что выбор агентами альтернатив практически не учитывает связи, установленными другими агентами в процессе работы, что, естественно, является недочетом. Однако применение экспертных знаний на разных уровнях анализа (уровень лексем, уровень сегментов и уровень предложения в целом) компенсируют его.

В результате описанного подхода мы получим следующие результаты:

- возможность учета даже тех знаний эксперта, которые в большей степени являются интуитивными, что помогает более точно осуществить разбор;
- возможность объединения фильтрового анализа, механизма возвратов и стратегию детерминированного анализа;
- тривиальный алгоритм работы через распределение решений несложных задач между агентами, не требуя от них «закрученной» логики. То есть по сути поведение агента сводится только к выбору родителя через очередь рациональных решений;
- простой поиск ошибок и отладка, так как установку некорректной связи можно проанализировать по поведению агента. То есть при неправильно разобранным предложении можно взять лог отдельного агента и без труда понять, почему он сделал неправильное решение, не касаясь при этом работы остальных.

УДК 004.896

С.В. Пыж
Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент О.Г. Ганичева

МОБИЛЬНАЯ АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА ИНВЕНТАРИЗАЦИИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В СКЛАДСКИХ ПОМЕЩЕНИЯХ И ИСПОЛЬЗУЕМЫЙ В НЕЙ МЕТОД АНАЛИЗА ИЗОБРАЖЕНИЙ НА ОСНОВЕ СВЕРТОЧНОЙ НЕЙРОННОЙ СЕТИ

В данной статье описан способ инвентаризации металлургической продукции и обеспечения безопасности складских помещений с помощью системы, содержащей мобильные колесные платформы с оборудованными на них цифровыми видеокамерами. Также рассмотрен метод анализа цифровых изображений, получаемых системой с этих платформ, с помощью сверточной нейронной сети с целью автоматического считывания и распознавания маркировки продукции.

Металлургия, склад, инвентаризация, искусственный интеллект, сверточная нейронная сеть, робот, мобильная платформа.

This article describes the method of the steel products inventory and providing security in the storage rooms with the help of the system containing the wheeled mobile platforms equipped with digital video cameras. The author describes the method of analysis of digital images obtained by the system from these platforms, using convolution neural network for automatically reading and recognition of product labeling.

Metallurgy, warehouse, inventory, artificial intelligence, convolution neural network, robot, mobile platform.

Частью активов металлургического предприятия являются материальные запасы. Они могут представлять собой товары, предназначенные для реализации, и полуфабрикаты. Система, в программном обеспечении которой реализованы методы оптического анализа, способна считывать маркировку продукции и автоматически принимать оптимальные решения ее загрузки на складе и проведения инвентаризации. Наличие в данной системе мобильных модулей с оборудованными оптическими средствами позволяет ей адаптироваться к специфическим условиям большинства складов металлургической продукции, а также обеспечить удаленный контроль безопасности в помещениях.

Литература

1. Губко, М.В. Лекции по принятию решений в условиях нечеткой информации / М.В. Губко. – URL: <http://www.mtas.ru/Library/uploads/1099037698.pdf>
2. Ермаков, А.Е. Эксплицирование элементов смысла текста средствами синтаксического анализа-синтеза / А.Е. Ермаков // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции Диалог'2003. – М., 2003. – С. 136–140.
3. Мельчук, И.А. Автоматический синтаксический анализ / И.А. Мельчук. – Новосибирск: [б.и.], 1964.
4. Орловский, С.А. Проблемы принятия решений при нечеткой исходной информации / С.А. Орловский. – М., 1981.
5. Тарасов, В.Б. От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика / В.Б. Тарасов. – М., 2002.

– отсутствие возможности быстрой переориентации этих средств для других складских помещений и/или для другой продукции.

Имеются технологии рельсового перемещения камер видеонаблюдения на складах, они обеспечивают возможность наблюдения за любым участком помещения, однако имеют высокие затраты на установку [1].

Сканеры маркировки и видеокamеры могут быть объединены в одну или несколько колесных мобильных платформ, управляемых отдельным программным обеспечением. Кроме того, данные мобильные платформы можно оборудовать датчиками среды для контроля условий хранения продукции. Использование таких мобильных платформ обеспечивает следующие преимущества в организации складских операций:

- простота и низкая стоимость установки;
- возможность быстрой переустановки платформ в другие складские помещения;
- адаптация для складов различного типа продукции;
- возможность замены работников склада, осуществляющих инвентаризацию с помощью терминалов сбора данных. Имеет смысл замена людей-работников мобильными платформами в складах с опасным грузом или с опасными условиями хранения;
- благодаря встроенным средствам оповещения существенно возрастает уровень безопасности в помещении;
- отсутствие «слепых зон», т.е. не контролируемых удаленно участков помещения.

Сконструирован прототип мобильной платформы, внешний вид которой представлен на рис. 1, а также реализованы базовые алгоритмы управления и оптического распознавания в программном обеспечении системы.

Рис. 1. Мобильная автоматизированная платформа

Рассмотрим работу автоматизированной системы складского учета с мобильными модулями-платформами на примере ее реализации для склада слябов, расположенного непосредственно при конвертерном цехе. На рольганге в помещение поступает маркированный сляб. Расположенный рядом с рольгангом мобильный модуль системы с оборудованной на нем камерой передает видеоинформацию о поступающих слябах и их маркировке на удаленный стационарный сервер по высокочастотному ра-

диоканалу. После этого происходит распознавание номера каждого поступающего сляба. Далее номера заносятся в базу данных, и автоматически принимается решение о переносе данного сляба или группы слябов в незаполненную ячейку. Контроль правильности загрузки в ячейки осуществляется дополнительным мобильным модулем либо в автоматизированном режиме, либо под управлением оператора. На рис. 2. показана общая схема контроля правильности загрузки продукции при рассмотренной структуре склада.

Для контроля выхода продукции со склада также должен использоваться отдельный модуль. В зависимости от размеров склада и числа потоков входа и выхода продукции количество модулей может быть изменено.

Благодаря мобильности платформ оператор может полностью проследить за ходом выполнения всех операций на складе. При настройке определенных маршрутов движения мобильных модулей контроль может осуществляться в полностью автоматизированном режиме. Маршрут платформ задается специалистом согласно особенностям склада. Для этого в специализированном программном обеспечении управляющего сервера должны быть указаны: площадь склада, форма, размерность, места складирования, габариты продукции и другие параметры. Также платформы должны быть автономно адаптированы к определенным ситуациям, например, в случае возникновения непредусмотренного препятствия на маршруте. В таком случае должен быть осуществлен объезд препятствия. В случае каких-либо нарушений происходит оповещение оператора. Среди нарушений, фиксируемых системой, могут быть не только сбои при погрузке или выгрузке продукции, но и такие нештатные ситуации, как присутствие людей в неполюженном месте.

В основе программного обеспечения оптического анализа предполагается использовать следующие методы и алгоритмы искусственного интеллекта:

- метод распознавания цифр с использованием сверточной нейронной сети для считывания числовой маркировки продукции;
- алгоритм усиления классификаторов (Ada-Boost) для распознавания лиц людей [4]. Применяется для определения заданных объектов, в частности, лиц (анфаса, профиля и полуоборота). Поиск лиц необходим для обеспечения быстрой автоматической локализации персонала склада с целью передачи/приема инструкций, а также для обнаружения посторонних лиц в помещении;
- байесовские алгоритмы классификации для обработки термоизображений мобильными платформами [6] с целью распознавания типа металлургической продукции. Для точной локализации маркировки, а также для предотвращения ложных распознаваний имеет смысл введения дополнительного алгоритма определения типа и формы самой продукции. Реализация данного алгоритма существенно повысит надежность работы системы в автоматизированном режиме в том случае, если поступающая на склад продукция еще не охлаждена до температуры окружающей среды.

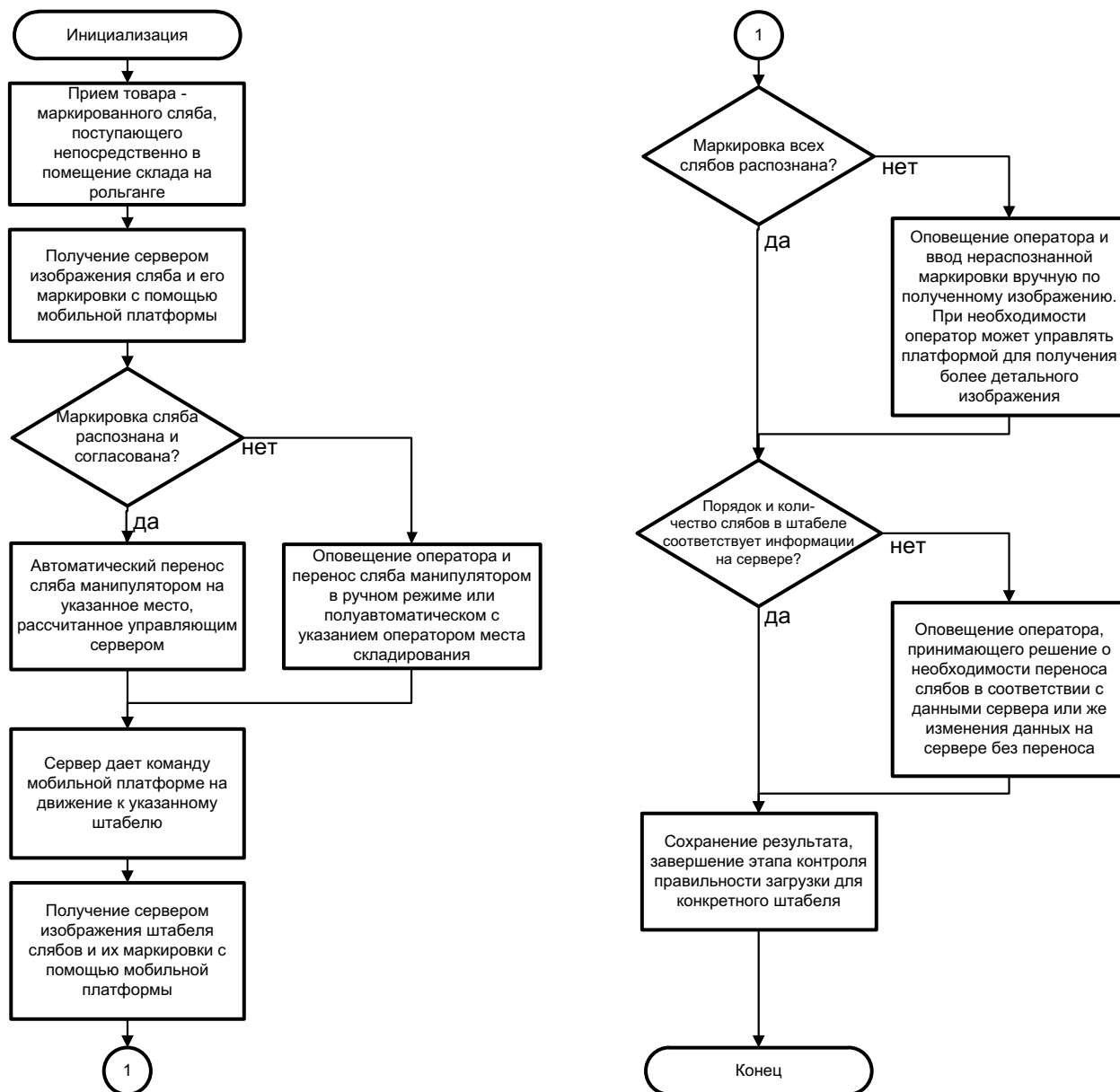

Рис. 2. Схема контроля правильности загрузки продукции на металлургическом складе слябов

В данной статье подробно рассмотрен метод сверточной нейронной сети. Продукция, в особенности полуфабрикаты, предназначенные для дальнейшей обработки на этом же предприятии, обычно маркируются цифровыми символами различного формата. Информация о продукции в данном случае считывается не стандартными сканерами штрих-кодов, а видеоканерами. Для реализации распознавания номеров был выбран нейросетевой подход, а именно: сверточные нейронные сети.

Сверточная нейронная сеть, или сеть свертки, представляет собой многослойный перцептрон, специально созданный для распознавания двумерных поверхностей с высокой степенью инвариантности к преобразованиям, масштабированию, искажениям и прочим видам информации. Применение классических нейросетевых архитектур (моделей Хопфилда, самоорганизующихся карт Кохонена, рекурсивных

сетей Элмана) к задаче распознавания в условиях видеопотока не является эффективным по причине высокой чувствительности к влиянию внешних факторов (изменение ракурса камеры, масштаба, скорости движения продукции). Сверточная нейронная сеть не имеет этого недостатка, поэтому ее реализация будет эффективной для системы распознавания цифр на продукции [5].

Идея данной нейронной сети заключается в сворачивании исходного рецептивного поля в поле меньшего размера путем скользящего движения окна. Эта сеть является многослойной. Архитектура построена на трех концепциях:

1. Локализация рецепторных полей. Данная концепция подразумевает то, что на вход каждого нейрона подается не целое изображение, а его частичная область. И в последующих слоях каждый нейрон получает локальные признаки предыдущего слоя.

2. Разделяемые веса. Каждый слой сети состоит из множества плоскостей. Все нейроны определенной плоскости имеют одинаковые синаптические веса, которые ведут ко всем локальным участкам предыдущего слоя. Изображение предыдущего слоя пропускается через набор весов, и результат отображается на нейроне уже текущего слоя. Каждая плоскость текущего слоя преобразуется в карту признаков. Эта концепция имеет преимущество инвариантности (нечувствительности) к смещению. В этом и заключается функция свертки слоев сети.

3. Субдискретизация. Суть данной концепции заключается в уменьшении изображения в определенное число раз путем его усреднения. Благодаря этому обеспечивается инвариантность сети к изменению масштаба.

При чередовании слоев свертки и субдискретизации происходит составление карт признаков из уже полученных карт, что означает распознавание сложной иерархии признаков: каждый последующий слой получает более общие характеристики, благодаря чему и достигается инвариантность сети (независимости от искажений).

На теоретико-множественном уровне модель сверточной нейронной сети CNN (Convolution Neural Network) представлена в виде кортежа 1,

$$CNN = \langle M, \{N^\eta\}, \left\langle \left\{ C_{(kl),m}^{(\eta, \rho^\eta, (i, j))} \right\}, f^\eta, \left\{ S_{(\rho^\tau), n}^{(\eta, \rho^\eta, (i', j'))} \right\}, \varphi^\eta \right\rangle, N \left\{ w_{i'i'}^{j'j'} \right\}, \psi \rangle,$$

где M – число слоев в нейронной сети; η – номер слоя; $1 \leq \eta \leq M$; N^η – число карт признаков в η -м слое; C, S – весовые коэффициенты C и S слоев соответственно, m – связь входа (ij) нейрона p -й плоскости с (kl)-м выходом его рецептивного слоя (т.е. вход нейрона – матрица рецептивных полей), f^η, φ^η – функция активации нейрона η слоя, C и S слоев соответственно; N – число нейронов в последнем слое нейронной сети; $w_{i'i'}^{j'j'}$ – матрица весовых коэффициентов в выходном слое; ψ – функция активации нейронов выходного слоя [2].

Рассмотрим подробно работу сети на примере. На управляющий сервер поступило изображение, полученное с помощью камеры мобильной платформы. В кадре показан сляб с маркированной на нем последовательностью символов (рис. 3).

Первоначально необходимо сегментировать каждый символ маркировки для дальнейшего его распознавания. Алгоритм сегментации приблизительно следующий:

1. Нормализация контраста и освещенности.
2. Подавление шума.
3. Бинаризация изображения и, при необходимости, инвертирование.
4. Поиск связанных компонент на бинаризованном изображении [3].

Рис. 3. Пример изображения маркированного сляба

В результате исходный снимок разбивается на несколько изображений, каждое из которых содержит отдельный символ. Эти изображения последовательно подаются на вход сверточной нейронной сети.

Используемая нейронная сеть имеет 6 слоев (рис. 4).

1. Входное изображение разбивается на участки, для каждого из которых определяется среднее значение. В данном случае изображение имеет размер 28×28 . Это является первым слоем сети, состоящим из $28 \cdot 28 = 784$ нейронов.

2. Второй слой сети является сверточным с 6 картами признаков размера 24×24 . Каждый пиксель / нейрон карты является признаком участка изображения размером 5×5 , поступающим с входного слоя. Данный признак определяется весовым коэффициентом, который может быть подобран в ходе обучения сети. Для остальных карт участок изображения входного слоя берется с другим набором весов (ядром). Таким образом, внешне данные карты являются отличающимися друг от друга уменьшенными изображениями 24×24 , схожими с входным. Количество весов всего слоя – $(5 \cdot 5 + 1) \cdot 6 = 156$, нейронов – $24 \cdot 24 \cdot 6 = 3456$, соединений с входным слоем – $3456 \cdot (5 \cdot 5 + 1) = 89856$.

3. Следующий слой является слоем субдискретизации, т.е. каждая карта предыдущего слоя линейно уменьшена в определенное число раз. В данном случае в два раза, т.е. в результате имеем 6 карт 12×12 . Каждому пикселу / нейрону на данном слое соответствует усредненное значение соответствующей области предыдущего слоя размера 2×2 . Количество нейронов слоя – $12 \cdot 12 \cdot 6 = 864$.

4. Этот слой свертки аналогичным образом, только каждому нейрону карты соответствует признак, взятый из соответствующих областей всех карт предыдущего слоя, всего 12 карт. Количество нейронов данного слоя $8 \cdot 8 \cdot 12 = 768$.

5. Данный слой содержит линейно уменьшенные в 2 раза карты признаков предыдущего слоя. Количество нейронов – $4 \cdot 4 \cdot 12 = 192$.

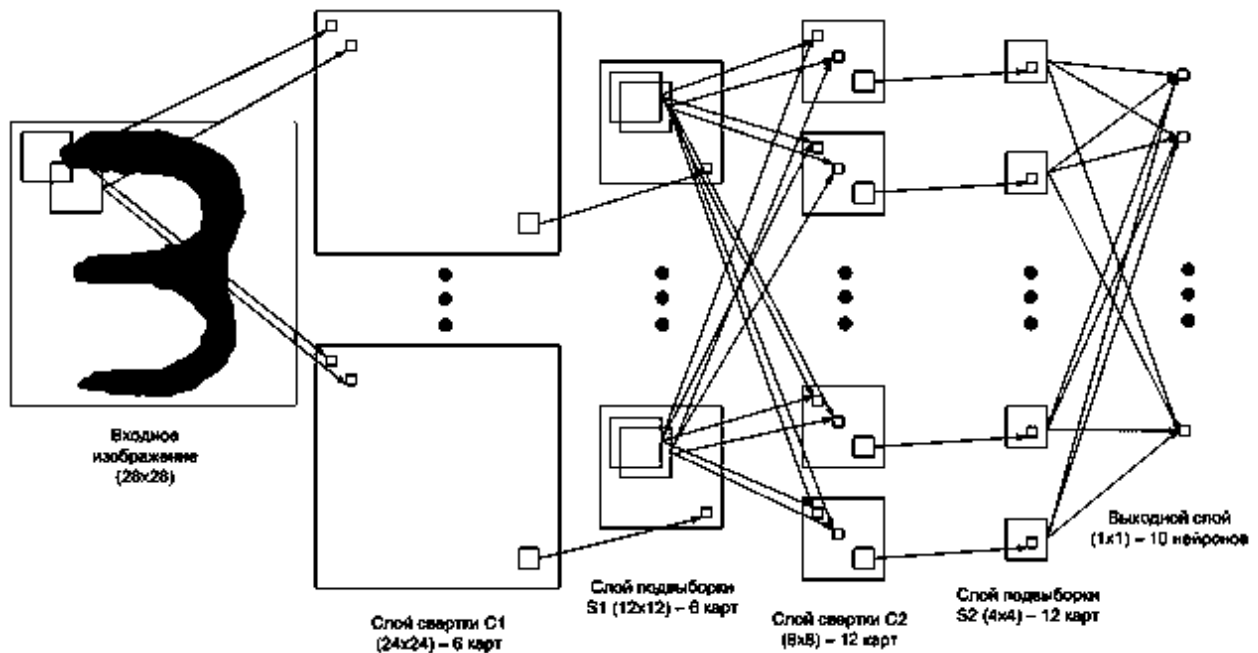

Рис. 4. Сверточная нейронная сеть

6. Результирующая плоскость – слой нейронов, который полностью связан с предыдущим слоем сети (S2), генерирует выходные значения сети. В зависимости от поставленной задачи и размера входного изображения количество выходных нейронов, а также количество таких полносвязных слоев может варьироваться. В данном примере количество результирующих нейронов равно 10 по количеству цифр от 0 до 9.

В основе обучения нейронной сети лежит метод обратного распространения ошибки (обучение «с учителем»). В качестве обучающего множества используются фотографии с различных ракурсов отдельных символов (рис. 5), отмеченных на металлическом изделии, которые предстоит распознавать. Таким образом, каждый символ был представлен несколькими вариантами. В обучающей выборке использованы не только изображения одного типа маркировки, но и других типов, включая рукописные цифры. Благодаря этому достигается универсальность программного обеспечения: имеется возможность распознавать маркировку продукции от разных производителей, а также адаптироваться к случаям замены маркировочного оборудования.

Рис. 5. Изображения обучающей выборки для сверточной нейронной сети. 1 ряд – изображения одного типа маркировки с разным освещением и с различных ракурсов; 2 ряд – изображения разных типов маркировки

Обучение сети начинается с предъявления очередного образа из обучающего множества и вычисления соответствующей реакции нейронной сети. После этого сеть дает выход, его результаты сравниваются с желаемыми. Затем веса связей меняются в направлении минимизации ошибки для конкретного образа. В результате получается обученная нейронная сеть, предназначенная для решения конкретной задачи, а именно: распознавания цифр на металлургической продукции в условиях ее движения.

Внедрение автоматизированной системы оптимизации загрузки, инвентаризации и обеспечения безопасности, содержащей мобильные модули, позволит снизить затраты на контроль процессов складских работ и сократить число нарушений режима объекта. Предложенная система имеет широкий спектр возможностей, она наиболее эффективна для крупных складов однородной продукции, а также в складах с опасными грузами или условиями, в которых нежелательно присутствие человека.

Литература

1. Самойлова, Ю. Торговля под видеоконтролем / Ю. Самойлова // Технологический портал для магазинов Retail Technologies Russia. – URL: <http://retail-tech.ru/food/articles/1694/28652/>
2. Умяров, Н.Х. Логическое и физическое представление архитектуры сверточной нейронной сети / Н.Х. Умяров, О.И. Федяев // II Всеукраїнська науково-технічна конференція студентів, аспірантів та молодих вчених, 11 – 13 квітня 2011 р., м. Донецьк, 2011. – Т. 3. – С. 81–85.
3. Чигорин, А. Введение в компьютерное зрение / А. Чигорин // Курсы лаборатории компьютерной графики. – URL: <http://courses.graphicon.ru/node/2179>
4. Hewitt, R. Seeing with OpenCV part 2 / R. Hewitt // SERVO magazine. – 2007-2. – С. 84.

5. *LeCun, Y.* Gradient-based learning applied to document recognition / [Y. LeCun and etc.] // Proceedings of IEEE. – 1998. – November.

6. *William, L.* Hinders Mobile Robot Navigation with Intelligent Infrared Image Interpretation / L. William, II Fehلمان, K. Mark // Springer, 2009.

УДК 621.924.3

Г.И. Смагин, А.Б. Цюкко, Е.В. Карпов

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕДОСТАТКОВ ОБРАБОТКИ ТИПОГРАФСКИХ НОЖЕЙ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ТИПОГРАФСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ**

В современной типографии при затуплении бумагорезательного ножа промышленники сталкиваются с определенной проблемой по восстановлению режущего инструмента. В большей степени это происходит из-за нехватки специалистов и морально устаревшего оборудования на типографских предприятиях. Все это приводит к понижению качества заточки и, соответственно, страдает качество получаемой продукции. В нашей статье мы произвели анализ предоставления услуг для различных организаций.

Типография, нож, заточный станок, абразивный инструмент.

Manufacturers are facing with a specific problem of cutting tool rework in a modern printing house. It happens when the guillotine knife is dulling. There are no specialists (sharpeners) which work at a printing house. The most cutter-grinding machines are not good for guillotine knife grinding because of the outdated equipment. This creates a very poor quality of cut grinding and the typographic production quality too. Our paper presents analysis of service activities for different organizations.

Printing house, guillotine, grinding machine, grinding tool.

В настоящее время как российский, так и зарубежный рынки успешно развиваются в сфере полиграфических изданий. Типографская промышленность проявляет особый интерес к выпуску качественной продукции. Один из важнейших элементов для получения желаемого результата является типографский нож, неправильная обработка которого приводит к понижению качества выходной продукции.

В табл. 1 представлена краткая сравнительная характеристика одной из наиболее популярных фирм-производителей бумагорезательных машин ("Wohlenberg" Германия), в которых и применяются такие ножи (длина типографических ножей представлена длиной реза машины).

Таблица 1

Краткий анализ бумагорезательного оборудования

Бумагорезательная машина	Длина реза, мм
Wohlenberg 76	760
Wohlenberg 92	920
Wohlenberg 115	1150
Wohlenberg 132	1320
Wohlenberg 168	1680
Wohlenberg 225	2250

При затуплении режущей кромки плоских ножей возникают определенные сложности по их восстановлению, а именно, речь идет о переточке. Зачастую на типографских предприятиях существуют следующие сложности:

– отсутствие высококвалифицированных специалистов (технологов-инструментальщиков);

– нет специального оборудования для восстановления режущих качеств ножа;

– в качестве заточников оказывается тот персонал, который и работает за станком. Такой персонал не обладает необходимыми знаниями и навыками по переточке ножей.

Перечисленные проблемы приводят к существенному понижению качества заточки ножа. Недостатки, встречающиеся на типографиях, к сожалению, не являются единственными. Большая доля проблем приходится на технические инструкции, касаемо переточки плоских ножей. Такие инструкции нуждаются в существенной доработке, а именно: необходимо добавление такого материала, как выбор:

- обрабатываемого инструмента;
- необходимых режимов резания;
- СОЖ.

Отсутствие таких данных ведет к снижению стойкости после переточки и в дальнейшем к увеличению расходов на покупку дорогостоящих типографских ножей. Стоит отметить, что после подобной обработки страдает и качество ножа, и качество типографской продукции.

Типографские предприятия вынуждены обращаться в фирмы, специализирующиеся по восстановлению инструмента такого типа. В свою очередь, такие фирмы выбирают, как правило, более дешевые заточные станки (используется ручной привод подачи). Как правило, таким станкам присущи следующие недостатки [6]:

- недостаточная жесткость каретки продольной подачи;
- на винтах вертикальной подачи шлифовального круга выборка люфтов осуществляется обычной

парой винт – гайка, необходимо применять шариковую пару винт – гайка;

– большинство заточных станков способны заточить только по передней поверхности ножа, что приводит к большому объему снимаемого материала [5];

– в станках при продольной подаче рассматривается только маятниковая схема шлифования;

– отсутствует регулирование продольной подачи в широких пределах.

Учитывая выявленные недостатки из проведенного ранее анализа, можно составить список рекомендаций, необходимых при обработке типографских ножей:

1. Установив абразивный круг, убедиться в отсутствии вибраций, связанных с неправильной балансировкой абразивного круга [1].

2. При устранении первоначального биения шлифовального круга произвести его правку стандартным правящим алмазным карандашом. В качестве примера можно рассмотреть алмазный правящий карандаш по ГОСТ 607-80.

3. Для заточки ножей рекомендуются наиболее производительные и эффективные эльборовые круги на керамической связке [1].

4. Заточку эльборовыми кругами следует производить с применением СОЖ. В случае отсутствия СОЖ, расход эльбора значительно увеличивается, тем самым, необходимо уменьшать до двух раз глубину шлифования.

5. Для заточки ножей рекомендуются следующие абразивные круги от фирм производителей, представленных в табл. 2.

Таблица 2

Рекомендованные абразивные круги

Фирма производитель	Обозначение круга
Аэробор	11A2 100x35x20x10x5 ЛКВ50 100/80 СТ1 100 50 ГОСТ 17123-79
Аэробор	6A2 150x38x40x5x15 ЛКВ60 80/63 СТ3 100 35 ГОСТ 17123-79
Аэробор	12A2 125x50x32x10x5 ЛМ 125/100 Т1 100 35 ГОСТ 17123-79
Ринком	12A245 125x32x32x5x3 ЛКВ50М 90/75 100% В-48 ГОСТ 17123-79
Ринком	12A245 100x32x20x10x3 ЛКВ40 100/80 100% В-48 ГОСТ 17123-79
Ринком	12A245 125x32x32x5x3 ЛКВ40 80/63 100% В-48 ГОСТ 17123-79

6. Необходимо согласовать направление наклона оси шпинделя шлифовальной каретки (рис. 1) и направление вращения круга таким образом, чтобы шлифовальный круг затягивал крепежную гайку, а не наоборот.

7. Использование в качестве СОЖ воды, а также водных растворов (например, раствор кальцинированной соды) не допускается. Минеральные, а также водорастворимые масла являются наиболее подходящими для этой цели [2].

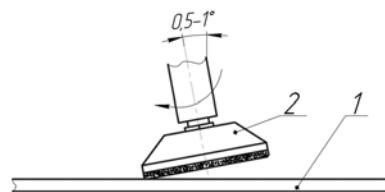

Рис. 1. Направление наклона оси шпинделя шлифовальной каретки (1 – нож, 2 – инструмент)

8. Абразивный инструмент должен вращаться навстречу лезвию ножа, что позволяет упрочнить режущую часть типографского ножа (рис. 2).

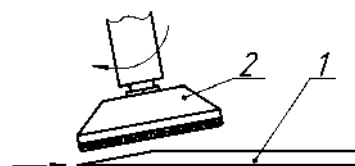

Рис. 2. Вращение абразивного инструмента навстречу лезвию ножа (1 – нож, 2 – инструмент)

9. Необходимо своевременно контролировать и корректировать показатели эксплуатационных свойств СОЖ [3]:

- внешний вид (цвет и однородность);
- запах;
- содержание концентрата СОЖ;
- механические примеси;
- моющие свойства.

Все эти показатели напрямую влияют на производительность и качество обработки ножа.

10. Что касается режима глубинного шлифования, то применение масла с присадками хлора показывает хорошие результаты. Состав такой смазочно-охлаждающей жидкости может быть изготовлен в пропорциях [2], представленных в табл. 3.

Таблица 3

Пример состава смазочно-охлаждающей жидкости

Составляющие	Содержание, %
Масло «Индустриальное 12»	75
Сульфозфрезол	25
Нитрит натрия	0,3
Глиерин	0,25

11. Важно отрегулировать подачу СОЖ в пределах 2 л/мин (СОЖ должна и направляться под торцевую поверхность шлифовального круга (рис. 3) и оказывать омывающее действие).

12. Использование глубинной схемы шлифования, что позволяет существенно увеличить производительность. После обработки ножа рекомендуется

зачистить его переднюю поверхность алмазным бруском (зернистость алмаза 60/40 %).

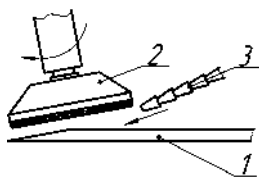

Рис. 3. Направление подачи СОЖ (1 – нож, 2 – инструмент, 3 – трубка подачи СОЖ)

На основании проведенных исследований можно сделать вывод, что для получения высококачественной типографской продукции немаловажное значение имеет бумагорезальное оборудование, одним из элементов которых является типографский нож. Именно качество обработки такого ножа сказывается на качестве выпускаемой типографской продукции.

Проведя анализ типографских предприятий, выявлены наиболее существенные недостатки переточки ножей. Рассмотрены такие вопросы, как регла-

ментирующие инструкции для заточки рассматриваемых ножей и непосредственно заточное оборудование. Составлены дополнительные рекомендации, применив которые, можно повысить качество обработки типографских ножей.

Литература

1. *Кацук, В.А.* Справочник шлифовщика / В.А. Кацук, А.Б. Верещагин. – М., 1988.
2. *Новиков, М.П.* Справочник металлста: в 5 т. Т. 4. Справочник металлста / под ред. М.П. Новикова, П.И. Орлова. – М., 1977.
3. *Смагин, Г.И.* Смазывающее-охлаждающие жидкости при обработке материалов / Г.И. Смагин, Н.Д. Яковлев, В.С. Карманов // Инструмент Сибири. – 2000. – № 3. – С. 12.
4. Справочник конструктора инструментальщика / под общ. ред. В.И. Баранчикова. – М., 1994.
5. *Smagin, G.I.* Improved service for combines "OLYMPIA" = Улучшение обслуживания комбайнов «ОЛИМПИА» / [G.I. Smagin and etc.] // European innovation convention: proc. of the 1 intern. sci. conf. (Austria, Vienna, 20–21 Dec. 2013). – Vienna, 2013. – P. 145–152.

УДК 669.18.046.5

А.Т. Степанов, Н.Н. Суворин

ИЗУЧЕНИЕ МЕХАНИЗМА УДАЛЕНИЯ НЕМЕТАЛЛИЧЕСКИХ ВКЛЮЧЕНИЙ ПРИ ПРОДУВКЕ МЕТАЛЛА В КОВШЕ АРГОНОМ

Приведены результаты исследований в лабораторных условиях процесса удаления твердых неметаллических включений из жидкости (металла) в ковше при продувке инертным газом. Установлены временные и технологические ограничения периода наиболее интенсивного удаления включений в шлак.

Сталь, шлак, ковш, неметаллическое включение, гидродинамика, аргон.

The paper presents the results of researches of the process of removal of firm nonmetallic inclusions from the steel in the ladle at a purge by inert gas in the laboratory. Temporary and technological restrictions of the period of the most intensive removal of inclusions from steel into slag are set.

Steel, slag, ladle, nonmetallic inclusion, hydrodynamics, argon.

Для получения стали с минимальным содержанием неметаллических включений, значительно влияющих на многие ее свойства, металлургами разрабатываются все новые способы и материалы для внепечной обработки расплава в ковше.

Одной из наиболее актуальных проблем современной металлургии является поиск адекватных методов регулирования количества, размеров и формы неметаллических включений, нашедшая название в мировой практике как «инженерия неметаллических включений». Ее решение является предельно наукоемким и предполагает как существенное расширение представлений о самих неметаллических включениях, так и базы фундаментальных и прикладных знаний о металлургических процессах. Эти знания позволили разработать классические способы борьбы с

неметаллическими включениями, такие как: обработка стали синтетическим шлаком, продувка металла инертным газом, модифицирование неметаллических включений. Эффективность удаления неметаллических включений определяется рядом металлургических процессов, которые, в свою очередь, зависят от интенсивности перемешивания, т.е. гидродинамики, металла в ковше.

В настоящее время самым распространенным способом перемешивания металла в ковше является продувка инертным газом – аргонном – через пористые огнеупорные пробки, устанавливаемые в днище ковша. Интенсивность массообменных процессов, приводящих к образованию, укрупнению – коагуляции – и удалению включений определяется количеством пористых пробок, местом их установки, ин-

тенсивностью продувки аргоном, длительностью обработки, природой включений. Определение оптимальных параметров обработки стали в ковше инертным газом – сложная задача, решаемая в основном экспериментальным путем.

В настоящей работе для изучения вопросов гидродинамики и определения влияния параметров продувки на интенсивность перемешивания и эффективность удаления неметаллических включений использовалась «холодная» физическая модель сталеразливочного ковша с продувкой «расплава» газом через пористые пробки (рис. 1).

Методика эксперимента. В работе на «холодной» модели изучался процесс удаления «неметаллических» включений из жидкости при продувке газом через донные пробки. В частности, экспериментально рассматривался механизм удаления твердых включений, т.е. оценивалось влияние числа продувочных пробок, интенсивности и времени продувки на количество удаленных неметаллических включений.

В качестве жидкости, моделирующей сталь, выбрали воду, в качестве «шлака» – подсолнечное масло, в качестве неметаллических включений – вымоченные древесные опилки фракцией < 1,6 мм.

Весьма трудоемким был выбор материала для моделирования неметаллических включений в воде. Частицы должны быть достаточно мелкими, самопроизвольно не выпадать в осадок и не всплывать в «шлак», т.е. их плотность должна быть близкой к плотности жидкости. Испытывались такие материалы:

- манная крупа (насыпная плотность 1520 кг/м³);
- измельченная манная крупа (фракция < 1 мм);
- кукурузная крупа (насыпная плотность 670 кг/м³);
- измельченная кукурузная крупа (фракция < 1 мм);
- измельченное зерновое кофе (фракция < 1мм) (насыпная плотность 580 кг/м³);
- кокс;
- сухие древесные опилки (насыпная плотность 200 кг/м³);
- вымоченная древесные опилки (насыпная плотность 940 кг/м³).

Исходя из того, что плотность воды равна 1000 кг/м³, лучше всего подошли вымоченные опилки, имеющие плотность 940 кг/м³, которые самостоятельно всплывали в воде очень медленно или не всплывали совсем.

Для выбора вещества, моделирующего шлак, рассматривались:

- пена для ванны;
- жидкое мыло для рук;
- подсолнечное масло.

Ближе всего по характеристикам и физическим свойствам подходит подсолнечное масло, которое хорошо ассимилирует опилки и не смешивается с водой. Соотношение плотностей воды и масла примерно такие же как стали и шлака.

В качестве ковша использовали стеклянную цилиндрическую емкость объемом 10 литров (рис. 1). В качестве газа использовали воздух, нагнетаемый компрессором. Три пробки размером 3x13x25 мм расположены в днище под углом в 120° относительно друг друга и удалены от центра на 5,5 см (середина радиуса). Интенсивность продувки воздухом измерялась с помощью ротаметров. Количество удаленных неметаллических включений измерялось путем взвешивания на весах вымоченных стружек до погружения в сосуд и оставшихся в воде после продувки.

Основные результаты исследований. Известно, что физическое моделирование лишь приближенно воспроизводит процессы реального металлургического агрегата. В наших условиях не ставились задачи количественной оценки каких-либо зависимостей. Но все же лабораторные исследования позволили довольно надежно представить гидродинамику ванны при продувке жидкого металла в ковше.

На «холодной» модели ковша была проведена большая серия экспериментов по изучению процессов удаления включений из жидкости при продувке через 1, 2, 3 пористые пробки, с различным расходом воздуха и разной длительностью продувки. Графические результаты представлены на рис. 2 и 3.

При продувке в «ковше» создается определенный режим перемешивания жидкости (воды) и «шлака» (масла), который обеспечивает подвод включений (опилок) к поверхности шлака (рис. 1). При соприкосновении с маслом опилки ассимилируются в нем и в объем жидкости не возвращаются.

Рис. 1. Внешний вид системы «металл – шлак – включения» при продувке воздухом через пористую пробку

Результаты, представленные на рис. 2, свидетельствуют о том, что интенсивность удаления «неметаллических» включений в начале продувки максимальная, а затем быстро замедляется. После трех минут продувки степень удаления включений совсем незначительна, т.е. продувка более трех минут становится малоэффективной. Явно проявляется слабое влияние интенсивности дутья. Подобные результаты наблюдаются и на реальных ковшах с металлом.

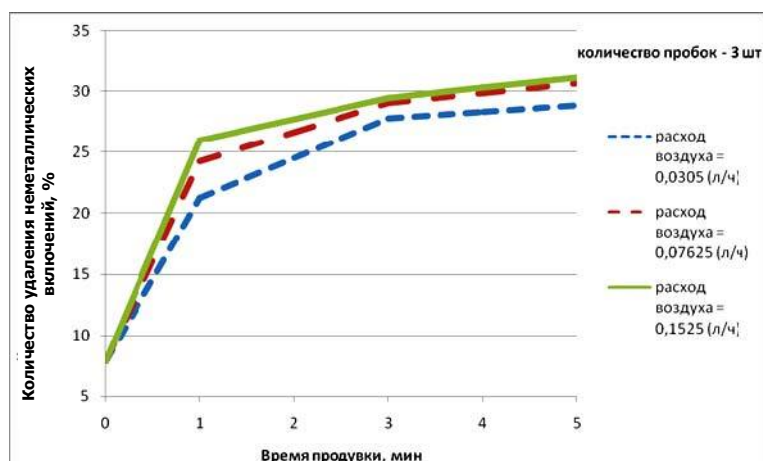

Рис. 2 Зависимость количества удаленных включений от времени и интенсивности дутья при продувке через 3 пробки

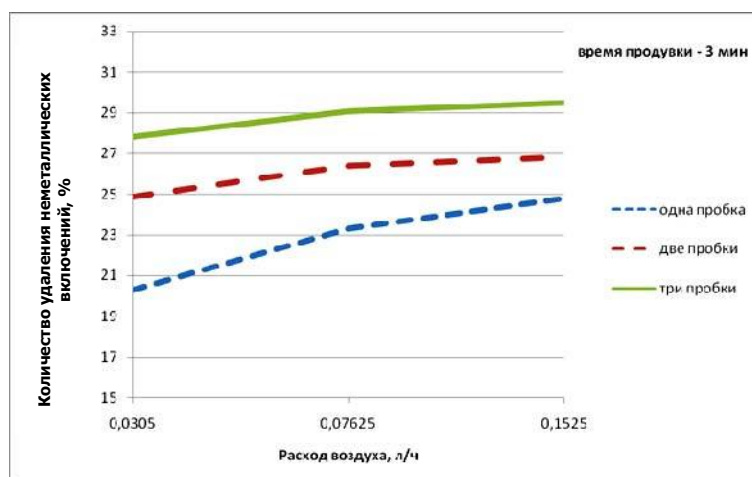

Рис. 3. Зависимость степени удаления включений от интенсивности продувки и количества пробок

Рис. 3 показывает, что зависимость степени удаления включений от интенсивности дутья при продувке через разное число пробок имеет аналогичный рис. 2 характер, т.е. при увеличении расхода дутья (на данной лабораторной установке) количество удаленных частиц сначала возрастает, но дальнейшее увеличение – более 0,07 л/час, становится малоэффективным. Это объясняется тем, что при большем расходе газа увеличивается размер пузырей, а не их количество, крупные пузыри сливаются в «свищи», т.е. сплошные газовые потоки. В результате перемешивание ванны ухудшается и вынос частиц из объема к границе «шлак – металл» замедляется. Но следует отметить, что в целом влияние интенсивности продувки на эффективность удаления включений значительно слабее (1,5–5 %), чем влияние количества пробок (5–10 %). Другими словами, эффективность перемешивания и, как следствие, степень очистки расплава от включений в основном определяется количеством пробок для подачи газа, а не интенсивностью дутья. Максимальная степень рафинирования жидкости при продувке тремя пробками достигает 30 %.

Выводы:

1. В лабораторных условиях в системе «ковш – металл – шлак – неметаллические включения» изучены особенности влияния на степень удаления включений количества продувочных пробок, интенсивности продувки, времени продувки.
2. Установлено наличие неких «пороговых» значений интенсивности и времени продувки, после достижения которых дальнейшая обработка становится малоэффективной.
3. Выявлено, что доля удаленных включений при продувке жидкости (расплава) в основном определяется количеством продувочных пробок и может достигать 30 и более процентов.

Литература

1. Кнюпель, Г. Раскисление и вакуумная обработка стали. Ч. II. Основы и технология ковшевой металлургии / Г. Кнюпель. – М., 1984.
2. Поволоцкий, Д.Я. Внепечная обработка стали / Д.Я. Поволоцкий, В.А. Кудрин, А.Ф. Вишкарев. – М., 1995.

УДК 303.425.5

А.А. Авдашкин

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор А.А. Пасс

"WER SIND SIE?": СПЕЦИФИКА ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

*Исследование выполнено в рамках целевой программы «Фонд поддержки молодых ученых»
ФГБОУ ВПО ЧелГУ «Модели этнокультурного самоопределения и воспроизводства
этнической идентичности (на примере немецкой и еврейской диаспор Челябинской области 1989–2003 гг.)»
(грант ФГБОУ ВПО ЧелГУ ФПМУ 1/14)*

Статья посвящена этнической идентичности российских немцев в конце XX – начале XXI вв. на материалах Челябинской области. На основе устных историй и глубинных интервью рассматриваются представления немецкого населения о специфике своей этнической идентичности на современном этапе, предложены и охарактеризованы модели самоидентификации российских немцев. Кроме того, освещены процессы эмиграции российских немцев в Германию.

Этническая идентичность, российские немцы, немцы на Урале, Челябинская область.

The article is devoted to the ethnic identity of Russian Germans at the end of the XXth – beginning of the XXIst centuries based on the material of Chelyabinsk region. The paper considers the conception of German population about the specifics of their ethnic identity at the present stage based on oral stories and in-depth interviews. Models of Russian Germans' identity are proposed and described in the paper. The paper considers the processes of Russian Germans' emigration in Germany.

Ethnic identity, Russian Germans, Germans in the Urals, Chelyabinsk region.

К настоящему моменту в России, если следовать положениям российского социолога В.С. Курске, сложилась этническая группа российских немцев с отчетливо выраженной ориентацией на множественную идентичность, включающую этнические, гражданские, региональные и конфессиональные элементы [5, с. 12].¹ В обстановке системных сдвигов в российском обществе на рубеже XX–XXI вв. возникали новые и актуализировались старые этнические фобии, симпатии и антипатии. Тем самым востребован исторический опыт проживания в России различных этнических меньшинств, в том числе российских немцев. Последние свыше полувека адаптировались к жизни в обстановке изгнания, реперсий и их последствий, а в конце 1980-х – начале 2000-х гг. ощутили диссонанс из-за внутренних противоречий этнической, конфессиональной и гражданской самоидентификации, социально-экономической неустойчивости в постсоветской России и широких возможностей для эмиграции в Германию. С другой стороны, предпринимались попытки возрождения самобытности российских немцев через создание культурно-просветительских центров, изучение языка,

традиций. Приведенные факты убеждают в актуальности поставленной проблемы и необходимости объективной оценки этого опыта с тем, чтобы обеспечить приращение научного знания о положении немецкого населения в России. До начала «Перестройки» в сознании совестких граждан фактически не существовали советские немцы, а их история была практически недосыгаема для отечественных исследователей. Так, до начала 1990-х гг. исторические исследования по проблеме немецкого населения СССР практически не велись из-за негласного запрета темы [13, с. 184].

Результаты переписи населения 1989 г. позволяли говорить о 39 тыс. немцев, проживающих в Челябинской области [9, с. 8]. Однако, по оценкам специальной экспертной группы², сделанным в 1996 г., ситуация выглядела иным образом: общая численность немцев оценивалась в 180–250 тыс., включая как тех, кто указал свою идентичность как «немец» (39 тыс.), так и тех, кто по субъективным или объективным причинам это скрыл или имел немецкое происхождение, но не знал об этом или не придавал этому факту значения (от 140 до 210 тыс.) [11, л. 2]. Немецкое население региона условно подразделялось на груп-

---

¹ Автор выражает благодарность руководству немецкой национально-культурной автономии г. Челябинска и Челябинской области за участие и помощь в организации исследования.

---

² Данная группа экспертов включала активистов и представителей немецких национально-культурных центров области.

пы, характеризовавшиеся существенными различиями в самоидентификации и восприятии «немецкой» этничности: от ее полного забвения, эмиграции в Германию до сознательной «презентации» себя как российских немцев, что подразумевало знание языка, традиций, культуры или даже построение своего «генеалогического древа» [6].

Источниковой базой для написания статьи выступили материалы устных историй и глубинных интервью с российскими немцами, собранные по Челябинской области¹.

Описывая свое отношение к немецкой идентичности, респонденты формулировали основные компоненты ассимиляции: «Русская я... не могу себя назвать немкой. После войны я помню, как иногда мне говорили: «О! Немка! Фашистка!». В какой-то степени это угнетало... Мой брат хотел поступить в какой-то институт – его не взяли. Его «завернули». «Папа поставил условие, что дети будут лютеранами... я была лютеранкой... но когда папы (немец) не стало мама (русская) постепенно «перетянула» нас с братом в православие, к нему я пришла в уже сознательном возрасте» [6]. Как показывает анализ текстов устных историй и глубинных интервью, ассимиляционная модель идентичности характерна для смешанных семей и тех, кто испытал дискриминационное воздействие со стороны окружения или не прошел этническую социализацию в семье.

Оценивая языковую ситуацию, респонденты подчеркивали утрату немецкого языка: «Мы знали немецкий, на быденном уровне могли переброситься парой слов в кругу семьи или своих, но в тоже время не приветствовалось, что ты где-то на улице говоришь на немецком, хотя запретов то каких-то вроде не было». «Родители еще дома говорили на немецком, а я уже его не знаю. Я помню, как папа часто ругался: «Пусть дома дети говорят на немецком...». Мой брат, уехавший в Германию в 1992 г., он знает немецкий... дети мои, конечно, уже не знают» [6]. Так, по данным микропереписи населения 1994 г. только треть немцев в Челябинской области владела немецким языком, для остальных родным был русский [12, с. 4].

Кроме того, для Челябинской области характерен дисперсный тип расселения немцев, что, по мнению Н.В. Матвеевой и В.М. Кирилова, затрудняло их консолидацию и создавало условия для ассимиляции, «забвения» идентичности. В результате «перекоса» половозрастной структуры в пользу мужчин частой стала практика смешанных браков², что создавало благоприятную среду для ассимиляционных процессов, утраты языковой среды и затрудняло са-

моопределение детей в таких семьях в выборе идентичности [7, с. 70], [4, с. 155].

В рамках модели симбиоза воспроизводится уникальный тип этнической идентичности – «российские немцы», обладающий самобытной культурой, диалектами, историей. Российские немцы предстают как динамично этнизирующееся сообщество, стремящееся к автономности от обеих материнских культур. «Нельзя переносить «калькой» немцев Германии на российских немцев – я за то, что формировался уникальный тип, народ. Немцы России... они сохранили то, что привнесли из немецких земель и перенимали традиции окружения. Шло двуязычное преподавание... мой отец знал и немецкий и украинский» [6].

Незнание немецкой культуры, языка не становилось проблемой для самоидентификации. По данным исследователя Э.Р. Барбашиной на вопрос о типичных этнических признаках чаще всего респонденты указывают: «трудолюбие», «исполнительность», «аккуратность», «умение рационально вести хозяйство», «пунктуальность» и т.п. Известно, что этнические группы могут «наделять» себя качествами или признаками, которые им приписываются. Подчеркнем, что именно указанные выше качества чаще всего называют представители других этнических групп при указании особенностей немцев, в том числе и российских [1, с. 171–172].

Аналогичную тенденцию мы можем наблюдать и на региональном материале. «Семья, так или иначе, оставалась ячейкой воспроизводства этнической идентичности: песни, стихи, праздники, кухня, режим жизни, социальное поведение, отношение к другим людям («обращение на «Вы»), особенности быта («чистые окна, чистота, порядок, пунктуальность, порядочность»)). «Основным источником была семья, ее история. Мне нравилось уважительное отношение в семье, в быту, мне нравился язык, немецкий менталитет, дисциплина, качественная система воспитания детей». «Даже, если завтра пройдет перепись, я не смогу написать, что я русская немка... но быть немкой для меня это быть правильным, педантичным, говорить на немецком, не считать себя «русским» (русском)». «Манера поведения... внутренние качества. Нордический характер, определенный педантизм, идеальный быт... все по струночке налажено» [6]. На практике этническая идентичность формируется, в том числе, посредством усвоения позитивных стереотипов, отражающих основные социальные черты и особенности образа «типичного» немца. Данные черты служат системой координат для этнического самоопределения, основанного на усвоении и воспроизводстве социальной модели поведения: честность, пунктуальность, твердость характера, рациональность.

Инструментальная модель (или модель мигранта) выделена условно, поскольку исходит из понимания этнической идентичности как инструмента и основания для миграции на «историческую родину». Так, по мнению историка В.М. Кирилова, память о репрессивной и дискриминационной политике властей сформировала и закрепила негативную этническую и

¹ В исследовании были задействованы российские немцы, проживающие в Челябинске и Копейске (16 респондентов). Исследование проводилось в период май 2013 – май 2014 гг. Сбор материала шел как в официальной обстановке, с применением диктофона и структурированного опросника, так и в форме бесед в неформальной обстановке и фиксации наблюдений в дневники.

² Для немцев в Челябинской области доля смешанных браков составляла не менее 35 %.

гражданскую идентичность в сознании российских немцев и подвигла их к выезду на «родину предков» [3, с. 348]. В период 1989–1994 гг. из заявленного региона выехало порядка 10 % немцев [12, с. 4]. Результаты социологического исследования, проведенного по заказу администрации Челябинской области в 1995 г., показали, что для немецкого населения области характерны миграционные настроения: порядка трети немцев имели планы на смену места жительства [8, с. 1].

Всего же за 1990–1996 гг. число эмигрантов-немцев составило не менее 10 тыс. Основные причины их выезда можно расположить следующим образом:

- 1) угроза безработицы;
- 2) сохранение социально-экономической нестабильности и политической напряженности в России;
- 3) волнение за будущее детей;
- 4) стремление к большей социальной защищенности [2, с. 2].

По переписи, проведенной в 2002 г., немецкое население области с 1989 г. сократилось на 10758 человек [10, с. 6]. Так же есть данные, что только по состоянию на первую половину 1990-х гг. Челябинск покинуло 3200 немцев, Копейск – 1000, Коркино – 1300, Миасс – 198, Барсучье – 110, Маякское – 433, Подовинное – 158 [11, л. 9]. Респонденты, имевшие опыт проживания в эмиграции, критически оценивали свой потенциал на интеграцию в немецкое общество, объясняя это, прежде всего, проблемами психологического характера и сложностью в идентификации со стороны немецкого общества. «*На самом деле нас там не сильно то кто-то ждал... мы вроде как «другие» немцы для Германии и жизнь приходится начинать с нуля. К середине 1990-х гг. поток убавился: те, кто остался тут, посмотрели, что уехавшие особо ничего там не достигли, а успех сопровождал реально десяткам, а не сотням. Вот и стихли настроения на эмиграцию. 1000¹ – не меньше вернулись в итоге обратно*» [6]. В целом идентичность мигранта предстает наиболее сложной, поскольку характеризуется инструментальными приоритетами, этничность выступает как миграционный «трамплин».

Необходимо особо остановиться на исторической памяти. Характерно, что для поколений 60–90-х гг. XX вв. конструирование идентичности приобрело характер принятия в большей степени социальной роли немца, нежели этнической. В результате происходило приписывание себе ряда качеств, обозначенных как этнические коды, позволяющие отличать «своего» от «другого». Бытующие в массовом сознании граждан присутствуют представления о том, что этничность – это наследуемая от семьи характеристика, обусловленная этничностью предков. Именно поэтому именно история семьи становится местом поиска своей идентичности, а семейные истории выступают «базовым» этнодифференцирующим при-

знаком. Иными словами, достижения предыдущих поколений, их вклад в развитие мировой культуры, прежние статусы присваиваются и воспринимаются как ориентиры для самоопределения. Поиск корней и их осмысление нередко выступали основой при построении своей «сегодняшней» (имеется в виду период 1990-х – начала 2000-х гг.) идентичности. Утерянная предками или нивелированная дискриминационным воздействием со стороны государства идентичность актуализировалась и наполнялась новым содержанием, ложась в основу построения жизненных стратегий. Другими словами, на исторической памяти, содержащей глубокую брешь, возводился новый конструкт этничности, порождающий миф «об общем происхождении» и «общей истории». Основываясь на представлении о единстве, происходит активное переосмысление прошлого, конструируемого под воздействием настоящего. В «общей истории» российских немцев ключевыми вехами становятся два событийных ряда: переселение немцев в Россию, выступающее в качестве точки отсчета истории группы, и репрессии, предстающие в форме основания текущего статуса группы и процессов, с ней связанных. Каждая из рассказанных устных историй и глубинные интервью достаточно четко привязаны к этой логической схеме общего прошлого.

Для последнего высокую значимость имеют и места памяти, служащие когнитивными и аффективными скрепами истории российских немцев. Образы Родины представлены так: в качестве реальной родины выступает Челябинск, Урал, Россия. Причем все три понятия применяются синтетически по принципу «матрешки»: «*Челябинск же часть Урала, а что есть Урал? Урал – это Россия. Россия – наша Heimat...*» [6]. Иными словами, образ реальной родины многослоен, включая локальную идентичность – немцы Урала – и представление о некоей гражданской общности. Важным местом памяти становится и бывшая АССР НП². Однако, она предстает не как географическое, социально-политическое или социально-культурное понятие, ее образ связан в большей степени с отнятой независимостью, автономией и благополучной жизнью предков, «*незаслуженными*» и «*несправедливыми*» репрессиями [6]. Образ автономии в Поволжье воспринимается как исторический ориентир, то, к чему логически должны были стремиться немецкие общественные организации и интеллектуальная элита российских немцев на рубеже 80–90-х гг. прошлого века. Несмотря на то, что Германия воспринимается как «историческая родина», социально-культурный феномен и географическое место, откуда вышли все немцы, ее роль как места памяти крайне ограничена, уступая идеализированному образу АССР НП или образу Урала³.

² Автономная советская социалистическая республика немцев Поволжья. Ликвидирована в сентябре 1941 г.

³ Интересно, что для тех респондентов, представления которых укладываются в рамки миграционной модели идентичности, характерно понимание Германии как точки возвращения для большинства российских немцев в ближайшие десятилетия.

¹ Респонденты акцентировали внимание на том, что очень сложно реально оценить масштабы обратной миграции, но сходились в своих оценках феномена на 1–1,5 тыс. «обратных» мигрантов за середину и конец 1990-х гг.

Таким образом, на материалах Челябинской области удалось выявить многослойность этнической идентичности российских немцев. Роль основных этнических кодов играют: историческая память, позитивные стереотипы о социальном поведении «типичного» немца, в меньшей степени задействуются традиционные этнические маркеры: праздники, немецкий язык и традиции. В настоящее время процессы трансформации этнического самосознания российских немцев можно условно представить в качестве трех основных моделей:

1) *ассимиляционная* модель включает фрагментарные элементы немецкого самосознания и «русскую» идентичность, как гражданскую, так и этническую;

2) модель *симбиоза* русского и немецкого этнокультурного компонента, приводит к осознанию себя «российским/русским немцем»;

3) *инструментальная* модель, представленная как стремление приобрести немецкую гражданскую идентичность. Данную модель проблематично охарактеризовать в структурном плане, поскольку мотивы миграционного поведения немцев позволяют рассматривать этническую идентичность как инструмент для смены социальной, политической, культурной, экономической среды обитания.

С целью дальнейшего приращении научного знания о российских немцах необходимо создание архивов устных историй, глубинных интервью, систематизация семейных архивов в электронные базы данных, что позволит создать массив источников, которые могут быть применены при анализе ментальности и исторической памяти российских немцев.

Источники и литература

1. *Барабашина, Э.Р.* Об этническом будущем российских немцев: сохранение, трансформация, ассимиляция? / Э.Р. Барабашина // Ключевые проблемы истории российских немцев: Материалы X Международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – М., 2004. – С. 162–176.

2. *Ерошкин, А.* Чтобы немцы не уехали, тоже нужны деньги / А. Ерошкин // Вечерний Челябинск. – 1996. – 13 ноября. – С. 2.

3. *Кирилов, В.М.* Немцы на Урале XVII–XXI вв. / В.М. Кирилов. – Н. Тагил, 2009.

4. *Кирилов, В.М.* Историческая память и самосознание российских немцев (по материалам источников личного происхождения) / В.М. Кирилов // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII Международной научной конференции. Москва, 21–23 октября 2010 г. – М., 2011. – С. 322–349.

5. *Курске, В.С.* Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев): автореф. дис. ... канд. соц. наук / В.С. Курске. – М., 2011.

6. Личный архив автора. Материалы глубинных интервью и устных историй с российскими немцами. 2013 – 2014 гг.

7. *Матвеева, Н.В.* Российские немцы на Урале: проблемы и перспективы развития / Н.В. Матвеева // Немцы новой России: проблемы и перспективы развития: Материалы II Международной научно-практической конференции. Москва, 7–9 декабря 2009 г. – М., 2010. – С. 69–71.

8. Межнациональные отношения и состояние национальных культур в Челябинске // Возрождение Урала. – 1995. – 30 августа. – С. 1.

9. Национальный состав населения Челябинской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) // Госкомстат РСФСР, Челяб. обл. управление статистики. – Челябинск, 1990.

10. Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. Челябинскстат. – Челябинск, 2005.

11. Объединенный Государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф. Р. 233. – Оп. 1. – Д. 479.

12. Свидетельствует статистика // Челябинский рабочий. – 1995. – 9 февраля. – С. 4.

13. *Черказьянова, И.В.* Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев и развитие историографии о немецком населении (1990 – 2000-е гг.) / И.В. Черказьянова // Этнические взаимодействия на Южном Урале / отв. ред. А.Д. Таиров, И.О. Иванов. – Челябинск, 2009. – С. 184–185.

УДК 94(4+7):94(47)“1800/1914”

А.Б. Агафонова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор О.Ю. Солодянкина

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01242

Статья посвящена выявлению закономерностей во взаимодействии между городом и природной средой в Соединенных Штатах Америки, Европе и в Российской Империи в течение XIX – начале XX вв. Автор анализирует экологические проблемы городской среды и механизмы их решения органами местного и государственного управления в XIX – начале XX вв.

Город нового времени, загрязнение городской среды, политика органов местного самоуправления, санитарное состояние, экологическая история.

The article is devoted to identifying patterns in interaction between the city and the natural environment in the United States, Europe and the Russian Empire at the 19th – beginning of the 20th centuries. The author analyzes the environmental problems of the urban environment and the mechanisms of their decisions by local and state government in the 19th – beginning of the 20th centuries.

City of modern times, urban pollution, policy of local government, sanitary condition, environmental history.

Исследование санитарно-гигиенических проблем городской среды является одним из основных предметов экологической истории. Значительный вклад в становление и развитие городской проблематики в данной области внесли работы М. Милоси (M. Melosi) [16], [17], Дж. Тарра (J. Tarr) [19], [20] и др. С 1970-х гг. в поле зрения историков окружающей среды находились вопросы бытового и промышленного загрязнения городов; выявление взаимосвязи между процессами загрязнения, распространения инфекционных заболеваний и показателями заболеваемости и смертности горожан; оценка влияния демографических, социально-экономических факторов, а также урбанизации и развития городской инфраструктуры на санитарное состояние территорий; стратегии реализации экологической политики органами муниципальной власти [9], [11], [12], [13]. В отечественной исторической науке экологические проблемы долгое время рассматривались в рамках истории социальной медицины, истории техники и исторической урбанистики [1], но, вместе с тем, в последние два десятилетия возрос интерес к эколого-историческому направлению исследований городской среды [4], [5], [6]. Целью настоящей работы является выявление условий возникновения экологических проблем в городах XIX – начала XX вв., их специфики, а также анализ механизмов решения данных проблем органами местного самоуправления и государственной властью.

Становление капиталистических отношений, интенсивное развитие промышленности и урбанизационных процессов в исследуемый период вызвало качественные изменения компонентов природной среды в черте города, а также трансформацию восприятия горожанами собственных условий проживания. С.П. Хэйз (S.P. Hayes) установил, что для американских городов в первой половине XIX в., как следствие внутренней миграции населения, было характерно перенесение в города социальных практик и образа жизни, сложившихся в сельской среде. Последствия такого заимствования показали, что то, что было приемлемо в просторных условиях сельских поселений, оказалось совершенно недопустимо в городах. Плотная застройка, погребение умерших на территории домовладений, содержание в городах сельскохозяйственных животных в совокупности с примитивной системой утилизации бытовых отходов приводили к частым пожарам, распространению инфекций, регулярному загрязнению городских улиц. Социальным ответом на новые экологические обстоятельства, которые причиняли вред здоровью горожан, явилось законодательное ограничение традиционных практик природопользования [14, р. 71]. Во второй половине XIX в., по мнению С.П. Хэйза, город начинает утрачивать связь с природой. Ухудшение санитарно-гигиенических условий проживания,

вызванное увеличением концентрации населения в промышленных районах, привело к возникновению дихотомии «город как место работы» – «город как место для жизни». Накопление бытовых отходов обусловило модернизацию технологии удаления нечистот посредством отведения их в близлежащие реки ниже городов по течению. Данный период характеризовался попытками установления контроля над распространением заболеваний, улучшением здравоохранения, качества питьевой воды, системы удаления твердых бытовых отходов с территории домовладений и улиц [14, р. 72–73].

Несмотря на то, что эволюционные изменения во взаимодействии американского города и природы были отражены С.П. Хэйзом весьма объективно и выявленные им закономерности вполне характерны и для российских городов, условное выделение хронологических этапов как основа исследования является не вполне корректным даже для Соединенных Штатов в связи с асинхронными темпами развития городов различных типов. В частности, дефицит чистой питьевой воды, с которым первыми столкнулись жители Филадельфии, Бостона и Нью-Йорка, явился причиной модернизации систем водоснабжения уже в начале XIX в. К 1860-м гг. в шестидесяти крупнейших городах Америки имелись гидротехнические сооружения, а к 1880-м гг. в стране насчитывалось 598 подобных систем [20, р. 9]. Следует отметить, что устройство городских водопроводов было весьма дорогостоящим, а доступ к водопроводной воде – лимитированным. Так, рабочие Питтсбурга, где водопровод был проведен в 1828 г., пользовались такой водой из общественных водопроводных кранов, причём один кран мог обслуживать порядка девяноста семей [19, р. 514].

С 1850-х гг. вслед за системой водоснабжения началось развитие систем водоотведения, что было обусловлено обострением санитарных проблем и ростом численности населения. В Питтсбурге к 1875 г. было построено около 25 миль труб для ливневых вод, в конце 1880-х гг. началось строительство канализации, которое за счет увеличения объема сточных вод впоследствии привело к загрязнению водоемов, а также к росту числа случаев инфекционных заболеваний (брюшной тиф, лихорадка) [19, р. 515]. Проблема загрязнения атмосферного воздуха в американском городе явилась результатом совокупного влияния процессов урбанизации, промышленного развития и использования в качестве топлива каменного угля с высоким выходом летучих веществ [20, р. 14]. Обеспокоенность общества эпидемиологической ситуацией и санитарно-гигиеническими условиями проживания способствовала становлению санитарной организации и развитию протестной активности граждан против неблагоприятных условий городской среды. Необходимо отметить, что

на развитие санитарии и городского благоустройства в Западной Европе, а затем и в Америке оказали значительное влияние работы Эдвина Чедвика и его последователей, пробудившие в обществе социальное и культурное движение, целью которого являлось изменение представлений социума о нормах чистоты и состояния окружающей среды [20, p. 11].

Подъем протестного движения пришелся на 1890-е гг., когда активистки женского движения, инженеры и врачи заявили о необходимости защиты систем водоснабжения и водных ресурсов от возможности занесения в них возбудителей инфекционных болезней. Ухудшение санитарно-гигиенических условий вызвало ответную реакцию со стороны органов управления: в Питтсбурге в 1868 г. был наложен запрет на использование каменного угля и древесины на железной дороге в черте города, а в 1869 г. – на строительство коксовых печей. В начале XX в. на государственном уровне был запрещен сброс неочищенных сточных вод в водные объекты. Но, как отмечает Дж. Тарр, попытки законодательного регулирования промышленного и бытового загрязнения были неэффективны, поскольку существовавшие практики эксплуатации природных ресурсов были основаны на системе общественных ценностей, ориентированной на производство и материальный прогресс, а не на охрану природной среды [19, p. 540].

В европейских городах основной экологической проблемой до середины XIX вв. являлось биологическое загрязнение хозяйственно-бытового происхождения. А. Корбин (A. Corbin) установил, что политика органов власти в сфере санитарного благоустройства городов, выражавшаяся в очистке источников неприятных запахов, строительстве дорог, мелиорации, очистке выгребных ям и локализации мест складирования отходов, в допастеровский период была направлена на борьбу с миазмами [11]. Господство миазматической теории, согласно которой источником инфекционных заболеваний являлись вредные пары (миазмы), исходящие от загрязненной почвы и стоячей воды¹, вплоть до 1880-х гг. определяло как повседневные практики городского природопользования, так и политику органов власти в вопросах санитарии. В Лейдене, где домохозяйства являлись крупнейшими источниками загрязнения XIX в., попытки ограничить их негативное воздействие на водные объекты и почвы оказывались неудачными. Горожане повсеместно сбрасывали бытовые отходы в каналы, превращая их в сточные канавы, особенно летом, когда те мелели. Меры, предпринимаемые властью, проводились только в случае угрозы здоровью населения. Х. Дейдерикс (H. Diederiks) и К. Юргенс (C. Jurgens), изучавшие экологическую политику Лейдена в XIX в., пришли к выводу, что отсутствие централизованной власти не позволило голландцам до конца XVIII в. сформировать природоохранное законодательство на национальном

уровне [12]. Кроме того, общество в XIX в. не волновалось о загрязнении природы, поскольку полагало, что окружающая среда как таковая не находится под угрозой [12, p. 175].

«Великое зловоние» 1858 г. в Лондоне заставило Парламент пересмотреть свои взгляды на систему удаления бытовых нечистот и приступить к устройству канализации закрытого типа. Также оно нанесло удар по миазматической теории, поскольку было установлено, что причиной быстрого распространения эпидемии холеры являлось употребление воды из р. Темзы, куда сливались все городские стоки [9, p. 243–244]. В августе – сентябре 1880 г. аналогичная ситуация сложилась в Париже. Опасность распространения эпидемии вызвала всплеск социальной активности парижан: политические дебаты вокруг причин и последствий загрязнения атмосферного воздуха сопровождались радикальным пересмотром взглядов на здоровье человека. На этой волне Луи Пастеру удалось доказать микробиологическую природу инфекционных заболеваний, что явилось переломным моментом в истории санитарии и торжеством бактериологической теории над миазматической. Санитарно-гигиеническая обстановка в Париже способствовала пониманию взаимосвязи между санитарными условиями, заболеваемостью и распространением микробов [9]. Однако не везде эпидемическая опасность являлась стимулом к коренным преобразованиям городской среды. Так, Гамбург был практически уничтожен в результате эпидемии холеры 1892 г. Высокая плотность населения торгового города; загрязнение питьевой воды, вызванное отсутствием системы фильтрации; анитисания и господство миазматической теории в конечном счете привели к утрате городом автономного статуса и заставили присоединиться к Кайзеровской Германии. Политика органов городского управления, направленная на защиту интересов промышленников, возложение на горожан персональной ответственности за возможность заражения, установление в городе карантина, оказалась губительной [13].

Промышленное загрязнение атмосферного воздуха, ставшее ощутимой экологической проблемой в ряде европейских городов во второй половине XIX в., вызвало волну социального протеста. Граждане Йорка неоднократно требовали у местного управления принятия мер по сокращению объема вредных выбросов [10, p. 183–184]. Обращения жителей Лейдена в органы городского управления касались «введения паровых двигателей; вони и пыли; опасности возгорания или взрыва; загрязнения питьевой воды» [12, p. 178]. Кроме того, с широким распространением паровых двигателей горожане ощутили на себе воздействие физического загрязнения, отчего учащались жалобы на шум, производимый этими двигателями. Политика органов власти в отношении промышленных предприятий заключалась в законодательном ограничении их негативного воздействия на окружающую среду. В частности, в Йорке законодательством регламентировалась конструкция печей, позволявшая минимизировать выбро-

¹ Проточная вода любого качества не считалась опасной для здоровья – прим. А.А.

сы загрязняющих веществ в атмосферу. На государственном уровне значимую роль сыграл закон «Об общественном здравии», принятый английским Парламентом в 1875 г. По утверждению Дж. Бреннера, «законодательное регулирование в течение последнего столетия¹ являлось частью общего движения для улучшения санитарных условий городской жизни» [Цит. по: 10, р. 182].

В большинстве российских провинциальных городов основной экологической проблемой являлось загрязнение водоемов, дворов, улиц и площадей бытовыми нечистотами. По своей структуре это было биологическое загрязнение, вызванное отсутствием систематической уборки и утилизации бытовых отходов, неконтролируемым отведением стоков в городские реки и ручьи, неудовлетворительным содержанием выгребных и помойных ям, а также вываливанием их содержимого на близлежащие территории. Причем дисконфорт от антисанитарной обстановки становился все заметнее с увеличением плотности городского населения, поэтому, с учетом специфики российской урбанизации, обострение данных проблем произошло на рубеже XIX–XX вв. в городах, где численность населения превышала 10 тыс. человек.

Проблемы городского загрязнения обратили на себя внимание общественности и нашли отражение, как в медицинских исследованиях, так и в периодической печати [2, с. 31], [8, с. 43]. Существенный вклад в антисанитарное состояние крупных городов вносило промышленное загрязнение [6], [7]. Причем, иногда от фабрикантов в качестве оправдания сброса сточных вод в городские реки можно было услышать весьма оригинальные трактовки «полезных» свойств промышленных стоков, которые посредством едких испарений способствуют очищению воздуха «от зародышей и микробов всякого рода эпидемий» [7, с. 96]. Несмотря на то, что обострение экологических проблем и постоянная угроза эпидемий обусловили становление городской санитарной организации, деятельность санитарных комиссий носила несистематический характер и активизировалась обычно накануне эпидемий [8, с. 49].

Органы городского общественного управления в соответствии с Городовым Положением 1870 г. пытались нормализовать ситуацию и предотвратить чрезмерное загрязнение территории и водных ресурсов путем издания обязательных постановлений по предметам городского благоустройства, призванных законодательно ограничить негативное воздействие на городскую среду. На государственном уровне санитарное законодательство только лишь начинало оформляться и представляло собой совокупность несистематизированных разновременных законов и положений. Но вместе с тем, как отмечает Э.Г. Истомина, увеличение антропогенной нагрузки «привело к расширению законодательной природоохранной практики» [4, с. 265] в исследуемый период. Однако становление данного законодательства сопровождалось

повсеместным неисполнением одного, что, главным образом, объяснялось отсутствием надлежащего контроля за исполнением постановлений [2].

Как показал пример Иваново-Вознесенска, испытывавшего в течение ряда лет серьезные проблемы из-за промышленного загрязнения р. Уводи, фабриканты приступили к их решению, когда загрязненная речная вода начала наносить экономический ущерб производству. Стоит только заметить, что организованная ими система централизованного удаления промышленных стоков выводила их в реку сразу за последней фабрикой вниз по течению, что по большому счету не решало экологическую проблему [7, с. 98]. Технологическая модернизация городской инфраструктуры была чрезвычайно дорога для городского бюджета, а потому во многих городах вплоть до XX в. сохранялись архаичные способы снабжения горожан водой и утилизации отходов. Городские управы без финансовой поддержки Правительства в виде ссуд и займов были не в состоянии приступить к устройству водопроводов [1, с. 6–7]. Примечательно, что зарубежные историки, изучающие санитарные проблемы российских городов, видят первопричину неудовлетворительного состояния последних в авторитарной природе государственной власти, которая явилась источником отсталости Российской Империи в плане развития санитарии и решении экологических проблем [15], [18], отечественные же исследователи полагают, что причиной тому явился низкий уровень общей культуры граждан [2, с. 7], [8, с. 50], а также политика государственной власти, ориентированная на переложение основного груза по реализации и финансированию санитарно-технических мероприятий на органы городского общественного управления [3, с. 281–282].

Таким образом, на основе выявленных закономерностей возникновения экологических проблем в городах XIX – начала XX вв. и механизмов их решения необходимо сделать некоторые обобщения. Во-первых, экологические проблемы проявили себя в условиях сохранения традиционных форм природопользования при значительном увеличении плотности населения. Во-вторых, в условиях неразвитой городской инфраструктуры проблема биологического загрязнения хозяйственно-бытового происхождения была характерна для большинства европейских и американских городов начала XIX в. и для российских городов второй половины XIX – начала XX вв. В-третьих, санитарно-гигиенические мероприятия, предпринимаемые органами городской власти, были вызваны заботой о здоровье граждан и предпринимались с целью предотвращения распространения эпидемий. В-четвертых, законодательное регулирование антропогенного воздействия практически повсеместно явилось естественным ответом общества на качественное изменение внешних условий проживания, но таким же повсеместным являлось и несоблюдение населением данных законов в виду отсутствия четко отрегулированных правоприменительных механизмов их реализации. В-пятых, технологическая модернизация городской инфраструктуры,

¹ Речь идет о 1870–1970-х гг. – прим. А.А.

будучи чрезвычайно затратной для городских бюджетов, приводила не только к решению ряда проблем городского благоустройства, но и к обострению некоторых экологических проблем в черте города. В шестых, проявление социальной активности граждан в борьбе за комфортные условия проживания было характерно для западноевропейских и американских городов, в то время как в Российской Империи оно практически отсутствовало. Кроме того, решение проблем городского загрязнения являлось не столько технической задачей, сколько результатом синтеза научных, социокультурных и политических представлений о необходимости создания благоприятных и безопасных для здоровья горожан условий проживания.

Источники и литература

1. Агафонова, А.Б. Водоснабжение г. Старая Русса Новгородской губернии в последней трети XIX – начале XX вв.: от подземного источника к устройству городского водопровода / А.Б. Агафонова // Череповецкие научные чтения – 2013: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (6–7 ноября 2013 г.). Ч. 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология. – Череповец: ЧГУ, 2013. – С. 5–8.
2. Агафонова, А.Б. Правовое регулирование и проблемы обеспечения санитарно-гигиенических условий в городах Вологодской и Новгородской губерний в 1870 – 1880-х гг. / А.Б. Агафонова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 31–35.
3. Давыдов, А.Н. Государственная политика по защите окружающей среды от загрязнения в контексте решения демографических проблем в конце XIX – начале XX в. / А.Н. Давыдов // Историческая экология и историческая демография: Сб. научных статей / под ред. Ю.А. Полякова. – М., 2003. – С. 267–285.
4. Истомина, Э.Г. Природоохранное законодательство в сфере благоустройства городов России в XVIII – начале XX вв. / Э.Г. Истомина // Историческая экология и историческая демография: Сб. научных статей / под ред. Ю.А. Полякова. – М., 2003. – С. 256–266.
5. Калимуллин, А.М. Историко-экологический подход в изучении истории города / А.М. Калимуллин // Вестник ТГГПУ. – 2010. – № 3. – С. 122–126.
6. Канищев, В.В. Промышленное загрязнение окружающей среды в городах Тамбовской губ. начала XX в. / В.В. Канищев // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: Сб. ст. / под ред. В.А. Скубневского. – Барнаул, 2005. – С. 225–237.
7. Липатова, О.В. Загрязнение рек фабричными водами во Владимирской губернии в начале XX в. / О.В. Липатова // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: Материалы межрегион. конф., Тамбов, 5–6 окт. 2005 г. / отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов, 2005. – С. 95–99.
8. Любина, Т.Ю. Проблема утилизации промышленных и бытовых отходов в городах на начальном этапе индустриализации и урбанизации (по материалам Тверской губернии) / Т.Ю. Любина // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: Материалы межрегион. конф., Тамбов, 5–6 окт. 2005 г. / отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов, 2005. – С. 42–51.
9. Barnes, D.S. The great stink of Paris and the nineteenth-century struggle against filth and germs / D.S. Barnes. – Baltimore, 2006.
10. Brimblecombe, P. Air Pollution in York 1850–1900 / P. Brimblecombe, C. Bowler // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. – N.Y., 1990. – P. 182–195.
11. Corbin, A. The foul and the fragrant: odor and the French social imagination / A. Corbin. – N.Y., 1986.
12. Diederiks, H., Jeurgens, C. Environmental Policy in 19th-Century Leyden / H. Diederiks, C. Jeurgens // The Silent countdown: essays in European environmental history, edited by P. Brimblecombe, C. Pfister. – N.Y., 1990. – P. 167–181.
13. Evans, R.J. Death In Hamburg: Society And Politics In The Cholera Years, 1830–1910. – Oxford: Clarendon Press, 1987.
14. Hayes, S.P. Explorations In Environmental History / S.P. Hayes. – Pittsburgh, 1998.
15. Henze, C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia: Life and Death on the Volga, 1823 – 1914 / C.E. Henze. – London, 2011.
16. Melosi, M.V. The Place of the City in Environmental History / M.V. Melosi // Environmental History Review. – 1993. – Vol. 17. – № 1. – P. 1–23.
17. Melosi, M.V. Urban Pollution: Historical Perspective Needed / M.V. Melosi // Environmental Review. – 1979. – Vol. 3. – № 3. – P. 37–45.
18. Smith, A.K. Public Works in an Autocratic State: Water Supplies in an Imperial Russian Town / A.K. Smith // Environment and History. – 2005. – Vol. 11. – № 3. – P. 319–342.
19. Tarr, J.A. The Metabolism of the Industrial City: the Case of Pittsburgh / J.A. Tarr // Journal of Urban History. – 2002. – Vol. 28. – № 5. – P. 511–545.
20. Tarr, J.A. The Search for the Ultimate Sink: Urban Pollution in Historical Perspective / J.A. Tarr. – Ohio, 1996.

УДК 930

К.К. Афанесян

Научный руководитель: директор филиала СКФУ в г. Пятигорске, доктор исторических наук, профессор Т.А. Шебзухова

ЭВОЛЮЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА НА СТАВРОПОЛЬЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСЛОВНОСТИ В ПРИЗРЕНИИ

В данной статье рассмотрен процесс оформления и развития повседневности общественной благотворительности на Ставрополье в контексте реализации принципа сословности в призрении. Проведен анализ деятельности Кавказского (Ставропольского) приказа общественного призрения. Подробно исследованы здания, занимаемые богоугодными заведениями Ставропольского приказа общественного призрения.

Благотворительный процесс, Приказ общественного призрения, крестьянская община, сословная благотворительность, принцип сословности.

The paper considers the process of registration and development of public charity in Stavropol region when realizing the class principle in care. Caucasus (Stavropol) order of public charity has been analyzed. Buildings occupied by charitable institutions of Stavropol order have been examined in details.

Charitable process, order of social charity, peasant community, class charity, class principle.

На сегодняшний день актуальность проблемы социальной помощи неоспорима. В ходе постоянных социально-экономических и политических перемен, происходящих на территории современной России, появляются такие явления, как: безработица, нищенство, профессиональная и жизненная неустроенность многих слоев населения. Именно это заставляет нас обратиться к изучению опыта прошлого, связанного с организацией текущей практической помощи социально незащищенным членам общества, в частности, – к примерам благотворительности и призрения.

Таким образом, изучение оформления и развития повседневности благотворительного процесса на Ставрополье в контексте реализации принципа сословности в призрении актуально с точки зрения слабой изученности, хотя процессы эти позволяют в какой-то мере восстановить единую картину гражданского реформирования как в России в целом, так и на изучаемой территории.

Регулирование благотворительного процесса на Ставрополье осуществлялось так же, как и на территории всей Российской Империи, а именно: по принципу сословности. Реформы и государственные преобразования второй половины XIX в. повлекли за собой социальное неравенство в обществе, не отменяя, тем не менее, принципа сословности в призрении.

Основной задачей власти в реализации государственной политики на территории Северного Кавказа являлась работа над упрочнением и перенесением основных традиционных отечественных социальных институтов и культурных норм. В 1804 г. создан Кавказский приказ общественного призрения как составная часть системы управления в социальной сфере. Повседневность, связанная с деятельностью Кавказского (Ставропольского) Приказа общественного призрения, на протяжении 30 лет своего существования была достаточно скудна на события. Она выражалась, в основном, в предоставлении единовременных или постоянных денежных пособий нуждающимся и в постоянной переписке с земским судом по поводу достаточно успешного розыска возможных родственников, попавших по результатам медицинского освидетельствования в поле зрения Конторы Приказа социально недостаточных элементов. Те из них, чьи родственники найдены не были, помещались усилиями сотрудников Приказа в семьи либо в заведения ближайших по территории Приказов, прежде всего, Астраханского.

Деятельность Кавказского (Ставропольского) приказа общественного призрения в период с 1833 по 1913 гг. была направлена на традиционные для

этого российского института управления социальной помощью в регионах формами практики. Происходит прогрессивное создание заведений Приказа и осуществление через них общественного призрения. Так, в 1883 г. в г. Ставрополе открыта богадельня Приказа, за 34 года своей деятельности она дала кров и уход для 1225 человек. Согласно сведениям И.В. Бентковского [1, с. 84–85], в 1853 г. в числе заведений Ставропольского приказа общественного призрения состояли: больница, в которой «ежегодно средним числом» призревало около 300 человек; дом умалишенных, помещавшийся в одном дворе с больницей. На их общее содержание в год тратилось около 3000 руб.; богадельня – в отдельном доме, в которой в 1853 г. призревало 72 человека.

Строения, занимаемые богоугодными заведениями Ставропольского приказа общественного призрения, существовали к моменту описания их К. Бахутвым около 46 лет, и «в течение этого времени не очищались и не освежались радикально ни разу. ... Вследствие постоянного переполнения помещения для умалишенных приходится часть из них, ... которых болезнь тихого характера, помещать в больничное здание, исключительно предназначенное для больных не психических; ... самая же обстановка больных и вид помещения, напоминая собою скорее какую-нибудь тюрьму средних веков, нежели дом умалишенных в настоящем смысле этого слова, производят на всякого приходящего буквально потрясающее впечатление и не только не способствуют излечению больных, а, напротив, усиливают болезнь и из форм болезни, может быть, излечимых, делают неизлечимыми» [2, с. 129–130].

Исследователь Н.В. Вантеев основанно связывает длительность существования на Ставрополье приказа общественного призрения с 1804 по 1913 гг., тогда как в большинстве губерний они были упразднены в 1864 г. с особенностями социальной структуры губернии [3, с. 42]. Однако не только эта особенность сыграла немаловажную роль, основным фактом длительной невозможности передачи ряда государственно-властных полномочий, в том числе и в сфере заботы о социально недостаточном населении, органов земского управления. Губерния приобрела особый административный статус, связанный с ее геополитической значимостью на Ставрополье.

В силу своего территориального расположения и особого административного положения повседневность Ставрополя предопределила даже отличия в структуре самого Кавказского (Ставропольского) приказа общественного призрения. Если в составе Присутствия последнего, соответственно положениям Учреждения о губерниях 1775 г. [5] входили так

называемые обязательные (представители сословий) и необязательные (главный надзиратель, инспектор врачебной управы и городской голова) члены, то в подобном учреждении Ставрополя такой градации не существовало.

Присутствие состояло из губернского предводителя дворянства, неперменного члена, городского головы, инспектора врачебной управы и «особого заседателя», который представлял в Приказе власть в лице Наместника. Важной особенностью того же ряда была особая значимость в Присутствии предводителя дворянства при ничтожности полномочий представителя купечества, лишь иногда приглашавшегося на заседания. Следует отметить, что дворянство в регионе было представлено сравнительно малым числом, если сравнивать с внутренними губерниями России [4, с. 11], по численности значительно уступало купеческому сословию.

Основной статьей пополнения капиталов Кавказского (Ставропольского) Приказа общественного призрения на Ставрополье было целенаправленное и регулярное использование «кружечных денег», что, в свою очередь, являлось важной особенностью в реализации общественного призрения. Основным и наиболее эффективным субъектом повседневности благотворительности и общественного призрения на Ставрополье, большинство населения которого состоит из крестьян, стала крестьянская община. Крестьянские общины, особая крепость которых в условиях Степного Предкавказья стала следствием особенностей освоения региона, в качестве утилитарного института самоуправления, действовали на основании общих, уже выработанных в славянской культуре традиционных нравственных идеалов. Эти идеалы связаны были, в том числе, с традициями человеколюбия, взаимопомощи и милосердия.

В условиях трудностей освоения региона эти идеалы были особо востребованы крестьянством Ставрополя. Поэтому помимо адекватного «приговора» о распределении платежей и повинностей, традиционных «помочей», крестьянский «мир» опекал, фактически содержа сирот, престарелых, калек, вдов с малолетними детьми, погорельцев. Высшей формой сословной взаимопомощи у крестьян в условиях дореволюционного Ставрополя стало создание и полноценная деятельность крестьянских касс взаимопомощи в виде банков. Они создавались «приговором» крестьянской общины на основе взносов с определением размеров основного капитала, регламентацией возможных форм помощи. Ставропольские крестьянские общины в рамках российского законодательства вносили и необходимые средства для содержания своих немощных членов в заведениях Приказа общественного призрения. Через «кружечные» сборы, осуществлявшиеся в храмах, крестьяне, в качестве подавляющего большинства населения Ставрополя, опосредованно, но постоянно пополняли и основные капиталы Кавказского (Ставропольского) приказа общественного призрения.

Особенность социальной структуры Ставрополя в XIX – начале XX вв., связанная с малочисленно-

стью и относительной бедностью дворянства, предопределила незначимость последней в истории повседневности благотворительности, по сравнению с общероссийскими традициями и масштабами. Даже в делах заботы о членах собственного сословия в плане пожертвований на создание в губернии гимназий, на выкуп офицеров из чеченского плена, ставропольское дворянство оказалось несостоятельным. Среди успешных благотворительных акций первых десятилетий изучаемого периода – лишь открытие на пожертвования ориентированной на благотворительные функции гостиницы для раненых офицеров на Минеральных Водах. В 1818 г. гостиница была передана на баланс Приказа общественного призрения. На ее содержание Приказ ежегодно отпускал проценты от суммы, оставшейся от средств, собранных на ее строительство, и переданной в казну Приказа. Но уже в 1819 г. этих денег не стало хватать. А в 1822 г. гостиница была передана на баланс военного ведомства.

Среди немногочисленных для дворян Кавказской губернии первой четверти XIX в. фактов сословной благотворительности – и сбор средств на выкуп плененных горцами офицеров. Так, например, как это происходило в 1818 г., когда по инициативе дворян и казачьих старшин была проведена подписка в пользу находящегося в плену поручика Черткова и других офицеров.

Лишь в январе 1897 г. дворянам Ставропольской губернии удалось создать Кассу помощи сиротам и бедным дворянам. Она была предназначена для выдачи нуждающимся представителям немногочисленного в губернии дворянского сословия пособий и ссуд в общем годовом исчислении от 800 до 900 руб. Источниками пополнения Кассы стали отчисления с доходов дворян и их имений, так называемые выморочные капиталы и др.

Еще одной отличительной особенностью повседневности благотворительности и общественного призрения на Ставрополье, особенно в период с начала XIX в. и по 1870-е гг., была ярко выраженная тенденция к направленности благотворительных усилий церковных структур, прежде всего и в основном, на оказание внутрисословной помощи. Слабая представленность русской православной Церкви в регионе в первой половине XIX в., приоритет миссионерских задач, а также немногочисленность и экономическая слабость самого духовенства предопределили особые и достаточно целенаправленные действия духовенства по организации и расширению внутрисословной помощи и взаимопомощи. В центре такой повседневной и разнообразной работы находилось Кавказское Попечительство о бедных духовного звания, действовавшее под опекой Епископа и Духовной Консистории. Выдача пособий, ссуд, призрение в Иоанно-Предтеченском приюте и богадельне, организация сиротского капитала для содержания пансионеров в духовной семинарии и других учебных заведениях и материальное обеспечение сирот по их окончании при строгой финансовой дисциплине и прозрачности осуществлявшихся операций яв-

ляли собой пример добросовестной, тщательно продуманной в организации и исполнении внутрисловесной благотворительной практики, отвечавшей всем православным канонам «добролюбия».

Источники и литература

1. *Бентковский, И.В.* Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношении / И.В. Бентковский // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. – Ставрополь, 2007. – С. 84–85.

2. *Бахутов, К.* Медико-топография и санитарное состояние г. Ставрополя / К. Бахутов // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет. – Ставрополь, 2006. – С. 129–130.

3. *Вантеева, Н.В.* Общественное призрение на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Вантеева. – Ставрополь, 2000.

4. *Краснов, М.* Русское дворянство на Кавказе до 1813 г. / М. Краснов // Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. Вып. VI. – Ставрополь, 1913. – С. 11.

5. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. 20. – СПб., 1830. – № 14392.

УДК 271.2

Р.В. Кауркин, О.А. Павлова

ЕДИНОВЕРИЕ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

В статье рассматривается Единоверие и роль нижегородских старообрядцев в становлении и развитии данного религиозно-исторического явления. Приводятся статистические данные по численному составу единоверцев в Нижегородской губернии XIX в.

Единоверие, старообрядчество, «Пункты Нижегородских старообрядцев».

The article considers Edinoverie and the role of Nizhny Novgorod Old Believers in formation and development of this religious and historical phenomenon. Statistical data on numerical strength of co-religionists in Nizhny Novgorod province of the XIXth century are given by the authors.

Edinoverie, old belief, «Points of Nizhny Novgorod Old Believers».

Одной из мало изученных тем истории старообрядчества является Единоверие. В становлении данного религиозно-исторического феномена немаловажную роль сыграли нижегородские старообрядцы.

В конце XVIII века в России распространяется идея «согласничества» – принятие старообрядцами священства от Русской Православной Церкви при условии сохранения старых обрядов. Она находит своих последователей и на Нижегородской земле.

В 1797 г. с представлением в Святейший Синод обратился Нижегородский епископ Павел. Он сообщил, что в его епархии «нашлось до тысячи старообрядцев», желающих получить «благословенных священников». Нижегородские старообрядцы представили 14 пунктов условного соединения их с Русской Православной Церковью. Они просили: во-первых, «определять к их церквям в священники или из наличных православных священников, или же из вновь поставляемых по их выбору, или же из числа отбегших в прежнее время от Великороссийской Церкви попов». Согласно пункту 2 их просьбы, данные священники должны были служить «в избравших их приходах по старопечатным книгам, с точным соблюдением старых обрядов, не присовокупляя к себе от Великороссийской церкви других священников». В 3 пункте значилось, что «лишь святым миром они заимствовались от православных, дарами рукоположения и покаяния». «Согласнические» священники по 7 пункту должны были «исповедоваться у таких

же как они» и лишь «в случае недостатка в таковых – у православного архиерея». Церкви (храмы), по требованиям 4-го пункта «должны были тоже освящаться на древних антимирах». До устройства же храмов священники, справляющие службы по старому обряду, как говорилось в 5 пункте, «должны были ездить с целью заготовления запасных даров» в другие «согласнические» монастыри и церкви – «где они есть». «Согласнические» священники по пункту 6 не должны были участвовать «ни в каких соборных молитвах Великороссийских церквей». Православные, «знаменующиеся тремя перстами и брады бреющие» не должны были допускаться в храмы «старообрядцев-согласников», за исключением «Высочайших особ» и тех, «которые держались старых обрядов». В пункте 8 прописывалось, что на «согласнические» приходы и на их священнослужителей Духовная Консистория не должна была распространять своей власти. 9 пункт предусматривал норму, по которой православные епископы должны были благословлять «согласников» и их духовенство «не иначе как дуперстно».

Совершившие какие-либо проступки «согласнические» духовные лица должны были отбывать наказание в таких же старообрядческих монастырях и церквях (п. 10). Епитимье епископ мог подвергать и простых мирян, например, за «нерадение в деле исполнения христианского долга исповеди». Но они не должны были при этом платить «за упомянутое

упущение» штрафов, «положенных правительственными распоряжениями» (п. 12). В пункте 13 определялся покрой одежды церковнослужителей. 14 пункт был особенно важен для старообрядцев. В нем они предлагали: «...взаимно предать молчанию и суду Божия прежние клятвы, распри и поношения, происходившие в обрядах между Великороссийскою Церковью и старообрядствующими, и просить Господа Бога о даровании мира Христоподрожательной среди них любви для соблюдения той и другой стороны изложенного в условиях и на все будущее время и без нарушений» [1], [14].

Необходимо отметить, что эти «пункты» во многом были схожи с «условиями» стародубских старообрядцев. Нижегородцы, пожалуй, лишь более подробно регламентируют свои отношения с Церковью.

На «Пункты нижегородцев» со стороны Св. Синода были сделаны следующие замечания:

В шестом пункте: «присоединение впредь к церкви их, незаписных старообрядцев, усердствующих в содержании древлецерковных обрядов, которого им согласно мнению Преосвященного Нижегородского не позволять».

Относительно «требуемого ими в десятом пункте»: «Подтверждения учиненных до сего ими священнодействий и между прочим монашеского пострижения, если не будет препятствия со стороны Гражданского Правительства».

В одиннадцатом: «Исключить, чтобы священники их впадшие ко исполнению епитимии посылаемы были в их же старообрядческие монастыри, объявить им, что поелику монастырей вновь строить Духовным Регламентом запрещено, да и самое монашество количество имянными Высочайшими указами ограничено, то покуда не будут они иметь дозволения о устройении у себя особых монастырей и в них содержать монахов, до тех пор нынешних их монастырей и монашествующих за действительных признавать не можно; когда же им на то дозволение последует, и о том откуда надлежит Епископу Нижегородскому дано будет знать письменно, тогда в принятии в монастыри их желающих из старообрядцев и в пострижении их в монашество поступлено быть имеет по силе Духовного Регламента и в подтверждении онаго последовавших имянных Высочайших указов, а до того священников их, оказывающихся в преступлениях подлежащих духовной епитимии, не посылая в монастыри, исправлять ему Преосвященному другими по рассмотрению средствами».

«Что следует до требования сих просителей в 12 пункте, то внушить им, хотя имянным указом 1765 года сентября 30-го дня за небытие у исповеди штраф возложен на тех только жителей, кои в расколе не окажутся, но с записных по прежним узаконениям раскольников тот штраф не взыскивался потому, что они платили тогда двойной оклад, а как оный по имянному Высочайшему указу 1782 года июля 20-го дня с них сложен, имя раскольника существовать уже перестало и в книгах вписывается каждый по своему званию... а записывать с прочими жите-

лями, означая только кто был у исповеди, а кто не был. По каковым обстоятельствам и сии просители от платежа за небытие у исповеди, положенного... имянным Высочайшим указом, штрафа свободны быть не могут и не должны тем паче...» [14].

Помимо этого с нижегородских старообрядцев повелевалось «взять... письменное обязательство, чтобы во всех отправляемых ими по старопечатным книгам церковных служениях воспоминаемы были, где следует, Высочайшия имена как Его Императорского Величества, равно Святейший Синод и Епархиальный Архиерей, по изданной на то от Святейшего Синода форме» [14].

После рассмотрения данного ходатайства нижегородских старообрядцев «о присоединении их на просимых условиях» в Синоде, вышел именной Императорский указ от 12 марта 1798 г. В нем говорилось: «Рассмотрев доклад, поднесенный от Синода по представлению в оный епископа нижегородского, повелеваем, жительствующим в тамошней епархии старообрядцам позволить иметь у себя церкви и особенных священников, рукоположенных от епархиального архиерея для отправления службы Божией по старопечатным книгам... На сем основании Синод может равномерно дозволение давать и по другим епархиям, когда из оных вступать будут впредь подобныя о старообрядцах представления или прошения» [12]. Особенно важным в данном указе был тот факт, что оговаривалось «равномерное дозволение давать и по другим епархиям» подобные разрешения. Поэтому в последующие годы, уже в царствование Павла I, начинают издаваться указы о предоставлении старообрядческим общинам Казани, Торжка, Твери права иметь церкви и священников «для отправления службы Божией и исправления треб по старопечатным книгам» по примеру нижегородских [17]. Подобные прошения старообрядцев о соединении с Русской Православной Церковью ставило власти выработать единые условия о «соединении». Произошло это после рассмотрения подобного прошения от московских старообрядцев. 27 октября 1800 г. выходит Именной указ «О дозволении старообрядцам строить церкви», в котором говорилось, что «... по всем Епархиям такое старообрядческих церковей устройство, повелеваем церковь старообрядцам дать, и впредь позволять установление сие на подобном основании» [13].

Менее чем через полгода – 6 февраля 1801 г. – опубликован Синодский указ «О дозволении старообрядцам иметь церкви священников, посвященных от епархиальных архиереев, на условиях, изложенных в прилагаемом при сем мнении Платона митрополита Московского». Митрополит Платон внес изменения в пункты прошения московских старообрядцев, существенно их отредактировав, выразив этим позицию большинства иерархов Русской Православной Церкви к явлениям подобного рода. Следует отметить, что именно Платон вводит в оборот новое понятие, называя старообрядцев, сторонников «соединения», единоверцами: «...не называть более раскольниками или старообрядцами, ибо в церкви

ничего нового нет и нет новообрядцев, называть их соединенцами или *единоверцами*... церковь их имеет называться *единоверческой*...» [15].

Однако духовное начальство на местах не всегда было согласно с решениями Св. Синода. Нижегородские «соединенцы» не сразу получили разрешение иметь свою церковь. Епископ Павел не решил данного дела [21]. Лишь через некоторое время, в конце 1798 г., епископ Вениамин II, сменивший епископа Павла на нижегородской кафедре, позволил старообрядцам совершать богослужения в Духовской церкви Нижнего Новгорода [1].

Широкое распространение Единоверие в Нижегородской губернии получает в XIX в. В 1801 г. епископом Вениамином II было издано распоряжение о дозволении «старообрядцам в нижегородской епархии иметь церковь и особых священников, рукоположенных от епархиального архиерея, для отправления службы по старопечатным книгам» [10]. В устроенной единоверцами и освященной, во имя Спаса Преображения церкви, в этом же году началось богослужение [16]. Единоверческие церкви открылись в селах Б. Мурашкино, Пашутино, Павлово и в Городец. В 1803 г. к Единоверию в Нижегородской губернии присоединилось около 200 человек [22]. Единоверие постепенно начинает расширять географию своего присутствия в губернии.

Материалы Центрального архива Нижегородской области наглядно демонстрируют успехи Единоверия в николаевский период. В это время было подано большое количество прошений старообрядцев разных уездов с просьбой «о присоединении к Русской православной церкви на правах Единоверия» [23].

Зачастую подавались коллективные прошения. В 1833 г. епископ Нижегородский и Арзамасский Амвросий сообщал Святейшему Синоду, что в течение первой половины 1833 г. «обратилось из раскольников 507 душ к единоверческой церкви, в частности, например, к Успенской Единоверческой церкви с. Городец Балахнинского уезда – 238 человек» [24].

В 1848 г. епископ Нижегородский Иаков писал нижегородскому губернатору: «Ваше Сиятельство, Милостивый государь! Семеновского уезда, села Медведева, Троицкой Единоверческой церкви священник Павел Борисовский 28 января сего года при рапорте представил мне реестр обращенных им крестьян из раскола... Сообщая о сем Вашему сиятельству и прилагая при сем реестр обращенных к Единоверию крестьян, покорнейше прошу Вас, Милостивый государь, о исключении значущихся в нем лиц, из списка раскольников, учинить распоряжение». Прилагался реестр со списком 37 крестьян» [25]. Годом ранее он совершил поездку в города Семенов и Балахна и отмечал, что там к Единоверию «было присоединено 2550 человек» [2].

В первой половине XIX в. в Нижегородской епархии насчитывалось 14 единоверческих приходов [4]. В 1816 г. стараниями прихожанина Алексея Федоровича Безбрызгова была построена каменная Богоявленская церковь в с. Павлово Горбатовского уезда. С 1832 г. священником при данной церкви был

Леонтий Алексеевич Георгиевский. С 1855 по 1860 гг. – С.И. Вишняковский. С 1862 г. – А.С. Архангельский. В 1858 г. приход насчитывал 574 человека. В 1825 г. в с. Медведево Семеновского уезда открыта церковь Живоначальной Троицы. С 1854 г. священником при храме был В.М. Виноградов. На 1858 г. число прихожан составляло 630 человек. В 1839 г. единоверцам передана Симеоновская церковь в Нижнем Новгороде. Священником с 1843 по 1862 гг. являлся И. Десницкий. Приход насчитывал 688 человек.

В 40-х гг. XIX в. на территории Нижегородской губернии появляются сразу четыре единоверческих прихода. В 1841 г. купцом А.В. Калмыковым в с. Пашутино Ардатовского уезда построена церковь Живоначальной Троицы. Ее приход насчитывал 272 человека. В 1843 г. купец А.В. Калмыков строит еще одну единоверческую церковь в с. Пашутино – Знамени Пресвятой Богородицы. Здание и колокольня церкви были каменные. С 1846 г. священником при церкви был С.В. Преображенский, с 1853 г. – И.И. Терновский. Приход насчитывал 953 человека. В 1841 г. стараниями московского купца второй гильдии Василия Ивановича Никольского в с. Большое Мурашкино Княгининского уезда построен каменный Покровский храм. С 1847 г. священником был М.И. Никольский. По данным клировых ведомостей за 1858 г. прихожан при храме насчитывалось 575 человек. В 1843 г. в Нижнем Новгороде стараниями купца Василия Михайловича Арясова построена Спасо-Преображенская кладбищенская церковь. Приход был небольшим, в 1858 г. насчитывал всего 50 человек. Священником при храме был И.А. Мизеровский. В 1851 г. в с. Ахпаевка Васильского уезда построена церковь Владимирской Божьей Матери. Приход был одним из самых многочисленных и составлял 1034 человека. Церковь была деревянная. С 1853 г. священником в храме служил И.И. Терновский.

В 1853 г. по инициативе прихожан построена деревянная Семеновская Казанская церковь. Построил церковь местный крестьянин П.М. Сочнев. Приход при храме составлял 342 человека. Через год в Семеновском уезде появляется еще один единоверческий приход. В селе Мартыново открывается Успенская церковь. Вел службы и исполнял требы священник Ф. Евфимьев. Приход на 1858 г. составлял 117 человек. В 1855 г. в селе Мухино Семеновского уезда построена каменная с деревянной колокольней Ильинская церковь. Приход при храме составлял 1199 человек. Священником в храм определен Л.А. Георгиевский. В Лукояновском уезде в с. Ужово в 1854 г. усердием прихожан построена деревянная на каменном фундаменте Николаевская церковь. В 1860 г. приход составлял 197 человек. Священником при храме был П.И. Кабанов, выходец из простолюдинов, получивший домашнее образование. В 1855 г. в с. Пурех Балахнинского уезда усердием крестьянина Василия Кожевникова построена деревянная церковь Сошествия Святого Духа, в 1858 г. приход был небольшим и насчитывал 58 человек. В 1859 г. стара-

нием крестьянина Г.С. Седова в с. Селитьба Горбатовского уезда построена Покровская единоверческая церковь. С 1860 г. священником при храме был И.И. Терновский, сын священника. Приход в 1860 г. насчитывал 140 человек [5].

В XIX в. в Нижегородской губернии имелось и три единоверческих монастыря. Все они располагались в Семеновском уезде. В 1833 г. «по благословению Преосвященного Амвросия и трудами строительницы Черниговского третьеклассного Макаевского Троицкого монастыря инокини Анфисы» у «села Медведева за рекою Чернушкою» был устроен Медведевский Покровский Единоверческий монастырь [26]. В 1770 г. возникает Осиновский Крестовоздвиженский монастырь. В 1848 г. монахини во главе с инокиней Трифиною приняли Единоверие [27]. Третьим был Керженский монастырь, который располагался на правом берегу р. Керженец, в восточной части уезда, в 23 верстах от г. Семенова и в 55 от Нижнего Новгорода. Возник монастырь из старообрядческого скита. Единоверие монашествующие приняли в 1853 г. Сам же скит основан в первые годы раскола, еще при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне [3].

Во второй половине XIX в. Единоверие в Нижегородской епархии получает свое дальнейшее развитие. Появляются новые единоверческие приходы [6]. В 1860 г. стараниями прихожан построена каменная Крестовоздвиженская единоверческая церковь. Священником при храме служил К.С. Архангельский, с 1863 г. – А. Цветков, а с 1873 г. – Н.М. Воскресенский. Приход на 1904 г. составлял 333 человека. В 1874 г. открывается Николаевская церковь в с. Исиды Макарьевского уезда. Священник В.М. Виноградов. Приход в 1890 г. составлял 276 человек, в 1904 г. – 314. В 1876 г. усердием крестьянина с. Малое Мурашкино Княгининского уезда Е.П. Бокова построен деревянная Покровская церковь. Священником при храме с 1879 г. был И.В. Левиков, сын священника, из Костромского духовного училища, староста – И.И. Кострецов. Приход состоял из 518 человек. В 1884 г. в с. Сомовка Васильевского уезда стараниями приходского священника Н. Терновского построена Николаевская церковь. Приход – 638 человек в 1890 г. и 1143 человека в 1904 г. В этом же году в с. Вармалей Нижегородского уезда открыта Николаевская деревянная церковь. Священником при храме был старообрядец, сын крестьянина М.И. Отарин. Приход в 1904 г. насчитывал 660 человек.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. ни одна единоверческая церковь, основанная в первой половине XIX в., не была закрыта, причем количество прихожан практически во всех приходах выросло.

По данным клировых ведомостей на территории Нижегородской епархии во второй половине XIX в. имелись следующие единоверческие приходы [7]:

1) в с. Павлово Горбатовского уезда Богоявленская церковь – 609 прихожан (данные клировых ведомостей за 1874 г.);

2) в с. Селитьба Горбатовского уезда Покровская церковь – 870 прихожан (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

3) в с. Городец Балахнинского уезда Крестовоздвиженская в 1874 г. количество прихожан составляло 845 человек, 1890 г. – 659;

4) в с. Пурех Балахнинского уезда церковь Сошествия Святого Духа – 333 (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

5) в Нижнем Новгороде Симеоновская – 721 (данные клировых ведомостей за 1898–99 гг.);

6) в Нижнем Новгороде Спасо-Преображенская кладбищенская – 40 прихожан (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

7) в с. Большое Мурашкино Княгининского уезда Покрова Божьей Матери – 892 (данные клировых ведомостей за 1898–99 гг.);

8) в с. Малое Мурашкино Княгининского уезда Покровская церковь – 518 (данные клировых ведомостей за 1874 г.);

9) в с. Пашутино Ардатовского уезда церковь Живоначальной Троицы – 248 (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

10) в с. Пашутино Ардатовского уезда церковь Во имя Знамени Пресвятой Богородицы – 833 (данные клировых ведомостей за 1874 г.);

11) Семеновская Казанская – 618 (данные клировых ведомостей за 1874 г.);

12) в с. Мартыново Семеновского уезда Успенская – 302 (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

13) в с. Медведево Семеновского уезда Живоначальной Троицы – 1098 (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

14) в с. Мухино Семеновского уезда Ильинская церковь – 659 (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

15) в с. Ужово Лукояновского уезда Николаевская – 700 (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

16) в с. Исиды Макарьевского уезда Николаевская – 314 (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

17) в с. Сомовка Васильевского уезда Николаевская – 1431 (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

18.) в с. Вармалей Нижегородского уезда Николаевская – 660 (данные клировых ведомостей за 1904 г.);

19) в с. Ахпаевка Васильевского уезда Владимирская – 1404 (данные клировых ведомостей за 1904 г.).

В начале XX в. Единоверие переходит в качественно новое состояние. Став явлением общероссийского характера, оно все активнее влияет на духовную жизнь русского общества. В Москве в 1909 г. состоялся первый Единоверческий съезд, созданный «главным образом ради восстановления и укрепления духовной жизни...» [19]. На съезде рассматривались вопросы о повышении уровня образования единоверческого духовенства, правила по управлению единоверческими приходами, о единоверческом богослужении и целый ряд других [20]. С 22 по 30 января 1912 г. в Санкт-Петербурге проходил Первый

Всероссийский съезд православных старообрядцев. На нем было принято «Положение о Единоверческом приходе» [11].

В 1906–1907 гг. 4-й миссионерский съезд в Киеве и 6-й отдел Предсоборного присутствия декларировали «равночестность старого и нового обрядов». Единоверие престало быть «движением в одну сторону». Решениями поместного Собора русской православной Церкви 1917–1918 гг. разрешался переход «новобрядческих общин в Единоверие» [10]. Происходит слияние Единоверия с Русской Православной Церковью. Пророческими оказались слова патриарха Никона, сказанные в свое время Неронову в разрешение отправлять литургию по старопечатным служебникам: «Обои – де добры, – все равно по каким хочешь, по тем и служи» [8].

Более чем 250-тилетнее противостояние православия и старообрядчества выработало компромиссный подход для обоюдного примирения двух ветвей русского православия и создало платформу для преодоления (вольных или невольных) ошибок своих предшественников. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. постановил: «Единоверческие приходы входят в состав православных епархий и управляются, по определению Собора по поручению правящего Архиерея, особым единоверческим Епископом, зависимым от епархиального Архиерея» [18].

Во времена «искоренения религии и церкви» в нашей стране вместе с другими храмами были закрыты и единоверческие. В Горьковской области лишь храм в с. М. Мурашкино никогда не закрывался, хотя в 1937–1943 гг. богослужения в нем не совершались.

Кроме маломурашкинской церкви на территории современной Нижегородской области имеется единоверческая церковь иконы Богородицы «Всем скорбящим радость» в д. Семино Ковернинского района. Храм новопостроенный. Богослужения в нем начались в 2009 г. По словам отца Сергия [Священноиннок Сергей (Гапонов) родом из Москвы, приехал в Нижегородскую область из Трифонова Печерского монастыря, что находится в Мурманской области. Настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы является с 2005 г.], настоятеля маломурашкинской церкви, в области сейчас всего около 200 человек единоверцев.

Печально осознавать, что труд и духовные искания нескольких поколений наших предков канули в небытие. А должно быть так, чтобы и храмы воссоздавались, и идеи возрождались.

Источники и литература

1. Бугрова, М.С. Нижегородское единоверие на стыке веков / М.С. Бугрова // Старообрядчество: светское и цер-

ковное законодательство XVII–XVIII вв. / под ред. Р.В. Кауркина, Е.П. Титкова. – Арзамас, 2001.

2. Жизнь преосвященного Иакова (В.А. Терского). – СПб., 1856.

3. *Иеромонах Серафим* Краткое описание Керженского единоверческого монастыря. – Семенов, 1907.

4. Клировые ведомости // ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 558. – Д. 237 за 1857 г.; Д. 345–346 за 1860 г.; Д. 306 за 1862 г.

5. Клировые ведомости // ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 558. за 1860 г.

6. Клировые ведомости // ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 559. – Д. 88,99,100 за 1874 г.; Д. 86, 87, 88 за 1890 г.; Д. 123,124, 125 за 1904 г.

7. Клировые ведомости // ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 559. – Д. 88,99,100 за 1874 г.; Д. 86, 87, 88 за 1890 г.; Д. 123,124, 125 за 1904 г.

8. *Лобачев, С.В.* Патриарх Никон / В.С. Лобачев. – СПб., 2003.

9. *Макарий, арх.* История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 г. / арх. Макарий. – СПб., 1857.

10. *Миролюбов, Иоанн* Единоверие: как церковно – исторический феномен или актуальная проблема современности / Иоанн Миролюбов // Православное Единоверие в России. – СПб., 2004.

11. Положение «О Единоверческом приходе» // Православное Единоверие в России. – СПб., 2004. – С. 115.

12. ПСЗ. – Т. XXV. – № 18428.

13. ПСЗ. – Т. XXVI. – № 19621

14. ПСПРВПИ (1796–1801 гг.). – № 189 1, 2, 3.

15. ПСПРВПИ (1796–1801 гг.). – № 548.

16. *С-кий, М.* Исторический очерк Единоверия / М. С-кий. – СПб., 1867.

17. СПР Кн. 1. С. 757-760; СПР Кн. 1. – С. 761–768.

18. Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. – М., 1918. – Вып. 2. – С. 3–5.

19. Труды Московского Единоверческого съезда. – М., 1910. – С. 3.

20. Труды Московского Единоверческого съезда. – М., 1910. – С. 26.

21. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). – Ф. 570. – Оп. 555. – Д. 50.

22. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 556. – Д. 10.

23. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 557. – Д. 26–29 за 1830 г.; Д. 16 за 1832 г.; Д. 18, 22, 24 за 1833 г.; Д. 33, 34, 35, 36 за 1834 г.; Д. 58, 59, 60–67, 71 за 1835 г.; Д. 37–39, 45–49, 56 за 1836 г.; Д. 20, 24–25, 33 за 1837 г.; Д. 16–17 за 1839 г.; Д. 20–21 за 1840 г.; Д. 34, 37, 38–45 за 1841 г.; Д. 26–28 за 1843 г.; Д. 51–52 за 1846 г.; Д. 106–107 за 1847 г.; Оп. 558. Д. 33–36 за 1850 г.; Д. 47–46, 81–89, 162 за 1851 г.; Д. 62, 141, 141–150 за 1852 г.; Д. 48, 96, 97, 98–102 за 1853 г.; Д. 43, 75, 106–112, 116–121 за 1854 г.; Д. 50, 52–59 за 1855 г.

24. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 555. – Д. 18 за 1833 г.

25. ЦАНО. – Ф. 2. – Д. 2076.

26. ЦАНО. – Ф. 1021. – Д. 1. за 1859 г.

27. ЦАНО. – Ф. 570. – Оп. 558. – Д. 315.

28. *Шлеев, С.* Единоверие в своем внутреннем развитии / С. Шлеев. – СПб., 1910.

БАНКЕТНАЯ КАМПАНИЯ НА СТРАНИЦАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ В 1904 ГОДУ

В статье рассматривается отражение в либеральной печати Санкт-Петербурга банкетной кампании, проводимой «Союзом Освобождения» в конце 1904 г. Особое внимание уделено первому банкету, прошедшему в Санкт-Петербурге 20 ноября 1904 г., как первому банкету в серии банкетной кампании и являющийся своеобразным образцом, по которому устраивались другие банкеты.

Банкетная кампания, либеральная печать в 1904 г., «Сын Отечества», 20 ноября 1904 г., резолюция.

The article considers the banquet campaign in the liberal press of Saint – Petersburg at the end of 1904. The banquet campaign was organized by “The Union of Liberation”. Particular attention is given to the banquet held in Saint – Petersburg on the 20th of November as it was the first banquet in the campaign and it was used as a sample for other banquets.

Banquet campaign, liberal media in Russia 1904, “The Son of Fatherland”, 20th of November, resolutions.

Начало XX в. ознаменовалось подъемом общественного движения. В 1903 г. была создана нелегальная либеральная организация «Союз Освобождения», которая запланировала на осень 1904 г. ряд мероприятий по распространению конституционных идей среди широких слоев общества. Для этой цели в ноябре 1904 г. «Союз Освобождения» принял активное участие в ноябрьском съезде земских деятелей, организовал две общественно-политические газеты «Наша жизнь» и «Сын Отечества» и провел так называемую банкетную кампанию, которая нашла свое отражение на страницах указанных газет [Подробнее см.: 3, 4, 5].

После окончания совещания земских деятелей по предложению «Союза Освобождения» при содействии своих отделов повсеместно были организованы банкеты, на которых открыто произносились выработанные «Союзом Освобождения» резолюции. Начало проведения банкетной кампании было запланировано на 20 ноября. Формальным поводом для проведения банкетной кампании стало сорокалетие судебных уставов. План банкетной кампании предусматривал собрание желающих принять участие собраться в зале, ресторане или другом общественном месте, где можно было выступить с речью, охарактеризовав современное положение, и отметить за праздничным столом сорокалетие судебных уставов.

Всем членам «Союза» – организаторам банкетов – рекомендовалось предлагать на банкетах проекты резолюций, которые не выражали бы только «присоединение» к постановлениям земского съезда, а провозглашали конституционные и демократические требования в форме гораздо более яркой и решительной.

«И вот, несмотря на обширность страны, предложение совета «Союза Освобождения» было выполнено с редкою, никогда не виданною в России быстротою. Без преувеличения можно сказать, что вдруг открыто заговорила вся страна. Явление было грандиозное, неповторяемое, которое бывает только в моменты весны свободы, если можно так выразиться, когда еще нет партийной вражды, и все, как один

человек, объединяются для достижения единой цели» [1, с. 238].

И.П. Белоконский в работе «Земское движение» пишет о том, откуда пришла идея устроить банкеты: «Уже с 1902 года литераторы собирались по нескольку раз в год на совместные ужины. Собрания эти были правильно организованы: для того, чтобы стать их членом, необходимо было подвергнуться баллотировке особого выборного комитета, в шутку называвшегося комитетом «Кулинарным». Иногда эти ужины происходили с «гостями», и тогда число их участников возрастало до 200 и более. На ужинах всегда разбирались общественно значимый или политический вопрос, по которому и принимались резолюции, систематически печатавшиеся в «Освобождении»» [1, с. 238]. В состав «Кулинарного комитета» входило около 10 человек и он практически полностью состоял из членов «Союза Освобождения». Этот комитет и взял на себя инициативу устройства банкета 20-го ноября. «Сделать это, – по утверждению И.П. Белоконского, – было нетрудно, так как банкет 20-го ноября по форме являлся лишь одним из «ужинов с гостями», но только устроенный при наиболее торжественной обстановке. Комитет был для этого усилен представителями адвокатуры, профессуры и проч.» [1, с. 239].

Первый банкет по поводу сорокалетия судебных уставов состоялся в субботу, 20-го ноября в Санкт-Петербурге, в зале Павловой (Троицкая, д. 13). Председателем был известный писатель В.Г. Короленко. Участниками банкета стали около 650 литераторов, ученых, врачей и других представителей либеральных профессий. После речей, в которых было охарактеризовано печальное положение суда, «как продукт общих наших политических условий, и выяснена невозможность улучшения судебного строя вне общей коренной государственной реформы, единогласно была принята и всеми подписана "резолюция"» [1, с. 239].

Как вспоминает И.П. Белоконский: «На первый банкет председателем был приглашен В.Г. Короленко, установлена очередь для речей, также намеченных, изъявивших на то свое согласие ораторов, вы-

работан проект резолюции, (которая без всяких изменений и была принята банкетом), заготовлены особые картонные листы, на которых участники банкета должны были дать свои подписи под резолюцией, словом, дело это было правильно организовано, именно в том духе, в котором это было решено постановлением Совета "Союза Освобождения"» [1, с. 239].

На прошедший в субботу банкет газета «Наша жизнь» отозвалась 22 ноября в понедельник. На третьей странице в разделе «Хроника» была напечатана заметка «Банкет по поводу сорокалетия судебной реформы», занявшая 16 строк [6]. В ней сообщалось, что «20 ноября в зале Павловой был устроен банкет, на котором присутствовало около 600 человек представителей различных интеллигентных профессий. На банкете И.В. Гессеном, В.Г. Короленко, Н.Ф. Анненским, В.И. Семеновским и другими были произнесены речи, покрытые долго несмолкавшими аплодисментами всех присутствующих. Единогласно была затем принята резолюция, которую мы, к сожалению, привести не можем. Резолюция была подписана всеми присутствовавшими» [6]. В субботу 27 ноября в № 22 «Нашей жизни» появилось дополнение к сообщению, напечатанному в № 17 о банкете. Редакция привела полный список [7] подписавшихся под резолюцией, принятой на банкете. Общий объем заметки «К банкету 20 ноября» составил 1,5 столбца, 302 строки. Среди присутствовавших на банкете были литераторы, адвокаты, ученые, профессора, педагоги, врачи, издатели, земские деятели, артисты, художники, инженеры и лица, не обозначившие своей профессии. Если сложить все фамилии участников банкета, подписавших резолюцию и напечатанные в этой заметке, то количество присутствовавших на банкете составит 677 человек.

Газета «Сын Отечества» сообщила о банкете уже № 4 от 21 ноября. В разделе «Хроника» на третьей странице было размещено сообщение на 21 строку о банкете в зале Павловой. В № 7, в среду, 24 ноября на второй странице было сообщено, что «принятую на банкете 20-го ноября в зале Павловой (С.О. № 4) резолюцию о введении представительного образа правления и о необходимости созыва для этого учредительного собрания при условии предварительной общей амнистии, подписали следующие лица, в количестве 601 человек» [8]. Перечисление фамилий всех подписавшихся заняло два столбца.

25 ноября в «Сыне Отечества» в № 8 было опубликовано несколько писем в редакцию газеты. В первом автор обращался с просьбой напечатать его письмо, так как «в перечне фамилий лиц, подписавшихся под резолюцией на банкете в зале Павловой» [9] была пропущена его подпись: «Ар. Гиллерсон». Второе письмо было от читателя, кандидата математических наук А.Г. Лапицкого, который только из газет, уже "post factum" узнал о состоявшемся 20 ноября в зале Павловой политическом банкете. «Не я один, конечно, горько пожалую о вероятной невозможности для устроителей его дать широкую огласку предстоявшему собранию», – писал он, – «по-

звольте хотя бы этим запоздавшим путем печати присоединиться к принятой на этом банкете благородной и мужественной резолюции, вполне достойной великого народа, интересы которого она защищает» [9]. Еще одно письмо было опубликовано от инженера С.Л. Гуревича с просьбой «не отказать в великой чести – присоединить подпись к резолюции, принятой на этом банкете» [9]. И в этом же номере была напечатана первая поправка о допущенной ошибке при перепечатке подписей с резолюции: «Согласно просьбе прис. нов. К.О. Карницкого, сообщаем, что резолюция, принятая 21-го ноября на банкете в зале Павловой (см. № 7 «С.О.») подписана им, а не К.О. Корницким, как у нас по ошибке напечатано» [9].

В № 10 от 27 ноября в «Сыне Отечества» была напечатана еще одна заметка «К банкету в зале Павловой» [10], составившая 20 строк. В ней также редакция сообщала об ошибках, допущенных в фамилиях и сообщались сведения о читателях, желающих присоединить свои подписи. 28 ноября в 11, воскресном, номере заметка «К банкету в зале Павловой» [11] составила 33 строки. В ней также были напечатаны фамилии лиц, желавших присоединить свои подписи к принятой резолюции.

Таким образом, в течение целой недели на страницах либеральной печати упоминался первый крупный банкет, прошедший в Санкт-Петербурге. Это событие произвело впечатление на петербургское общество. Участники данного банкета активно следили за сообщениями в печати о данном мероприятии. Публикации фамилий участников создавали в глазах их ближайшего окружения образ героев времени, «борцов с самодержавием», людей, не боящихся публично высказать свое мнение. Популярность данной идеи и отсутствие возможности присутствовать на данном банкете, в силу личных причин, а, возможно, из-за неосведомленности о месте и времени проведения банкета побудили других читателей обратиться с просьбами в адрес редакции о публикации их фамилий к списку, подписавших резолюцию, выразив, таким образом, свою гражданскую позицию.

Данная ситуация свидетельствует о желании части общества открыто выражать свое мнение. Многие подписчики газеты выражали желание оказаться если не на подобном банкете, то хотя бы в списке людей, подписавших резолюцию о необходимости реформ.

Осенью – зимой 1904 г. банкеты прошли и в других городах Российской империи: в Балашове, Калуге, Костроме, Нижнем Новгороде, Новороссийске, Орле, Самаре, Саратове, Смоленске, Ростове-на-Дону, Пятигорске, Тамбове, Томске, Воронеже, Владимире, Ярославле и ряде городов Украины, Кавказа, Прибалтики. Они проходили практически так же, как и в столицах, но, были и особенности. На одних банкетах звучали речи и тосты близкие по содержанию к идеям «Союза Освобождения», на других они были дополнены более радикальными выступлениями революционных ораторов. Приходили на банкеты ли-

бералов и рабочие, и их принимали с энтузиазмом. Характеризуя общественное настроение того времени, А.А. Кизеветтер писал: «Конец ноября и первая половина декабря 1904 г. прошли в каком-то взвинченном настроении. В ноябре по земским собраниям и городским думам прокатилась волна политических резолюций. ... Особенно сильное впечатление произвело то обстоятельство, что московская городская дума, – оплот крупнейшего купечества, – приняла резолюцию о скорейшем созыве народного представительства» [2, с. 374].

Затем почти такого же рода «резолюции» по поводу 40-летия судебных уставов были приняты в Киеве, Одессе, Саратове, Харькове, Курске, Ростове-на-Дону, Владимире, Воронеже, Ярославле, Тамбове, Смоленске, Нижнем Новгороде [1, с. 239].

В столицах на банкеты и профессиональные собрания собирались несколько раз. 14 декабря состоялась еще один банкет в Санкт-Петербурге. Еще пять раз в Петербурге (21, 28, 30 ноября, 2 и 30 декабря) собирались на открытые собрания адвокаты, учителя, профессора и артисты, трижды (1, 4 ноября и 31 декабря) прошли студенческие митинги.

В Москве состоялось три банкета (21 ноября, 5 и 14 декабря), собрались адвокаты (4, 20 ноября, 5–6 января), врачи (29 ноября), инженеры (29 декабря), прошли студенческие волнения на Бестужевских курсах (6–9 ноября) и в Московском университете (6–9 ноября).

Всего до начала революции, по сведениям Департамента полиции, в 34 городах России произошло более 120 собраний и банкетов. Обеды на банкетах были платными, поэтому можно говорить о том, что существовал определенный имущественный ценз, не все желающие могли на него попасть. Явление было новое и необычное. Люди, интересующиеся политикой, считали обязательным посетить какое-либо собрание и, если не выступить с критикой власти, то хотя бы поприсутствовать. Проведение банкетов, без сомнения, способствовало популяризации идей, высказанных на земском съезде, а сбор подписей в поддержку его решений был показателем власти единства общества в мнении о необходимости преобразований. С другой стороны, в процессе банкетной кампании происходило формирование мнения о необходимости реформ общественного строя и изменения положения земства в системе управления государством. Обсуждение местных проблем и выявление их связи с общими проблемами государства, осознание и критика несовершенства существующего государственного строя – все это должно было подготовить общество к грядущим переменам и обосновать более активную деятельность «Союза Освобождения» в будущем. Целью кампании было показать масштабность и необходимость перемен в государстве, поэтому помимо столиц были задействованы еще крупные региональные центры.

Резолюции и речи, произнесенные на банкетах, показали, что значительная часть представителей общества высказывала, по существу, те же идеи, которые входили в качестве политических требований

в программы революционных партий. «Общественное движение пошло рука об руку и открыто с движением революционным, поддерживая и подкрепляя одно другое. На разных банкетах в присутствии самой разнообразной публики, допускавшей на эти банкеты беспрепятственно, стали произноситься речи резко революционного содержания», – справедливо отмечал К.Ф. Шацилло [12, с. 300]. Даже полиция констатировала резкое полевение всех слоев общества. Это подтверждалось и успехом газет «Наша жизнь» и «Наши дни», которые стали печатать статьи в тоне заграничного «Освобождения».

Таким образом, банкетная кампания, подготовленная «Союзом Освобождения», выносила обсуждение будущего России за пределы совещаний на частных квартирах, выдвигая как первоочередную реформу государственного строя, готовя, тем самым, общество к возможным изменениям и оказывая давление на правительство, для того чтобы оно провело более радикальные преобразования. Одновременно банкетная кампания создавала возможность широкому распространению идей, высказанных на земском съезде. Вместе с тем, она способствовала дальнейшему усилению активности общества, хотя выступления ораторов и принятые на банкетах резолюции отличались умеренным тоном и, как правило, не поднимались над уровнем решений земского съезда.

Источники и литература

1. *Белокопский, И.П.* Земское движение / И.П. Белокопский. – М., 1914.
2. *Кизеветтер, А.А.* На рубеже двух столетий. (Воспоминания 1881–1914) / А.А. Кизеветтер. – Прага, 1929.
3. *Крылова, Е.Н.* Либеральная печать Санкт-Петербурга в конце 1904 г. / Е.Н. Крылова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. – 2014. – № 4. – Т. 4. История.
4. *Крылова, Е.Н.* Российская периодическая печать на рубеже XIX – XX вв. / Е.Н. Крылова // Столица и провинция: взаимоотношения центра и регионов в истории России: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 5. – СПб., 2014. – С. 95–100.
5. *Крылова, Е.Н.* Формирование общественного мнения и деятельность Министерства внутренних дел в области печати на рубеже XIX–XX в. / Е.Н. Крылова // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв.: Материалы Междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. – СПб., 2014. – С. 86–91.
6. *Наша жизнь.* – 1904. – 22 ноября (5 декабря). – № 17.
7. *Наша жизнь.* – 1904. – 27 ноября (10 декабря). – № 22.
8. *Сын Отечества.* – 1904. – 24 ноября (7 декабря). – № 7.
9. *Сын Отечества.* – 1904. – 25 ноября (8 декабря). – № 8.
10. *Сын Отечества.* – 1904. – 27 ноября (10 декабря). – № 10.
11. *Сын Отечества.* – 1904. – 28 ноября (11 декабря). – № 11.
12. *Шацилло, К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика / К.Ф. Шацилло. – М., 1985.

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕРКОВНОГО НАДЗОРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается организация церковного надзора в период секуляризационной реформы начала XVIII в. Изменение государственной политики в отношении Церкви привело к изменению правового статуса православной церкви и возложению на нее новых полицейско-надзорных функций. Государство пыталось перенести светские принципы на церковную правовую сферу, что приводило к правам коллизиям и обострению государственно-церковных отношений.

Церковный надзор, принципы осуществления контроля, надзорные органы церкви и государства, церковная юрисдикция, полицейское государство, служба инквизиторов, духовные фискалы, перекрестный контроль.

The article considers the organization of the church supervision in the period of secularization reforms of the beginning of the XVIIIth century. The government policy changes in relation to the church led to the changes in the legal status of the Orthodox Church and its new police and supervision functions. The state tried to transfer secular principles of the Church's legal sphere, which led to the right collisions and exacerbation of relations between the Church and state.

Church supervision, principles of control, supervisory authorities of Church and state, Church jurisdiction, police state, office of the inquisitors, spiritual Fiscals, cross check.

Существовавшая в России система церковного права предполагала создание соответствующих органов надзора за исполнением принятых канонических установлений. Длительное время надзорные функции Церкви осуществляли традиционные судебные институции: приходские священники, настоятели, митрополиты (епископы), церковные соборы. Церковный контроль являлся своеобразной формой социальной регуляции, посредством которого выявлялись наиболее болезненные точки общества и предотвращалась его «социальная анемия» [2, с. 294]. Неслучайно современные гуманитарные науки пытаются осмыслить проблему анемии и контроля с позиции социального прогресса [12]. По Дюркгейму, религиозный контроль закрепляется прежде всего в культовой практике, посредством которой укрепляется вера и «чувство социальной солидарности», тогда как государственный контроль носит в большей степени фискальный, формально-принудительный характер. В тоже время он подчеркивал, что оценивать влияние религиозного фактора можно только с позиции конкретно-исторического подхода в силу того, что религиозное наполнение общественного сознания постоянно менялось, соответственно, менялось и отношение общества и государства к религии [3]. Именно сочетание различных форм социального контроля придавало обществу стабильность и устойчивость. Но именно религию Дюркгейм признавал фундаментальным универсальным институтом человечества.

Эффективность религиозного контроля обеспечивалась прежде всего высоким религиозным чувством самого общества. Вера в Бога не только объединяла общество, но и способствовала созданию особых канонических установлений, с помощью которых регулировались отношения внутри социума, создавались новые представления и правила. Даже в период нового времени человеческое общество длительное время оставалось избыточно религиозным. Проявлением крайней формы религиозного контроля

была средневековая инквизиция со всеми атрибутами пыточных средств, преследованием инакомыслия, которая фактически препятствовала общественному развитию. Бурные социально-экономические процессы заставили пересмотреть представления о религии в пользу светского государства. Российское же общество длительное время находилось в условиях несекулярного сознания, поэтому роль религиозного фактора здесь была значительно выше.

С появлением в России регулярного государства (начало XVIII в.) усиливается потребность в разграничении функций контроля на основе единых унифицированных требований. В качестве образца стали выступать светские принципы права для судебно-надзорных органов РПЦ: одновременность (взаимодействие различных ведомств), справедливость, беспристрастность [1, с. 11–16]. Тем самым закреплялся юридический деизм как для церковных, так и для светских судебно-административных органов: с одной стороны явно усиливалась роль светской власти, с другой – церковная власть сохранила относительную автономность, подчеркивалось первенство Божественного суда, а преступления против Церкви стояли на первом месте в уголовном законодательстве.

В орбиту надзора стали входить все социальные группы духовенства, включая членов духовного правительств. Подтверждалось право церковного клира (включая рядовой состав – причетников) ходатайствовать перед Синодом о возбуждении следствия и суда над своим епископом [1, с. 46] и одновременно запрещалось обращаться с жалобами в другие инстанции [6, № 496]. Фактически церковный надзор носил многосторонний, перекрестный характер: одновременно друг за другом следили и церковная власть (местная и центральная) и рядовое духовенство. На деле это выражалось в том, что церковные инстанции могли инициировать следствие в отношении местных государственных служащих по различным злоупотреблениям. Подчеркнем, что подобные

вопросы не относились к юрисдикции Церкви, но общественное положение и авторитет отдельных духовных лиц делали возможным выступать «социальным щитом» в борьбе с несправедливостью. Расхожее мнение о том, что Церковь в подобных делах всегда преследовала свои интересы, несколько искажает фактическое положение. Обращение к делопроизводственной переписке между Святейшим Правительственным Синодом и местными епархиальными органами свидетельствует о том, что именно последние пытались защитить местное население от произвола чиновников.

30 января 1722 г. в Синоде была рассмотрена жалоба архимандрита Ипатского монастыря Гавриила на рентмейстера Каблукова, который незаконно «посадил на цепь и держал под караулом в железе» несколько крестьян. Архимандрит первоначально обратился к местному стольнику, который допросил Каблукова. Выяснилось, что тот незаконно «собирал с крестьян деньги, рукавицы, шапки и чинил им многие убытки». Требование провинциального воеводы об освобождении было проигнорировано. Тогда архимандрит написал доношение в Синод, в котором просил провести расследование [6, № 388].

В этот же день была рассмотрена жалоба бывшего митрополита Федора на самоуправство представителей местных гражданских властей, в котором те обвинялись в похищении женщин, «прижитии незаконных детей», попустительстве «открытого блуда воинов», несоблюдении правил христианской веры [6, № 389].

Вместе с тем, главная претензия Федора состояла в том, что гражданские власти вмешивались в духовные дела, поэтому он просил духовное правительство оградить его от внешнего вмешательства. Последний пример показателен тем, что дает возможность увидеть мотивы и установки церковного надзора. Разумеется, архимандрит в последней жалобе отстаивал и экономические интересы собственного монастыря, однако, они «тонули» среди других многочисленных претензий, подтверждавших всеобщее недовольство населения.

Публично объявленный принцип контроля разрешал и населению жаловаться на злоупотребления местной церковной власти. В мае 1722 г. в Синод поступила жалоба от дворцовых крестьян на неправильное, по их мнению, межевание земли, произведенное церковным писцом Еропкиным, а также волоките дел в суде и криминальных преступлениях, производство которых по непонятным причинам было прекращено. Крестьяне просили прислать грамотного судью для разрешения возникающих споров, что позже было удовлетворено [6, № 640].

В дальнейшем право подачи жалобы в Синод гражданским лицом было прекращено. Соответствующее правило было перенесено из светского процессуального законодательства, где высшей надзорной инстанцией выступал Сенат. Но на практике все было гораздо сложнее. Во-первых, у государства в этот период уже существовали многочисленные надзорные органы. Помимо прокуратуры, созданной в

1722 г., надзорные функции одновременно выполняли и следственные учреждения (Преображенский приказ (1686–1729)¹, тайная канцелярия (1718–1726), канцелярия тайных и розыскных дел (1731–1762), тайная экспедиция (1762–1801) [13]. Они занимались расследованием политических, государственных преступлений и обладали широкими полномочиями. Любой заявитель при произнесении вслух «слова и дела» автоматически давал начало новому следственному делу. Если обнаруживалось, что обвинение носит исключительно криминальный характер, материалы по нему передавали в Юстиц-коллегию или в другие учреждения по назначению. Разумеется, у РПЦ центрально-надзорных органов в таком объеме не было. Формально право сбора жалоб имела служба духовных инквизиторов и обер-прокурор Святейшего Синода. Полномочия последнего были достаточно узкими и в большей степени касались проверки исполнения Синодом указов императора. В таких условиях возможности подать жалобу гражданским лицом на злоупотребления духовной власти были очень ограничены. Кроме того, Церковь, сохраняя корпоративную солидарность, особо не была заинтересована в придании публичной огласке фактов различных правонарушений, так как они наносили серьезный удар по ее имиджу.

Во-вторых, надзорные функции носили совмещенный характер со следствием и даже с судом. Синод также как и епархиальный архиерей могли проверить исполнение принимаемого ими решения, инициировать следствие по случаю выявленных фактов, вынести судебное решение. Формальные ограничения касались лишь субъектов надзора и судебного преследования. Непосредственный и полный контроль РПЦ осуществляла над духовенством. При подозрении лица духовного звания в совершении уголовного преступления расследование осуществлялось совместными силами. Духовные депутаты, назначенные или архиереем или Синодом, входили в состав следственных комиссий и присутствовали на всех этапах дознания.

При более тяжком обвинении (например, причастность к государственному преступлению, оскорбление императора или членов его семьи) духовное лицо отсылалось под охраной в Преображенский приказ или Тайную канцелярию, а само следствие закрытый характер без участия представителей Церкви. На первоначальном этапе, как правило, производился допрос под страхом применения пытки. Одновременно рассматривались показания доносчика, свидетелей и показания самого обвиняемого. Если подозрение усиливалось заpiresательством, обви-

¹ Формулировка приказа на протяжении его существования неоднократно менялась. В 1702 г. Преображенский приказ был переименован в «Съезжую избу в Преображенском» и «Генеральный двор в Преображенском» с расширением следственных полномочий. В 1726 г. появилось новое название «Преображенская канцелярия», сохранившееся до 1729 г. Общим между ними было сохранение в названии «Преображенского», подчеркивавшему место расположения этого следственного органа.

няемого направляли в Синод для снятия священнического сана, после чего по отношению к нему применяли пытку [9, № 1936]. Постановления Синода на этот счет были предельно лаконичными. Например, решение о снятии сана с игумена Овсянникова и дьякона Чурина для «учинения розыска над ними» ограничивалось несколькими предложениями, при этом детали обвинения не раскрывались вообще [7, № 1150]. По окончании следствия в Синод направлялось уведомление о результатах «расспроса». В иных случаях (например, когда обвинения не подтверждались, или обнаруживался незначительный характер вины) подозреваемого направляли в Синод для вынесения окончательного решения по определению его дальнейшей судьбы.

Надзор за мирянами был ограничен несколькими направлениями:

1) соблюдение правил христианской веры, что подтверждалось посещением церкви, выполнением христианских обязанностей (почитание святых, участие в религиозных праздниках) [6, № 453];

2) принятие православного учения, доказательством чего являлось обязательное присутствие на исповеди у местного священника, а также публичное осуждение раскола и сектанства;

3) соблюдение правил семейного общежития, что подтверждалось крещением детей в православной церкви по православному обряду, отсутствием фактов прелюбодеяния, соблюдением обряда венчания, отсутствием препятствий для вступления в брак (возраст, здоровье, принуждение, конфессиональная принадлежность и др.) [4].

Все эти вопросы входили в зону церковного надзора за поведением населения. Проверке в этом случае подвергались все участники социальных отношений. Например, каноническую оценку получали и действия священника, который произвел незаконное венчание и действия брачующих [10, № 2230]. Помимо того, что брак признавался незаконным, каждая сторона подвергалась церковным санкциям, если иное не было предусмотрено светским законодательством. Санкции в отношении священнослужителей были значительно жестче, что объяснялось нарушением ими не только христианских правил, но и профессиональных обязанностей.

В остальных случаях, если при проверке обнаруживался криминальный состав, следствие передавалось гражданским властям. В частности, дела по обвинению матерей в убийстве «блудно ими прижитых младенцев» рассматривались не в Святейшем Синоде, а Юстиц-коллегии [6, № 476].

В соответствии с Духовным Регламентом (1721 г., часть II) общий церковный надзор осуществлялся в двух направлениях:

1. Соблюдение «христианских законов» духовными и светскими лицами (правильность исполнения молитв, проверка текстов религиозных книг, соблюдение церковного устава и др.). Сюда входили и «розыск вымыслов, которые человека в недобрую практику ведут» (*т.е. суеверий – свое*) и выявление «не-

потребных или вредных церемоний» (*т.е. языческих традиций – свое*).

2. Выполнение служебных обязанностей духовными чинами. Усиливалась ответственность клира за различные дисциплинарные нарушения. При этом назначение наказания являлось воплощением внешней функции Церкви. Более важной считалось внутренняя функция – обращение человека к признанию собственного греха через покаяние, поэтому раскаивающийся достоин милосердия и снисхождения. Этот важнейший императив являлся не просто отличительной чертой церковного наказания, но и являлся ключевым моментом для понимания православно-го учения о принудительных санкциях.

В действительности модернизация органов надзора протекала достаточно хаотично, без определенной программы действий. Во-первых, церковный надзор осуществляли шесть церковных ведомств по определенным направлениям деятельности [6, № 693]. Наиболее широкой компетенцией обладал Духовный приказ, ведению которого относился большой спектр преступлений: от богохульства и раскольников до регистрации незаконных браков и дисциплинарных нарушениях клира. Он же рассматривал доносы инквизиторов в отношении обывателей и апелляции на решения местных церковно-судебных инстанций. Казенный приказ РПЦ следил за правильностью рукоположения и сбором церковных податей. Монастырский приказ рассматривал судебные тяжбы между крестьянами и церковнослужителями, принимал жалобы от населения, руководил деятельностью синодальных команд по сбору недоимок, беглых крестьян, следил за отправкой в монастыри отставных военных. Дворцовый приказ осуществлял охрану церковных земель, а также суд и расправу между крестьянами и бобылями синодальных вотчин. Приказ церковных дел производил надзор за благочинием священнослужителей и поиск раскольников. Приказ инквизиторских дел осуществлял негласный контроль за духовенством, выявлял потенциальные преступления, давал ход следственным действиям.

Таким образом, существовало дублирование надзорных функций различными церковными ведомствами: выявлением раскольников и дисциплинарных нарушений занимались три ведомства (духовный, церковный, инквизиторский приказы), а расследование экономических нарушений возлагались на казенный, монастырский, инквизиторский приказы. В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки усовершенствования надзорных функций, но взаимодублирование по-прежнему сохранялось, что в итоге вело к росту церковной бюрократии и мешало полноценно выполнять возложенные функции в соответствии с каноническими установками.

Во-вторых, созданная при Синоде фискальная служба по духу была ближе к государственным карательно-надзорным органам. С XVIII в. Православная церковь была наделена полицейскими функциями надзора за клиром и мирянами. Духовные фискалы осуществляли слежку за подданными в части со-

блюдения ими церковного устава, несения церковных повинностей, выполнения внутрицерковных служебных обязанностей. Распоряжением Синода в каждой епархии вводилась должность протоинквизитора, приравненная к государственной должности обер-фискала [6, № 526]. Протоинквизитор на основании изданной Сенатом инструкции находился в тесном взаимодействии обер-полицмейстером по выявлению «шатающихся подозрительных лиц духовного звания» [7, № 995]. Полицейскими функциями наделялась и Тиунская контора Синода, имевшая право подвергать административному аресту «бродячих священников, монахов» и лиц, осуществлявших незаконную продажу свеч [8, № 1456].

Одновременно законодательно закреплялось поощрение доносов, усиливалась уголовная ответственность за укрывательство нарушителей. Например, лицо, сообщившее о скрывающемся от государственного смотря дворянине патриарших и архиерейских земель в качестве вознаграждения получало половину его движимого и недвижимого имущества [6, № 351]. Лица же, содействующие укрывательству колодников, стали приравниваться к государственным преступникам [6, № 532, п. 6]. Провинциал-инквизитор контролировал прохождение прихожанами исповеди с правом подвергать административному наказанию за неявку [6, № 972]. Деятельность инквизиторов была регламентирована специальными инструкциями, которые обязывали органы местной власти оказывать им всяческую поддержку в выявлении и поимке раскольников. В 1725 г. протоинквизитором Пафнутием была составлена ведомость о 1068 выявленных раскольниках по различным социальным показателям: сословному составу, административной принадлежности, делению по городами [2, № 1399].

Несмотря на то, что духовные фискалы назначались из проверенных лиц духовного звания, среди них были те, которые не только злоупотребляли служебным положением, но и дискредитировали церковь в глазах общества по причине громких судебных дел [8, № 1459], [9, № 1935, 1936].

К объектам церковного надзора относились различные церковные чины и должности. Формирование их правового статуса шло по пути расширения ограничений и запретов. Надзорные органы должны были выявлять их нарушения и давать им юридическую оценку. В частности для монахов обозначалось восемь ограничений при приеме в монашеское звание и одиннадцать к их внутреннему общежитию. Надзорной инстанцией в данном случае выступал настоятель и епископ. Помимо традиционных ограничений, берущих начало еще от византийского пра-

ва, вводились новые запреты, которые были санкционированы государством и предусматривали суровые формы наказания. Например, бегство из монастыря приравнялось к преступлению, за что предусматривалось пожизненное заключение в монастыре в железных оковах [6, № 596, п. 52].

Таким образом, в России с XVIII в. стала складываться система церковного надзора за клиром и мирянами на основе светских принципов. Она была направлена на совершенствование системы контроля за обществом, что было продиктовано интересами полицейского государства. Расширение ограничений и запретов в деятельности вступало в противоречие с традиционными христианскими ценностями, базировавшимися на идее искупления и покаяния. РПЦ постепенно была интегрирована в государственный механизм всеобщего контроля, а церковный надзор являлся лишь его составной частью.

Источники и литература

1. Духовный Регламент Всеподданнейшего, Государственного Государя Петра I, императора и самодержца всероссийского. – М., 1904.
2. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Изд. подгот. В.А. Луковым / Э. Дюркгейм. – СПб., 1998.
3. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм. – 1998. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/durkgeym_elementarnie/ (дата обращения: 28.09.2014 г.).
4. Павлушков, А.Р. Правовое регулирование семейно-брачных отношений до начала XX в. / А.Р. Павлушков // Актуальные проблемы гуманитарного познания: Сборник научных трудов кафедр философии и истории русского и иностранных языков. Вып. 1. – Вологда, 2004. – С. 118–133.
5. Полное Собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству Православного вероисповедания Российской империи (ПСПиР) Т. 1. – СПб., 1879.
6. ПСПиР. Т. 2. – СПб., 1872.
7. ПСПиР. Т. 3. – СПб., 1875.
8. ПСПиР. Т. 4. – СПб., 1876.
9. ПСПиР. Т. 5. – СПб., 1881.
10. ПСПиР. Т. 6. – СПб., 1889.
11. Прибавления к Духовному Регламенту. 1722 / ПСПРС. – Т. 2. – № 596.
12. Никонов, А.В. Социально-философские аспекты адаптации в аномическом обществе / А.В. Никонов. – М., 2006. – URL: <http://tululu.org/sam/doc/157226/> (дата обращения: 28.09.2014 г.).
13. Н.М.В. Тайная канцелярия в царствование Петра I. Очерки и рассказы по подлинным делам // Русская старина. – 1885. – Т. 47. – № 8. – С. 185–208; № 9. – С. 347–364; Т. 48. – № 10. – С. 1–16; (1700–1720-е гг.). – URL: http://www.memoirs.ru/rarhtml/1529NMV_RS85.htm (дата обращения: 29.09.2014).

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ПЕРЕХОД К НОВОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ПОРЯДКУ

«Короткий» XX век, по образному определению английского историка Эрика Хобсбаума, завершившийся распадом СССР, сформировал основные конструкции нового экономического порядка. Его начало следует относить ко времени Первой мировой войны, когда промышленный капитал начинает утрачивать свои властные функции, уступая их финансовому капиталу. Подобные перемены, как утверждается в статье, происходили в жесткой борьбе различных политических сил, но на сегодня они в большей степени соответствуют мировым процессам интеграции и глобализации.

Мировая война, революция, капитализм, Версальская система, финансовый кризис, глобализация.

«The short» XXth century, according to the definition of an English historian Eric Hobsbaum, ended by the collapse of the Soviet Union, formed the basic structures of a new order. Its beginning should be attributed to the time of the First World War, when industrial capital began to lose its power functions and gave these functions to the financial capital. Such changes, as stated in the article, took place during the hard fight between the various political forces, nowadays they correspond to global processes of integration and globalization.

World War I, revolution, capitalism, Versal system, financial crisis, globalization.

Сто лет после начала Первой мировой войны – вполне достаточный срок, чтобы среди всех имеющихся подходов и оценок о ее последствиях выделить главное: роль и значение в становлении нового экономического порядка, без которого западный капитализм не имел перспектив в своем дальнейшем развитии в XX веке. В прежние времена дискуссии историков в основном касались причин возникновения войны, ее характера, международных отношений, революционного и рабочего движений. Значительно меньше анализировали развитие капиталистической экономики, не в смысле ее «загнивания», а в объяснении причин поступательного развития капитализма [см.: 5]. Даже если говорить о территориальных изменениях после войны, появлении новых государств, или бремени Версальского договора для Германии, то и в этом случае это имело непосредственную связь с капитализмом, его внутренней перестройкой и модернизацией. Среди историков были те, кто, как Эрик Хобсбаум, считал, что к 1914 г. имелась альтернатива войне. Она была у социалистических партий, веривших в неизбежность победы рабочего класса, который не был так глубоко интегрирован в буржуазный строй, как это произойдет позже [9, с. 67].

Добавим, что Маркс и Энгельс в «Манифесте...» писали о пролетарской революции применительно к ситуации конца XIX – начала XX вв., а не о каком-то необозримом будущем. Но Запад, чтобы предотвратить социалистическую революцию, избрал другую альтернативу. Война переключила социальный протест населения на национализм и шовинизм, вражду и ненависть к другим народам, которые отвечали тем же. Первая мировая война с ее миллионными жертвами сняла революционные устремления у большинства европейцев. Произошедшая в России Октябрьская революция, несмотря на революционный кризис 1918–1923 гг., так и не вышла за рамки одной страны, но привела к созданию экономической альтерна-

тивы, которая смогла успешно противостоять капитализму в наиболее критические периоды XX века.

То, что новый экономический порядок «рождался» в Европе подтверждается самой войной. Формально в ней в 1914–1918 гг. принимали участие 34 из 56 суверенных на то время государств, т.е. большинство. Но войну правильнее было бы называть «европейской», или «великой», как считали тогда французы и англичане. Даже до «общеевропейского» масштаба она не дотягивала (попытки оценивать войну «тотальной», не кажутся нам убедительными) [см.: 4, с. 3–16]. Скандинавские и пиренейские страны в войне не участвовали, нейтральной оставалась Швейцария, как и Нидерланды. Вступление в войну США вовсе не означало ее переноса на американский континент [3, с. 231–236]. Вместе с тем, война и вызванные ею перемены действительно приобрели характер «мировых». Не случайно, английский историк Эрик Хобсбаум, называя XX век «эпохой крайностей», «коротким» веком – поместил его между Первой мировой войной и развалом Советского Союза 1914–1991 гг. [9, с. 15]. И далее в своей книге он постоянно обращается к экономической основе западной цивилизации. «Функционирование капиталистической экономики, – отмечал он, – никогда не бывает равномерным, и колебания различной амплитуды, часто очень резкие, являются неотъемлемой частью этого процесса» [9, с. 98].

Мировая война истощила ресурсы воюющих стран. Пользуясь активным содействием социал-демократии и реформистских профсоюзов, оберегавших «гражданский мир», буржуазия отменила важнейшие законы по охране труда, и предприниматели могли эксплуатировать рабочих без всяких ограничений. Рабочий день был резко увеличен, двенадцатичасовая смена стала обычным явлением, а воскресные дни отдыха были не для всех. «Социальный мир», установившийся на время войны, был хрупким и недолговечным.

Для ведения войны, вызвавшей колоссальные расходы, обычные государственные доходы оказывались недостаточными. Так, в Англии государственные расходы с конца 1914 г. и по 31 марта 1919 г. превысили расходы мирного времени за тот же период на 8,6 млрд фунтов стерлингов. Во Франции из всех расходов за время с 1914 по 1919 гг., составивших 160,3 млрд франков, свыше 100 млрд франков ушло исключительно на войну. В Германии из всей суммы расходов за пять лет (163,9 млрд марок) чисто военных расходов было 131,7 млрд марок. Расходы России на войну до 1 сентября 1917 г. составили 41,4 млрд руб.

Для покрытия колоссальных военных расходов воевавшие государства лишь в незначительной степени использовали обычные источники мирного времени и были вынуждены прибегнуть к чрезвычайным мерам по изысканию новых доходных источников. Ими становились дополнительные налоги, внутренние и внешние займы, доходы от эмиссии бумажных денег. Тем самым выявлялись возможности и пределы финансовых систем воюющих государств.

Военный период характеризовался активным развитием государственного регулирования капитализма. Это сужало интересы частного капитала внутри страны, но не подрывало существенно его мощь. Экономический удар направлялся против неприятеля. С этой целью противная сторона старалась изолировать враждебное государство от мирового рынка путем морской блокады и подводной войны и таким образом создать условия для истощения его материальных ресурсов. С этой же целью воюющее государство стремилось к прямому, физическому уничтожению производительных сил на сухопутной территории противника путем воздействия авиации на промышленные центры и железнодорожные узлы, а также посредством взрывов железнодорожных мостов, промышленных объектов и т. д. В скрытой форме экономическая война в 1914–1918 гг. велась внутри самих буржуазных коалиций. Так только США и Япония смогли увеличить за годы войны свое национальное богатство – соответственно на 40 и 25 %. США к тому же сосредоточили у себя половину мировых запасов золота, что выдвинуло их на роль главного мирового банкира.

Революционный кризис, депрессия, затем мировой экономический кризис 1929–1933 гг. добавили тревоги апологетам капитализма. Между двумя мировыми войнами он действительно оказался под угрозой, и трудно было представить, каким образом капиталистическая экономика сможет возродиться. Однако Первая мировая война убрала в Европе главное препятствие в движении капитала и рынка – крупнейшие европейские монархии: Романовых в России, Гогенцоллернов в Германии и Габсбургов в Австро-Венгрии. К этому добавился еще и крах Османской империи. Установившиеся республики (Советская республика выпала из их числа) с выборными президентами и парламентами создавали иллюзию народовластия, но реально находились во власти

промышленного и финансового капитала. Удержание власти не было простым делом, тем более, что избирательное право пришлось предоставить практически всем дееспособным гражданам. Только это произошло не по «доброй воле» держателей капитала, а в результате упорной борьбы трудящихся за свои социально-экономические и политические права.

Президент США Вудро Вильсон 8 января 1918 г. в «программе мира», более известной как «14 пунктов Вильсона», фактически изложил претензии США на глобальное лидерство после окончания мировой войны. Причем эта «программа», говорил президент, «единственная» в своем роде и за нее Америка готова сражаться до конца [см.: 10, с. 187–192]. То, что это действительно так, подтверждается всеми последующими войнами США, идущими и поныне. Отстаивание либерального капитализма, где центральной фигурой становился не промышленник, а банкир, заняло весь «короткий век». В этих целях потребовалась еще одна мировая война, которая расширила зону влияния США, а вместе с ними и зону рыночной экономики.

Утверждения о том, что Первая мировая война положила начало перехода к новому экономическому порядку, когда политическая власть становится зависимой от финансового капитала, не относятся к разряду конспирологии. Тайного при этом действительно было немало, но любая война или революция всегда рождаются в тайне. Российский историк О. Соловьев, обращаясь к деятельности масонов в начале XX в., пишет, что европейское масонство стояло на пацифистских позициях, «совместно с передовыми людьми своего времени они вносили позитивную лепту в фундамент международных отношений ради исключения войн из жизни общества» [6, с. 34].

Однако от этого «пацифизма» ничего не осталось, когда раздалась залпы пушек. Французские масоны нападали на германских масонов, обвиняя их в пособничестве своему правительству, развязавшему войну. Английские масоны не могли договориться с французскими, несмотря на союзнические отношения между странами. Масоны в США наставляли президента Вильсона в послевоенном планировании в Европе (кстати, их в США в начале века было более 900 тыс.). Именно масонами, как пишет О.Ф. Соловьев, поддерживался план расчленения России после свержения самодержавия, причем в этом отношении у них разногласия не было [6, с. 36]. Вряд ли Россию спасло бы Временное правительство, председатель которого – А.Ф. Керенский – являлся одним из руководителей масонского «Великого Востока народов России». Оно, как известно, ее и не спасло, а «передало» власть куда более радикальным революционерам, среди которых были тоже члены масонских лож [см.: 1].

То, что политические и государственные деятели были тесно связаны с «вольными каменщиками», стремившихся уже тогда реализовать глобальную идею «единой Европы», – факт бесспорный и не вы-

зывает сомнений у исследователей. Но есть еще один факт, который следует учитывать, когда идет речь о переходе к новому экономическому порядку. В декабре 1913 г. Конгресс США утвердил предложенный демократической партией «закон о Федеральном Резерве»: так началась официальная история Федеральной резервной системы (ФРС), которой надлежало выполнять функции центрального банка. В Европе уже были подобные банки, но именно ФРС со временем стала «государством» в государстве, ибо по определению судебных инстанций США является «частной коммерческой организацией» [см.: 2].

Как складывалась финансовая ситуация в годы Первой мировой войны и после ее окончания? Внешние займы играли видную роль только для стран Антанты, так как центральные державы не имели возможности получать кредит за границей в крупном масштабе. Общая сумма внешних займов, полученных во время войны союзниками, определялась в 11 млрд дол. в ценах 1913 г. Естественно, росла задолженность. В европейских странах после войны она составила 45,5 млрд руб. вместо 8 млрд руб. в 1913 г., а в неевропейских странах – 25 млрд руб. вместо 17 млрд руб. в довоенное время. Главным кредитором стали США, а доллар, который фактически является «банкнотой ФРС», выдвинулся в число мировых валют [7, с. 47–48].

За прошедшие сто лет картина мира изменилась. И, тем не менее, многие историки и политологи, как и политики, говорят о схожести современного положения с началом XX в., т.е. предвоенным временем. Подобное сравнение весьма тревожно. Любая война, а мировая тем более, вносит изменения не только в политические системы и социальные отношения, но и в экономику, как на региональном, так и глобальном уровнях. Можно спорить и дискутировать о причинах Первой мировой войны, отыскивая все новые повороты в отношениях главных противоборствующих сторон, но не следует забывать, что война была порождена капитализмом и именно это обусловило необходимость установления нового экономи-

ческого и финансового порядка, соответствующего «духу капитализма».

Запад в ходе войны закрепил за собой индустриальную фазу развития, которая стала здесь преобладающей и вызвала стремление у других стран осуществить индустриальный прорыв на иной социально-политической основе (пример СССР, а также восточноевропейских стран после Второй мировой войны). Но реальному социализму так и не удалось выйти за пределы капиталистической системы, ибо финансовый капитал, чье господство утверждалось в XX веке, оказался куда сильнее и прочнее, чем все мировые идеологии. «Сила денег», как пишет английский историк Найл Фергюсон, заключается в том, что финансовый мир имеет четырех тысячелетнюю историю, и человеческое общество не готово прервать ее, и так, скорее всего, будет и впредь [8, с. 361].

Источники и литература

1. Берберова, Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия / Н.Н. Берберова. – М., 1997.
2. Бизнес-журнал. – 2007. – № 17. – 17 сентября.
3. Гурин, И.Г. Была ли Первая мировая война первой мировой войной? (К постановке проблемы) / И.Г. Гурин // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны): Материалы межвузовской научной конференции. Самара. 10–11 декабря 2004. – Самара, 2005.
4. Магадеев, И.Э. Первая мировая как тотальная война / И.Э. Магадеев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 4.
5. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. – М., 1994.
6. Соловьев, О.Ф. Массонство в мировой политике XX века / О.Ф. Соловьев. – М., 1998.
7. Стариков, Н.В. Спасение доллара – война / Н.В. Стариков. – СПб., 2010.
8. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н. Фергюсон. – М., 2010.
9. Хобсбаум, Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991) / Э. Хобсбаум. – М., 2004.
10. Четырнадцать пунктов Вильсона // История США. Хрестоматия: пособие для вузов. – М., 2005.

УДК 355.48/49

Н.Б. Хайлова

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА В РОССИИ: ВЗГЛЯД ЛИБЕРАЛОВ-ЦЕНТРИСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается противостояние либералов-центристов, идеологов журнала «Вестник Европы», попыткам фальсификации отечественной истории в связи с 50-летием судебной реформы (1864) в России.

«Вестник Европы», К.К. Арсеньев, В.Д. Кузьмин-Караваяев, 50-летие судебной реформы (1864) в России.

The article considers the opposition of the liberal-centrists, ideologists of «Vestnik Evropyi» to the attempts of falsification of Russian history in connection with the 50th anniversary in connection with the 50th anniversary of judicial reform (1864) in Russia.

"Vestnik Evropyi", K.K. Arseniev, V.D. Kuzmin – Karavaev, 50th anniversary of judicial reform in Russia (1864).

Юбилейные торжества по случаю 150-летия судебной реформы Александра II проходят в современной России под знаком очередного признания заслуг Царя-Освободителя и его сподвижников. Отмечается неразрывная связь реформы, заложившей основы отечественной правовой системы, с крестьянской и земской, которые преследовали ту же цель – расширение сферы свободы в стране. Тем самым восстанавливается историческая справедливость, утраченная в советский период¹. А какой виделась современникам судьба нового суда по прошествии нескольких десятилетий? В этой связи представляет интерес опыт исторической ретроспекции относительно судебной реформы 1864 г., связанный с ее пятидесятой годовщиной. И, прежде всего, важно «услышать» прозвучавшее тогда мнение непосредственных свидетелей и участников создания новой судебной системы. К 1914 г., когда эпоха Великих реформ стала уже достоянием истории, таких людей, еще «не сошедших со сцены», оставались единицы. Среди «последних из магикан» – Константин Константинович Арсеньев – один из основателей и член редакторского круга, ведущий публицист журнала «Вестник Европы». Начиная с периода революции 1905–1907 гг., это издание играло в общественном движении роль «хранителя основ» Великих реформ Александра II и форпоста либерального центризма, призывая к объединению на широкой либерально-демократической платформе тех, кто не «вписывался» в партийные рамки кадетизма и октябризма.

Профессиональный юрист, Арсеньев более четверти века посвятил непосредственному служению Фемиде, причем на переломном этапе отечественной судебной системы, вступив на эту стезю как раз в пору развертывания судебной реформы 1864 г. В марте 1866 г. он одним из первых подал прошение о зачислении в адвокатуру, а в 1866 г. был утвержден в числе первых в России 27 присяжных поверенных. В 1867–74 гг. Арсеньев возглавлял совет присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты, первым же обобщив результаты корпоративной деятельности столичных присяжных поверенных [1]. По отзывам современников, эта книга стала «настойной для всякого адвоката», своего рода «катехизисом русской адвокатуры» (Л.Д. Ляховецкий). Также одним из первых Арсеньев разработал приемы адвокатской техники и правила адвокатской этики в России. Он являлся автором пособий для практических судебных деятелей, много и успешно выступал в качестве защитника на судебных процессах. Фигура Арсеньева-юриста была заметной и на посту тов.

(зам.) обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената (с 1874 г.), и в составе консультации при Министерстве юстиции (в 1880–82 гг.). После выхода в отставку, сосредоточившись на литературно-публицистической и общественной деятельности, он продолжал внимательно следить за трансформацией правовой системы в России, неизменно выступал в защиту курса либеральных преобразований.

В дни полувекового юбилея Судебных уставов 1864 г. Арсеньев с особым чувством воспринял выход книги И.В. Гессена «История русской адвокатуры» [5]. Будучи созданием судебной реформы, адвокатура, по его словам, с момента своего учреждения была одним из «ферментов», противодействовавших застою, вносявших движение в общественную жизнь. Объясняя это явление, Арсеньев обращал внимание на политический «подтекст» суда присяжных и адвокатуры в глазах «образованного меньшинства», которому было хорошо известно, что «суд присяжных входил в состав оппозиционных программ недавнего общеевропейского движения, что из среды адвокатов вышли многие борцы за политическую свободу». Вместе с тем, по словам публициста, «не один только политический ореол привлекал тогда к адвокатуру прогрессивную часть русского общества; для нее было ясно значение представительства в гражданском, защиты – в уголовном процессе, ясна невозможность правильно организованного суда без правильно организованной адвокатуры» [4, с. 311–312].

Среди юбилейных изданий ценным вкладом в историю русского суда Арсеньев считал также книгу А.Ф. Кони [7] и сборник статей Г.А. Джаншиева [6]. Особую заслугу авторов Арсеньев видел в увековечивании ими памяти «отцов» судебной реформы. При этом с высоты своего опыта публицист счел необходимым подчеркнуть «разновеликость» этих деятелей с точки зрения исторической справедливости: «Д.Н. Замятниной эпоха реформ застала уже пожилым, утомленным жизнью человеком; собственного творчества в нее он не внес, но не мешал творчеству других, поддерживал их лучшие стремления – и это обеспечивает за ним сравнительно скромное, но почетное место в истории его времени. Его возвысила та властная роль, которую ему пришлось сыграть в не им созданном и не им руководимом деле. С.И. Зарудный и В.А. Арцимович, наоборот, сами творили, сами двигали вперед великое дело» [4, с. 316]. Отмечая, что далеко «не всем крупным работникам судебной реформы посчастливилось найти таких биографов, как А.Ф. Кони или Г.А. Джаншиев», Арсеньев призывал исследователей обратить внимание, в частности, на фигуру А.А. Книрима, который «в гражданском отделении комиссии, составлявшей судебные уставы, сыграл роль едва ли менее крупную, чем С.И. Зарудный» [4, с. 316]. В то же время он весьма критически оценивал попытку кругов, близких к министерству юстиции, «поднять на щит» гр. Д.Н. Блудова («который, по своему возрасту и давно сложившимся взглядам, не мог явиться истин-

¹ В этой связи достаточно вспомнить 100-летие Судебных уставов 1864 г., которое было использовано исключительно как очередной повод для критики царского самодержавия в русле ленинских оценок нового «буржуазного» суда как «слепого, тонкого оружия беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающего интересы денежного мешка» (См.: *Виленский Б.В.* Судебная реформа 1864 г. в России (К 100-летию реформы) // Правоведение. – 1964. – № 3. – С. 94–100. – URL: <http://law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1130231>).

ным преобразователем суда»), В.П. Буткова («влияние которого не шло далее тактичной и умелой поддержки действительных работников»), кн. П.П. Гагарина («облегчавшего в качестве председателя Государственного совета движение судебной реформы, но ничего не внесшего в ее сущность») [4, с. 317].

Важным событием юбилейного года Арсеньев считал и сборник статей П.Н. Обнинского [9] – мирового посредника первого призыва, мирового судьи, прокурора, «идеалиста чистой воды, всегда хранившего верность лучшим заветам шестидесятых годов». «Одним из самых сильных обвинительных актов против судебно-административных учреждений, созданных в 1889 г.» публицист «Вестника Европы» называл параллель, проведенную Обнинским между мировыми судьями и пришедшими им на смену земскими начальниками [4, с. 317–318].

Вообще, Арсеньев считал своим долгом противостоять стремлению судебному ведомству к политизации «красной даты». Неизменную отповедь вызывали у него попытки «истолкований» Судебных уставов 1864 г. с целью «приспособить» реформу для нужд «сильных мира сего». Так, в целом, удручающее впечатление на Арсеньева произвело монументальное (в трех томах!) издание министерства юстиции, посвященное юбилею реформы [10]. «Одно из двух: или составление *истории* судебных уставов следовало поручить учреждению, стоящему в стороне от политической борьбы, – замечал публицист, – или же министерство юстиции должно было взять на себя изготовление их *летописи*, т.е. изготовление исчерпывающе полного обзора внешних событий в жизни нового суда... Настоящее издание нельзя подвести ни под ту, ни под другую норму» [4, с. 304].

По словам Арсеньева, «гром» Первой мировой войны, поразивший Россию незадолго до юбилейной даты, с одной стороны, «отодвинул» память о событии на задний план: «Пятидесятилетняя годовщина судебных уставов прошла без общего подъема, хотя и вызвала много светлых воспоминаний» [3, с. 374]. Вместе с тем, подчеркивал публицист, именно военный фактор открывал для страны «просветы в будущее, о которых еще недавно нельзя было и мечтать» [2, с. 333]. Прежде всего, глядя на Судебные уставы 1864 г. сквозь призму войны, Арсеньев предрекал уничтожение «той черты, которую они провели между судами общими для всех сословий и судами специально крестьянскими», поскольку «народная масса, выносящая на себе главную тяжесть войны, переросла судебные учреждения низшего типа» [2, с. 335].

В этой связи возмущение публициста вызвала попытка реабилитации старого суда, предпринятая в юбилейные дни 1914 г. «неширокими, но влиятельными кругами» общества, препятствующими «истинному обновлению народной жизни». По мнению этих «завязтых крепостников», примирение которых с началами новой судебной системы было только кажущимся, крестьянство все еще представлялось «бесформенной массой, объектом управления и опеки, предметом недоверия и подозрений» [2, с. 336],

[3, с. 374]. Апологеты «старинны» также «обрушились» на А.С. Хомякова, позволившего себе в 1854 г. сказать, что в своих дореформенных судах Россия была «черна неправдой черной». Требуя пересмотра этого «либерального приговора», они указывали на то, что «екатерининский» суд был «суд немецкий, т.е. западноевропейский по своему строю», «во взяточничестве были повинны не столько суды, сколько их канцелярии», а сама взятка имела «характер не столько платы за неправоудие, сколько благодарности за ускоренный или внеочередной труд». Кроме того, подчеркивалось, что в старых судах заседали не только «черные мерзавцы», но и люди иного склада, к примеру, Белинский, Грановский, Станкевич, да и сами деятели судебной реформы были «вскормлены» все тою же дореформенной Россией [3, с. 374]...

«Чтобы выступить с такой защитительной речью, нужно было отбросить в сторону всю массу исторических фактов, мемуарных свидетельств, литературных иллюстраций, дающих ничем не смываемую «черную» окраску картине дореформенного суда», – авторитетно заявлял Арсеньев. При этом торжество укоренившейся в судах «черной неправды» он связывал не столько с отдельными одиозными личностями, сколько с такими широко распространенными среди судебных деятелей качествами, как «невежество, лень, непонимание судейского долга, невысокий уровень гражданской нравственности». «У нас не было тех условий, благодаря которым на Западе выработался тип сведущего законника-судьи», – писал Арсеньев, настаивая на том, что «лучшие люди дореформенной России» (в т.ч. деятели судебной реформы) «создались не *благодаря* господствовавшим тогда порядкам, а *вопреки* им, в неустанной и часто безнадежной до трагизма борьбе с ними» [3, с. 374–375].

В «Вестнике Европы» проводилась мысль о том, что стремление кругов, близких к власти, поколебать доверие к самой *идее* нового суда, приписать реформе влиянию моды, проявлявшееся на протяжении пореформенных десятилетий, в итоге привело к серьезному расхождению между замыслами творцов судебной реформы и практикой. В.Д. Кузьмин-Караваев, – еще один член редакторского круга «Вестника Европы», многолетний обозреватель «вопросов внутренней жизни», известный военный юрист, – указывал в этой связи на симптоматичное (спустя 50 лет!) противопоставление в житейском обиходе «нового» суда «старому», говорившее о том, что «суд присяжных, суд скорый, для всех равный и независимый, гласное и устное разбирательство, построенное на состязательном начале», – все это еще не укоренилось в народном сознании и по-прежнему воспринималось как некое новшество, а судебная система продолжала иметь «более общих точек соприкосновения со старым дореформенным судом», чем с замыслом деятелей эпохи Великих реформ [3, с. 379].

В качестве примера нарушения основополагающего принципа судебной реформы 1864 г. – равенства суда для всех подданных – Кузьмин-Караваев

ссылался, в частности, на изменение правил уголовной подсудности. Отмечая, что Судебными уставами 1864 г. для рассмотрения дел, в зависимости от тяжести наказаний, было образовано три формы суда первой степени (мировой судья, окружной суд без участия присяжных заседателей и окружной суд с участием последних), публицист обращал внимание на значительное расширение к 1914 г. списка соответствующих «инстанций» («земский начальник, городской судья, уездный член окружного суда и судебная палата с участием сословных представителей»). «И, при этом, – подчеркивал Кузьмин-Караваев, – основанием разграничения подсудности служит уже отнюдь не одна тяжесть наказаний. В результате получилась подсудность, настолько запутанная и перекрещивающаяся, что о стройности системы уже не может быть речи» [3, с. 380].

Кузьмин-Караваев также констатировал значительное отступление от принципов Судебных уставов 1864 г. в определении и сфере применения военной подсудности, которая была возрождена в мирное время на основании Положения об усиленной и чрезвычайной охране (1881). В результате «за время первого 50-летия судебной реформы, военный суд получил у нас несомненный характер суда, специально предназначенного для рассмотрения наиболее важных и сложных дел», а предание военному суду было «поставлено альтернативно, в виде дискреционного права высших местных или, в известных случаях, центральных органов административной власти» [3, с. 381].

По словам Кузьмина-Караваева, иллюстрацией «широты размаха и смелости творческой законодательной мысли» составителей Судебных уставов 1864 г. служил принцип доверия к судьям, логическим следствием и выражением которого явились независимость суда и самостоятельность судебной власти, а «самым важным шагом вперед» в данном направлении стал суд присяжных («суд народной совести»). «И именно в этой области судебная реформа понесла наибольший урон ... Новый суд был взят под политическое подозрение, и под влиянием этого подозрения шло все дальнейшее развитие законодательства», – замечал Кузьмин-Караваев, ссылаясь на упразднение выборных мировых судей и передачу «ближайшей» к населению судебной власти в руки земских начальников, учреждение присутствий судебных палат с участием сословных представителей, возрождение компетенции военных судов. «А быть судимым высшей и наилучшей формой суда – судом присяжных – стало привилегией представителей подонков населения, совершающих третьи кражи, мошенничества, грабежи и поджоги», – с горькой иронией констатировал публицист [3, с. 384–385].

Проследив судьбу судебной реформы, Кузьмин-Караваев подчеркивал трудности в ее реализации, дававшие о себе знать с самого начала. Перипетии первых 30-ти лет затем нашли «откровенного интерпретатора» в лице Н.В. Муравьева, министра юстиции с 1894 по 1905 гг. Его деятельность шла

вразрез с основными началами нового суда как не соответствующими «особенностям нашего государственного и общественного быта» и преследовала главную цель – оберегать, прежде всего, «достоинство государства и его правительственной власти». Изменение форм государственного строя в ходе революции 1905–1907 гг. также не повлекло за собой возвращения к началам Судебных уставов 1864 г. Подтверждением того, что «мыслями Н.В. Муравьева министерство юстиции прониклось тогда еще глубже, чем проникалось ими когда бы то ни было», служили для публициста «Вестника Европы» речи министра юстиции (1906–1915) И.Г. Щегловитова в Государственной думе. Среди всех законодательных актов начального периода становления конституционной монархии, имевших отношение к судебной системе, на страницах журнала выделялся по значимости один-единственный закон – о местном суде (1912), поскольку в нем говорилось о восстановлении судебно-мирового института. Однако Кузьмин-Караваев считал симптоматичным сохранение и в этом законодательном акте особого суда для крестьян [3, с. 385–386].

Приветствуя распространение нового суда по всей территории Российской империи («ко дню 50-тилетия местностей, где действует суд дореформенный, уже нет»), «Вестник Европы» в то же время признавал отсутствие единства в главных формах судебной организации на окраинах и в центре, увеличение «пестроты» судебного строя. К тому же, «ни Царство Польское, ни остзейские губернии, ни Кавказ, ни Сибирь не имеют суда присяжных». Судебная волокита, «урезка» суда присяжных, усложнение подсудности, отсутствие суда равного для всех, ограничение гласности, – все эти негативные стороны в деятельности пореформенных судебных учреждений привели к тому, что «суд, как целое, лишился доверия». Приходя к такому выводу, члены редакторского круга «Вестника Европы» свидетельствовали о том, что в юбилейные дни «прошлое вспоминалось как утраченное, а не как зерно, из которого выросло настоящее» [3, с. 386–387].

«Как много печального в судьбах Судебных уставов 1864 г., – свидетельствовал Арсеньев, – как много понесено потерь и как мало сделано приобретений, как далеко еще и теперь хотя бы до простого восстановления величавой постройки, возведенной полвека тому назад» [4, с. 309]. Размышляя над причинами стремительного «размывания» основ нового суда, растущего противоречия «между тем, что должно быть, и тем, что есть», он констатировал одну из причин упущенного шанса «сделать счастливее судьбу русского народа» – утрату доверия («драгоценного капитала»), приобретенного мировыми посредниками первого призыва и растроченного «ломкою закона в разъяснительных циркулярах и сменой деятелей, свято исполнявших его» [4, с. 310, 317]. Вместе с тем, глубинную подоплеку кризиса «судебного мира» Арсеньев видел в непрекращающихся колебаниях между старым и новым, в результате чего «победа до сих пор почти всегда оставалась на

стороне старого». По его словам, стремление обратить суд в орудие власти проявлялось и раньше, но никогда не достигало такой силы, как в годы накануне Первой мировой войны. Указывая на значительную роль «закулисья» в этом процессе, Арсеньев признавал, что нет недостатка и в попытках «возвести практику на степень теории», т.е. принципиально обосновать новую судебную политику, не имеющую ничего общего с воззрениями и чаяниями «отцов судебной реформы»: «Для них руководящим девизом судебной деятельности служили слова: "правда и милость"; теперь "непреложными началами", на которых должен покоиться суд, провозглашаются государственность и национальность». Анализируя «русло» новой судебной политики, Арсеньев пришел к выводу о том, что «никакого точного, для всех одинаково ясного представления слово государственность не вызывает. В официальных сферах оно выражает собою ряд пережитков закончившегося исторического периода, несогласованных и несогласуемых с новыми учреждениями. Переносимое в судебный мир, оно становится источником сделок с совестью. Суду, озабоченному стремлением к "государственности", неизбежно приходится думать о том, не окажется ли его решение идущим вразрез с господствующим и обязательным ее пониманием. Во имя государственности, – так могут рассуждать судьи, – следует быть до крайности строгим ко всему, не укладывающемуся в рамки господствующей в данную минуту правительственной системы...» [4, с. 310–311].

Как представляется, в драматических событиях начала XX в. либералы-центристы из «Вестника Европы» адекватно оценивали причины «пробуксовки» судебной реформы, начатой в 1864 г., указывали на немалые «риски» ее свертывания. Вместе с тем, они отмечали значимую («без преувеличения, без натяж-

ки») роль Великих реформ и, в частности судебных преобразований, в деле обновления России: «Крестьянин-присяжный, как и крестьянин-земский гласный – прямой предшественник крестьянина-избирателя Государственной думы» [2, с. 334]. Даже в условиях разразившейся Первой мировой войны они не теряли присущего им свойства исторического оптимизма. Многие их мысли звучат по-прежнему актуально.

Источники и литература

1. Арсеньев, К.К. Заметки о русской адвокатуре. Обзор деятельности Санкт-Петербургского совета присяжных поверенных за 1866–1874 гг. / К.К. Арсеньев. – СПб., 1875. – Ч. 1–2.
2. Арсеньев, К.К. Хроника. – На темы дня. – Пятидесятилетие судебной реформы / К.К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1914. – № 11. – С. 333–336.
3. Арсеньев, К.К. Хроника. – На темы дня. – Пятидесятилетняя годовщина судебных уставов / К.К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1914. – № 12. – С. 374–376.
4. Арсеньев, К.К. Хроника. – 50-летие судебной реформы в современной литературе / К.К. Арсеньев // Вестник Европы. – 1915. – № 2. – С. 302–318.
5. Гессен, И.В. История русской адвокатуры. Т. 1. Адвокатура, общество и государство / И.В. Гессен. – М., 1914.
6. Джанишев, Г.А. Сборник статей. К юбилею судебной реформы / под ред. В.П. Обнинского. – М., 1914.
7. Кони, А.Ф. Отцы и дети судебной реформы / А.Ф. Кони. – Пг., 1914.
8. Кузьмин-Караваев, В.Д. Вопросы внутренней жизни. – «Новый» суд через пятьдесят лет после его создания / В.Д. Кузьмин-Караваев // Вестник Европы. – 1914. – № 12. – С. 379–387.
9. Обнинский, П.Н. Сборник статей. К юбилею судебной реформы / под ред. В.П. Обнинского. – М., 1914.
10. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 1–3. – Пг., 1914.

УДК 332.14

Н.В. Ворошилов

Научный руководитель: доктор экономических наук, профессор Е.С. Губанова

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО РАЗВИТИЮ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье предложено авторское определение, методика оценки и направления повышения эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований: создание на территории Вологодской области 6 управленческих округов и Координационного совета.

Муниципальные образования, методика оценки эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований, управленческие округа, Координационный совет по развитию муниципальных образований.

The article presents the author's definition, method of evaluation and directions of increase the effectiveness of regional policy considering the development of municipal formations: creation of 6 administrative districts and the Coordination Council for development of municipalities on the territory of Vologda region.

Municipalities, methods of evaluating the effectiveness of regional policy considering the development of municipalities, administrative districts, Coordinating council for development of municipalities.

Система власти и управления в России, как и в большинстве стран мира, имеет несколько уровней: центральный, региональный (субъекты РФ) и местный (муниципальные образования). За каждым из них закреплены свои функции и полномочия. Вместе с тем решение ряда социально-экономических вопросов и проблем возможно лишь при объединении усилий различных уровней публичной власти, в частности – в сфере обеспечения условий жизнедеятельности населения (ЖКХ и благоустройство территории, транспорт и дорожное хозяйство), образования, здравоохранения и социальной защиты населения, экономического развития.

Наиболее эффективное решение многих вопросов возможно именно на самом нижнем уровне публичной власти и управления (на уровне муниципальных образований). Это обусловлено тем, что в данном случае учитывается специфика развития территорий, местные ресурсы и условия, конкретные потребности и интересы населения.

Для достижения целей и приоритетов регионального развития необходимо согласованное взаимодействие субъекта РФ и муниципальных образований. Кроме того, устойчивость социально-экономического развития территорий в значительной мере зависит от политики субъекта РФ по отношению к муниципальным образованиям. Под *региональной политикой по развитию муниципальных образований*, на наш взгляд, следует понимать деятельность региональных органов власти по определению и реализации целей и приоритетов территориального развития, механизмов стимулирования, поддержки и содействия развитию муниципальных образований в

целях обеспечения комплексного и устойчивого развития региона.

Вместе с тем, особенности российского федерализма и результаты всех реформ местного самоуправления в России (начала – середины 1990-х и середины 2000-х гг.) не позволяют говорить о достаточной самостоятельности и независимости муниципальных образований. Большинство из них по-прежнему остаются глубоко дотационными, а субвенции из вышестоящих бюджетов на реализацию переданных государственных полномочий, государственных субсидии на финансирование отдельных расходов составляют большую часть бюджетов муниципалитетов.

В этой ситуации главной целью региональной политики должно стать повышение эффективности использования и увеличение потенциала входящих в субъект Федерации муниципальных образований, обеспечение их стабильного развития и решения всех вопросов местного значения, повышение уровня жизни и комфортности проживания населения.

Эффективность региональной политики по развитию муниципальных образований проявляется в том, насколько действия, предпринимаемые органами государственной власти по реализации территориальной политики, межбюджетных отношений, форм и методов стимулирования муниципальных образований привели к конкретному и измеримому эффекту, улучшению параметров социально-экономического развития территорий, повышению качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг.

Оценить эффективность региональной политики по развитию муниципалитетов можно, на наш взгляд, на основе результатов проводимого ИСЭРТ РАН опроса глав муниципальных образований Вологодской области¹. В данный анкетный опрос включены 3 вопроса, касающиеся эффективности взаимодействия органов региональной и муниципальной власти региона и их действий развитию территорий (табл. 1). Результаты ответов глав на данные вопросы используются в предлагаемой методике оценки эффективности регионально-муниципальной политики, алгоритм которой заключается в выполнении следующих действий.

На *первом этапе* каждому варианту ответа на 3 данные вопроса присваивается балльная оценка (от 0 до 2 или 3), соответствующая степени той или иной составляющей эффективности (результативности) (табл. 1).

Таблица 1

Балльные оценки вариантов ответов глав муниципальных образований об эффективности региональной политики

Вариант ответа	Балл
1. Как Вы оцениваете действия региональных органов власти, направленных на поддержание муниципальных образований в году?	
Не было оказано никакой помощи	0
В целом помощь была неэффективной (разработанные мероприятия трудноосуществимы и не привели к улучшению ситуации)	1
Изменения произошли, но они не существенны	2
Осуществляемые действия привели к улучшению ситуации	3
2. Как Вы оцениваете эффективность (результативность) взаимодействия с перечисленными ниже институтами? (органами государственной власти региона, органами местного самоуправления и общественными организациями)	
Низкая	0
Удовлетворительная	1
Высокая	2
3. Как бы Вы оценили эффективность действий региональных органов власти, осуществляемых в рамках следующих направлений? (отраслевых политик)	
Неэффективны	0
Эффективны	1

На *втором этапе* определяется средняя балльная оценка по каждой составляющей эффективности (вопросу) путем перемножения доли, выбравших каждый вариант ответа, и балла, соответствующего

данному варианту и суммирование полученных значений по вариантам ответа на вопрос.

Соответственно, проводится оценка по трем *составляющим эффективности*:

1) эффективность и результативность взаимодействия органов госвласти и органов местного самоуправления;

2) эффективность действий региональных органов власти, направленные на поддержку муниципалитетов;

3) эффективность отраслевой региональной политики.

Эти направления определены исходя из сути и содержания задаваемых главам вопросов в анкете.

На *третьем этапе* определяется уровень той или иной составляющей эффективности исходя из средней балльной оценки путем деления максимально (2 или 3) или (минимально (0) возможной средней оценки на равные по ширине интервалы, количество которых равняется числу вариантов ответа на соответствующий вопрос.

Результаты апробации предложенной методика на материалах Вологодской области представлены в табл. 2 (представлены данные не за все годы исследования). Данные таблиц свидетельствуют, что эффективность и результативность взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления районов увеличилась с 0,67 балла (при максимально возможном балле – 2) в 2007 гг. до 1,02 – 1,24 – в 2011–2012 гг. Таким образом, данная составляющая эффективности все еще остается на среднем уровне. Результативность взаимодействия муниципалитетов с Общественной палатой Вологодской области, Корпорацией развития региона, Советом муниципальных образований оценивается на среднем уровне.

Эффективность действий региональных органов власти, направленных на поддержку муниципалитетов в 2011–2012 гг. в целом выросла по сравнению с 2009 г. с 1,81 балла до 2,14–2,15 баллов в оценках глав районов (при максимально возможном балле – 3) и характеризуется уровнем выше среднего, хотя по сравнению с 2010 г. отмечается снижение этого показателя. Эффективность отраслевой региональной политики главами всех муниципалитетов оценена в 2011–2012 гг. на уровне ниже среднего: от 0,25 до 0,49 балла (при максимально возможном балле – 1). Следует отметить, что оценки эффективности региональной политики в Вологодской области, даваемые главами городских и сельских поселений, ниже аналогичных оценок глав районов. Это обусловлено тем, что взаимодействие органов государственной власти региона осуществляется преимущественно с районным уровнем управления.

В целях повышения скоординированности деятельности органов государственной власти субъекта РФ и крупных муниципальных образований (районов и городских округов) возможно создание на территории региона управленческих округов.

¹ Ежегодно, начиная с 2007 г., главам всех городских округов, муниципальных районов, городских и сельских поселений Вологодской области сотрудниками ИСЭРТ РАН рассылается анкета из 35–38 вопросов. Количество полученных и заполненных анкет позволяет обеспечить ошибку выборки не более 4 %.

Оценка эффективности главами муниципальных районов Вологодской области эффективности региональной политики по развитию муниципалитетов

Вид эффективности	Направление взаимодействия	2007 г.		2011 г.		2012 г.	
		Знач.	Уровень	Знач.	Уровень	Знач.	Уровень
Эффективность и результативность взаимодействия органов госвласти и органов МСУ районов (минимум 0 баллов, максимум 2 балла)	Итого органы госвласти области	0,67	средний	1,02	средний	1,24	средний
	ФОИВ	...	...	0,82	средний	1,08	средний
	ОП, КР и СМО	...	...	...	...	1,01	средний
	ОМСУ	0,54	низкий	1,02	средний	1,13	средний
Эффективность действий региональных органов власти, направленных на поддержку муниципалитетов (минимум 0 баллов, максимум 3 балла)	–	...	...	2,15	выше среднего	2,14	выше среднего
Эффективность отраслевой региональной политики (минимум 0 баллов, максимум 1 балл)	–	...	...	0,31	ниже среднего	0,49	ниже среднего
Примечание: обозначения в таблице следующие: ... – индекс рассчитать невозможно в связи с отсутствием вариантов ответа в анкетах соответствующих лет. ФОИВ – федеральные органы исполнительной власти, имеющие свои представительства на территории области; ОП, КР и СМО – в среднем по Общественной палате Вологодской области (ОП), Корпорации развития Вологодской области (КР), Совету муниципальных образований Вологодской области (СМО); ОМСУ – органы местного самоуправления района и поселений, местный бизнес и общественные объединения граждан							

Такая форма реализована в Свердловской области, где созданы 5 управленческих округов (Восточный, Горнозаводской, Западный, Северный, Южный), при этом ряд муниципальных образований не входят ни в один округ. Под *управленческим округом* в законе Свердловской области понимается часть территории области, на которой осуществляется координация деятельности исполнительных органов государственной власти региона, анализ и прогноз социально-экономического развития входящих в округ административно-территориальных единиц, имеющих близкие природно-географические условия, ресурсный потенциал, уровни развития промышленности и социальной инфраструктуры, транспортную доступность, финансовые возможности и численность населения [4].

В Алтайском крае одним из новых подходов к зонированию территории стало внедрение в 2009 г. предметно-зонального (проблемно-объектного) метода государственного управления. На основе существующих хозяйственно-экономических связей между территориями края и транспортной доступности определены 7 управленческих округов (Барнаульский, Заринский, Бийский, Алейский, Каменский, Славгородский и Рубцовский), каждый из которых закреплен за заместителем Губернатора края. По каждому из них ежеквартально подготавливаются справки о социально-экономическом развитии, проводятся совещания, круглые столы с представителями муниципалитетов округа [1].

Данная идея высказывалась и в исследованиях ИСЭРТ РАН (ранее – ВНКЦ ЦЭМИ РАН) в работе [3], где было предложено выделить на территории

области 5 территориально-экономических зон. Однако для целей настоящего исследования в эту сетку зон были внесены некоторые изменения, с учетом которых на территории области предложено образовать 6 управленческих округов. Были предложены следующие критерии выделения указанных округов:

- 1) наличие общих границ;
- 2) сходная специализация экономики районов;
- 3) транспортная и географическая связность районов (расстояние от административного центра округа до центров районов округа не должно превышать 200 км, и кроме того иметься постоянное транспортное сообщение по наиболее близким маршрутам);
- 4) схожие тенденции в социально-экономическом развитии районов.

Таким образом, в силу сходной специализации Кирилловского и Белозерского районов, а также Тотемского и других восточных районов области и тем, что формирующаяся агломерация носит дуоцентрический характер (города Вологда и Череповец с прилегающими к ним районами) предлагаемый состав управленческих округов выглядит следующим образом:

- 1) Западный управленческий округ (Бабаевский, Чагодощенский и Устюженский районы) с административным центром в г. Бабаево;
- 2) Северо-Западный управленческий округ (Вытегорский, Вашкинский, Белозерский и Кирилловский районы) с центром в г. Белозерск;
- 3) Вологодский управленческий округ (г. Вологда, Вологодский, Грязовецкий, Междуреченский,

Сокольский и Усть-Кубинский районы) с центром в г. Вологда;

4) Череповецкий управленческий округ (г. Череповец, Кадуйский, Череповецкий и Шекснинский районы) с центром в г. Череповец;

5) Северный управленческий округ (Верховажский, Вожегодский, Сямженский и Харовский районы) с центром в г. Харовск;

6) Восточный управленческий округ (Бабушкинский, Великоустюгский, Кичменгско-Городецкий, Никольский, Нюксенский, Тарногский и Тотемский районы) с центром в г. Великий Устюг.

Наибольшую среднюю плотность населения имеют территории пригородных округов (Вологодского и Череповецкого), в остальных – она достаточно низкая и составляет 2,5–3,5 чел./кв. км. На территориях Вологодского и Череповецкого округов наиболее развито промышленное и сельскохозяйственное производство. Данные территории являются также достаточно инвестиционно привлекательными. Наименьшие доли собственных (налоговых и неналоговых) доходов бюджета наблюдаются в Северо-Западном, Восточном и Северном округах. Средний размер оплаты труда минимален в Северном, Северо-Западном и Восточном округах. Самый высокий уровень безработицы – в Северо-Западном и Севером. Районы данных округов характеризуются минимальным уровнем благоустройства жилого фонда и наиболее высокой смертностью [5].

Результаты общей интегральной оценки уровня социально-экономического развития (по методике ИСЭРТ РАН) [2] свидетельствуют, что высокий средний уровень развития характерен для Череповецкого и Вологодского округов, выше среднего – для Западного, ниже среднего и низкий – для Восточного, Северо-Западного и Северного. Кроме того, районы, входящие в каждый округ, достаточно сходны по тенденциям, особенностям и условиям развития.

Организация функционирования управленческих округов на территории области заключается в следующем. На начальном этапе (первые 3 года реализации проекта управленческих округов) по результатам конкурсного отбора и голосования жителей соответствующих районов округа (через Интернет, голосование по бланкам в населенных пунктах) Правительством области назначаются кураторы в каждый их 6 управленческих округов сроком на 3 года с возможностью переназначения не более 2 раз подряд. Целесообразно, чтобы куратор округа по должности являлся сотрудником Департамента внутренней политики Правительства Вологодской области. Местом работы куратора станет административный центр округа (рабочее место в соответствующей районной администрации или в ином помещении).

Основными функциями *куратора управленческого округа* должны стать:

1) постоянное взаимодействие с органами местного самоуправления муниципальных районов округа по вопросам осуществления ими полномочий, в том числе переданных государственных; по реше-

нию вопросов местного значения (консультирование, информирование, разъяснение);

2) анализ социально-экономического развития территорий (муниципальных районов) округа;

3) определение совместно с органами власти муниципальных образований ключевых и приоритетных проблем развития муниципалитетов округа, возможных путей, средств, механизмов их решения, в которых целесообразно участие органов госвласти региона;

4) выражение позиции органов местного самоуправления органам госвласти региона;

5) разъяснение органам МСУ позиции органов государственной власти региона по ключевым вопросам социально-экономического плана;

6) оценка эффективности и результативности решения переданных государственных полномочий;

7) содействие совместно с инвестиционными уполномоченными районов и корпорацией развития области поиску инвесторов, разработке, реализации инвестиционных проектов в экономической и социальной сфере;

8) консультирование органов МСУ по взаимодействию с органами госвласти области;

9) взаимодействие с кураторами районов (руководителем органа исполнительной власти региона) по всем необходимым вопросам, обеспечение его информацией о развитии, проектах в соответствующих районах.

Для осуществления данных функций куратор проводит совещания (в том числе выездные) с главами и специалистами органов МСУ районов, запрашивает у органов МСУ от имени Департамента необходимую информацию.

Критериями эффективности деятельности кураторов (управляющих) округа могут быть:

– количество реализованных инвестиционных проектов при участии куратора в течение года;

– количество внесенных инициатив по совершенствованию нормативно-правового регулирования внесенных органами МСУ при участии куратора;

– сокращение времени по разрешению вопросов, связанных со взаимодействием органов МСУ и органов государственной власти;

– положительные оценки деятельности куратора со стороны глав муниципальных районов округа (доля положительно оценивающих более 50 %);

– наличие упоминаний о деятельности куратора в муниципальных и региональных СМИ.

По примеру практики функционирования управленческих округов в Свердловской области возможно в дальнейшем формирование самостоятельной администрации округа в составе 3–5 человек (территориальных подразделений органа исполнительной государственной власти области по развитию муниципалитетов и местного самоуправления: в Вологодской области – это Департамент внутренней политики Правительства области).

Региональная политика субъекта РФ по отношению к муниципальным образованиям должна носить комплексный и системный характер. Вместе с тем

создание единого органа исполнительной власти области, отвечающего за проведение комплексной и системной политики, представляется достаточно сложным, ввиду существенных различий в принципах, функциях, полномочий по регулированию в разных сферах. Поэтому целесообразным является, на наш взгляд, создание при Правительстве области совещательного и координирующего органа (не являющегося самостоятельным юридическим лицом) – *Координационного совета по развитию муниципальных образований*. Схема участия Координационного Совета в разработке и реализации политики субъекта РФ по отношению к муниципальным образованиям представлена на рисунке.

Главной целью деятельности Совета является разработка скоординированных действий (форм, методов и инструментов) органов власти региона по отношению к муниципальным образованиям, согласование их с органами местного самоуправления в

направлении комплексного и устойчивого экономического и социального развития территорий регионов. При этом приоритеты деятельности Совета должны определяться, исходя из стратегических ориентиров развития региона и муниципальных образований, приоритетов развития территориально-экономических зон.

Заседания полного состава Координационного Совета целесообразно проводить не реже 1 раза в полугодие. Кроме того, необходимо сформировать из своего состава 5 постоянных рабочих групп Совета (по бюджетной политике, по экономической политике, по социальной политике, по инфраструктурному развитию, по нормативно-правовому обеспечению и кадровой политике), которые будут проводить свои заседания не реже 1 раза в квартал. Кроме того, на любое заседание Совета могут быть приглашены все главы муниципальных районов и городских округов области.

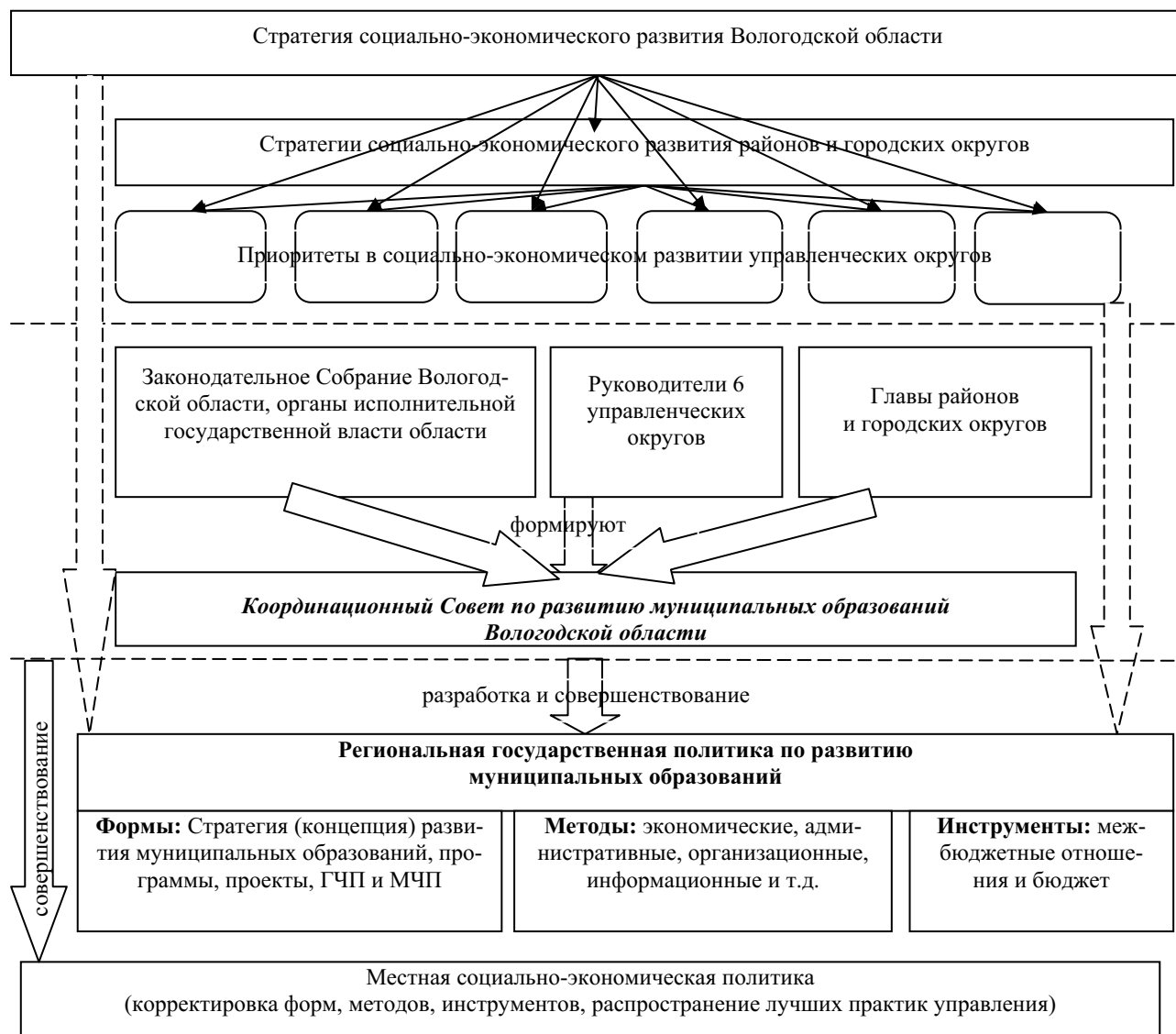

Рисунок. Схема участия Координационного Совета по развитию муниципальных образований в разработке и реализации внутрирегиональной политики

Решения и рекомендации, принятые Координационным советом по развитию муниципальных образований, носят рекомендательный характер для органов государственной власти региона и муниципальных образований (в части вопросов их касающихся).

Таким образом, создание на территории региона управленческих округов, а также межведомственного Координационного совета по развитию муниципальных образований позволит скорректировать и скоординировать деятельность региональных органов власти по поддержке и развитию муниципальных образований, более четко определить территориальные аспекты всех видов региональной политики, учитывать специфику, особенности и условия развития муниципальных образований, повысить эффективность и результативность взаимодействия регионального и муниципального уровней власти.

Литература

1. В Алтайском крае ведется целенаправленная работа по развитию управленческих округов // Официальный сайт

Алтайского края. – URL: http://www.altairregion22.ru/region_news/v-altaiskom-krae-vedetsya-tselenapravlenaya-rabota-po-razvitiyu-upravlencheskih-okrugov_232192.html.

2. Ворошилов, Н.В. Оценка уровня социально-экономического развития муниципальных районов Вологодской области и их потенциала / Н.В. Ворошилов // Молодые ученые – экономике: Сб. работ молодежной научной школы. – Вып. 13. – Вологда, 2013. – С. 113–142.

3. Дифференциация социально-экономического развития районов Вологодской области и формирование эффективных территориальных агломераций: заключительный отчет о НИР / исполн. В.А. Ильин, Т.В. Ускова, С.А. Селякова, Р.Ю. Малышев. – Вологда, 2006.

4. О Восточном управленческом округе: областной закон Свердловской области № 32-ОЗ от 20.05.1997 г. // КонсультантПлюс.

5. Оценка и направления повышения эффективности региональной политики по управлению развитием муниципальных образований: отчет о НИР / Т.В. Ускова, Н.В. Ворошилов, А.Н. Чекавинский. – Вологда, 2013.

УДК 338.5

З.М. Магзупова, А.Н. Виноградов

ЭФФЕКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ПРЕДПРИЯТИИ

В статье проведен анализ процесса ценообразования на металлургическом предприятии и как результат предложены подходы к формированию цен на металлопродукцию в зависимости от канала сбыта металлопродукции.

Ценообразование, долгосрочные контракты, делегирования полномочий, формульное ценообразование.

The paper analyzed the process of pricing in the steel mills and as a result the authors proposed the approaches to formation of prices for steel depending on the distribution channel of steel.

Pricing, long-term contracts, delegations of powers, formular pricing.

Стратегия многих промышленных предприятий заключается в возврате понесенных расходов и получению фиксированного уровня рентабельности, что является неэффективным. Применение данной политики, особенно в условиях крупного корпоративного производства, противоречит как собственным долгосрочным интересам предприятий, так и интересам народного хозяйства и отрасли в целом [9], [13].

Основная проблема у российских предприятий металлургической отрасли – это падение рентабельности, рост тарифов на энергоресурсы, опережающий рост цен на металлопродукцию. В ближайшем будущем этот разрыв еще увеличится. На рис. 1 представлен показатель ЕБИТДА российских стальных сегментов. Показатель был рассчитан как рентабельность по ЕБИТДА российских стальных сегментов компаний «Северсталь» и НЛМК и стальных сегментов компаний ЕВРАЗ, ММК и «Мечел» [1], [2], [11], [12]. В качестве прогнозных данных о вы-

ручке и ЕБИТДА в 2013–2016 гг. был использован консенсус-прогноз аналитиков на Bloomberg [1].

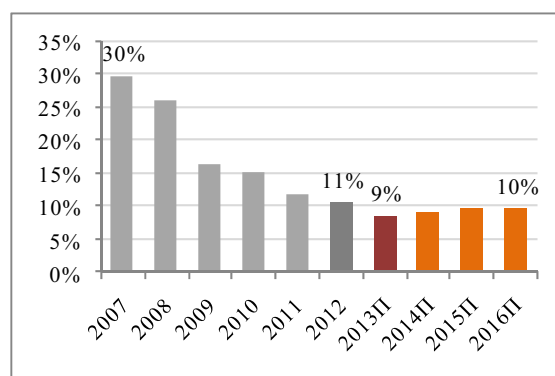

Рис. 1. Рентабельность по ЕБИТДА российских металлургических компаний

Рентабельность стальных сегментов крупнейших российских металлургических компаний в 2013–2016 гг. не превысит 10 %. По оценкам аналитиков, для поддержания устойчивости операционной модели металлургических компаний необходима рентабельность по EBITDA 16 %. Критический показатель рентабельности для выживания компаний – 9 %. Снижение рентабельности, в первую очередь, отрицательно отражается на инвестиционной деятельности. Нестабильность внутреннего рынка затрудняет выбор эффективных направлений развития и увеличивает сроки окупаемости инвестиционных проектов [3]. Только эффективное управление наиболее важными бизнес-процессами способно помочь компании улучшать свои финансово-экономические показатели [16], [20]. Эффективное управление сбытом и процессом ценообразования является одним из них.

Ценообразование на промышленных рынках влияет не только на финансовые показатели компании, но и на потребительское поведение, стратегические задачи дилеров и конкурентов, а также на экологию всей отрасли в целом. Таким образом, процесс ценообразования необходимо отнести к числу наиболее сложных и ответственных процессов на предприятии [17], [18]. Поэтому, чтобы достичь успеха, предприятиям металлургического комплекса, одним из ярких представителей которого является ОАО «Северсталь», важно выбирать эффективные способы определения цены.

Процесс ценообразования, действующий на данный момент на Череповецком металлургическом комбинате ОАО «Северсталь» (далее ЧерМК ОАО «Северсталь»), можно разделить на 3 основных этапа:

1. Формирование базовых цен на металлопродукцию на предстоящий период продаж.
2. Подготовка прейскуранта приплат и скидок на металлопродукцию.
3. Расчет конечного уровня цен для клиента на металлопродукцию.

На всю продукцию, которую производит ОАО «Северсталь», утверждаются прейскуранты базовых цен, разделенные по региональному признаку.

В зависимости от способа производства и вида металлопроката специалистами ГЦО ЧерМК ОАО «Северсталь» формируются прейскуранты, в каждом из которых выделен базовый стандарт и базовый профилазмер с установленной базовой ценой [10]. При назначении цены по сделке в качестве минимального уровня используется определяемая прейскурантная базовая цена с учетом прейскуранта приплат и скидок по формуле:

$$\text{ЦЕНА} = [\text{БЦ} * (1 + \text{пр/ск}_1 + \dots + \text{пр/ск}_n) + (\text{пр/ск}_1 + \dots + \text{пр/ск}_n)] * (1 + \text{пр/ск}_1 + \dots + \text{пр/ск}_n).$$

При этом выделяют технические приплаты / скидки в % (пр/ск₁), технические приплаты / скидки в денежном выражении (пр/ск_n), коммерческие приплаты / скидки.

Для выстраивания долгосрочных отношений с определенными клиентами могут предлагаться долгосрочные контракты (заключение длинных соглашений) с фиксацией цен и объемов на период от 3 месяцев до полугода и более. При этом должна быть предусмотрена возможность пересмотра цены при серьезном изменении рыночной ситуации. Заключение долгосрочных контрактов с клиентами очень выгодный и удобный инструмент работы как для металлургического предприятия, так и для самого клиента, так как имеет определенные преимущества:

- улучшение показателей качества планирования производства;
- оптимизация загрузки имеющихся производственных мощностей;
- повышение качества продукции и ритмичности поставок;
- стабилизация в целом работы производственной цепочки от сырья до готовой продукции;
- усиление позиций на стратегических рынках.

Объем сделок по длинным соглашениям в общей сумме не превышает 20 %, более того в динамике заметно снижение количества заключенных в компании долгосрочных контрактов. При этом необходимо отметить, что на 1 % сделок по длинному соглашению с клиентом приходится более 1 % выручки компании, а по спотовым сделкам показатель выручки составляет менее 1 %. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости увеличения объема сделок на условиях длинного соглашения. Одной из основных причин, по которым доля сделок по длинным соглашениям на рассматриваемом предприятии невелика, является несовершенный метод установления цены на данный вид сделки. Процедура установления цены заключается либо в согласовании ее величины во время переговоров между продавцом и клиентом, либо в применении действующего прейскуранта по базовым ценам и прейскуранта приплат и скидок, принятых на ЧерМК ОАО «Северсталь».

В рамках работы с потребителями металлопродукции ЧерМК ОАО «Северсталь» осваивает и реализует новые виды продукции (далее – НВП) [14]. НВП – это продукт, который по своим техническим характеристикам и механическим свойствам является уникальным на рынке черной металлургии или для предприятия, на котором он производится. В результате цена на НВП устанавливается или по прейскуранту приплат и скидок в сравнении с близким по характеристикам продуктом затратным методом, либо экспертным методом, что также ведет к потере потенциальной прибыли [5], [6].

Существующая система принятия ценовых решений на ЧерМК ОАО «Северсталь» по факту заключается в принятии ценового решения «по марже», что связано в первую очередь с реализацией сложного сортамента. Исследование показало, что около 50 % всех сделок, принимаемых на ОАО «Северсталь», требует одобрения заместителя директора. В свою очередь, уровень скидки заместителя директора не фиксирован и не зависит от объема, что приводит

к сильной централизации ценовых решений по продаже металлопродукции.

Таким образом, стоит выделить основные проблемы и недостатки функционирующего на данный момент на ЧерМК ОАО «Северсталь» процесса ценообразования:

1. При формировании базовой цены используется небольшое количество аналитических материалов, которые не в полной мере отражают и рыночную ситуацию в отрасли черной металлургии и ситуацию, которая складывается во внутренней среде предприятия. В результате базовый уровень цен на металлопродукцию формируется недостаточно эффективно.

2. Существующая система безальтернативна и включает в себя единственный подход, который заключается в расчете цены исходя из установленного уровня базовых цен и прејскуранта приплат и скидок на основе затратного метода ценообразования.

3. Существующая система формирования цен по длинным соглашениям имеет договорной характер, не учитывающий рыночную конъюнктуру и не имеющий конкретной и прозрачной для клиента методики формирования цены.

4. Метод установления конечного уровня цены на НВП на рассматриваемом предприятии, к сожалению, не организован.

5. Практически все ценовые решения на ЧерМК ОАО «Северсталь» принимаются с использованием управленческой скидки, что снижает эффективность действующего механизма приплат и скидок.

6. Жесткая централизация ценовых решений на ЧерМК ОАО «Северсталь» является основной причиной для недостаточно гибкого реагирования на изменения конъюнктуры рынка металлопродукции, что приводит к снижению конкурентных преимуществ компании.

С целью совершенствования ценообразования на металлургическом предприятии предлагается использовать три подхода к расчету конечной цены для клиента. Одним из них является метод формульного ценообразования для формирования цены по длинным соглашениям на конкретный продукт для определенного клиента. Для расчета цены на новые виды продукции предлагается использовать ценообразование на основе показателя ценности для клиента. В результате реализуется принцип альтернативности, который предусматривает помимо расчета цены, исходя из установленного уровня базовых цен и прејскуранта приплат и скидок, внедрение двух дополнительных подходов к расчету цены, учитывающих особенности клиента, рыночную ситуацию и тип продаваемой продукции (рис. 2).

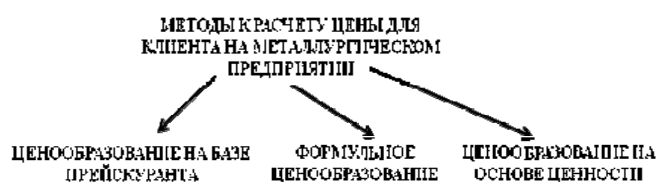

Рис. 2. Подходы к расчету конечной цены для клиента на товарную продукцию металлургического предприятия

Первый подход – ценообразование на базе прејскурантных цен, который заключается в расчете уровня цены исходя из установленного уровня базовых цен на товарную продукцию и существующего прејскуранта приплат и скидок. При расчете уровня цены на конкретную сделку в основном используется данный подход к ценообразованию, хотя не для всех клиентов предприятия он целесообразен. В результате проведенного исследования [10] было выявлено, что применение данного подхода эффективно при продаже на спотовый рынок, т.е. клиентам, работающим на вторичном рынке и приобретающим металлопрокат с целью дальнейшей перепродажи, а также приобретающим металлопродукцию в объемах до 120 т. В основном это крупные металлотрейдеры и мелкие покупатели металлопродукции. В результате проведения и внедрения предлагаемых нововведений на этапе расчета базовых цен данный метод расчета цены будет более эффективен для предприятия. Перед подготовкой прејскуранта приплат и скидок предлагается внедрить более эффективную систему делегирования полномочий по принятию решения по конечной цене продажи для клиента.

Предлагаемая система заключается в выделении 5 основных уровней полномочий и соответствующей этим уровням определенной величине скидок.

1. Уровень прејскуранта – расчет конечной цены и продажа исходя из установленного уровня скидок по прејскуранту.

2. Уровень торгового представителя (менеджер по продажам) – использование определенной дополнительной скидки к 1 уровню.

3. Руководитель отдела продаж – использование определенной дополнительной скидки ко 2 уровню.

4. Директор по продажам или заместитель директора по продажам – использование определенной дополнительной скидки к 3 уровню.

5. Генеральный директор предприятия – использование определенной дополнительной скидки к 4 уровню.

Для эффективного функционирования предлагаемой системы необходимо чтобы 60–80 % сделок согласовывались по утвержденным с руководством базовым ценам. Все предлагаемые уровни скидок рассчитываются ежемесячно и вносятся в прејскурант. Данный прејскурант обновляется при необходимости.

Относительно первого и очень важного блока в прејскуранте следует заметить, что проведенный анализ показал: на данный момент используется затратный метод расчета приплат и скидок, а это негативно отражается на расчете конечной цены продаж и приводит к снижению прибыли на предприятии [5], [6].

На основе комплексного подхода к процессу ценообразования [4] предлагается внедрить эффективный алгоритм расчета технической приплаты на металлургическом предприятии (рис. 3).

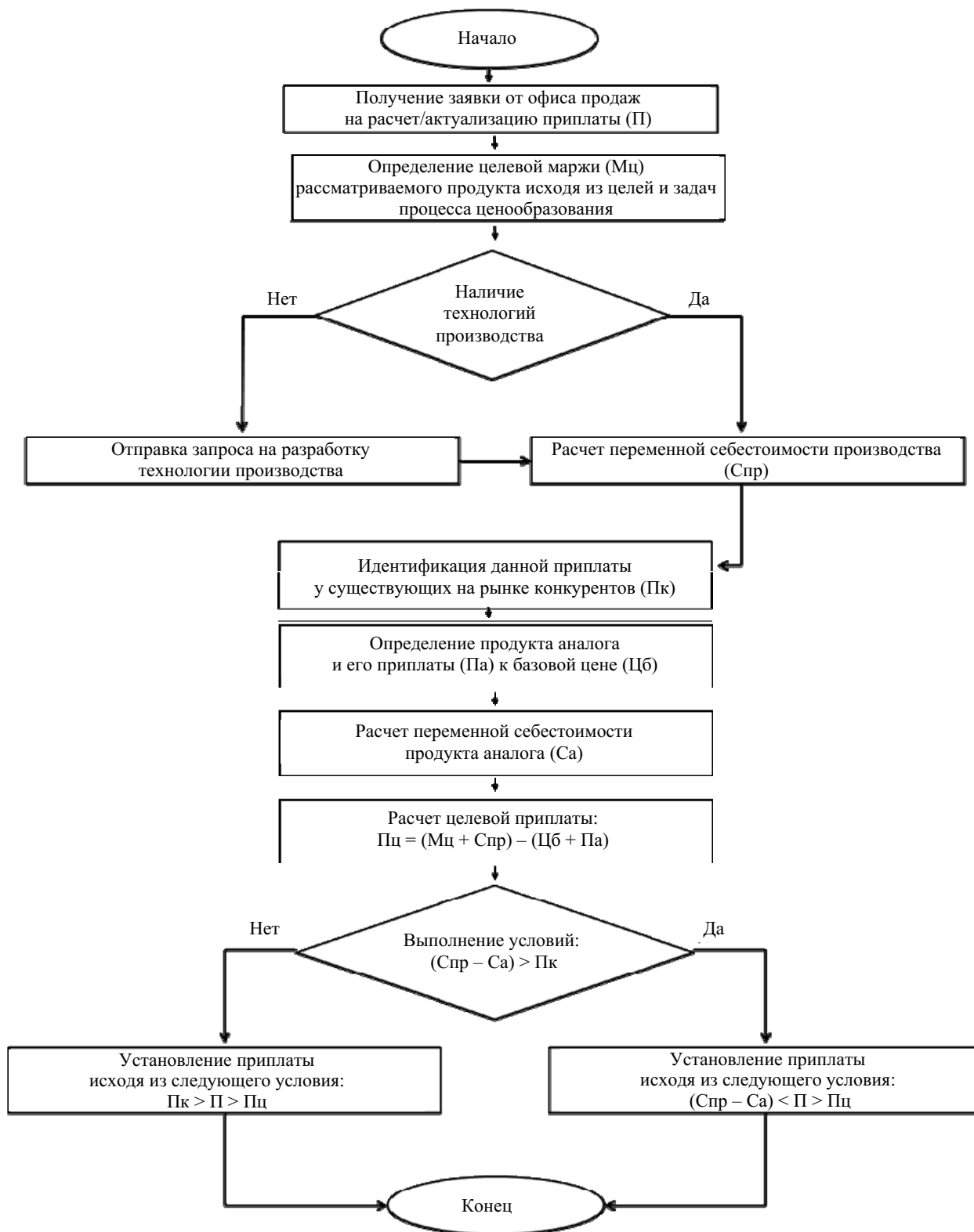

Рис. 3. Предлагаемый алгоритм расчета технической приплаты на металлургическом предприятии

Для функционирования предложенного алгоритма расчета технической приплаты необходимо дополнительно определять уровень целевой маржи для рассматриваемого продукта. Рассчитанный уровень целевой маржи не должен противоречить установленным целям и задачам процесса ценообразования

на металлургическом предприятии. Также для применения комплексного подхода к ценообразованию необходимо определять продукт-аналог, близкий по химическим, техническим и механическим свойствам. Дополнительно для понимания текущего сложившегося уровня цен на рынке по рассматриваемо-

му продукту предлагается идентифицировать наличие данной приплаты у конкурентов. Определение и расчет перечисленных выше подходов поможет установить целевой уровень технической приплаты по следующей формуле:

$$\Pi_{ц} = (M_{ц} + C_{пр}) - (\Pi_{б} + \Pi_{а}),$$

где $\Pi_{ц}$ – уровень целевой технической приплаты на рассматриваемый продукт; $M_{ц}$ – уровень целевой маржи на рассматриваемый продукт; $C_{пр}$ – переменная себестоимость рассматриваемого продукта; $\Pi_{б}$ – уровень базовой цены; $\Pi_{а}$ – действующая приплата к базовой цене продукта аналога.

Окончательное определение приплаты осуществляется при выполнении определенных условий:

Если $(C_{пр} - C_{а}) > \Pi_{к}$, то $(C_{пр} - C_{а}) < \Pi > \Pi_{ц}$;

Если $(C_{пр} - C_{а}) < \Pi_{к}$, то $\Pi_{к} > \Pi > \Pi_{ц}$,

где Π – уровень устанавливаемой приплаты за рассматриваемый продукт; $\Pi_{к}$ – рыночный уровень технической приплаты за рассматриваемый продукт; $C_{а}$ – переменная себестоимость продукта аналога.

Таким образом, предлагаемый алгоритм расчета технической приплаты будет соответствовать предложенному комплексному подходу к формированию цен на металлургическом предприятии и повысит эффективность процесса ценообразования [4], [10].

Второй подход – формульное ценообразование предполагает расчет цены в долгосрочных контрактах (длинных соглашениях). Применение данного метода ценообразования эффективно для рынка конечного потребителя металлопродукции, т.е. для клиентов, которые в дальнейшем перерабатывают приобретаемый продукт и производят собственный. Данный подход к ценообразованию используется, к примеру, такими крупными компаниями, как: ОАО «Газпром», ОАО «ТМК» [15]. Предлагаемые ниже методы для расчета цен учитывают изменение конкретной рыночной конъюнктуры в металлургической отрасли, а также имеют постоянную базовую часть цены.

1. *Метод расчета цены от сырьевых индексов.* При использовании данного метода цена рассчитывается на основе согласованного сторонами сделки уровня базовой цены на базовый вид проката, а также ежемесячно меняющегося индекса цен производителей промышленных товаров и рассчитываемого изменения сырьевой составляющей публикуемых информационным агентством Steel Business Briefing [8], информационным агентством Metaltorg.ru [7]. Сырьевая составляющая включает в себя абсолютное изменение цены железорудного сырья в отчетном периоде по сравнению с базовым периодом (IODEX 62 % Fe CFR North China, \$/t.), коксующегося угля в отчетном периоде по сравнению с базовым периодом (Australia export FOB E.Australian port \$/t, avg.), металлолома в отчетном периоде по сравнению с базовым периодом (Rotterdam export FOB, \$/t.) [8].

2. *Метод расчета цены на основе мировых и российских индексов цен на металлопродукцию.* При использовании данного метода цена рассчитывается

на основе согласованного уровня цены на базовый вид проката, а также средних значений котировок на экспортируемый прокат из СНГ за месяц, предшествующий месяцу поставки, и базовый месяц, публикуемых информационным агентством Steel Business Briefing [8]. Кроме этого, учитываются значения котировок на прокат у металлопроизводителей за месяц предшествующий месяцу поставки, и за базовый месяц публикуемых информационным агентством Metaltorg.ru [7].

3. *Метод расчета цен на основе сырья, рыночных индексов цен, курса \$ и инфляции.* Данный метод отличается от метода расчета цены от сырьевых индексов тем, что в процессе расчета дополнительно учитывается величина изменения курса доллара и индекса цен на толстолистовой прокат.

4. *Метод расчета цен с учетом российских индексов цен на металлопродукцию на базовую марку с участием в расчете приплат.* При использовании данного метода в расчете цены участвуют согласованный сторонами уровень базовой цены, значения котировок на прокат у металлопроизводителей за месяц, предшествующий месяцу поставки, и за базовый месяц, публикуемых информационным агентством Metaltorg.ru [7], а также приплаты и скидки из установленного на предприятии прейскуранта приплат и скидок.

Доказательством эффективности применения формульного ценообразования может служить смоделированная ситуация в отрасли машиностроение. Было проведено моделирование процесса ценообразования на холоднокатаный прокат для клиентом отрасли машиностроения с использованием математической формулы. С данными клиентами компания работала на условиях спотового рынка в течение 2012 г. В результате была смоделирована ситуация, показывающая уровень цен и выручку, которую ЧерМК ОАО «Северсталь» смог бы получить в случае применения метода расчета конечной цены для клиента методом формульного ценообразования. В результате в 2012 г. эффект составил бы 6,67 млн руб. Так как клиент закупает холоднокатаный прокат, то для точности анализа данный прокат был выбран в конкретной марке и толщине. На рис. 4 представлены результаты исследования.

При анализе уровней цен на спотовом рынке и цен, рассчитанных формульным ценообразованием, наблюдается различная динамика. Но основной эффект заключается в увеличении общей выручки за год и таких основных показателей, как EBITDA и чистая прибыль предприятия.

Третий подход – ценообразование на новые виды продукции (НВП) на базе определения ценности для клиента. Основным фактором при данном методе ценообразования считаются не издержки, а восприятие покупателей. Для формирования в сознании потребителей представления о ценности товара субъект хозяйствования использует в своей маркетинговой политике специальные приемы воздействия: дополнительное обслуживание, гарантии покупателя, передача права пользования товарной мар-

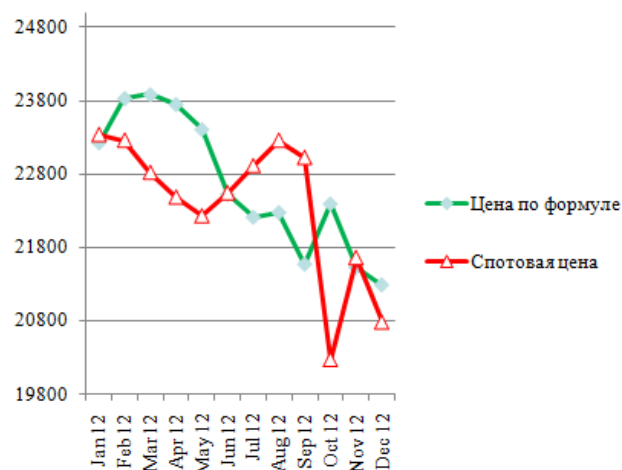

Рис. 4. Динамика цены продаж на спотовом рынке и предлагаемой цены на продукцию для отрасли машиностроения

кой в случае перепродажи. В сознании покупателя полезность товара подтверждается только ценой. На основе данной методики субъект хозяйствования приступает к расчету цены, которая учитывает психологическое восприятие покупателей, соответствие ценовому образу фирмы, учитывает реакцию конкурентов. Особенность данного метода ценообразования состоит в том, что он учитывает не столько экономические, сколько психологические факторы: престижность товара (дорогие автомобили, драгоценности, картины и т.п.). Подход к ценообразованию на основе воспринимаемой ценности требует установить ценность продукта для клиента. Подход к ценообразованию, основывающийся на ценности продукта, строится на восприятии клиентом ценности продукта в различных условиях и ситуациях. Согласно одному из таких подходов, предлагаемому Шапиро и Джексоном [19], требуется осуществить следующие шаги:

- изучить ситуацию, в которой клиент использует продукт;
- установить и проанализировать переменные, определяющие выгоды клиента при использовании продукта в такой ситуации;
- установить и проанализировать переменные, определяющие затраты клиента при использовании продукта;
- определить соотношение «затраты – выгоды» в ситуации использования продукта клиентом [19, с. 119–127].

При этом именно затраты клиента, а не продавца на производство продукта являются центральным фактором, рассматриваемым в ценообразовании на основе воспринимаемой ценности товара. Для эффективного функционирования данного метода расчета цен предлагается использовать определенный алгоритм расчета технической приплаты на НВП на металлургическом предприятии. Основой алгоритма является предложенный выше порядок расчета технической приплаты на металлопродукцию. Основной

особенностью предложенного подхода является процесс определения ценности продукта для клиента подробно рассмотренный выше.

Таким образом, исследования методических основ и подходов к процессу ценообразования на примере конкретного предприятия позволило выделить основные недостатки и разработать на этой основе методические и практические рекомендации по повышению эффективности управления ценообразованием на металлургическом предприятии. Практическая значимость результатов исследования подтверждается возможностью их применения менеджментом металлургических предприятий для формирования эффективного процесса ценообразования.

Литература

1. Агентство экономических новостей Bloomberg. – URL: <http://www.bloomberg.com/>.
2. Агентство экономического анализа и прогнозов Focus economics. – URL: <http://www.focus-economics.com/>.
3. Брю, С. Экономикс: принципы, проблема и политика: в 2 т. / С. Брю, К. Макконелл. – М., 2007.
4. Виноградов, А.Н. Повышение эффективности управления процессом ценообразования на металлургическом предприятии / А.Н. Виноградов // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – № 4 (51). – Т. 1. – С. 38–42.
5. Герасименко, В.В. Ценообразование / В.В. Герасименко. – М., 2008.
6. Есинова, В.Е. Цены и ценообразование / В.Е. Есинова. – СПб., 2007.
7. Информационное агентство Metaltorg.ru. – URL: <http://www.metaltorg.ru/>.
8. Информационное агентство Steel Business Briefing. – URL: <https://www.steelbb.com/>.
9. Липсиц, И.В. Ценообразование, управление ценообразованием в организации / И.В. Липсиц. – М., 2004.
10. Магруппова, З.М. Организационно экономические основы управления сбытовой и закупочной деятельностью предприятий металлургического комплекса / [З.М. Магруппова и др.]. – Череповец, 2014.
11. Министерство экономического развития РФ. – URL: <http://economy.gov.ru/minec/main/>.
12. Некоммерческое партнерство «Русская Сталь». – URL: <http://www.russtal.ru/>.
13. Нэгл, Т.Т. Стратегия и тактика ценообразования / Т.Т. Нэгл. – СПб, 2004.
14. ОАО «Северсталь». – URL: <http://www.severstal.com/>.
15. Пресс центр ОАО «Газпром». «Газпром» будет закупать более 95 % трубной продукции с применением формул цены». – URL: <http://www.gazprom.ru/press/news/2013/june/article164776/>.
16. Салимжанов, И.К. Ценообразование / И.К. Салимжанов. – М., 2007.
17. Сарафонова, Е.В. Коммерческое ценообразование / Е.В. Сарафонова. – М., 2004.
18. Уткин, Э.А. Цены. Ценообразование. Ценовая политика / Э.А. Уткин. – М., 2002.
19. Уэбстер, Ф. Основы промышленного маркетинга / Уэбстер Фредерик. – М., 2005.
20. Чубаков, Г.Н. Стратегия ценообразования в маркетинговой политике предприятия / Г.Н. Чубаков. – М., 2006.

О ВОПРОСЕ РАЗВИТИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

В статье рассматривается современное состояние некоммерческого сектора в России и проблемы его развития, сформулированы предложения по оказанию поддержки, направленной на обеспечение динамичного роста и ускорения развития некоммерческих организаций (НКО) в современных экономических условиях.

Некоммерческий сектор, индекс устойчивости НКО, государственная поддержка НКО.

In the paper, the modern condition of the non-profit sector in Russia and problems of its development are considered. The proposals on providing support are formulated aimed at ensuring dynamic growth and accelerating the development of non-profit organization in the current economic environment.

Non-profit sector, sustainability index of non-profit organization, government support of non-profit organization.

Российский некоммерческий сектор играет важную роль в социально-экономической жизни страны. Являясь источником различных социальных инноваций, он динамично развивается. Высокие темпы роста выпуска продукции и услуг некоммерческих организаций в условиях нестабильного финансирования, которое основывается на безвозмездных поступлениях от юридических и физических лиц, свидетельствуют о том, что работа в этой области является эффективной. И все же, согласно современным исследованиям, большое количество некоммерческих организаций (НКО) не включены в систему предоставления общественно значимых услуг, финансируемых государством. Следует отметить и тот факт, что НКО не развивают платные услуги для населения. В связи с этим у российских некоммерческих организаций имеется большой потенциал для развития. Российское общество существует на основе функционирования трех институциональных секторов: первый сектор – государство, второй – коммерческие организации, третий – НКО. В современных экономических условиях распространение получают партнерские взаимодействия секторов, направленные на выработку и реализацию общественно значимых проектов, способствующих инновационному развитию страны. Третий сектор создает условия для обеспечения социальной и политической стабильности, повышения жизненного уровня населения а, значит, устойчивого развития страны. Некоммерческие организации создаются для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, для развития физической культуры и спорта, охраны здоровья граждан, удовлетворения духовных и нематериальных потребностей людей, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

«Третий сектор» России по основным показателям своего развития отстает от некоммерческого сектора развитых стран. Существенное отставание наблюдается при сопоставлении показателей развития НКО в России и в развитых странах (табл. 1).

Таблица 1

Показатели развития некоммерческого сектора в России и развитых странах в 2013 г.

Показатели	В России	В развитых странах (средний показатель)
Доля НКО в ВВП	0,9 %	6,5 %
Доля занятых в «третьем секторе» от общего числа работающего населения	1,1 %	7,1 %
Доля социально-ориентированных НКО от общего числа НКО	13,5 %	60–70 %

Источник: Доклад о развитии институтов гражданского общества в России. «Третий сектор» в России: текущее состояние и возможные модели развития, 2013 г. [1]

Показатель занятости в некоммерческом секторе России в 2003 г. составлял 0,8 %. За десятилетний период он увеличился незначительно и в 2013 г. составил 1,1 %. Для сравнения: по оценке “The Boston Consulting Group” в 2002 г. этот показатель превышал российский и составлял во Франции 9,0 %, в Германии – 6,8 %, в США – 9,2 %. Для успешной работы в некоммерческом секторе необходимо наличие нескольких источников финансирования. Однако, несмотря на разнообразие возможных источников, объемы денежных средств НКО находятся на низком уровне. Такое отставание в развитии некоммерческого сектора России связано с его финансовым обеспечением: вложения в сектор не отвечают современным потребностям.

Третий сектор отличается способностью оперативно реагировать на нужды различных социально-демографических групп, решать новые социальные вызовы и проблемы, характеризуется низкими административными издержками, способностью привлекать добровольцев. Деятельность любой НКО призвана улучшать показатели уровня образования и

здоровья нации, что увеличивает эффективность экономики, обеспечивая экономический рост. Некоммерческий сектор является источником социальных инноваций, так как многие образовательные, управленческие и информационные технологии, современные методы социальной работы впервые внедряются именно некоммерческими организациями, а затем становятся частью государственной и муниципальной политики. Некоммерческий сектор обеспечивает занятость населения, более активен в вовлечении в экономическую деятельность социально уязвимой части населения.

В современных экономических условиях необходимо формирование новой идентичности сектора, по-новому нужно формулировать миссию и цели НКО, а также цели отдельных программ и проектов. Объясняется это тем, что многие проекты третьего сектора имеют значительное влияние на судьбы конкретных людей, несмотря на то, что их общественная полезность зачастую внешним аудиториям неочевидна. В связи с этим необходимы дополнительные усилия, например, со стороны экспертов, для объяснения важности деятельности НКО в контексте ценностей благополучия.

Согласно результатам аналитического исследования «Индекс устойчивости НКО» (NGO Sustainability Index) не меняется уже 15 лет подряд [2]. Означает ли это, что третий сектор успешно противостоит угрозам? Или из последних сил пытается сохранить достигнутый уровень и стагнирует? Исследование является уникальным, потому что оно одно из немногих, которые проводятся на протяжении длительного времени – 15 лет, к тому же исследуется устойчивость всего сектора, а не отдельных организаций. Индекс устойчивости является ключевым аналитическим инструментом для оценки состояния гражданского сектора в странах Центральной, Восточной Европы и Евразии. Индекс устойчивости отражает благоприятность условий для существования гражданского общества в целом и основывается на следующих параметрах:

1) правовая среда: легко ли зарегистрировать организацию, существуют ли налоговые послабления, может ли организация получать доход от товаров и услуг и т.п.;

2) организационные возможности: например, имеется ли у организации стратегическое планирование, может ли она позволить себе постоянных сотрудников и др.;

3) финансовая устойчивость;

4) защита общественных интересов;

5) предоставление услуг;

6) инфраструктура и общественный имидж.

Каждый из параметров оценивается по семи-балльной шкале, где 1 – наиболее высокий и 7 – низкий уровень устойчивости. Индекс устойчивости разработан Агентством США по международному

развитию в партнерстве с местными организациями в каждой стране, где измеряется данный Индекс. Индекс устойчивости НКО для России в 2009 г. составил 4,4 балла (табл. 1). Для сравнения: Эстония (2,0), Польша (2,2), Чехия (2,7) Украина (3,5), Белоруссия (5,9).

В 2013 г. итог для России также составил 4,4 балла. И в течение 15 лет значение индекса меняется незначительно и не только для России. Но хотелось бы отметить, что Россия значительно отстает от стран Центральной и Восточной Европы по уровню устойчивости и развития НКО (см. таблицу).

Согласно данным отчета "The Boston Consulting Group", общий уровень устойчивости НКО распределяется по стадиям: «повышенная устойчивость» от 1,0 до 3,0 баллов, «развивающаяся устойчивость» от 3,0 до 5,0 баллов и «затрудненная устойчивость» от 5,0 до 7,0 баллов [4].

В Российской Федерации уровень устойчивости НКО оценивается экспертами как находящийся в стадии развивающейся устойчивости, так как показатели параметров варьируют в интервале от 3,0 до 5,0 баллов. За 2013 г. численность НКО в России значительно сократилась. По данным Министерства юстиции на октябрь 2013 г. в России были зарегистрированы 225 306 российских НКО, что значительно меньше, чем в 2012 г. (398 202 НКО). Эксперты отметили некоторое ухудшение правовой среды НКО. Основной причиной потери устойчивости в правовой среде считают реализацию «закона об иностранных агентах» и последовавшие за этим массовые прокурорские проверки.

Среди негативных тенденций было также отмечено сокращение источников финансирования НКО. По данным Минэкономразвития, в 2013 г. объемы иностранного финансирования НКО сократились примерно на 19 млрд руб. (примерно \$520 млн) [2].

Среди положительных тенденций эксперты отмечают расширение спектра предоставляемых НКО услуг. Больше внимания стало уделяться социальному предпринимательству, появляются новые услуги для пожилых людей. Все чаще органы государственной власти рассматривают НКО в качестве партнеров в области оказания социальных услуг населению.

По словам директора САФ России М. Черток, замороженная кривая индекса в течение 15 лет говорит о застойных явлениях, об отсутствии ускорения и системности, которая не сочетается с количественным ростом [5]. Причиной отсутствия динамичного развития НКО является отсутствие должного уровня государственной поддержки некоммерческих организаций. В настоящее время в России существует несколько программ государственной поддержки НКО, но они являются не согласованными между собой, о чем свидетельствует анализ, проведенный "The Boston Consulting Group" [4] (см. рисунок).

Индекс развития сектора НКО в России (NGO Sustainability Index) в 2013 г.

Параметры	Характеристика параметра	Значение в баллах	Динамика 1999–2013 гг.
Законодательная среда	– Простота регистрации и ведения деятельности для НКО; – благоприятное налоговое законодательство; – законодательство, позволяющее НКО участвовать в государственных закупках	4,8	↓
Организация и управление	– Наличие у НКО миссии, ее активное продвижение; – наличие четкой структуры управления; – достаточное количество постоянных сотрудников	4,4	↓
Финансирование	– Независимость большинства НКО от зарубежного финансирования; – способность НКО получать доходы от собственной деятельности; – постоянство финансовых потоков для НКО (от бизнеса и государства)	4,9	↑
Защита НКО своих интересов	– Доступ НКО к участию в законодательных инициативах; – осознание большинством НКО важности диалога с государством	4,1	↓
Участие НКО в предоставлении услуг	– Предоставление НКО широкого спектра услуг (не просто перераспределение средств нуждающимся); – наличие государственных механизмов компенсации затрат НКО на социальные услуги	4,2	↑
Инфраструктура	– Наличие НКО (ресурсные центры), предоставляющих поддержку другим НКО – образование, информация, помещения и т.д.; – наличие сети обмена информацией между НКО	4,0	↑
Доверие к НКО / Имидж	– Широкое освещение деятельности НКО в СМИ; – осознание важности действий НКО бизнесом и гражданами; – стремление ведущих НКО к публичности, публикации отчетов	4,7	↓

– ухудшение по направлению

– улучшение по направлению

	Программа Президентских грантов	Программа Минздравсоцразвития	Региональные программы	Программа поддержки СО НКО МЭР
Категории НКО, поддерживаемые программой	<ul style="list-style-type: none"> 5 направлений • Проведение мониторинга гражд. общества • Образование, культура • Защита прав человека • Социальная защита, охрана здоровья • Молодежные инициативы 	<ul style="list-style-type: none"> Направления, связанные с деятельностью Минздравсоцразвития • Реабилитация • Поддержка ветеранов • Поддержка профсоюзов 	<ul style="list-style-type: none"> Широкий перечень направлений • Поддержка семьи и детей • Поддержка молодежи • Реабилитация и адаптация инвалидов • Развитие спорта • и т.д. 	<ul style="list-style-type: none"> 5 направлений • Профилактика социального сиротства • Повышение качества жизни пожилых • Соц. адаптация инвалидов • Развитие спорта, дополнит. образования • Межнац. сотрудничество
Объем финансирования в 2011 г.	1 000 млн руб.	850 млн руб.	9 300 млн руб.	880 млн руб.
Механизм распределения средств	<ul style="list-style-type: none"> • Конкурс • 5 НКО-операторов распределяют финансирование по направлениям 	<ul style="list-style-type: none"> • Целевое финансирование фиксированного перечня организаций 	<ul style="list-style-type: none"> • Конкурс • Гранты распределяют профильные департаменты (образования, здравоохранения и т.д.) 	<ul style="list-style-type: none"> • Конкурс • МЭР распределяет финансирование между регионами и крупными СО НКО
Недостатки программы	<ul style="list-style-type: none"> • Высокие административные расходы НКО-операторов (10% бюджета) • Непрозрачность критериев отбора программ • Большая часть средств оседает в Москве и Санкт-Петербурге 	<ul style="list-style-type: none"> • Отсутствие конкурса • Фиксированный список организаций-получателей 	<ul style="list-style-type: none"> • Недостаток средств в бюджетах регионов • Возможно – недостаточные компетенции регионов в проведении конкурсов 	<ul style="list-style-type: none"> • Недостаточная проработанность критериев распределения финансирования и механизмов мониторинга эффективности

Рисунок. Программы государственной поддержки НКО на 2011 г.

Исходя из представленной Программы государственной поддержки, можно отметить, что необходимо осуществлять поддержку сектора НКО поэтапно. На первом этапе, ориентировочно к 2015 г., важно продолжить выстраивание отрасли НКО и ее ин-

фраструктуры: необходимо сфокусироваться на нефинансовых механизмах государственной поддержки и достижении прозрачности деятельности. На втором этапе важно обеспечить рост отрасли НКО. За счет увеличения государственных источников

финансирования можно передать НКО многие социальные услуги, оказываемые сегодня государством. Данный этап необходимо реализовать ориентировочно к 2020 г. в рамках стратегических государственных программ по развитию отраслей, заканчиваемых к этому периоду. Третий этап развития государственной поддержки НКО необходимо выстраивать в последующие периоды: вектор развития поддержки НКО должен быть направлен на достижение уровня лучших практик, характерных развитым странам, путем изучения передового опыта, применения совершенных инструментов финансирования, в том числе инновационных.

На сегодняшний день для реализации первого этапа определена стратегическая цель поддержки НКО: повышение качества жизни населения в сферах, где наблюдается неэффективность участия государства. Социальные приоритеты имеют: профилактика социального сиротства, социальная адаптация инвалидов, повышение качества жизни пожилых, развитие дополнительного образования и спорта, межнациональное сотрудничество. Целями реализации должны явиться: рост количества НКО на 1000 человек населения; рост вклада НКО (увеличение доли в ВВП с 0,9 до 1,5 %); рост компетенций НКО (30 % НКО в государственном реестре с прозрачной отчетностью); определение дополнительных индикаторов качества развития сектора НКО. Осуществление этих задач возможно с помощью следующих комплексов мер:

1) нормативная база: документы, регулирующие процедуру выдачи субсидий, налоговые льготы для бизнеса, налоговые льготы для НКО, требования к отчетности и аудиту;

2) институты: закрепление ответственности государственных органов за публикацию отчетности НКО, координацию пропаганды социальной ответственности, мониторинг эффективности программ поддержки НКО;

3) механизмы / инструменты: критерии и процедуры выдачи субсидий, площадка для НКО и жертвователей, обучение представителей НКО и государства, стабильный источник дохода.

Сектор НКО обладает огромным созидательным потенциалом и готов выйти на новый уровень, но необходима поддержка со стороны различных общественных институтов.

Анализ состояния устойчивости сектора НКО позволяет сформулировать следующие предложения по совершенствованию поддержки, направленной на обеспечение динамичного роста и ускорения развития НКО:

1. Операционализация понятия благополучия в содружестве с научным сообществом. Модель благополучия должна включать факторы, которые значимы для жителей России, и основываться на российских реалиях, иметь практический характер.

2. Развитие культуры и конкретных механизмов оценки влияния (*impact measurement*). Инфраструктурным организациям необходимо развивать навыки оценки результатов социальной услуги, широко рас-

пространять данную практику, обучать специалистов.

3. Донести до руководителей НКО идею выражения качественных результатов своей деятельности в терминах социального и экономического эффекта, как очень важную и полезную в рамках взаимодействия НКО с государством и донорами.

4. Акцентировать в работе со СМИ внимание на социальных результатах деятельности НКО, их вкладе в достижение общественного благополучия, изменении гуманитарного климата российского общества. Необходимо подробно и систематически рассказывать широкой общественности о «героях благотворительности» и их делах, а также о людях, чья жизнь изменилась к лучшему в результате деятельности НКО.

5. Улучшение практики взаимодействия с бюджетными социальными учреждениями. При этом возникает возможность объединения усилий. Социальные учреждения, обладающие материальными ресурсами, могут привлекать к своим проектам специалистов НКО с соответствующей квалификацией.

6. Улучшение системы госзакупок с ориентацией на НКО, где это возможно. На этапе формирования заказа для более точного определения потребностей целевых групп возможно привлечение экспертов НКО в соответствии с профилем заказа. Формирование заказа формулировать в терминах социального результата, а не номенклатурных групп услуг и инициировать разработку комплексной системы оценки заявок НКО на тендеры и конкурсы. Осуществить введение критериев качества и оценки вклада услуги в улучшение качества жизни ее потребителей.

7. Развитие официальных механизмов обратной связи от НКО, получающих государственное финансирование, для совершенствования способов оценки проектов и отчетности.

8. Отмена для организаций, находящихся на упрощенной системе налогообложения, раздельного учета коммерческой и некоммерческой деятельности. Данный вопрос является принципиальным, так как ведение НКО предпринимательской деятельности позволяет получать доход, который направлен на социальные нужды общества.

9. Повышение финансовой грамотности НКО, низкий уровень которой препятствует развитию экономики сектора и несет в себе существенные риски.

10. Инициация создания инновационных финансовых институтов поддержки и развития НКО и социальных предприятий, которые предоставляли бы низкопроцентные займы или гарантии без имущественного обеспечения, а также смешанное финансирование (заем + грант). Такие организации могут повысить устойчивость НКО к изменениям внешней среды, стимулировать их предпринимательскую активность, увеличивая объемы доступных для НКО пополняемых ресурсов развития, уберегая НКО от возможных рисков.

11. Развитие новых форм финансирования НКО. Донорские средства могут смягчить риски колебания внешней конъюнктуры НКО, не способные позво-

лить себе затраты на инфраструктуру и развитие специалистов, решать серьезные задачи: расширение возможностей предоставления услуг, в том числе на платной основе, обеспечение снижения их издержек за счет укрепления инфраструктуры организаций донорами для НКО, работающих на инновационное развитие.

Таким образом, несмотря на значительные общественно-экономические вызовы и современные условия, в которых приходится развиваться третьему сектору, он обладает огромным созидательным потенциалом. Важно иметь представление о ключевых ценностях, на которых основывается некоммерческий сектор, играющий важную роль в социально-экономической жизни страны и вносящий вклад в ВВП. Некоммерческий сектор – организационная основа общества, продвигающая идеи ценности благополучия человека.

Для НКО необходимым становится переосмысление роли и значения своей деятельности и важно говорить о ней не только как о сфере «предоставления услуг», а в рамках более широкого контекста: вклада в благополучие людей. Одной из наиболее важных

задач для благополучного развития некоммерческого сектора является создание условий для обеспечения динамичного роста и ускорения развития НКО в России.

Литература

1. Доклад о развитии институтов гражданского общества в России // Фонд развития гражданского общества. – URL: <http://civilfund.ru/mat/view/>
2. Индекс устойчивости организаций гражданского общества (ОГО): Россия, 2013 // Филантроп. Электронный журнал о благотворительности. – URL: <http://philanthropy.ru/wp-content/uploads/2014/08.pdf>.
3. Министерство Юстиции Российской Федерации. – URL: <http://minjust.ru>.
4. *Парапечка, С.* Повышение эффективности государственных инвестиций в сектор социально-ориентированных НКО / С. Парапечка // ГОСБУК. – URL: <http://www.gosbook.ru/document/48417/48451/preview>.
5. Устойчивость или застой? // Общественная палата Российской Федерации. – URL: <http://www.oprf.ru/press/news/2012/newsitem/18516>.

УДК 811.112.2'37(045)

Е.В. Боднарук

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЛАГОЛОВ *SOLLEN* И *WOLLEN* ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ЧУЖОЙ РЕЧИ О ПРЕДСТОЯЩИХ СОБЫТИЯХ

В статье анализируются случаи взаимодействия футурального значения и эвиденциального значения пересказывательности при использовании модальных глаголов *sollen* и *wollen* в текстах немецких СМИ. Объясняется отсутствие корреляции данных значений с эпистемической семой «сомнение говорящего в достоверности высказывания».

Немецкий язык, тексты прессы, модальные глаголы *sollen* и *wollen*, футуральное и эвиденциальное значение.

The cases of interaction of future meaning and evidential reportative meaning by using modal verbs *sollen* and *wollen* in the texts of the German press are analyzed in the article. The absence of correlation of these meanings with epistemic seme “doubt of the speaker about the reliability of the statement” is explained.

German language, texts of the press, modal verbs *sollen* and *wollen*, future and evidential meaning.

В современной лингвистике все больше внимания уделяется семантическому потенциалу языковых единиц, а также вопросу актуализации, взаимодействия и модификации значений при употреблении той или иной единицы в конкретном типе дискурса. Целью настоящей работы является анализ взаимодействия некоторых частных значений немецких модальных глаголов *sollen* и *wollen*. Полагаем, что при употреблении данных глаголов в текстах СМИ может происходить регулярная интеракция их вторичных значений, обусловленная, с одной стороны, спецификой медиатекстов, а с другой, – определенным сходством анализируемых значений на глубинном уровне.

Известно, что модальные глаголы в немецком языке характеризуются выраженной многозначностью. С целью систематизации значений принято рассматривать данные глаголы в едином плане, как имеющие деонтические (первичные) и эпистемические (вторичные) значения. Но это положение в полной мере действительно только для глаголов *müssen*, *können*, *dürfen* и *mögen*. Вместе с тем, исследуемые в рамках данной статьи глаголы *sollen* и *wollen* в сочетании с инфинитивом могут выражать следующие значения:

- 1) деонтическое значение (*sollen* – значение должностования, *wollen* – значение волеизъявления);
- 2) эвиденциальное значение (при передаче чужой речи);
- 3) футуральное значение.

Эвиденциальное и футуральное значения, будучи вторичными, не являются собственно модальными, но они имеют множественные точки пересечения с категорией модальности, что позволяет считать глаголы *sollen* и *wollen* в данных значениях модальными.

Эвиденциальное значение указывает, как известно, на «отсылку к источнику информации», передаваемой говорящим [4, с. 92]. Источником информации в случае с модальными глаголами является не говорящий, а другое лицо/лица. Передача речи другого лица или лиц и составляет основу эвиденциальной семантики глаголов *sollen* и *wollen*. В данном значении *sollen* и *wollen* в сочетании с инфинитивом синонимичны высказываниям с косвенной речью. Однако в отличие от стандартной косвенной речи, имеющей структуру сложноподчиненного предложения, данные глаголы используются для передачи чужой речи в составе простого (или элементарного) предложения.

Синонимия двух способов передачи эвиденциального значения пересказывательности подтверждается тем, что предложения с глаголами *sollen* и *wollen* можно заменить сложноподчиненными предложениями с косвенной речью:

Er *soll* in Paris *sein*. = Man *sagt/behauptet* (Es wird *gesagt/behauptet*), er *sei* in Paris.

Er *will* in Paris *sein*. = Er *sagt/behauptet*, er *sei* in Paris.

Таким образом, глаголы *sollen* и *wollen* вбирают в себя функции глаголов речи, передавая в сочетании с инфинитивом полнозначного глагола идею косвенности. Различие в семантике между данными глаголами заключается в следующем. Глагол *sollen* используется для того, чтобы передать речь другого лица или лиц. Автор(ы) передаваемого высказывания при этом не конкретизируются. Поэтому предложению с глаголом *sollen* соответствует сложноподчиненное предложение с неопределенно-личным местоимением *man* (или с отсутствующим подлежащим) в главном предложении. Глагол *wollen* служит для передачи утверждения лица, являющегося в

предложении подлежащим, обычно относительного самого себя. Таким образом, в этом случае субъект передаваемого высказывания вполне конкретен и совпадает с подлежащим.

Глаголам *sollen* и *wollen* при их эвиденциальном употреблении могут приписываться и другие нюансы значения. До недавнего времени традиционной считалась точка зрения о том, что говорящий, используя высказывания с глаголами *sollen* и *wollen*, стремится не только передать речь другого лица или лиц, но и выразить свое отношение к высказыванию, заключающееся в определенной доле сомнения относительно его истинности/правдивости [3, с. 178], [7, с. 16], [9, с. 472–473]. Данная точка зрения высказывается и некоторых работах последнего времени [18, с. 167], [2, с. 19].

Вместе с тем, сегодня нередко утверждается, что оба глагола не способны актуализировать сему сомнения [16, с. 184], [11, с. 2]. Это, впрочем, не означает, что сомнение не выражается в высказываниях с глаголами *sollen* и *wollen*. Оно может проявляться в предложениях с данными глаголами, но далеко не всегда. При этом выражение сомнения все чаще объясняется действием прагматических факторов, сопровождающих высказывание, а не семантикой глаголов как таковых [15, с. 555].

М. Шеннер, детально изучавший использование глагола *sollen* в эвиденциальном значении пересказываемости, ссылается в частности на исследование, проведенное Т. Мортельманс, согласно результатам которого, выражение скептицизма/сомнения со стороны говорящего в высказываниях с глаголом *sollen* – это весьма редкий случай в речевой практике. К тому же и в этих редких случаях сомнение выражается, с точки зрения Т. Мортельманс, не самим глаголом, а другими средствами. М. Шеннер утверждает, что глагол *sollen* выражает не отношение говорящего к передаваемой пропозиции, а то, что пропозиция содержит чужую речь, т.е. является нейтральным маркером косвенности высказывания [16, с. 184].

В отношении глагола *sollen* утверждается также, что он способен к сочетанию с другими средствами выражения эвиденциального значения пересказываемости. В таких случаях косвенность выражается дважды (или даже трижды) различными средствами:

Beata *soll laut Anna* in Paris *sein* – Anna hat gesagt, Beata sei in Paris [16, с. 182] – косвенность выражена дважды.

Anna, *sagt* Bea, *soll angeblich* gestern *angekommen sein* – косвенность выражена трижды [16, с. 195].

Такого рода сочетаемость может, на наш взгляд, свидетельствовать об отсутствии в семантике глагола *sollen* семы «сомнение». В таких случаях лексические средства выполняют, по сути, уточняющую функцию, демонстрируя отношение говорящего к передаваемой речи, его доверие или недоверие к источнику информации.

М. Шеннер отмечает также, что глагол *sollen* может использоваться для выражения косвенности в

составе придаточного предложения, зависимого от ряда глаголов речевой и мыслительной сферы:

Ich glaube/fürchte, Charly *soll* kommen. или: Anna fragte, ob Charly zur Party kommen *soll*.

Первое предложение можно, согласно М. Шеннеру, интерпретировать следующим образом: «Боюсь, что, как говорят, Чарли придет», а второе – «Анна спросила, не говорил ли кто-либо о том, что на вечеринку придет Чарли» [16, с. 187–188].

В грамматике “Duden” отмечается, что глагол *sollen* выражает нейтральное отношение говорящего к передаваемому сообщению, в то время как *wollen* указывает на определенный скепсис со стороны говорящего [8, с. 535], [5, с. 67, 81], [6, с. 248–249]. В Грамматике немецкого языка под редакцией Г. Цифонун есть указание на наличие в обоих случаях определенной дистанционности репродукента от передаваемой речи, но о выражении сомнения речи не идет [12, с. 1892, 1896]. Отмечается также, что глагол *sollen* более употребителен в функции передачи чужой речи, чем *wollen* [15], [19].

Б. Энгелен утверждает, что глагол *sollen* может быть употреблен при передаче чужой речи в любом грамматическом лице, в то время как *wollen* только во втором и третьем лице. При этом высказывание с *wollen*, согласно исследователю, может быть интерпретировано только как сомнительное. Интерпретация же высказывания с *sollen* зависит от анализа экстралингвистических факторов. Так, высказывание *Ich soll in der Narkose gesprochen haben* «Говорят, что я разговаривал, находясь под наркозом», будет скорее всего интерпретировано как соответствующее действительности, в то время как высказывание *Ich soll jahrelang mit ihr verlobt gewesen sein* «Говорят, что я был помолвлен с ней в течение многих лет» – как несоответствующее действительности [10, с. 51].

Во всех известных нам источниках (кроме, пожалуй, работ М. Шеннера), описывающих употребление глаголов *sollen* и *wollen* для передачи чужой речи, отмечается использование данных глаголов при передаче либо уже имевших, либо имеющих место, но не будущих событий [14, с. 100], [8, с. 566–567] и др.

Между тем, в исследованном нами корпусе примеров (извлеченных методом сплошной выборки из текстов журнала “Der Spiegel” от 7 ноября 2011 г.) глаголы *sollen* и *wollen* довольно активно использовались при передаче высказываний, соотносящихся с областью футуральности. В этом случае они выполняли функцию ссылки на третье лицо/третьи лица как источник информации. В предложениях с глаголом *sollen* источник информации обычно не назывался; но он в большинстве случаев выводился из широкого контекста (т.е., по сути, не являлся анонимным). В предложениях с глаголом *wollen* источником информации был грамматический субъект предложения, декларировавший свои намерения (будущие действия):

Der Entwurf für das sogenannte Eisenbahnregulierungsgesetz *soll* im März im Kabinett *beschlossen werden* [17, с. 18].

Die Bundesregierung *will* zahlreiche europäische Forschungsprojekte *kürzen*, um 1,3 Milliarden Euro Mehrkosten für den internationalen Kernfusionsreaktor Iter aufbringen zu können [17, с. 20].

Примечательно, что оба глагола используются в эвиденциальной функции и в соседних, связанных между собой по смыслу, высказываниях:

Aber Ihre Partei *will* nun eine feste Lohnuntergrenze für alle Branchen *einziehen*, die nicht tarifgebunden sind. Und diese Lohnuntergrenze *soll* sich an dem Tarifabschluss der Zeitarbeit *orientieren* – das heißt 7, 89 Euro im Westen und 7, 01 Euro im Osten [17, с. 30].

Оба глагола в текстах прессы были – по понятным причинам – использованы только в форме 3 л. ед. или мн. ч. Следует отметить, что востребованность в такого рода средствах в текстах СМИ очень велика. Дело в том, что журналисты обычно делятся с читателем информацией, полученной двумя основными путями:

а) посредством собственных органов чувств (они были свидетелями ситуации, видели ее собственными глазами, поскольку были на месте события);

б) из вторых (третьих) рук (они узнали информацию от конкретного лица / лиц в личной беседе, или из других средств массовой информации).

Первый путь получения информации обычно влечет за собой информирование об уже прошедших или происходящих в настоящий момент событиях. В то время как информация, полученная вторым путем, не имеет ограничений временного характера. Журналисты, работающие в печатных СМИ, чаще получают информацию как раз вторым путем. Информирова о предстоящих событиях, авторы статей вынуждены прибегать к средствам, указывающим на источник информации. Поэтому глаголы *sollen* и *wollen*, являясь экономичным способом передачи чужой речи, могут не только соседствовать друг с другом в тексте, но и (многократно) повторяться в составе высказывания, а также сочетаться с другими способами передачи чужой речи (прямой и косвенной речью):

„Die Geschehnisse in München sind ein Super-GAU für die Wirtschaftsprüfer“, sagt Michael Gschrei, Präsident der Wirtschaftsprüferkammer. Er *will* die Verantwortlichen zur Rechenschaft *ziehen* [17, с. 90].

В статьях анонсирующего характера наряду с глаголами *sollen* и *wollen* используются и такие средства выражения будущего, как футуральный презенс и футур I. Вплетаясь в общий контекст передачи чужой речи, данные грамматические средства также актуализируют наряду со значением футуральности и эвиденциальное значение:

Bis Ende November *wollen* sich EU-Rat, Kommission und EU-Parlament über die Finanzierung *einigen*. Grundsätzlich *in Frage stellen will* die Bundesregierung das Iter-Projekt nicht. Strom *könne* zwar nicht vor 2050 *produziert werden*, doch der Anstieg des Energieverbrauchs mache es nötig, *die Technologie zu erproben*, heißt es im Forschungsministerium. Im Gegensatz zur Kernspaltung *werden* bei der Kernfusion Atomkerne

verschmolzen. Das Verfahren *soll* neue Energiequellen *erschließen* [17, с. 20].

Подвергнутый анализу эмпирический материал свидетельствует о том, что глагол *sollen*, как справедливо отметил М. Шеннер, действительно может быть употреблен в эвиденциальном значении пересказывательности не только в составе простого, но и в составе придаточного предложения (около 10 % случаев употребления в нашем корпусе примеров):

Im Herbst 2010 spaltete der Bund als neuer Eigentümer die HRE auf. In eine vermeintlich gesunde Bank, die Deutsche Pfandbriefbank (PBB) heißt und eigentlich bis 2015 privatisiert *werden soll*, und in eine Bad Bank, die die Altlasten aus den Schreckensjahren der HRE *ab-bauen soll* [17, с. 88].

Глагол *wollen* также может быть использован в придаточном предложении, но реже чем глагол *sollen* (около 3 % случаев употребления в исследованном корпусе примере):

Diese Haltung stößt allerdings auf den Widerstand des Wirtschaftsflügels, der das Vorhaben in letzter Minute *kippen will*. Josef Schlarmann, der Chef der Unions-Mittelständler und Parteirebell, will die Beschlussempfehlung der Bundespartei in Leipzig mit einem eigenen Antrag torpedieren [17, с. 88].

Подтверждение нашло и утверждение М. Шеннера (и ряда других исследователей) о возможности сочетания глаголов *sollen* и *wollen* с другими средствами выражения эвиденциальности. Наличие дополнительных средств со значением пересказывательности указывает на тот факт, что информация была получена говорящим не из вторых, а из третьих рук. Такую сочетаемость обнаружил в нашем эмпирическом материале глагол *wollen*:

Die AOK *will laut Hermann* durch ihre Rabattverträge allein in diesem Jahr rund 700 Millionen Euro Versicherungsgelder *sparen* [17, с. 92].

Анализ корпуса примеров позволяет сделать заключение о том, что глаголы *sollen* и *wollen* не указывают в текстах прессы на сомнение говорящего в передаваемой информации. Количественные данные свидетельствуют о довольно высокой частотности использования данных глаголов в эвиденциальном значении для передачи предстоящих событий в СМИ. Так, в подвергнутом анализу журнале общее количество примеров с данными глаголами составило 162 единицы (*sollen* – 84, *wollen* – 78). Вместе с тем, семантическая маркированность средства (например, выражение сомнения со стороны говорящего) обычно исключает его высокую частотность в речи.

Таким образом, в текстах прессы модальные глаголы *sollen* и *wollen* при выражении предстоящего часто приобретают и эвиденциальную семантику передачи чужой речи. Такая корреляция значений обуславливается прежде всего особенностями печатных СМИ. Ведь журналисты регулярно сообщают читателям информацию, полученную от других лиц.

Выражение данными глаголами в текстах прессы деонтического значения также возможно, но встречается оно главным образом при передаче прямой

или косвенной речи. Использование модальных глаголов в деонтическом значении является более обычным в ситуации непосредственного общения, но не в авторском тексте от третьего лица.

Несмотря на то, что многие исследователи пишут о возможности употребления глаголов *sollen* и *wollen* в значения будущего, особенно в 3 лице [5, с. 64, 84], [19, с. 91, 95], [13, с. 120] и др., данное значение рассматривается отдельно от эвиденциального значения пересказывательности. Более того, возникает ощущение, что эти значения сознательно разводятся лингвистами, исходя именно из темпорального критерия.

Однако тот факт, что глаголы *sollen* и *wollen* отличаются от других модальных глаголов немецкого языка как раз этими двумя значениями, наводит на мысль о том, что данные значения вполне могут быть связаны между собой на глубинном уровне их семантики. В качестве аргументов в пользу наличия такой связи приведем следующие.

Во-первых, когда мы говорим о будущем, мы часто оперируем имеющимися в наличии данными (информацией) для того, чтобы сделать предсказание или предположение о том, что предстоит. Однако при выражении предсказания или предположения о будущем эвиденциальная сема не выходит на передний план, а занимает скорее периферийную позицию [1, с. 66].

Во-вторых, как эвиденциальное значение, так и значение будущего, могут коррелировать с семантикой эпистемической модальности, проявляющейся в большей или меньшей уверенности говорящего в достоверности высказывания.

В-третьих, и при выражении будущего, и при обозначении эвиденциальности, глаголы *sollen* и *wollen* не должны актуализировать воликативный компонент значения, свойственный данным глаголам при их деонтическом употреблении.

В отношении третьего аргумента следует, впрочем, сделать оговорку, что полной блокировки воликативного значения в речи у данных глаголов часто не происходит. Особенно явным воликативный компонент оказывается при их футуральном употреблении. По этой причине воликативность в большей или меньшей степени сохраняется при использовании глаголов *sollen* и – в особенности – *wollen* для передачи чужой речи о предстоящих событиях.

Итак, в текстах СМИ имеет место регулярное использование глаголов *sollen* и *wollen* для передачи чужой речи о предстоящих событиях. При данном употреблении происходит пересечение двух значений: футурального значения, а также эвиденциального значения пересказывательности. Следует отметить, что соединение двух значений при употреблении глаголов *sollen* и *wollen* является наиболее очевидным именно в текстах СМИ, в которых во многих случаях передается информация, полученная от третьих лиц. При передаче чужой речи о предстоя-

щих событиях в текстах прессы глаголы *sollen* и *wollen* не характеризуются присутствием эпистемического значения «сомнение говорящего в достоверности высказывания». Отсылка к источнику информации свидетельствует здесь скорее о дистанцированности автора текста от передаваемого сообщения.

Литература

1. Боднарук, Е.В. Соотношение футуральноно, эпистемического и эвиденциального содержания в семантике конструкции werden+инфинитив I в немецком языке / Е.В. Боднарук // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2. – С. 61–66.
2. Гремичкая, М.В. Репрезентация концепта «предположение» в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Гремичкая. – Н. Новгород, 2012.
3. Гулыга, Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е.В. Гулыга. – М., 1971.
4. Козинцева, Н.А. Категория эвиденциальности / Н.А. Козинцева // Вопросы языкознания. – № 3. – 1994. – С. 92–104.
5. Крашенинникова, Е.А. Модальные глаголы и частицы в немецком языке / Е.А. Крашенинникова. – М., 1958.
6. Ханзен, Б. Эвиденциальность в немецком языке / Б. Ханзен // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / Отв. ред. В.С. Храковский. – СПб., 2007. – С. 241–252.
7. Шакирова, Р.Д. Функционально-семантическое поле косвенной речи в современном немецком языке (на материале различных функциональных стилей): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р.Д. Шакирова. – М., 1990.
8. Duden Die Grammatik / Dudenredaktion. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2006.
9. Engel, U. Deutsche Grammatik / U. Engel. – Heidelberg, 1996.
10. Engelen, B. Überlegungen zu Syntax, Semantik und Pragmatik der Redewiedergabe / B. Engelen // Linguistische Studien IV. Festgabe für Paul Grebe zum 65. Geburtstag – Teil 2. Düsseldorf, 1973. – S. 46–60.
11. Faller, M. Reportative evidentials and modal subordination / M. Faller. – 2012. – URL: <http://media.leidenuniv.nl/legacy/faller-martina.pdf> (date of access: 06.07.2012).
12. Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun, L. Hoffmann, B. Strecker (Hg.). – Berlin, N.Y., 1997. – Bd. 3.
13. Helbig, G. Deutsche Grammatik / G. Helbig, J. Buscha. – Berlin; München; Wien; Zürich; N.Y., 2001.
14. Lühr, R. Neuhochdeutsch / R. Lühr. – München, 2000.
15. Schenner, M. Double Face Evidentials in German: Reportative “sollen” and “wollen” in Embedded Contexts / M. Schenner // A. Gronn (Ed.) Proceedings of Sinn und Bedeutung, 12. – Oslo, 2008. – P. 552–566.
16. Schenner, M. Semantics of evidentials: German reportative modals / M. Schenner // Proceedings of ConSOLE, XVI, 2008. – P. 179–198.
17. Der Spiegel. – 7.11.11. – № 45.
18. Szczepaniak, R. Grammatikalisierung im Deutschen. Eine Einführung / R. Szczepaniak. – Tübingen, 2011.
19. Vater, H. Sollen und wollen – zwei ungleiche Brüder / H. Vater // Vater H., Letnes O. (Hg.) Modalität und mehr. – Trier, 2001. – S. 81–100.

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ
НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ИЗДАНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ,
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ)**

В статье исследуется трансформация освещения традиционных ценностей молодежной прессой Юга России, исследуется ценностный мир современной молодежи. Представлен сравнительный аксиологический анализ молодежных печатных изданий в советский, постсоветский и современный период.

Традиционные ценности, молодежь, патриотизм, семья, образование, молодежные печатные издания.

The article examines the transformation of youth's press lighting the traditional values in south of Russia and explores the world of values of today's youth. Comparative axiological analysis of youth publications in the Soviet, post-Soviet and modern period is presented.

Traditional values, youth, patriotism, family, education, youth prints.

Ценности представляют собой социально-культурный код общества. Система фундаментальных ценностей определяет облик культуры и формирует генотип социального организма. Традиционные ценности – это своеобразный код российского общества. Исследование материалов региональных молодежных средств массовой информации, освещающих традиционные ценности, показал, что в нашем обществе наблюдается состояние напряженных духовных поисков, продиктованное острой необходимостью в самоопределении и каждой личности, и всего народа. На пороге третьего тысячелетия причиной многих существенных трансформаций стал процесс сохранения традиционных и создание новых ценностей. Фундаментальность социальных сдвигов сейчас такова, что ставится под вопрос весь опыт, накопленный многими поколениями, населяющими страну, их базовые ценности и идеалы. Быстрый, практически мгновенный по историческим меркам переход общества и новый режим функционирования сопровождается разрушением ранее действовавших ценностных ориентиров.

Перемены в социально-экономических и политических отношениях современной России породили в обществе состояние неопределенности. Особенно трудно в подобных условиях приходилось молодым людям. Смена общественно-политического строя привела к тому, что десятилетиями в России насаждались западные (либеральные) ценности, олицетворяющие власть денег, пошлость, разврат во имя превращения советского общества созидания в общество потребления. Во многом это сказалось и в молодежных СМИ, оказывающих большое влияние на ценностный мир молодежи.

Одна из причин сложившейся ситуации заключается в резком социальном расслоении населения по имущественному признаку, в частности, ухудшении положения молодежи как социально-демографи-

ческой категории, усилении негативных явлений, имеется ввиду антипатриотизм, бездуховность, экстремизм, падение общего уровня культуры. В то же время традиционные ценности – патриотизм, семья, знания, труд, коллективизм, благородство, мужество, долг, милосердие – оказываются невостребованными.

Доктор философских наук В. Лутовинов и кандидат педагогических наук Е. Радионов в своей статье «Современная молодежь: основные ценности, позиции, ориентиры» отмечают, что «в условиях весьма неблагоприятных в целом воздействий макросреды снизился престиж нравственности, возросли рваческие ориентации интересы сугубо личного, прагматичного плана в молодежной среде. У значительной части молодежи разрушены и утрачены такие традиционные нравственно-психологические черты, как романтизм, самоотверженность, готовность к подвигу, честность, добросовестность, вера в добро и справедливость, стремление к правде и поиску идеала, к позитивной реализации не только личных, но и социально значимых интересов и целей» [1].

Согласно социологическим исследованиям, проведенным в 2003 г. доктором философских наук, профессором Кубанского государственного аграрного университета С. Хоружей, главными жизненными ценностями для кубанских студентов являлись: семья и близкие (хорошие семейные и дружеские отношения), здоровье, материальное благополучие, общественное признание и успех, интересная работа. (Исследования проводились среди студентов, 166 респондентов возрастом от 16 до 21 года, из них жители города – 53 %, сельской местности – 47 %). Студентам были предложены две анкеты: «Жизненные и морально-этические ценности» и «Социально-экономические ценности».

По мнению С. Хоружей, различия в ориентирах могут складываться вследствие того, что жизнь од-

них людей оказалась тесно переплетенной с новой экономической реальностью, а других – осталась связанной с прежним хозяйственным укладом. Вывод можно сделать следующий: отказ от старых ценностей не привел к формированию новой целостности. Настораживает тот факт, что по некоторым позициям наблюдается явный деградиционный эффект. Так, 51,5 % опрошенных «скорее отрицательно» относятся к морально-нравственному понятию «идеал», нормальным способом зарабатывания денег считают: участие в криминальных группировках – 9 %, проституцию – 6 %, мошенничество – 10,6 %, воровство – 3 % [4].

С целью определения ценностной структуры массового сознания молодежи в 2013 г. автор провел анкетирование среди студентов и учащихся различных вузов Краснодарского края. Респондентам были предложены те же анкеты, что и в 2003 г. В анкетировании участвовали 460 студентов и школьников в возрасте от 15 до 20 лет Кубанского государственного аграрного университета, Государственного морского университета имени Ф.Ф. Ушакова, Краснодарского краевого колледжа культуры, старшеклассники средних школ Краснодарского края (жители города – 57 %, сельской местности – 43 %).

Анализ анкетирования показал, что около 70 % опрошенных респондентов наиболее значимым считают хорошие семейные и дружеские отношения. На вопрос «Ваше представление о счастье?» респонденты на первые места поставили здоровье (87,9 %), счастливую семью (65,8 %) и материальное благополучие (51,3 %). Почти 65 % студентов на вопрос: «Какие чувства вы испытываете, живя в своей стране?» ответили: «Страх перед будущим», 37 % испытывают «Стыд за нынешнее состояние страны». Самой престижной профессией 67,2 % опрошенных считают «государственный служащий», затем «юрист, адвокат, нотариус» (65,6 %). Практически одинаковые баллы набрали профессии «врач» (46,4 %), «учитель» (41,3 %). Почти 26,7 % опрошенных считают престижной профессию военного. Также почти 40 % назвали престижной профессию «инженер». Однако молодежь опасается безработицы и равнодушия со стороны окружающих (54 %). К морально-нравственному понятию «идеал» более 40 % опрошенных относятся отрицательно, также отрицательно молодежь отнеслась и к понятиям «право и порядок» (46,6 %), «сострадание» (37,3 %). А вот на вопрос: «Считаете ли вы нормальным способом зарабатывания денег участие в криминальных группировках, проституцию, мошенничество, воровство» все респонденты поставили ответ «нет».

Анкетирование показало, что для современной молодежи свойственны не только сугубо прагматичные, материальные жизненные ценности, но и духовно-нравственные.

Не секрет, что средства массовой информации играют немалую роль в формировании общественного мнения, особенно молодежи. Существенные изменения произошли в тематическом содержании молодежных средств массовой информации.

Проведенный автором сравнительный аксиологический анализ газет «Комсомольская правда», «Комсомолец Кубани», «Комсомолец» (Ростовской области) разных периодов времени показал, что в советский период центральные и региональные СМИ формировали нравственные идеалы, не противоречащие молодежной политике государства. (В процентном соотношении анализировалось количество текстов по ценностным категориям, а именно: патриотизм, семья, труд, милосердие, образование, здоровый образ жизни, культура, религия и т.д. Для анализа были использованы первые 60 номеров газет за 1980, 1990, 2000 годы). В 1980-х гг. таким категориям ценностей как патриотизм, коллективизм, семья, труд, долг, достоинство, справедливость, милосердие, знание, ответственность, профессионализм, материнство, здоровый образ жизни и другим уделялось гораздо больше внимания. А вот к 2000-м гг. число материалов о труде и патриотизме в этих газетах снизилось почти в десять раз. Создатели материалов, освещающих современную действительность, порой не обращали внимания на коррекцию взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения в соответствии со стандартами новых взаимоотношений.

Практически с начала 1990-х и до середины 2000-х гг. в обществе набирали вес либеральные ценности. В молодежной прессе не осуждалось ловкачество, беспринципность, продажность и другие антиподы морали. В этот период появлялось все больше развлекательных изданий, таких как: «Хулиган», «Молоток», "Cool", "Yes", "OOPS", "Bravo", "Elle Girl", "I love you", "JOY", «ЛизаGERL», "ELLE", "MINI", "Cool Girl", "Yes!", "Teens", «Дом», «Дом-2» и мн. др. В таких журналах неоправданно много внимания уделялось пропаганде худших образцов зарубежной культуры, обедняющей духовный мир молодежи. Со страниц глянцевого молодежных журналов и телевизионных программ стали пропагандироваться и антиценности. Так, в этом плане можно выделить: агрессивность и жестокость, блуд, порок, откровенный секс и пошлость как антипод чувству любви, превалирование потребительской психологии над созидательными тенденциями.

Исследователь С. Стебловская в своей статье «Методологические основы исследования аксиологического поля журналов для подростков» отметила, что «содержание современных журналов для подростков находится в явном противоречии с традиционными представлениями о должном вообще и русским представлением, в частности. То есть на сегодняшний день мы под видом этого медиапласта, к сожалению, имеем дело с легитимизированным ресурсом мировоззренческой деформации юного поколения и еще большего размывания национальных традиционных ценностей. Самое главное, что существующим журналам нет альтернативы, т.е. все существующие коммерческие журналы федерального масштаба транслируют примерно одинаковый образ мира и человека. Это значит, что подросток может воспринимать тиражируемую журналистами ценностную

парадигму как единственно нормативную, а описываемый ими «идеальный тип» – как наиболее предпочтительный» [3].

Тем не менее в последние годы можно наблюдать такую тенденцию: в противовес гляцевым журналам многие СМИ, в том числе и региональные, стараются больше внимания уделять традиционным ценностям.

Автор провел контент-анализ современных молодежных изданий, которые появились в конце 2000-х гг. Это общероссийский журнал «Наша молодежь», региональные молодежные средства массовой информации Краснодарского края (журнал «Регион 93», молодежные вкладки газет «Вольная Кубань» («Я – молодой»), «Зори» («Мы – молодые»), Ростовской области (журнал «Сорока и Компания»), газета «Классная переменка»), Республики Адыгея (газета «Студlife»), молодежная вкладки газеты «Советская Адыгея» («Время молодых») и др. (Исследовались СМИ за 2011, 2012, 2013, 2014 гг. В зависимости от периодичности издания анализировались либо номера за первый квартал года, либо за весь год).

Анализ позволил сделать вывод, что основное внимание в этих изданиях уделено ценностям патриотизма и образования (знания), труду, семье, милосердия, взаимопомощи, профессионализму, в меньшей степени развлечениям. Таким образом, можно отметить, что по сравнению с молодежными изданиями 1990-х и 2000-х гг. современные молодежные СМИ стали больше уделять внимание традиционным ценностям.

Автор сознательно исследовал средства массовой информации в разные периоды времени: в постперестроечные годы постепенно от положительных традиционных ценностей общество эволюционировало к либеральным ценностям потребления. Однако в первой половине второго десятилетия XXI в. наме-

чается перелом, когда общество начинает понимать, что дальше идти по курсу Запада нельзя, иначе мы потеряем страну.

К сожалению, чтобы сохранить и укрепить такие ценности, как патриотизм, семья, труд, коллективизм, стремление к добру, миру, братской солидарности и др., еще много предстоит сделать. Но то, что от отрицательного, навязываемого нам вестернизацией, мы идем к положительному, не вызывает сомнений. И, наконец, власти всерьез задумались о том, что происходит с молодежью, и что нас ждет в будущем.

Большие надежды возлагаются на Президента России В.В. Путина, который в своем ежегодном Послании Федеральному собранию отметил, что «мы должны укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а прежде всего пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России» [4].

Источники и литература

1. *Лутовинов, В.* Современная молодежь: основные ценности, позиции, ориентиры / В. Лутовинов, Е. Радионов. – URL: www.rau.su/observer/№09_97/007htm.
2. Послание президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 2013 года // Российская газета. – 2013. – № 258.
3. *Стебловская, С.Б.* Методологические основы исследования аксиологического поля журналов для подростков / С.Б. Стебловская // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2010. – № 1. – С. 152.
4. *Хоружая, С.В.* Смысловая сфера культуры, проблемы кризисного развития / С.В. Хоружая. – Краснодар, 2008. – С. 123–128.

УДК 82.09

А.А. Дементьева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Л.В. Гурленова

«РОДОСЛОВИЕ» ПИСАТЕЛЬСКОГО ТАЛАНТА В КНИГАХ А.М. РЕМИЗОВА «ПОДСТРИЖЕННЫМИ ГЛАЗАМИ», «ИВЕРЕНЬ»

В статье рассматриваются вопросы формирования творческой позиции писателя в рамках мифа Ремизова «о самом себе», о влиянии на личность автобиографического героя таких неоспоримо важных для него факторов как родословная, воспитание, а также культурная среда, в которой проходило детство будущего писателя.

Миф «о самом себе», «родословие», писательская концепция, древнерусская книжность, автобиографическая проза.

The article considers the development of creative position of the writer in the framework of Remizov's myth "About myself", the influence of genealogy and upbringing on the personality of an autobiographical hero as well as cultural environment where the future writer spent his childhood.

Myth "about myself", "genealogy", writer's concept, ancient literacy, autobiographical prose.

В автобиографической прозе А. Ремизова актуальным для создателя текста является вопрос о «корнях» его писательского дара. Разговор о предрасположенности автобиографического героя к писательскому делу и в связи с этим о предках, которые обладали в какой-то степени писательским талантом, начинается в книге «Иверень» [2, с. 604], которая охватывает события 1896–1903 гг. – время ссылки Ремизова и начала его первых писательских трудов. Исследователи вслед за самим автором называют эти годы переломным моментом в жизни писателя [1, с. 33–40], [5, с. 299–310], [6, с. 28–31], временем окончательного оформления собственной позиции, обретения голоса в литературе.

В отличие от многих писателей-современников, вышедших из сугубо интеллигентской среды (В. Соловьев, А. Белый, А. Блок), в которой творческая умственная работа воспринималась как естественная, Ремизов, ведущий свой род из купеческого сословия, представители которого могут быть поняты как носители практического начала человеческого характера, остро нуждался в подкреплении собственного права называться писателем.

Повествуя о семье, автобиографический герой неоднократно указывает на то, что «тяга к выдумке» и рассказыванию у него и его родственников в крови. Касается это в первую очередь таких персонажей, как дядя, промышленник Н.А. Найденов, в доме которого прошло детство героя; старший брат, получивший филологическое образование; кормилица – «песельница» и сказочница, от которой и усвоил герой звучание народной русской речи; и отец, купец М. Ремизов, у которого, по словам рассказчика, был необыкновенный дар так преподнести собственный товар, уверить покупателя в необходимости покупки, что из его лавки практически никто не уходил с пустыми руками.

В соответствии с центральными мотивами прозы писателя, определенными Г.Н. Слобин как «волшебство, парадокс и отличие» [6, с. 27], автобиографический герой описывает свою творческую судьбу.

В авторской трактовке предопределяющим творческую судьбу автобиографического героя во многом стало детство, проведенное в атмосфере старой купеческой Москвы с ее патриархальными устоями. Члены семьи героя, по неоднократной его характеристике, обладали различными талантами. Так, одним из важнейших персонажей книги «Подстриженными глазами», повествующей о раннем детстве героя (1877 – середина 1890-х гг.), является Н.А. Найденов – родной дядя рассказчика. Значителен этот персонаж не только по месту, какое он занимает в жизни племянника, но и по тому, что во многом он определяет жизнь московских промышленных кругов. Описание Найденова часто сопровождается эпитетом «легендарный»: «Более легендарного человека трудно и вообразить: Найденов. В Сибири, в Средней Азии, в Персии и Китае, среди купцов <...> – рассказывали о нем сказки» [4, с. 289]. Не вызывает сомнения то, что рассказчик отчасти повышает статус своего дяди, что соответствует авторской уста-

новке на мифологизацию жизненных событий и обстоятельств. Огромная роль Найденова в жизни деловой Москвы подчеркивается еще и затем, чтобы далее построить повествование на приеме контраста: человек, полностью погруженный в коммерческие дела, невероятным образом обнаруживает в себе неистраченный творческий потенциал.

Сначала рассказчик констатирует факты общественной жизни дяди: «Место на Москве он занимал высокое: несменяемый председатель Биржевого Комитета. <...> Старейший гласный Московской Городской Думы, с открытия – 1863 года. Так до последних дней своей сверхделовой жизни...» [4, с. 290], акцентируя внимание на том, что при такой занятости ни на что другое сил не могло больше остаться. Однако далее автобиографический рассказчик противоречит себе в оценке отношения дяди к его делу, отмечая, что «...фабрика его (Найденова, А.Д.) вовсе не занимала. Покровительство М.П. Погодина и И.С. Аксакова ввели его в круг славянофилов, и он пристрастился к истории, по преимуществу московской. <...> Книжки сблизил с И.Е. Забелиным, а отсюда и занятие археологией» [4, с. 291–292]. В этом контексте для героя важно то, что противоречивость характера понимается как особенность всего рода Найденовых, а, следовательно, и его самого – рассказчика. Увлеченность историей в рамках предопределения родословной писательского таланта героя является более значительной стороной жизни Найденова для его племянника, именно поэтому он так легко отодвигает на второй план сюжетного повествования рассказ о дядиных деловых достоинствах: они понимаются как менее важные по сравнению с его пристрастием к книге.

В образе Н.А. Найденова автором намечаются две противоположные тенденции, проявившиеся затем в писательском таланте его племянника: страсть к выдумке и болезненно строгое, пристальное отношение к написанному слову. Он отмечает: «Подготовка же к «фантазиям» была у меня основательная: со стороны матери «сочиняли», как деликатно выражались про моего знаменитого дядю Н.А. Найденова, совмещавшего звание биржевого диктатора, ученого археолога и, походя, выдумщика невероятных происшествий, которым, вопреки всей вздорности, не смели не верить ...» [4, с. 114]. По мысли рассказчика, его дядя был вынужден совмещать столь различные функции, потому что являлся наследником векового найденовского дела, оставить которое, по его собственному мнению, он не имел морального права. Подобное вынужденное расщепление между необходимостью заниматься коммерческими делами и потребностью в творчестве было одним из истоков непримиримости дядино характера.

В вопросе влияния Найденова на творческое становление героя одним из ключевых является эпизод с писцовыми книгами: он приводится как в тексте «Подстриженными глазами», так и в книге «Иверень». Дядя героя был одним из авторов издания «Истории города Москвы», предпринятого И.Е. Забелиным в 1877 г., а именно второго тома, посвя-

щенного описанию московских церквей. В это же время по инициативе и на средства Н.А. Найденова были сделаны фотографии всех московских «сорока сороков» в альбомном формате, шесть больших альбомов [3, с. 626]. Именно подготовка к изданию этого исторического труда и была связана с работой над писцовыми книгами. По характеристике рассказчика, «одна эта "бенедиктинская" работа дает представление о его (Найденова, А.Д.) большом знании наших письменных документов в московских веках» [4, с. 293]. Интерес к историческим источникам роднит дядю и племянника, именно поэтому последнего заинтересовала не только таинственность звучания фразы «писцовые книги», но и трепетное отношение к ним как хранилищу знания, открывающегося немногим.

Просьба героя показать ему писцовые книги, с одной стороны, привлекает к нему дядю, а с другой – отталкивает: «Покажите мне Песцовые книги! сказал я, совсем низко наклоняясь к столу, – Песцовые! Повторял я, шаря глазами по столу. – Песцовые? И это цок: – «цовые» – меня вдруг одернул, я почувствовал, как весь оледенел; я только и мог разобрать – сквозь вызвизгивало: «песцовые» – и с каким издевательством на «е», переходящим в смягченное: «пёс», передразнивающим мою ошибку...» [4, с. 135]. Врожденная нетерпимость Найденова к людям и нежелание прощать даже мелкие оплошности отталкивают от него любознательного племянника: дядя без пощады клеймит семилетнего мальчика за досадную оговорку. Однако, по мысли рассказчика, именно этот страшный окрик на слово «песцовые» заставит его впоследствии бережно и осмысленно относиться к каждому написанному слову. Со временем обида, захлестнувшая героя, прошла, и осталось понимание творчества, работы со словом как долгого и кропотливого труда: «На одной из лекций Ключевского при упоминании о «Писцовых книгах» я вдруг отчетливо услышал этот визг, прорезавшийся через годы: «песцовые»!.. я понимаю <...> только книжник может так горячо чувствовать и так беспощадно карать за букву» [4, с. 135]. Автобиографический герой не осуждает поведение дяди, потому что для него самого по прошествии времени любовь к **слову** и боязнь искажения смысла станет оправданием многих творческих экспериментов, непонятных современникам, например, многократного переписывания собственных текстов в манере древнерусских книжников, с сохранением всех вариантов редакций.

Стремление автобиографического героя определить свое предназначение сталкивается с упорным сопротивлением дяди, который не желает видеть в племяннике проблесков какого бы то ни было таланта. Таким образом, противодействие этой силе воспринимается героем как способ доказать самостоятельность, подтвердить право на творческое отношение к жизни. Противопоставляя в целом образы дяди и племянника друг другу, рассказчик акцентирует внимание на том, что объединяет их, а именно «чудовищное воображение», под которым понимается способность создать чудесную, невероятную исто-

рию на основе заурядных событий: «...воображение чудовищное: среди самых деловых разговоров сочинить невероятную историю, и с подробностями ничего не стоило. И как было не поверить» [4, с. 290]. Авторитет Найденова и его уверенность в истинности рассказываемого имели магическое воздействие на слушателей; таким же даром обладает и его племянник, названный современниками «мистификатором, любившим одурачить человека, заставить поверить в какую-нибудь чепуху» [7, с. 236]. Такая схожесть характера творческого дара героев позволяет автобиографическому рассказчику называть дядю в качестве персонажа, бессознательно и, более того, вопреки собственному желанию, предопределившего жизненный выбор героя.

Ремизов последовательно выстраивает образ Найденова как личности, которая обладала творческими способностями, но не реализовала их в полную меру своих возможностей. Бескомпромиссность и нежелание героя понять другого человека, по мысли Ремизова, становятся одной из причин страха унижения, который будет сопровождать автобиографического героя постоянно. Поэтому, анализируя свои детские воспоминания, он задумывается над своим характером и поведением, когда «служилые люди» указывали ему на сходство с «дядюшкой»: «Старики служащие сколько раз уверяли меня, что я «вылитый дядюшка» и как хожу и повороты, и как всматриваюсь и прислушиваюсь. <...> Но не могу поверить, что мой голос хоть чем-нибудь напоминает этот единственный страшный голос, какой только мне приходилось слышать» [4, с. 294]. По ремизовской концепции памяти, человек перенимает у предшественников предыдущих поколений те качества, которые близки его натуре, поэтому настолько страшным кажется герою сравнение его с дядюшкой, так как признание правоты этого сравнения обнажает те скрытые глубины души, о которых человек обычно не догадывается или которые тщательно пытается скрыть. На наш взгляд, этот эпизод разбивает череду микросюжетов, связанных с раскрытием характера Найденова, выбираемых рассказчиком по принципу, насколько они отвечают поставленной задаче – методичному отбору тех качеств, которые впоследствии будут способствовать созданию целостного творческого облика автобиографического героя. В использовании этого приема можно увидеть попытку писателя завуалировать целенаправленность в построении желаемого образа героя.

В повествование о предопределенности собственного писательского дара родословной для большей обоснованности Ремизов включает также рассказ о своем отце и старшем брате. Наиболее важным качеством в характеристике Михаила Ремизова, отца героя, занимавшегося торговлей, по словам автобиографического рассказчика, является невероятная способность привлечь покупателя: «Его способность к «пюблисите», но никак не в переводе: «втирать очки» и «зубы заговаривать» ... теперь я понимаю: он находил какие-то «вечные» определения вещам, «именовал» вещи, и оттого самый обыкно-

венный моток шерсти вдруг становился «бухарским», глаз не оторвешь» [4, с. 99]. Способность преобразить облик вещи словом, по мысли писателя, есть настоящий признак творческого дара, показатель умения силой фантазии преобразить мир, сделать его более ярким, красочным, расположенным к человеку, зачастую равнодушному к малым радостям жизни.

В тексте книги «Подстриженными глазами» отец главного героя предстает как человек, которому открывается завеса над тайной, мистической стороной жизни, и вера в неведомое воспринимается окружающими как склонность к излишнему, неуместному «фантазерству»: «Про отца говорили, что он «привирает»... Однажды вечером, вернувшись из магазина, сидел он один, только часы тикали, и вдруг из «холодного» угла кто-то окликнул: «Михаил Алексеевич!» – а никого. Рассказывая про этот чудесный случай, отец посмеивался в ус ... И никто не верил» [4, с. 99]. В свою очередь, автобиографический герой именно это обстоятельство воспринимает как частичное объяснение мистического характера своего творческого дарования, выразившегося в обращении к мифологии в целом и, в частности, к демонологии разных культур. В этом смысле отец героя предстает в тексте как персонаж, открывший маленькому сыну возможность существования представителей других миров и проникновения в недоступные для обычного человека параллельные сферы бытия.

Более прозаическое, однако не менее важное в представлении писателя, значение имеет введение в текст упоминания о старшем брате: «Еще гимназистом он, бывало, <...> расскажет какое-нибудь происшествие, и всегда чего-нибудь подпустит на удивление <...> про этого брата говорили, что «заливает». В его сочинениях не было от Хлестакова и Ноздрева, не было и от «Русских лугов» Писемского, никакого бахвальства и никакой ссоры «переплюнуть», им ближе <...> чистый вымысел» [4, с. 102]. Рассказывая о старшем брате, герой обращает внимание не только на отличавшую многих представителей его семьи «врожденную тягу к выдумке», но и на то, что брат получил филологическое образование. Как следствие этого, в нем соединилось родовое «чудовищное воображение» с профессиональным отношением к слову. В рамках ремизовской творческой концепции именно подобный энциклопедический

подход к тексту, книге дает писателю право на выражение в слове – в произведении – собственной позиции. Понимание ответственности за сказанное слово также рассматривается автобиографическим героем как отличительная черта представителей его семьи, имевших в себе зачатки писательского дарования.

Таким образом, включая в текст книг «Иверень» и «Подстриженными глазами» рассказ о своей семье, автобиографический герой не только рисует картину своего детства, но, в первую очередь, пытается увидеть знаки предопределения своей писательской судьбы. Родовое «чудовищное воображение» в ремизовском понимании творчества становится определяющим признаком его писательской концепции. Желание закрепить право на звание писателя у Ремизова нередко приобретает оттенок психологической зависимости от судьбы, понимаемой им как фатум. Представление об обладании писательским даром лежит у Ремизова на тонкой грани между мистической предопределенностью человеческого бытия и правомерностью генетических связей, определяющих, по мысли писателя, предрасположенность к какому-либо роду деятельности.

Литература

1. Доценко, С.Н. «Автобиографическое» и «апокрифическое» в творчестве А. Ремизова / С.Н. Доценко // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / отв. ред. А.М. Грачева. – СПб., 1994. – С. 33–40.
2. Раевская-Хьюз, О.П. Волшебная сказка в книге А. Ремизова «Иверень» / О.П. Раевская-Хьюз // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. – М., 2000. – С. 604–614.
3. Раевская-Хьюз, О.П. Комментарии. «Иверень» / О.П. Раевская-Хьюз // Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. – М., 2000. – Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. – С. 615–678.
4. Ремизов, А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень / А.М. Ремизов. – М., 2000.
5. Розанов, Ю.В. Северный маршрут Алексея Ремизова: поэзия и правда / Ю.В. Розанов // Вопросы литературы. – 2004. – № 6. – С. 299–310.
6. Слобин, Г.Н. Проза Ремизова 1900–1921 / пер. с англ. Г.А. Крылова. – СПб., 1997.
7. Тыркова-Вильямс, А. Тени минувшего. Встречи с писателями / А. Тыркова-Вильямс // Воспоминания о северо-восточном веке / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М., 1993. – С. 322–342.

УДК 81-39

О.Д. Дербенева

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ПЕСЕННОМ ТЕКСТЕ 20–50 ГОДОВ XX ВЕКА

В статье рассмотрены когнитивные модели концепта «Любовь», выявленные в результате анализа песенных текстов 20–50 гг. XX века, описаны особенности вербализации исследуемого концепта.

Когнитивный признак, когнитивная модель, структура концепта.

The paper considers the cognitive models of the concept «Love» identified through the analysis of song texts of 20-50^{ies} of the XXth century and describes the features of verbalization of the studied concept.

Concept, cognitive model, cognitive component, concept structure.

Концепт – явление сложной и динамичной структуры, имеющее разнообразные языковые воплощения. Целью данной статьи является описание языковых реализаций концепта «Любовь» в песенном тексте 1920–50 гг. (в сравнении с репрезентацией данного концепта в общеязыковой картине мира).

Концепт «Любовь» вербализуется прежде всего в лексеме *любовь*. Слово *любовь* является общеславянским по происхождению от *любь* «любый, любимый, желанный» [15, с. 174]. В толковых словарях русского языка *любовь* определяется как ‘состояние любящего, страсть, сердечная привязанность, склонность, вожелание, охота, расположение к чему’ [4, с. 282]; ‘чувство глубокой привязанности, сердечной склонности к кому-чему-н’; ‘чувство самоотверженной, сердечной привязанности’ [7, с. 286]. Аналогичные толкования приводятся и в других словарях. Концепт «Любовь» вербализуется не только в указанной номинации, но и в лексемах, связанных со словом *любовь* деривационными связями.

В словообразовательном словаре обнаружено 288 лексических единиц с корнем – *люб*. Л.В. Русинова объединяет их в следующие группы:

1) *действие*: ‘вызывать в ком-либо любовь’, ‘погрузиться в состояние любви’, ‘пребывать в состоянии любви’ – *в-люби'ть*, *полюби'ть-ся*, *влюби'ть-ся*, *раз-люби'ть* и др.;

2) *чувство* – *люб-о'вь*, *не-люб-о'вь*, *любо'вн-ость*, *полюбо'вн-ость*;

3) *субъект любви*, ‘тот, кто любит’ – *любо'в(-ник)*, *любо'в-ниц-а*, *лю'бляц-ий* (суц.), *лю'бляц-ая*, (суц.);

4) *объект любви*, ‘тот, кого любят’ – *лю'б-ый* (суц.), *лю'б-ушк-а*, *люби'м-ый*, (суц.), *люби'м(-ец)* и др.;

5) *признак* (прил., нар.) ‘основанный на любви’, ‘преобладающий в состоянии любви’ – *люб-и'м(ый)* (прил.), *лю'б(-о-ый)*, *любо'в-н(ый)*, *любо'вн-о*, *влюбленн(ый)* (прил.) и др. [10, с. 12].

Говоря о компонентах, образующих содержание концепта, используются термины «когнитивный признак» – «отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображенный в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания» (далее – КП) [8, с. 26] и «когнитивная модель» – именование некой «исследовательской модели, приближения к ментальной единице» (далее – КМ) [9, с. 165]. Современные лингвисты используют и другую терминологию: *слот* (И. А. Широкова), *тематическая группа* (Л.В. Русинова), *элемент* (Е.В. Лобкова) и др.

Исследование частично основано также на методике «Русского идеографического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой, предлагающей выделять в словарной статье, описывающей концепт, зоны, «ка-

ждая из которых отвечает одному из основополагающих смыслов, формирующих дейктическую систему языка» [11].

В работе описываются КМ структуры концепта, выявленные на основе обнаруженных КП и единичных лексем – смыслов. По результатам анализа словарных толкований выделяем следующие КМ.

ЛЮБОВЬ – это:

1) **Что?** (Состояние человека, чувство).

1.1. Склонность к кому-либо, чему-либо.

1.2. Привязанность к чему-либо.

1.3. Охота (желание, влечение).

2) **Кто?** (Субъект любви, любящий человек).

3) **Где?** (вместилище любви – сердце).

КП концепта «Любовь» могут реализовываться не только в одноименной номинации и слова-дериватах, но и в лексемах, связанных с понятием «любовь» ассоциативными связями. Большую роль при этом выполняет контекст.

Концепт «Любовь» исследован многими лингвистами на разнообразном материале (пословицах, текстах художественных произведений разной временной и жанровой принадлежности, результатах ассоциативного эксперимента различных возрастных и социальных групп), что позволяет наиболее полно сформировать представление о структуре концепта в общеязыковой картине мира. Приведем краткие обобщения элементов (КП) концептуальной структуры (КП приведены по мере частотности обнаружения в исследованиях данной тематики):

1) любовь – счастье (8);

2) любовь – страсть (8);

3) физическая сторона любви (8);

4) любовь – верность (7);

5) любовь – сердце (7);

6) любовь как важнейший компонент человеческой жизни (7);

7) любовь вечна (6);

8) любовь – забота (6);

9) номинация объекта любви (6);

10) любовь – несчастье (5);

11) любовь – ценность (5);

12) любовь – самопожертвование (5);

13) любовь – стихия (5);

14) любовь – непостоянное чувство (5);

15) любовь – наслаждение (4);

16) любовь – желание (4);

17) любовь – зверь (4);

18) любовь – благо (4);

19) любовь всеильна (4);

20) любовь – непостоянное чувство (4);

21) любовь – еда (4);

22) любовь необъективна (4);

23) любовь амбивалентна (4);

24) любовь как процесс и продукт мыслительно-вербальной деятельности человека (4);

25) любовь божественна (4);

26) любовь – душевное чувство (4);

27) любовь – блаженство (2);

28) любовь – умиление (2);

29) любовь – тайна (2);

30) любовь – ревность (2);

31) любовь – растение (2).

Итак, в общезыковой картине мира «Любовь» предстает как важное для человека чувство, не имеющее четких временных границ, но имеющее вербальное выражение, базирующееся в сердце и душе, приносящее как положительные, так и отрицательные эмоции, реализующееся в стремлении к физическому сближению с объектом чувств и проявлении к нему заботы.

Для выявления реализаций концепта «Любовь» в песенном тексте нами было изучено 50 текстов песен 1920–50 гг. XX в. Мы обнаружили 9 КМ концепта «Любовь», в структуре которых было выявлено 38 КП.

1. 'ЛЮБОВЬ (что?) (состояние, чувство)'. КМ репрезентирует концепт «Любовь» как состояние, имеющее различные фазы (КП 'разлука', 'прекращение отношений'), дарующее человеку разнообразные эмоции (КП 'счастье', 'несчастье' 'страсть'). Находясь в состоянии любви, человек мечтает о встрече с объектом чувств (КП 'мечта') и надеется на взаимность или встречу (КП 'надежда'). Песенный текст позволяет говорить о метафорических описаниях состояния любящего человека (КП 'опьянение', 'пребывание в любви').

1.1 'Чувство' – любовь (25), чувство (3): (Верь, мой сокол: ты далеко, / Но **любовь со мной**; Эти дни прошедшие, **чувства** сумасшедшие, / Только раз их можно пережить!).

1.2 'Страсть' – огонь (4), жар (1) / жаркий (2), пожар (1): (И даже в сердце старом / Оно горит **пожаром**; Ты молчи, все скрывай, точно каменный, / Точно в сердце твоём нет **огня**).

1.3 'Опьянение' – вино (1): (**Вино любви** недаром / Нам судьбой дано).

1.4 'Ирреальность' – сон (5), снится (4), присниться (1), мираж (2).

1.4.1 'Пребывание в любви': (Будни монотонные, **сном** любви пронзенные, / Ласки сумасбродные и пленные сердца; **Снятся** твои золотистые косы, / **Снятся** мне смех твой, весна и любовь; От тебя все нет и нету восточки... / Ты хоть ночью этой мне **приснишь**; И если памятью к прошедшему вернемся, / То скажем – это был **мираж**).

1.4.2 'Пребывание в состоянии беспокойства из-за любви': (Бьют в окно серебряные веточки. / **Сон бежит** от девичьих ресниц).

1.5 'Несчастье' – страдание (6), страдать (2), боль (1), грусть (1), взгрустнуться (1) грустить (5), тревога (1): (Мне не под силу **боль мучительных страданий**, / Пускай разлукою ослабят их года; Любовь никогда не бывает **без грусти**, / А это прият-

ней, чем грусть без любви; Завязка – вся сказка. Развязка – **страдание**. / Но думать все время о вас неустанно; В этот час ты призналась, что нет любви. / Мне немного **взгрустнулось** без тоски без печали; Я **страдаю**, ожидая / Друга своего).

1.6 'Разлука' – разлука (3), расставание (5), расставаться (4): (Хотелось бы мне отменить **расставанья**, / Но без расставанья ведь не было б встреч; Шли они в руке рука весело и дружно. / Только **стежка коротка** – **расставаться** нужно).

1.7 'Прекращение отношений' – разойтись (1), уйти (5), пропасть (1), разрыв (1), разлюбить (2): (В душе зажила уже старая рана, / Но **пропасть разрыва** легла между нами; Меня **разлюбила** одна дорогая, / Одна дорогая моя; И ты меня, мой друг, не спрашивай, куда / Я **ухожу** совсем... Довольно слез. Довольно!)

1.8 'Память' – память (3), помнить (5), вспоминать (3), забыть (4): (**Разве забуду** твою я улыбку, / Разве забуду я песни твои; Ты в родимом краю у степного кургана, / Обо мне **вспоминая**, как прежде, живешь; О тебе, моя зорька, на далекой заставе / В нашей жизни тревожной я **забыть не могу**; И если **памятью** к прошедшему вернемся, / То скажем – это был **мираж**).

1.9 'Счастье' – счастье (6), счастливый (2), радость (2): (Возгласы напевные, отклики душевные, / Солнца свет предутренный и **счастье** без конца; Я выхожу одна на балкон, глубокой нежности полна. / Мне море песнь **о счастье** поет, ласкает нежно ветерок; Нельзя нашу **радость** в словах передать, / Мы хотим с тобой весь мир обнять!).

1.10 'Надежда': (Ветку сирени, смятый платочек / Мир моих **надежд**, моей души).

1.11 'Ожидание' – ожидание (3), ждать (5): (Что **ждет**, что в крайнем случае / Согласна на медаль; Но **надеюсь** я на встречу, / Сколько надо **буду ждать**).

1.12 'Мечта' – мечта (2), мечтать (4): (И **мечтает**, вспоминает, / Под вечерней ясною звездой; Моя дорогая, / Я **жду** и **мечтаю**; Милый, с тобой мы увидимся скоро, / Я **замечтался** над любимым письмом).

1.13 'Неизбежность' – куда (1), (не) уйти (1), никого (1), (не) отпустить: (Любовь от себя **никого не отпустит**).

1.14 'Весна': весна (2), весенний (1), теплый луч (1), солнечный день (1), ручей (1): (Не от солнечных дней, / Не от теплых лучей; Вот пришла желанная весна, / И приехал в отпуск старшина; В ручьях забурлила, запела вода. / Вся жизнь потекла по весенним законам).

2. 'ЛЮБОВЬ (что делать?) (чувствовать любовь, находиться с объектом любви)'. КМ, иллюстрирующая процесс ощущения любви субъектом, а также пребывание с объектом его чувств, представлена лексемами:

2.1 Любить (9): (Пусть робкая душа судьбою недовольна, / Тебя я все равно любить осуждена; Пусть он **любит**, не забудет / Больше ничего; Говорить не умею речисто я, / И поэтому молча **люблю**).

2.2 Влюбляться (2) (быть влюбленным (2)): (Мы решили, друзья, **не влюбляться** / Даже в самых красивых девах; Однажды там девушку встретил шахтер, / **Влюбился** в веселые очи; Гаснет свет на улице, тихо спит столица, / Старшине **влюбленно-му** одному не спится; Но лишь одно из них тревожит / Унося покой и сон, когда **влюблен**).
2.3 Вдвоем (2), вместе (2): (Мы любим, мы **вместе**; Часов не считая, плывем и поем, / Хорошо нам плыть с тобой **вдвоем!**).

3. 'ЛЮБОВЬ (кого?) (субъект любви)'. КМ представлена КП, вербализующимися личными местоимениями, что иллюстрирует отражение в текстах личного опыта любовных отношений авторов, а значит индивидуальную, уникальную репрезентацию концепта «Любовь»; а также существительными, характеризующими субъект любви по возрастным, социальным и половым характеристикам.

3.1 Личные местоимения – я (43), ты (48), мы (18): (Я страдаю, ожидая / Друга своего; Взволнованно **мы** встретились с **тобою**, / И наши взгляды дрогнули чуть-чуть...).

3.2 'Номинация субъекта любви по имени, половой, возрастной принадлежности, социальному статусу' – старичок (1), невестушка (1), парень (6), девушка (5), Лизавета (1), Люба (Любушка) (1), Аленка (1) и др.: (И как Пьеро влюбленный / **Старичок** жене поет; Пропали три свидетеля – три друга у **невестушки**, / И к сердцу подбирается непрошенная грусть; На закате ходит **парень** возле дома моего, / Поморгает мне глазами и не скажет ничего; Там давала **Люба** обещанье, / Что любовь навеки горяча; Ты ждешь, **Лизавета**, / От друга привета; Но **Аленка** на поляну не идет. / И мечтает, вспоминает).

3.3 'Номинация, связывающая субъект с литературными персонажами и выражающая оценочную коннотацию': Пьеро(1) (И как **Пьеро** влюбленный / **Старичок** жене поет).

4. 'ЛЮБОВЬ (к кому?) (объект любви)'. Выявленные примеры свидетельствуют о различных номинациях объекта любви в соответствии с его социальными, возрастными, профессиональными качествами и особенностями внешности. Обнаружены лексемы (как прилагательные, так и существительные) отражающие силу чувств, теплое отношение, стремление к сближению с объектом любви. Необходимо отметить, что в песенном тексте (как и в общеязыковой картине мира) не обнаружено лексемы – существительного для именованья объекта любви. В качестве номинации используются прилагательные «любимый», «дорогой», «милый». В текстах исследуемого периода обнаружена уникальная лексема «друг» в значении 'любимый человек'.

4.1 'Номинация объекта любви по имени, социальному статусу, профессии, половой принадлежности (в том числе местоимения), внешним характеристикам': жена (2), моряк (3), воин, (2) девчоночка (1), Андрияша(1), Коля / Николай (1), он (4), ты (14), темноглазая (2), черноброва (1): (Что же, **Коля**, **Николай**, сделал ты с Катюшей; Будь спокоен, милый

воин, / Мой моряк родной!; Здравствуй, Андрияша, пришла тебя послушать. / И запела милая моя; **Ты** помнишь наши встречи и вечер голубой, / Взволнованные речи, любимый мой, родной; Где же моя **темноглазая**, где).

4.2 'Номинация объекта любви с оценочной коннотацией, выражающей любовь, превознесение объекта чувств или душевную и физическую близость с объектом чувств (в сочетании с притяжательным местоимением мой)': милый (8), друг(11), сокол (1), родной (8), ласковый (2), радостный (2), дорогой (7), зорька (1), желанный (1): (Ты возьми-ка отнеси-ка / **Милому** привет; И ты меня, **мой друг**, не спрашивай, / Я ухажу совсем... Довольно слез. Довольно; Верь, **мой сокол**: ты далеко, / Но любовь со мной!; Ах, как все цветет сейчас в саду! / Жди меня, **мой ласковый, мой радостный**; О тебе, **моя зорька**, на далекой заставе / В нашей жизни тревожной я забывать не могу; Мечту свою храню, / Тебя, **моя родная**, / Ни с кем я не сравню).

5. 'ЛЮБОВЬ (где?) (местоположение любви)'. КМ вербализуют лексемы, характеризующие любовь как явление, имеющее определенное местоположение. Прежде всего, это иллюстрирует лексема «сердце», в данном случае выступающая в предложении в качестве обстоятельственного детерминанта. Были обнаружены лексемы «там», «внутри» реализующие любовь как иррациональное чувство, местоположение которого трудно определить субъекту чувств.

5.1 Сердце (11): (И даже **в сердце** старом оно горит пожаром...; Горькое слово сказала черноброва, / **В сердце** нет ответного огня; Годы былые смывают, / **В сердце** тоски не найти).

5.2 Грудь (5): (Огнем пылает **в груди** Вино любви; Его увижу – сердце сразу – невербальное выражение / **В моей** волнуется **груди**...; Только сердце почему-то сладко таяло **в груди**. / И кто его знает, чего оно тает).

5.3 Душа (7): (Ты смотри, никому не рассказывай, / Что **душа** лишь тобою полна; Всего того, что нас соединяло, / **В душе** моей навек исчезнет след; Спокойно и просто мы встретились с вами, / **В душе** зажила уже старая рана; Теперь и сам не рад, что встретил, / **Моя душа** полна тобой; Нежный образ **в душе** ты голубишь, Хочешь сердце навеки отдать).

5.4 Там (1), внутри (1), где-то (1): (Но **где-то там внутри** болезненно и жутко / Мне чудится излом душевной пустоты).

6. 'ЛЮБОВЬ (откуда? кем дано?)'. КМ вербализует любовь как чувство, возникающее независимое от желания человека, данное ему свыше или сверхъестественными силами – судьба (5): (Вино любви **недаром** нам **судьбой** дано; Только раз бывают в жизни встречи, / Только раз **судьбою** рвется нить; Ты налево, я направо / Так назначено **судьбой**).

7. 'ЛЮБОВЬ (когда?) (время возникновения, исчезновения, продолжительности любви)'. КМ репрезентирует любовь как амбивалентное чувство: с одной стороны, любовь – продолжительное чувство, сопровождающее человека всю жизнь, с другой стороны, любовь может исчезнуть в одно мгновение.

7.1. 'Вечность (пребывание в состоянии любви)' – век (4), без конца (1), всегда (4), долгие года (2), день и ночь (1), до смерти (1): (Пускай проходят века, / Но власть любви велика; Возгласы напевные, отклики душевные, / Солнца свет предугранных и счастье **без конца**; Что сковало нас счастье безбрежное, / Что до смерти твоя буду я; Веселья час и боль разлуки / Хочу делить с тобой **всегда**).

7.2 'Вечность (исчезновение любви)' – навек (2), надолго (2), навсегда (2): (Всего того, что нас соединяло, / В душе моей навек исчезнет след; Прощай, я ухожу **надолго, навсегда**... / Обоим нам с тобой быть вместе слишком больно).

8. 'ЛЮБОВЬ (какая?)' (характеристика любви). КМ представляют КП и самостоятельные лексемы, реализующие любовь как многогранное чувство, делающее человека счастливым и несчастным. КМ репрезентирует лексемы, выражающие индивидуальные характеристики любви в зависимости от личного опыта человека ('последняя', 'первая').

8.1 'Неожиданная (встречи или расставания)' – нечаянно (1), неожиданно (1), недавно (2): (Любовь **нечаянно** нагрянет, / Когда ее совсем не ждешь; Мы странно встретились, и ты уйдешь **неожиданно**, / Как в путь уходит караван).

8.2 'Страстная' – пламенно (1), сладостно (2): (Что грущу, что люблю тебя **пламенно** / И, тоскуя, хочу лишь тебя; Сердце девичье забилося **сладостно**... / Ах, как все цветет сейчас в саду!).

8.3 'Волнующая' – взволнованно (2), тихий (1), несмелый (1): (**Взволнованно** мы встретились с тобой, / И наши взгляды дрогнули чуть-чуть; Перед девушкой верной, / Был он **тих и несмел**).

8.4 'Первая / Последняя' (1): (Нельзя перешагнуть минутную игрой / **Последнюю** любовь, измятую тобою; Ей любви своей **первой** / Объяснить не умел).

8.5 'Разрушенная' – измятая (1): (Нельзя перешагнуть минутную игрой / **Последнюю** любовь, **измятую** тобою).

8.6 'Иррациональная' – странно (1), непонятное (1): (Мы **странно** встретились и **странно** разоидемся. / Улыбкой, нежностью роман окончим наш; Приключилось со мной **непонятное**, / Первым делом я в звено твое бегу).

8.7 'Сильная' – великая (3), безграничная (1), безмерная (1), всюду (2), власть (1): (Была наша близость **безмерна, безгранна**; Но **власть** любви **велика**).

8.8 'Сумасшедшая' – свести с ума (2), сумасшедший (1): (О том, как черноглазая / **Свела с ума**; Ах, эта девушка / Меня **с ума свела**; Силы нет ни вспомнить, ни забыть... / Эти дни прошедшие, чувства **сумасшедшие**).

8.9 Светлая (1): (Не от теплых лучей / Расцветают от нашей горячей и **светлой** любви).

8.10 Горячая (2): (Там давала Люба обещанье, / Что любовь навеки **горяча**).

8.11 Безответная (1): (Зачем, зачем на белом свете / Есть **безответная** любовь!).

9. 'ЛЮБОВЬ (как? как выражается любовь? проявление любви)'. КМ реализует любовь как чувство, нуждающееся в проявлении. Субъект сообщает о своих чувствах объекту вербальными и невербальными способами. Кроме того, субъект ощущает ЛЮБОВЬ посредством различных проявлений своего организма, что реализуется в песенном тексте через метафору (КП 'Ощущение субъектом чувства любви и его выражение').

9.1 'Тактильный контакт' – пожать (пожатье) (3), рука, в руке (3) рука (4), об руку (1), ласки (1): (Парень девушку домой провожал с гулянки. / Шли они **в руке рука** весело и дружно; Взволнованные речи, любимый мой, родной? / И нежное свиданье, **руки пожатье**; Давай **пожмем друг другу руки** / И в дальний путь на долгие года; Будни монотонные, сном любви пронзенные, / **Ласки** сумасбродные и пленные сердца).

9.2 'Зрительный контакт' – очи (2), смотреть (3), глядеть (5), взор (ласкать взором) (2), взгляд (3): (Поиграй, чтобы ласковые **очи**, / Не спросясь, **глядели** на тебя; Когда простым и нежным **взором** / Ласкаешь ты меня, мой друг; Однажды там девушку встретил шахтер, / Влюбился в веселые **очи**; Мне от глаз твоих красивых / **Взор** не отвести).

9.3 'Встреча' – встреча (4), встречать (2), свидание (2), увидеться (2): (Ты помнишь наши **встречи** и вечер голубой; И **встречи** редки, и длинны ожидания, / И **взгляды** тревожны, и сбивчива речь; Взволнованные речи, любимый мой, родной? / И нежное **свиданье**, руки пожатье).

9.4 Вербальное выражение чувств

9.4.1 'Письменная коммуникация' – письмо (4), весточка (4), записка (1): (Милый, с тобой мы увидимся скоро, / Я замечтался над любимым **письмом**; Вашу **записку** в несколько строчек, / Ту, что я прочла в тиши; От тебя все нет и нету **весточки**... / Ты хоть ночью этой мне приснишь!).

9.4.2 'Устная коммуникация (или ее отсутствие)' – речь (1), клясться (1), молчать (3), разговор (1), говорить (3), сказать (2), обещание (1): (Ты **молчи**, все скрывай, точно каменный, / Точно в сердце твоём нет огня; За дальнюю околицей, за молодыми вязами / Мы с милым, расставаясь, **клялись** в любви своей; И **встречи** редки, и длинны ожидания, / И **взгляды** тревожны, и сбивчива **речь**; Понапрасну Любушке ребята / Про любовь, про чувства **говорят**; Однажды к шахтеру подруга пришла. / **Сказала**, что любит; **Обещаньем** скорой встречи / Вальс **звучит** опять).

9.5 'Невербальное выражение любви' – вздыхать (2), вздыхание (1) кружиться (голова) (2), отворачиваться (2), улыбаться (1), застыть (1). (Как приду я на гулянье, он танцует и поет. / А простимся у калитки – **отвернется и вздохнет**; День и ночь роняет сердце ласку, / День и ночь **кружится голова**; Лишь слышны на скамеечке / Сердечные **вздыхания**, Моя дорогая, / Я жду и мечтаю. / **Улыбнись**, повстречая, / Был я храбрым в бою; Перед ней навзятяжку встал он честь по чести, / Поглядел на девушку и **застыл** на месте).

9.6 'Ощущение субъектом любви чувства и его выражение' – *дрожать (сердце) (1) отдать (сердце) (2), стучать (сердце) (2), замирать (1): (Нежный образ в душе ты голубишь, / Хочешь сердце навеки отдать; Только сердце молодое / Одинок застучит; Скоро ль милый с Дальнего Востока / Ей обратно сердце привезет?; Догони, догони! / Только сердце ревниво замрет).*

Итак, в песенном тексте 1920–50 гг. любовь – это амбивалентное, противоречивое чувство, характеризующееся разнообразными признаками. Любовь – это общечеловеческая ценность, вечное чувство, которое может приносить различные эмоции, как однозначно положительные или отрицательные: радость, счастье (*Возгласы напевные, отклики душевные, / Солнца свет предутренний и счастье без конца*), страдание (*Мне не под силу боль мучительных страданий, / Пускай разлукою ослабят их года*), так и неоднозначные эмоции, например, грусть предстает как светлое, теплое чувство (*Любовь никогда не бывает без грусти, / А это приятней, чем грусть без любви*).

Любящий человек выражает свои чувства вербально и невербально. Любовь концентрируется в сердце и душе. Это иллюстрируют идентичные КП, обнаруженные и в общезыковой картине мира, и в песенном тексте 1920–50 гг.: 'любовь – вечна', 'вместилище любви', 'любовь – несчастье', 'любовь – слова', 'любовь – разлука', 'любовь безответна', 'любовь молчалива', 'номинация объекта любви'.

С другой стороны, любовь – это индивидуальное чувство, каждый любящий человек испытывает нечто особенное. Следовательно, мы можем говорить об уникальных КП, представляющих особенности любви в зависимости от исследуемого языкового материала. Обнаружены КП, не встречавшиеся в других исследованиях: 'любовь – сон', 'любовь иррациональна', 'любовь – письмо'.

КП на основе песенного текста и аналогичные КП в общезыковой картине мира не всегда имеют одинаковую языковую реализацию. Наиболее ярко это иллюстрирует КП 'тактильный контакт'. В общезыковой картине мира КП реализуется лексемами: *поцелуй, обнимать/обнять, целовать/поцеловать, секс, интимные отношения*. В результате анализа текста песен 1920–50 гг., обнаружены лексемы *пожать / пожатье, ласки*, словосочетание *рука в руке*.

Особенной языковой реализацией КП 'номинация объекта любви' в песенном тексте является лексема *друг (Я помню, как сейчас, мой друг)*. Слово употребляется в значении 'обращение к близкому человеку' [7, с. 155]. Данного обращения не выявлено в других источниках.

Итак, концепт «Любовь» – явление сложной содержательной и формальной организации. Исследование концепта на разнообразном материале позволяет наиболее полно изучить компоненты, образующие его структуру. Материалом для нашей работы послужили тексты песен 1920–50 гг., что позволило выявить некоторые уникальные КП. Кроме того, необходимо отметить, что структура концепта дина-

мична и разнопланова не только с позиции содержательной организации, но и с точки зрения языковых реализаций концепта.

Все это свидетельствует о динамике концепта «Любовь» в зависимости от лингвистических и экстралингвистических факторов, невозможности статического неизменного описания его структуры, а значит необходимости исследования данного явления с позиции синхронии и диахронии на непрерывно обновляющемся языковом материале.

Литература

1. Балашова, Е.Ю. Концепты «Любовь» и «Ненависть» в русском и китайском языковых сознаниях: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Балашова. – Саратов, 2004.
2. Вильмс, Л.Е. Лингвокультурологическая специфика понятия «Любовь» (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Е. Вильмс. – Волгоград, 1997.
3. Гибайдуллина, Л.З. Объективация концептов «Любовь» и «Семья» в татарской и русской языковой картинах мира (на материале современной женской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.З. Гибайдуллина. – Тобольск, 2012.
4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2 / В. Даль. – М., 1956.
5. Кузнецова, Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Л.Э. Кузнецова. – Краснодар, 2005.
6. Лобкова, Е.В. Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Лобкова – Омск, 2005.
7. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 8000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1997.
8. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М., 2007.
9. Попова, З.Д. Моделирование содержания концепта (когнитивная интерпретация результатов лингвистических исследований) / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Когнитивные исследования языка. Вып. II. Концептуальный анализ языка: сб. научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. – М.; Тамбов, 2009.
10. Русинова, Л.В. Концепт ЛЮБОВЬ в современной женской прозе (на материале текстов В. Токаревой, Л. Улицкой, Н. Горлановой): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.В. Русинова. – М., 2012.
11. Русский идеографический словарь (Мир человека и человек в окружающем его мире) / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2011. – URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5486>
12. Русский толковый словарь / под ред. В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной. – М., 1997.
13. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М., 1985.
14. Широкова, И.А. Эмоциональный концепт «Любовь» в идиостиле А.С. Пушкина (на примере стихотворных произведений и их переводов на немецкий язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.А. Широкова. – Тюмень, 2006.
15. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. Вып. 12. – Л.; М., 1982.

Источники

Как много девушек хороших» (В. Лебедев-Кумач); «Эх, путь-дорожка, звени, моя гармошка» (Г. Гридов); «Будни монотонные» (П. Григорьев); «В парке Чаир» (П. Арский); «Записка» (П. Герман); «Любимый мой, родной» (А. Волков); «Газовая косынка» (М. Козырев); «Годы былые смывают» (К. Подревский); «Далеко – далеко» (А. Чуркин); «Дни за днями катятся» (П. Герман); «Прощай, я ухожу» (О. Осенин); «Когда простым и нежным взором» (А. Шмульян); «За дальнею околицей» (Г. Акулов); «Когда черемуха колышется» (Б. Тимофеев); «Кто его знает» (М. Исаковский); «Изумруд» (А. Д'Актиль); «Мы странно встретились» (Б. Тимофеев); «Лирическая песенка» (Е. Долматовский); «Мы только знакомы» (Л. Пеньковский); «Провожанье» (М. Исаковский); «Тайга Золотая» (А. Прокофьев); «Утомленное солнце» (И. Альбек); «В день рождения» (В. Харитонов); «В рабочем поселке» (А. Фатьянов); «Волжанка» (А. Пришелец); «Воло-

гда» (М. Матусовский); «Вот кто-то с горочки спустился»; «За фабричной заставой» (Е. Долматовский); «На побывку едет молодой моряк» (В. Боков); «Подмосковные вечера» (М. Матусовский); «На крыльчке», «На солнечной поляночке», «На улице Заречной», «Перелетные птицы», «С добрым утром» (А. Фатьянов); «Крутится, вертится шар голубой»; «Лирическая песня» (В. Лебедев-Кумач); «Любушка» (М. Исаковский); «Аленка» (Ц. Солодарь); «Буду ждать тебя» (В. Харитонов); «В городском саду» (А. Фатьянов); «Веселые очи» (Е. Долматовский); «Вечер вальса» (М. Матусовский); «Влюбленный бригадир» (Н. Лабковский); «Костры горят далекие» (И. Шаповалов); «На катке» (Л. Ошанин); «Лизавета» (Е. Долматовский); «Я встретил девушку» (А. Бабаев); «Песня о старшине милиции» (М. Матусовский); «Наша любовь» (Б. Ласкин).

УДК 81'366.5

Н.Л. Кудинова

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ТАКСИСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению таксисной семантики и средств ее выражения на материале английского языка. В этой связи проводится анализ различных подходов к изучению таксиса, рассматривается специфика таксиса как понятийной и функционально-семантической категории, выделяются таксисные семантические функции, а также определяются средства выражения функционально-семантической категории таксиса в английском языке.

Таксис, понятийная категория, функционально-семантическая категория, семантическая функция, одновременность, предшествование, следование.

The article is devoted to the study of taxis semantics and the means of its expression on the material of the English language. In this connection different approaches to the study of taxis are analyzed, the specific character of taxis as a conceptual and functional semantic category is considered, taxis semantic functions are identified, and also the means of expressing the functional semantic category of taxis in the English language are defined.

Taxis, conceptual category, functional semantic category, semantic function, simultaneousness, precedence, consecution.

Проблема таксиса в том или ином виде и с использованием разного терминологического аппарата неоднократно затрагивалась в языковедческих работах (см., например: [2], [3], [4], [5], [7], [11], [12]), однако у исследователей имеется немало расхождений в интерпретации и употреблении данного термина. Среди существующих в настоящее время концепций таксиса, признающих за ним статус самостоятельной категории¹, выделяются две основные, принципиально отличающиеся друг от друга:

1. **Морфологическая**, рассматривающая в качестве основного компонента плана содержания таксиса *отношения предшествования* между действиями

безотносительно к моменту речи, а в качестве основного компонента плана выражения – четко маркированную *морфологическую оппозицию «перфект / неперфект»* (см., например, [12]). «...категория таксиса ... конституируется в английском языке оппозицией перфектных и неперфектных форм... Категория таксиса является одной из основных и наиболее важных глагольных грамматических категорий, так как она охватывает всю систему английского глагола, включая как личные, так и неличные формы» [12, с. 98]. Однако нетрудно заметить, что в подобной интерпретации таксис выступает лишь как еще один термин для обозначения грамматической категории временной отнесенности (соотнесенности / относительности или категории фазы) (см., например, [1]).

2. **Функционально-семантическая**, рассматривающая в качестве основного компонента плана содержания таксиса *все три вида хронологических отношений (предшествование, одновременность, следование)*, а в качестве основного компонента плана

¹ Категория таксиса является далеко не общепризнанной. Соотнесенность действий во времени трактуется многими лингвистами как элемент других семантических категорий, в частности, категорий темпоральности и аспектуальности, а также переходных аспектуально-темпоральных и аспектуально-таксисных категорий (см. [8]).

выражения – широкий инвентарь разнообразных полипредикативных структур со специфическим взаимодействием разноуровневых (лексических, грамматических, лексико-грамматических и синтаксических) средств. Данная концепция была предложена Р.О. Якобсоном [11] и получила дальнейшую разработку (преимущественно на материале русского языка) в трудах представителей Ленинградской школы функциональной грамматики, прежде всего, Ю.С. Маслова [5], А.В. Бондарко [2], [3], [4] и некоторых других исследователей [7]. Данный подход разделяем и мы.

Вслед за А.В. Бондарко [4, с. 98] таксис трактуется нами как выражаемая в полипредикативных конструкциях сопряженность действий (компонентов полипредикативного комплекса) в рамках единого временного плана. Имеется в виду сопряженность (связь), выступающая в следующих основных разновидностях:

- а) отношение одновременности / неодновременности (предшествования / следования);
- б) взаимосвязь действий (компонентов полипредикативного комплекса) при неактуализованности указанных выше хронологических отношений (т.е. в пределах единого периода времени – *Н.К.*);
- в) связь действий во времени в сочетании с отношениями обусловленности (причинными, условными, уступительными).

Сферу изучаемых таксисных отношений уточняют следующие ограничения (см., например, [3]):

1. **Целостность временного периода**, охватывающего комплекс действий, между которыми устанавливаются таксисные отношения.

Целостность временного периода предполагает однородное отношение всех компонентов данного комплекса действий к моменту речи как исходной точке отсчета. Все действия должны быть отнесены либо к прошлому, либо к настоящему, либо к будущему, либо к плану узуальности. Однородность отнесенности всех компонентов данного комплекса действий к одному к тому же денотативному времени с точки зрения момента речи – необходимое условие цельности (единства) временного периода, а тем самым и условие существования таксисного отношения. При этом следует подчеркнуть, что наличие временных интервалов между действиями не препятствует целостности временного периода, если эта целостность обеспечивается темпоральными связями внутри комплекса действий и однородностью их темпоральной отнесенности¹.

¹ В высказываниях с личными глагольными формами рассматриваемый признак находит проявление в том, что действия-компоненты таксисного отношения чаще всего выражаются видовременными формами, относящимися к одному и тому же временному плану (прошедшему, настоящему или будущему). Вместе с тем данный признак может характеризовать комплекс действий, выраженных видовременными формами, относящимися к различным временным планам, но, тем не менее, охватываемых единым временным периодом. В таких случаях видовремен-

2. **Однородность действий с точки зрения их конкретности / обобщенности (узуальности, общности, типичности)**. Все обозначаемые действия должны быть либо конкретными, либо общими, типичными.

3. **Отношения таксиса ограничиваются рамками высказывания**. Имеются в виду высказывания, равные предложению или сверхфразовому единству. Границы анализируемых высказываний определяются законченностью и внутренней целостностью структуры таксисного отношения.

Все три указанные выше признака таксисных отношений, ограничивающие и уточняющие понятие таксиса, связаны друг с другом. Целостность временного периода, сопряженная с целостностью комплекса действий, объединенных таксисными отношениями, предполагает и однородность с точки зрения конкретности / абстрактности (узуальности, типичности) элементов обозначаемой ситуации, а рамки высказывания – это сфера реализации данного комплекса действий.

Мы рассматриваем таксис как функционально-семантическую категорию (ФСК), охватывающую различные средства выражения хронологических отношений между двумя и более событиями в рамках единого временного периода. ФСК таксиса коррелирует с понятийной категорией (ПК) таксиса (порядка), содержание которой определяется как «характеристика сообщаемого факта по отношению к другому сообщаемому факту с точки зрения передачи отношений одновременности и неодновременности (предшествования или следования), но безотносительно к факту сообщения» [2, с. 153].

В соответствии с принципами функциональной грамматики, ФСК как инвариант конституируется комплексом семантических функций (СФ), коррелирующих с ней как варианты единого смыслового содержания.

При выделении семантических функций принимаются во внимание следующие критерии:

1. СФ, которые кладутся в основу функционально-грамматического описания, извлекаются из значений языковых средств, выступающих в высказываниях. В частности, подобные смыслы могут вычлениваться в результате сопоставления разных высказываний (текстов), характеризующихся различиями их языкового содержания, но общностью некоторых инвариантных содержательных элементов.

2. СФ должны иметь грамматическое формальное выражение (наряду с возможным неграмматическим). При этом речь идет не только о грамматических формальных показателях, но и грамматических признаках системно-структурной организации.

3. СФ – это наиболее обобщенные смыслы, не сводимые к индивидуальным значениям отдельных лексических единиц, т.е. смыслы, соответствующие той степени абстрактности, которая характерна для грамматической семантики. При этом имеется в ви-

ные формы разные, но они имеют одну и ту же денотативную темпоральную соотношенность.

ду, что из множества смыслов, выражаемых в текстах на данном языке, отбираются лишь категориальные смыслы, т.е. те, которые находят воплощение в значениях грамматических форм и категорий, в служебных (грамматических) словах, в специальных типах синтаксических конструкций или в значениях лексико-грамматических разрядов [2, с. 51–52].

Если рассматривать ФСК таксиса как выражение хронологических отношений между двумя и более событиями в рамках единого временного периода, то семантическими функциями будут различные виды хронологических отношений между событиями: одновременность / разновременность (предшествование / следование)¹.

Одновременность – это выражение совпадения во времени данного действия с другим действием или ситуацией [8]. Одновременность может быть полной и частичной. Полная одновременность (наложение) представляет собой полное совпадение временных интервалов, занимаемых сопоставляемыми действиями, а частичная одновременность (включение) – «поглощение более широким временным интервалом, занимаемым одним из действий, времени другого действия, носящего более кратковременный характер» [6, с. 104]. «При отношениях наложения временная линия едина, накладывается одна на другую, и вместе они образуют определенный участок временной оси повествования. При отношениях включения одно из действий является менее длительным, и его временные параметры оказываются «встроенными» в период, занимаемый другим действием» [9, с. 70].

Предшествование представляет собой выражение несовпадения во времени данного действия с другим действием или ситуацией, при которой определяемое действие расположено во времени ранее другого действия или ситуации [8]. При этом можно говорить о контактном (когда действия следуют одно за другим без промежуточного интервала) и дистантном (когда между предшествующим и последующим действиями существует промежуток с различной длиной интервала) соположении событий.

Следование – это выражение несовпадения во времени данного действия с другим действием или ситуацией, при котором определяемое действие расположено во времени ранее другого действия (ситуации) [8]. При описании отношений следования также можно говорить о контактном и дистантном соположении событий.

Длина интервала при дистантном предшествовании или следовании может быть указана или не иметь спецификации.

ФСК таксиса и комплекс конституирующих ее СФ² составляют план содержания функционально-

семантического поля (ФСП)³ таксиса, формируемого различными средствами (морфологическими, синтаксическими, лексическими), объединенными функцией выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, реализуемых в высказывании (имеются в виду действия в широком смысле включая и состояния, и отношения, т.е. любые репрезентации предикатов) [3].

Таксис относится к числу полей полицентрического типа. Полицентрическая (бицентрическая) структура рассматриваемого поля определяется различием функций зависимого и независимого таксиса. *Зависимый таксис* – это временное отношение между действиями, одно из которых является главным, а другое – сопутствующим. *Независимый таксис* предполагает временные отношения между действиями при отсутствии эксплицитной, формально выраженной градации главного и сопутствующего действия (оттенки неполной равноправности элементов таксисного отношения возможны, однако они не имеют формального выражения и не являются грамматическими значениями тех или иных форм или конструкций).

Различие между зависимым и независимым таксисом обуславливает членение данного ФСП на две сферы, каждая из которых характеризуется своими центральными и периферийными компонентами. В английском языке нами выявлены следующие компоненты ФСП таксиса:

I. Независимый таксис.

A) Центр:

- 1) сложноподчиненные предложения с придаточным времени;
- 2) сверхфразовые единства;
- 3) сложносочиненные предложения;
- 4) предложения с однородными сказуемыми.

B) Периферия:

- 1) сложноподчиненные предложения с определенным придаточным;
- 2) сложноподчиненные предложения с дополнительным придаточным;
- 3) «фондовый таксис»⁴.

нально-семантических микрополей таксиса (см., например, [7]).

³ Функционально-семантическое поле (ФСП) – это двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне [2, с. 40]. Термин ФСП выдвигает на передний план идею группировки (упорядоченного множества) взаимодействующих на семантико-функциональной основе языковых средств и их системно-структурной организации [3, с. 22].

⁴ Имеются в виду такие несобственно таксисные би-предикативные конструкции, например: причинные, условные, уступительные, в которых, тем не менее, в качестве фоновых обязательно присутствуют и таксисные отношения между частями конструкции [10].

¹ Ср.: «Семантическую доминанту поля таксиса образуют отношения одновременности / неодновременности (предшествования – следования)» [3, с. 72].

² Многие исследователи рассматривают предшествование, одновременность и следование в качестве функцио-

- сложноподчиненные предложения с придаточным условием;
- сложноподчиненные предложения с придаточным причины;
- сложноподчиненные предложения с придаточным следствием;
- сложноподчиненные предложения с уступительным придаточным;
- сложноподчиненные предложения с придаточным местом.

II. Зависимый таксис:

A) Центр:

- 1) причастие и комплексы с причастием;
- 2) герундий и герундиальные комплексы.

B) Периферия:

- 1) инфинитив и комплексы с инфинитивом.

Определение центральных компонентов в обеих сферах поля таксиса основано прежде всего на критерии наибольшей специализации того или иного языкового средства по отношению к рассматриваемой функции, что обычно связано с категориальным статусом выражаемого значения и регулярностью функционирования данной грамматической единицы. Как видим, ни в сфере зависимого, ни в сфере независимого таксиса нет единого центра. В каждой сфере выделяется несколько разнородных средств, каждое из которых обладает определенными признаками центрального положения. Таким образом, полицентрический тип структуры поля таксиса проявляется не только в членении данного поля на сферы зависимого и независимого таксиса, но и в том, что в обеих сферах выделяется несколько центральных компонентов.

В итоге, можно сделать следующие выводы о категориальной принадлежности таксиса в английском языке:

1. Таксис трактуется как функционально-семантическая категория, связанная с выражением хронологической сопряженности событий (компонентов полипредикативного комплекса) в рамках единого временного плана. На концептуальном уровне ФСК таксиса коррелирует с понятийной категорией таксиса, содержание которой определяется как характеристика сообщаемого факта по отношению к другому сообщаемому факту с точки зрения передачи отношений одновременности и неодновременности (предшествования или следования), но безотносительно к факту сообщения.

2. Одновременно ФСК таксиса является инвариантом по отношению к набору таксисных семантических функций, реализуемых в процессе речевой деятельности в рамках целостного высказывания. К таксисным СФ относятся: СФ предшествования, СФ одновременности и СФ следования, которые как конститuentы ФСК составляют план содержания ФСП таксиса.

3. План выражения функционально-семантического поля таксиса формируется различными средствами. В английском языке ФСП таксиса делится на две сферы (микрополя) – независимый и зависимый таксис, каждая из которых характеризуется своими центральными и периферийными компонентами.

4. Центр микрополя независимого таксиса включает сложноподчиненные предложения с придаточным времени (СПП с ПВ), сверхфразовые единства (СФЕ), сложносочиненные предложения (ССП) и предложения с однородными сказуемыми. Периферию микрополя независимого таксиса составляют СПП с разного типа придаточными предложениями и «фоновый таксис» – несобственно таксисные структуры, для семантики которых таксисные отношения не являются первичными. В центр микрополя зависимого таксиса входят причастие и герундий и комплексы с ними, его периферию образуют инфинитив и комплексы с инфинитивом.

Литература

1. Бархударов, Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л.С. Бархударов. – М., 1975.
2. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л., 1983.
3. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л., 1984.
4. Бондарко, А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени / А.В. Бондарко. – СПб, 1999.
5. Маслов, Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. – Л., 1984.
6. Мачина, О.А. Функционально-семантические и дискурсивно-прагматические особенности средств выражения аспектуальности в американском варианте английского языка XIX – начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Мачина. – М., 2004.
7. Полянский, С.М. Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка) / С.М. Полянский. – Новосибирск. – 1990.
8. Резник, И.В. Функционально-семантическое поле темпоральности: логико-семантическая категория и способы ее языкового выражения: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Резник. – М., 1987.
9. Соколова, Е.Е. Средства выражения аспектуальности в английском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / Е.Е. Соколова. – М., 2003.
10. Храковский, В.С. Таксисные конструкции (опыт классификации) / В.С. Храковский // Теоретические проблемы функциональной грамматики: Материалы Всероссийской научной конференции (СПб., 26–28 сентября 2001 г.). – СПб., 2001. – С. 109–112.
11. Якобсон, Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р.О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95–113.
12. Akhmanova, O. The Morphology of the English Verb. Tense, Aspect and Taxis / O. Akhmanova, V. Belenkaya. – Moscow, 1975.

«ВСЕМИРНЫЙ СОН» В ЛИРИКЕ А. ФЕТА

В статье рассматривается мотив сна в творчестве Афанасия Фета, выявляются особенности его функционирования в контексте русской лирики второй половины XIX века.

Мотив сна, А. Фет, Ф. Тютчев, русская лирика.

The article considers the motive of dream in the work of Afanasy Fet and reveals the features of its functioning in the context of Russian lyric poetry of the second half of the XIXth century.

Motive of dream, A.Fet, F.Tyutchev, Russian lyrics poetry.

Исключительно устойчивый и распространенный в мировой литературе и, в частности, русской лирике, мотив сна оказывается одним из самых частотных в творчестве А.А. Фета. Анализ фетовской поэзии показывает, что названный мотив встречается примерно в каждом пятом тексте автора, распространяясь при этом практически на все сферы жизни: природу, душевную жизнь, мироустройство, осмысление категорий жизни и смерти.

Самую большую группы стихотворений, в которых функционирует мотив сна, составляют тексты природной тематики. Значительная их часть представляет собой (по классификации Г.Н. Пospelова) лирику медитативно-образительную, основывающуюся на принципе «соединения лирической медитативности и образительности через олицетворение жизни» [8, с. 104]. В стихотворениях этого типа сон становится неотъемлемым атрибутом практически любого пейзажа. У Фета «дремлет» курган, воздух, «тополь сонный», розы, ива, колос, лист, леса и поля; «сад уснул», «море спало», «спит залив», «спит земля», «спят ночные цветы», «засыпает пруд», «уснуло озеро», «поле уснуло», «черемуха спит» и т.д.; «сонными» называются огоньки, ручей, былинки, липы...

Один из первых импрессионистов в русской лирике, Фет изображает мир посредством выразительных деталей, попавших в поле зрения поэта. Мотив сна в таких случаях не нагружается символическим подтекстом, не наделяется дополнительными оценками и характеристиками. Но когда в стихотворении преобладает медитативная часть, состояние природы (сон) представляет собой либо проекцию душевных переживаний лирического героя, либо контраст по отношению к ним.

Так, в стихотворении «Пчелы» (1854) герой, охваченный тоской и сосредоточенный на себе, бессознательно обращает внимание на пчел в цветках сирени. Жизнь природы и жизнь человека, кажется, протекают параллельно и друг с другом не связаны. Разлаженное мироощущение лирического героя противопоставлено природной гармонии: «Пропадут от тоски я и лени, / Одинокая жизнь не мила, / Сердце

ноет, слабеют колени, / В каждый гвоздик душистой сирени, / Распевая, вползает пчела».

Герой Фета пытается найти спасение в природе («Дай хоть выйду я в чистое поле / Иль совсем поте-ряюсь в лесу»), но безуспешно. Ее покой и умиротворение («черемуха спит») не только не унимают смятения, но даже усиливают его («Сердце пышет всё боле и боле, / Точно уголь в груди я несущу»).

Внешний мир окрашивается настроениями внутреннего «я» лирического героя в стихотворении «Гаснет заря в забытти, в полусне...» (1888), представляющем собой последовательно разворачивающуюся метафору. Заря как атмосферное явление антропоморфизмуется – лирическая эмоция разливается в природе. Кажется, что определения при предикате первого предложения, создающие атмосферу недосказанности, невыразимости происходящего, относятся ко второй строке стихотворения, и в «забытти, в полусне» – это скорее характеристики речи героини («Что-то неясное шепчешь ты мне»). Слитность человека с природой достигает такого предела, что в финале стихотворения происходит отождествление с ней: «Я же, напрасной истомой горя, – / Летняя вслед за тобою заря».

Традиционным стало сопоставление Фета с его современником Тютчевым (оба считаются самыми «природными» русскими поэтами), при этом прижизненная критика оценивала поэтический дар Фета значительно ниже в силу отсутствия в нем ярко выраженного философского начала. Исследователи принимали тематическую близость поэзии Тютчева и Фета как основание для сравнения, однако зачастую они упускали из виду, что творчество Тютчева – это прежде всего «поэзия мысли», а творчество Фета, условно говоря, – «поэзия впечатлений». Но совсем отказать Фету в наличии философии нельзя. Особенно ощутимо ее присутствие становится с середины 1850-х – в 1860-е гг., на которые приходится знакомство с трудами А. Шопенгауэра, чьей философией поэт будет увлечен до конца дней.

К стихотворениям философской направленности можно отнести небольшую группу текстов рефлексивно-медитативного типа, которые непосредственно

соотносятся с тютчевской натурфилософией. Первое из них – «**На стоге сена ночью южной...**», написанное в 1857 г. В экспозиции поэт фиксирует реальный хронотоп: «На стоге сена ночью южной / Лицом ко тверди я лежал». Но по мере развития лирического сюжета время и пространство теряют свои объективные характеристики. Окруженный ночным небом насколько хватает взгляда, лирический герой утрачивает ощущение верха и низа и оказывается наедине с ночью и космосом. Земля и земная жизнь в сравнении с увиденной мистерией мироздания кажется ему только «смутным сном».

Появляющийся у Фета образ звездной бездны сближает это стихотворение со «Снами» Тютчева (1829). Внешне схожи и ситуации, в которые попадают лирические герои. Но тютчевские «Сны» наполнены значительно большим количеством потенциальных значений: это и метафора ухода в сферу бессознательного, отождествляемого с Хаосом, соединение с которым грозит гибелью, и выражение авторского постижения мироустройства, осмысленного им как постоянная борьба созидательного (Космос) и разрушающего (Хаос) начал. У Фета все гораздо однозначнее: «замирание и смятение» его лирического героя перед открывшейся ему бездной вызваны восторгом и невольным страхом от внезапно постигнутого величия Вселенной.

Стихотворение «**Как нежишь ты, серебряная ночь...**» (1865) продолжает ночную тему в фетовской лирике. Как и для Тютчева, для Фета образ ночи играет исключительную роль в постижении мира; но спадающий «златотканый покров» у Тютчева обнажает вселяющие ужас темные основы бытия, в то время как Фет восхищается открывшейся ему сущностью мира, которая ночью становится очевидней:

Какая ночь! Алмазная роса
Живым огнем с огнями неба в споре,
Как океан, разверзлись небеса,
И спит земля — и теплится, как море.

В этой строфе упоминаются все четыре природных стихии, которые перетекают одна в другую, сообщая друг другу свои свойства: свет звезд (огонь) отражается в росе (вода) и превращает ее капли в земные звезды; небо (воздух) сравнивается с океаном (вода), а земля становится подобной морю. Такие переходы одной стихии в другую обусловлены тем общим настроением, которое «разливается» по всему миру фетовской поэзии и как бы уподобляет все явления и вещи в нем. Одновременно это имплицитное движение в «застывшем» идеальном мире Фета – способ фиксации мгновения, которое приравнивается к вечности. У Тютчева это «перетекание» стихий становится одним из проявлений его пантеистического мировоззрения, выражением мысли о единстве сущего.

Родство стихий в стихотворении Фета символизирует единство, гармонию Вселенной, частью которой (в соотношении «микрокосм» и «макркосм»)

ощущает себя и лирический герой. Оттого он уверен, что ночь, преобразившая мир, способна сделать то же и с его душой («О, окрыли – и дай мне превозмочь / Весь этот тлен бездушный и унылый»).

Мотив сна, связанный в этом стихотворении с образом спящей земли и содержащий семантику покоя, не занимает центрального места – он становится одним из элементов, которые, как это свойственно лирике Фета, объединяясь общим настроением, складываются в цельную картину [1, с. 61–62].

В еще одном «ночном» стихотворении «**Есть в ночи зимней блеск и сила...**» (1885) образ зимней ночи противопоставлен ночи летней. В своем отношении к зимнему пейзажу Фет близок к пушкинскому пониманию осени: пышное убранство природы летом скрывает ее естество, тогда как «прощальная» краса поздней осени обнажает всю ее суть. У Фета «тревожный ропот» теней летней ночи становится преградой, заслоняющей от него небо и звезды, «символизирующие нетленность, бессмертие, гармонию» [9, с. 148]. Оказавшись перед лицом «спящей природы», лирический герой прозревает ее тайну. «Всемирный сон» в стихотворении Фета по значению близок к «всезрящему сну» тютчевского лебедя («Лебедь», 1838–1839), в котором постигается гармония бесконечности мира [6, с. 415].

Несмотря на увлечение Фета философией А. Шопенгауэра, его лирику нельзя назвать иллюстрацией к идеям мыслителя. Одно из самых показательных в этом плане – стихотворение «**Измучен жизнью, коварством надежды...**» (1864). Эпиграфом для него выбраны строчки из "Parerga und Paralipomena" – дополнения к главному труду философа «Мир как воля и представление» (1818–1844), содержанием которых стало представление о жизни как о сне. Принимая во внимание пессимистический характер философской концепции Шопенгауэра, можно заключить, что сон этот подобен кошмару.

В стихотворении появляется образ «солнца мира», «высший продукт мифотворческой фантазии» [4, с. 30] поэта и центральный для понимания его философии жизни. «Солнце мира», на первый взгляд, напоминает шопенгауэровскую Мировую Волю, которая лежит в основе бытия и подчиняет себе все сущее. Однако эта «воля к жизни» представляет собой разрушительную и слепую силу, под воздействием которой человек «подвластен бесконечным поискам, тоске и страданиям» [11, с. 461]. Фетовское же понимание общего закона ближе к индуистскому Брахману – нейтральному по отношению к человеку безличному Абсолюту, соединению с которым есть цель и смысл жизни.

В идее «солнца мира» как порождающего начала выражено своеобразие фетовского пантеизма, преодолевающего безысходность философии Шопенгауэра: по мысли поэта, все, что есть в мире, и сам мир – это отражение, «отблеск» высшей прекрасной сущности (то же видим в стихотворении «Добро и зло» (1884): «И как в росинке чуть заметной / Весь солнца лик ты узнаешь, / Так слитно в глубине заветной / Все мирозданье ты найдешь»).

Обращается Фет и барочной метафоре «жизнь – сон». В одном из ранних стихотворений **«Я люблю многое, близкое сердцу...»** (1843) медитация лирического героя, вызванная созерцанием тихого ночного пейзажа, завершается риторическим вопросом: «Что это – жизнь или сон? / Счастлив я или только обманут?» Но отсутствие ответа на него не тяготит; если это и обман, то он не прерывается – на это указывает настоящее время используемых глаголов, которое в сочетании с кольцевой композицией (в финале внимание лирического героя снова обращено на пейзаж) становится способом перевода мгновения в план вечности.

В позднем стихотворении **«Одним толчком согнать ладью живую...»** (1887) жизнь названа «тоскливым сном», альтернативой которому становится искусство, творчество. Вдохновение для него поэт находит в единении с природой.

Пожалуй, двумя названными стихотворениями функционирование метафоры «жизнь – сон» в ее классическом понимании в лирике Фета исчерпывается. По замечанию Н.В. Вершининой, поэту свойственно переосмысление идеи жизни-сна: для Фета не только жизнь становится сном, но и сон становится жизнью, т.е. еще одной реальностью, но более высокого порядка [3, с. 17]. По сути это выражение идеи романтического двоемирия. Как у романтиков мотив сна часто смыкается с воспоминаниями и «становится своеобразным способом преодоления временных границ» [5, с. 8], так у Фета во времени и пространстве сна становится возможной встреча с тем, что стало невозвратным в первой реальности.

Лирический герой стихотворения **«Давно ль под волшебные звуки...»** (1842) после смерти возлюбленной во сне воссоединяется с нею. В этом стихотворении мотив сна объединяет две полярности – жизнь и смерть: спящей видится умершая женщина, во сне обретает новую жизнь герой.

Герой стихотворения **«Я тебя в моих все вижу снах...»** (1847) не отрицает действительную жизнь, но она утратила для него радость и смысл. Прежнюю ее полноту он способен обрести только во сне («И во сне так полно я живу, / Как, бывало, жывал наяву»). Для Фета сон – не иллюзия, не обман, но другая жизнь, без страданий и потерь.

В стихотворении **«В тиши и мраке таинственной ночи...»** (1864) герой осознает смерть близкого человека, но свет звезд – символ и свидетельство бессмертия – позволяет отрешиться от безотрадной действительности, и сон, как это свойственно романтизму, становится новым «способом осуществления, восприятия и осмысления жизни» [7, с. 13]:

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

Фет неоднократно утверждает возможность полноценного существования «в мечтах и снах», где «нет времени оков» (**«Все, все мое, что есть и преж-**

де было...», 1887): душа может испытать в эти, пусть и краткие, мгновения состояние гармонии и ясности («За рубежом вседневного удела / Хотя на миг отраднo и светло»).

По отношению к лирике В.А. Жуковского было замечено, что «сон» превращается у него «в одну из поэтических универсалий, способных отразить всевозможные душевные состояния и коллизии» [5, с. 13]. То же можно сказать и о поэзии Фета: через мотив сна в ней находят выражение не только авторское мирозерцание, философские идеи, но и мельчайшие движения души, которые нельзя назвать точно. Поэтому если Фет касается психологической сферы, то сон получает разнообразные, порой противоречивые определения (чего не было в лирике природы): сон может быть «ревнивым», «чуждым», «больным и сладким», «утомительным», «безотвязно больным», «тоскливым» «светлым»; лирический герой видит сны «безумные», «пленительные», «блаженные», «пламенные», «мучительные»...

С мотивом сна как состояния, неподвластного воле разума, связана у Фета и еще одна важная для него тема невыразимого. Невозможность донести словом неясные настроения и переживания (часто в лирике Фета они называются снами) компенсируется через связь с подсознанием: сам поэт «ищет возможности «навеять» настроение эмоциональными ассоциациями, впечатляющими деталями, «музыкой» стиха» [2, с. 670], а его лирический герой обращается к чувственной стороне души:

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами —
Звуком на душу навей.
(**«Поделись живыми снами...»**, 1847)

В отношении к смерти Фет также пользуется метафорой сна; здесь он редко выходит за рамки традиции, представляющей смерть как вечный сон. В ранней лирике смерть получала негативную оценку как конец земных радостей. Такова, например, смерть героя в окрашенной гедонистическими настроениями **«Эпитафии»** (1840). В стихотворении того же года **«Вечерний звон (памяти Козлова)»** Фет оплакивает уход автора бессмертных строк. Но есть одно утешение: прервавшаяся жизнь не прошла без следа, и поэт останется в своем творчестве. Годы спустя тема обретения бессмертия в творчестве снова возникнет в стихотворении **«Теперь»** (**«Когда мой прах уснет забытый и холодный...»**) (1883). Поэзия, искусство как непреходящие ценности становятся для Фета той сферой, которая, аккумулируя чувственную и эмоциональную память поколений, наделяет человека бессмертием.

Изменения отношения к смерти как к закономерному, но с трудом принимаемому явлению происходит в лирике более поздних лет. В стихотворении **«Смерти»** (**«Когда измучен жаждой счастья...»**) (1856–1857) смерть видится «полным примиреньем» сновидением для того, кто познал и бесстрастно

принял все жизненные тяготы. Однако поэт оговаривается, что такое приятие смерти доступно не каждому: в тяжелые минуты часто только смерть кажется единственным спасением, но чуть «повеет жизни благодать» – и она вновь превращается в пугающую неизбежность («И будет тот, кто, изнывая, / В тебе встречал предтечу рая, / Перед тобою трепетать»).

Лирический герой стихотворения «**О нет, не стану звать утраченную радость...**» (1857), чувствуя подступающий конец, не просит возвращения былой молодости и ее страстей. В смерти он видит не только неотвратимую силу, но и освобождение от земных оков («Без грохота спадет тоскливой жизни цепь»), пробуждение от смутного сна на лоне природы. «Большая» и «утомленная борьбою» душа лирического героя не только не страшится смерти, но ждет ее как перехода в вечный мир природной гармонии и встречает ее «с улыбкой».

Стихотворение «**Грезы**» (1859) строится на композиционном приеме «сон во сне»:

Мне снился сон, что сплю я беспробудно,
Что умер я и в грезы погружен...

Фет всегда придавал большое значение музыке как искусству «немой речи», которое быстрее дойдет до сердца, чем любые слова. В звуках погребального колокола герою стихотворения слышится музыка Вселенной, он стремится вздохнуть в последний раз, чтобы в выдохе слиться с этими вибрациями и окончательно раствориться в небытии:

В груди восторг и сдавленная мука,
Хочу привстать, хоть раз еще вздохнуть
И, на волне ликующего звука
Умчаться вдаль, во мраке потонуть.

По своему содержанию это стихотворение близко написанному двумя годами ранее «**Был чудный майский день в Москве...**» (1857). Похоронная процессия сопровождает «розовый гробик» ребенка, и похоронный хор сливается со звоном церковных колоколов. В этих созвучиях как бы объединяются «два мира, земной и небесный. Торжественная процессия <...> постепенно перестает производить скорбное впечатление» [12, с. 29].

Мысль о том, что смерть – это возрождение в новую жизнь, у Фета постоянна. Стареющий лирический герой стихотворения «**Кричат перепела, трещат коростели...**» (1859) в окружении вечно живой природы и юности чувствует себя лишним и с сожалением осознает, что прошедшая жизнь оставила по себе лишь след «горькой отравы». И только смерть – «сон на лоне божески едином» – вселяет надежду на облегчение за пределами земного бытия.

Такое отношение к смерти как к ожидаемому и чаемому финалу – не просто романтическая поза. Воспоминания Фета и его переписка свидетельствуют о том, что не только в творчестве, но и в реальной жизни он исповедовал ту же идею: «Я никогда не забуду минуты, когда <...> я готов был, уступая

мольбам болезненно умирающей матери, <...> зарядив пистолет, одним верным ударом покончить ее страдания. Можно представить с каким радостным умилением я смотрел на ее дорогое и просветленное лицо, когда она лежала в гробу. Не странно ли, что впоследствии я не встретил ни одной смерти близких мне людей без внутреннего примирения, чтобы не сказать — без радости» [10, с. 193–194] – пишет поэт в мемуарах.

Таким образом, анализ лирики Фета свидетельствует о том, что мотив сна распространяется практически на все сферы жизни (природа, мироустройство, душевные состояния, осмысление категорий жизни и смерти). Самую большую группу стихотворений составляют тексты природной тематики – это так называемая пейзажная лирика или лирика натурфилософского характера.

В текстах медитативно-изобразительного плана мотив сна функционирует как неотъемлемый элемент пейзажа. В стихотворениях натурфилософского типа мотив сна сопутствует теме прозрения лирического героя: во сне ему открываются загадки бытия, которые вселяют в него надежду на вечную жизнь в единении с Абсолютом.

В некоторых текстах сон становится у Фета альтернативной действительностью и реализует, таким образом, концепцию романтического двоемирия. Во сне человеку доступны встречи с ушедшими близкими и восстановление гармонии, невозможной в реальном мире. Поэтому неудивительно, что смерть, которая ассоциируется со сном, видится желаемым и долгожданным исходом земной жизни. В отличие от многих авторов, Фет в своих убеждениях последователен и не противоречит себе: ужас и страх смерти незнаком его лирическому герою.

А. Фет – едва ли не единственный из поэтов середины XIX в. – эпохи, когда пушкинская гармония становится утраченным и невозвратимым идеалом прошлого, – создает ее подобие – поэтический мир, огражденный от диссонансов реальной жизни. Сон, как один из ведущих мотивов фетовской лирики, становится способом реализации романтического двоемирия, которое остается у Фета в неизменном – относительно романтизма начала века – виде.

Литература

1. *Бухштаб, Б.Я.* А.А. Фет / Б.Я. Бухштаб // Фет А.А. Полное собрание стихотворений. – Л., 1959. – С. 61–62.
2. *Бухштаб, Б.Я.* Путинцев В.А. Поэзия сороковых годов [XIX века] / Б.Я. Бухштаб // История русской литературы: в 10 т. Литература 1840-х годов. – М.; Л., 1955. – Т. VII. – С. 670.
3. *Вершинина, Н.В.* Система мотивов в поэтическом мире А.А. Фета: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Вершинина. – Улан-Удэ, 2008.
4. *Воронова, О.Е.* Мифопоэтизм в художественной системе Фета / О.Е. Воронова // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 30.
5. *Кумбашева, Ю.А.* Мотив сна в русской лирике первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Кумбашева. – СПб., 2001.

6. Лотман, Л.М. Ф.И. Тютчев / Л.М. Лотман // История русской литературы: в 4 т. – Л., 1982. – Т. 3. – С. 415.
7. Нечаенко, Д.А. Художественная природа литературных сновидений (Русская проза XIX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Нечаенко. – М., 1991.
8. Поспелов, Г.Н. Лирика. Среди литературных родов / Г.Н. Поспелов. – М., 1976.
9. Симчич, О. А.А. Фет и Дж. Томази ди Лампедуза: Смерть, ночь и звезды... / О. Симчич // А.А. Фет. Поэт и мыслитель: Сб. науч. тр. – М., 1999. – С. 148.

10. Фет, А.А. Мои воспоминания: в 2 т. / А.А. Фет. – М., 1890. – Т. 2. – С. 193–194.
11. Чанышев, А.А. Учение А.Шопенгауэра о мире, человеке и основе морали / А.А. Чанышев // Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. – М., 1999. – Т. 1. – С. 461.
12. Шеншина, В.А. А.А. Фет как метафизический поэт / В.А. Шеншина // А.А. Фет. Поэт и мыслитель: к 175-летию со дня рождения А.А. Фета: Сб. науч. тр. – М., 1999. – С. 29.

УДК 81. 373

О.В. Ломакина

ИНОЯЗЫЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ В ТЕКСТАХ Л.Н. ТОЛСТОГО: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО КОДА

*Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции
«Взаимодействие языков и культуры» 24 – 27 апреля 2014 г.*

В статье анализируются случаи употребления иноязычной фразеологии и паремиологии (иноязычных вкраплений) в текстах Л.Н. Толстого разных стилей и жанров. Особое внимание уделено способам введения иноязычных единиц в контекст, что демонстрирует особенности авторской экспликации.

Язык Л.Н. Толстого, иноязычные вкрапления, переключение языкового кода.

The article analyses the foreign phraseology usage (the foreign inclusions) in Leo Tolstoy texts of different styles and genres. The means of foreign units' introduction in the context which demonstrate the peculiarity of the author's explication are regarded.

L. Tolstoy language, foreign inclusion, switching of language code.

С XIX в. иноязычные вкрапления (ИВ) стали одной из стилистических черт русской художественной литературы, что Ю.Т. Листрова-Правда объясняет появлением двуязычия и называет фактором демократизации русского языка, начатой А.С. Пушкиным [8].

Как известно, термин *иноязычное вкрапление* введен А.А. Леонтьевым, который понимал под ним «сосуществование» двух текстов, где реализуются различные модели – «развертки» и «свертывания» текста по определенным правилам [7, с. 60]. Типология ИВ, предложенная А.А. Леонтьевым, опирается на понимание языка как системы, поэтому находит отражение на всех его уровнях.

Изучение ИВ, их лексикографирование в отечественной лингвистике имеет богатую традицию, однако не отличается однозначностью, в т.ч. терминологического аппарата. На это указывает З.Л. Новоженнова, говоря о понимании термина ИВ в статье «Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте» [12]: от широкого понимания (А.А. Леонтьев) до узкого (Л.П. Крысин, Ю.Т. Листрова-Правда) [5], [8]. Чаще исследователи (Н.В. Габдреева, Э.А. Китанина, Л.П. Крысин и др.) [3], [4], [5] большее внимание уделяют словам, работы же, посвященные ИВ фразеологического и паре-

миологического характера единичны (А.М. Бабкин, Ю.Т. Листрова-Правда) [1], [8]. Кроме того, существуют различные термины для обозначения языка-источника заимствования, как и языка, в который приходит заимствование (заимствующий, язык-заимствователь).

Под влиянием контактной лингвистики в широкий научный оборот введено понятие кодового переключения (resp. переключение языковых кодов), куда относят высказывания, содержащие иноязычные единицы, употребленные внутри предложения (внутрифразовые) или в качестве отдельных предложений (межфразовые) [подробнее см.: 13]. Переключение кодов характерно для языковой личности, владеющей одним или несколькими иностранными языками или пользующейся его отдельными элементами (преимущественно – лексикой и фразеологией). Вполне справедливым кажется наблюдение Л.П. Крысина о том, что «употребление иноязычных вкраплений обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [5, с. 47].

В лингвистике ИВ проводятся с различных позиций, что объясняет наличие многочисленных классификаций. А.М. Бабкин выделил 2 типа иноязыч-

ных выражений в зависимости от ассимиляции в языке-заимствователе:

- 1) переводные (калькированные);
- 2) нетранслитерированные (употребляющиеся без перевода и в иноязычном написании) [1].

В связи с развитием прагмалингвистики интерес исследователей вызывают средства порождения дискурса. Дискурсивное изучение ИВ предполагает анализ соотношения контактирующих языков, что может опираться на классификацию Ю.Т. Листровой-Правды:

«1. Полное иноязычное вкрапление – отрезок текста на иностранном языке, включенный в текст без каких-либо изменений.

2. Частичное иноязычное вкрапление – слово, словосочетание, предложение или даже отрывок иностранного текста, которые частично (фонетически или морфологически) ассимилированы в языке или включены в синтаксические отношения с членами русского предложения.

3. Контаминированное, или русско-иноязычное, вкрапление, представляющее собой русское слово, словосочетание или предложение, употребленное по законам другого языка (или с нарушением закона русского языка).

4. Нулевое вкрапление, представляющее собой обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включенного в оригинальную русскую речь» [8, с. 119–120].

Характеристика языковой личности писателя предполагает не просто представление количественного и качественного состава фразеологического корпуса, но и выделение текстовых доминант – рекуррентных, «тезаурусообразующих» (Ю.Н. Караулов) языковых единиц, составляющих авторскую картину мира, к которым могут относиться и ИВ.

Текст Л.Н. Толстого насыщен кодовыми переключениями. Высокий уровень владения иностранными языками, хорошее знание афористики, фразеологии и паремологии латинского, французского, английского, немецкого и других языков позволяли писателю использовать многочисленные ИВ в текстах различных стилей и жанров, органично вплетая в контекст, употребляя их в транслитерированном, так и в нетранслитерированном виде.

По нашим наблюдениям, фразеологический корпус языка Л.Н. Толстого включает ряд ИВ-фразеологических единиц (далее – ФЕ), заимствованных из различных языков: *volens nolens* (лат. «волей – неволей»), *vanitas vanitatus* (лат. «суета сует»), *carte blanche* (фр. «свобода действий»), *une question de vie et de mort* (фр. «вопрос жизни и смерти»), *all right* (англ. «все хорошо»), *es versteht von selbst* (нем. «само собой разумеется») и др. В количественном отношении преобладают ИВ-ФЕ французского языка, использованные в нетранслитерированном виде, что свидетельствует о безупречном владении писателя французским языком и принятии в то время языковыми нормами. Так, употребление многозначного ИВ-ФЕ в разных контекстах, где

реализуются разные значения, говорят о знании фонда ИВ:

Я только что ожил, а вы de gaieté de coeur, без всякого основания, разрушаете это здание моего блага только потому, что вам это кажется слишком хорошо (Письмо В.Г. Черткову 12–15 апреля 1885 г.).

Ср.: «1. *De gaieté de coeur*, франц. 1. Без всякой причины; ни с того, ни с сего» [2, 1, с. 342].

И не могу же я de gaieté de coeur себя мучить (Письмо С.А. Толстой 1 декабря 1898 г.).

Ср.: «2. С легким сердцем. Страдая так, ты страдаешь не одна, а и я тоже» [2, 1, с. 342].

ИВ-ФЕ использованы писателем без перевода, потому что фонд ИВ знаком адресату писем, и органично входит в текст, вступая в грамматические отношения с членами предложения, что позволяет говорить о внутрифразовых кодовых переключениях. Приведем примеры контекстуального употребления ИВ-ФЕ в эпистолярной:

Тогда я всеми силами старался удерживаться от слабости, которая так и лезла на меня, а теперь от тихой ненависти, которую в весьма сильной степени пробудило во мне чтение письма вашего к тетеньке, и не тихой ненависти, а грусти и разочарованья в том, что chassez le naturel par la porte, il revient par la fenêtre. (Письмо В.В. Арсеньевой 23 августа 1856 г.)

Ср.: *Chassez le naturel par la porte, il revient par la fenêtre*, франц. Гони природу в дверь – она влетит в окно [2, 1, с. 248].

Я сказал ему, что слышал, как он кашлял утром, но не вошел из-за fausse honte. (Письмо С.Н. Толстому 24 октября 1860 г.)

Ср.: *Fausse honte*, франц. Ложный стыд [2, 2, с. 248].

Иногда Л.Н. Толстой включает ИВ-ФЕ в контекст в качестве отдельного предложения, обычно это ИВ-устойчивые фразы – пример межфразового кодового переключения:

Я нынче вечером хочу почитать им места из вашей книги. Habent sua fata libelli. Как моим писаниям приписывается совсем неподобающее им значение, так ваши книги проходят совершенно неизвестными среди людей, которым они, казалось бы, так крайне нужны. (Письмо Ф.А. Страху 16 августа 1910 г.)

Ср.: *Habent sua fata libelli*, лат. «Имеют свою судьбу книги. I. 1) Употр. в знач.: трудно не только предсказать успех или неуспех книги у читателей, но даже и потом понять причину успеха или неуспеха той или иной книги» [2, 2, с. 579].

Кроме эпистолярных текстов, Л.Н. Толстой использует иноязычные фразеологизмы и паремии в произведениях художественной литературы. Интересен пример, где налицо идейная связь художественного произведения с этимологией используемого ИВ-ФЕ:

Я ... считал себя спасителем Европы, благодетелем человечества, исключительным совершенством, un heureux hasard, как я сказал это т-те Staël («По-смертные записки старца Федора Кузмича», I).

Ср.: *Je ne suis qu'un heureux hasard*, франц. Я только счастливая случайность [2, 2, с. 695].

По данным «Словаря ...» А.М. Бабкина и В.В. Шендецова фраза *Je ne suis qu'un heureux hasard* приписывается русскому царю Александру I (1777–1825). В основу повести «Посмертные записки Федора Кузмича» положена широко бытовавшая легенда о том, что император Александр I не скончался в Таганроге от неизвестной болезни, как утверждали официальные источники, а принял старчество и долго еще жил под видом обыкновенного крестьянина, называя себя Федором Кузмичом [6, с. 25]. Это позволяет говорить о концептуальном способе экспликации коммуникативного намерения писателя [подробнее см.: 9].

В языке Л.Н. Толстого многочисленны примеры, где ИВ-ФЕ вложены в уста героев художественных произведений. Включение подобных единиц А.Г. Ломов объяснял «тенденцией демократизации русского литературного языка», необходимостью «конкретно представить ту или иную историческую действительность, показать уровень человека, его увлечения и род занятий, <...> аристократическую среду» [10, с. 94]. Билингвальность героев «влечет за собой переключения с одного языка (кода) на другой, как и в живом общении» [11, с. 3]. Например:

— *А ты кого встречаешь?* — спросил он. — *Я? я хорошенькую женщину,* — сказал Облонский. — *Вот как!*

— *Honny soit qui mal a pense!* Сестру Анну («Анна Каренина, I, 17).

Ср.: *Honny soit qui mal a pense*, франц. «Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает. Употр. как оговорка в знач.: 1) Сказанного не следует понимать в дурном смысле» [2, 2, с. 605].

В некоторых случаях наблюдается экспликация – расширение компонентного состава ФЕ-ИВ путем включения определения:

— *Да и скотины-то нету, так какой навоз будет? Это странный cercle vicieux,* — подумал Нехлюдов, но решительно не мог придумать, что посоветовать мужику («Утро помещика», V).

Ср. *Circulus vitiosus*, лат. «Порочный круг. 2. Заколдованный круг. Употр. для характеристики крайне затруднительного, «безвыходного» положения» [2, 1, с. 260].

В языке Л.Н. Толстого ФЕ французского происхождения *comme il faut* является одной из «тезауросообразующих» единиц, частотность – 39 употреблений в художественных текстах: в рассказе «Разжалованный (Из кавказских воспоминаний)» (1856) – 1, в повестях «Отрочество» (1854) – 2, «Юность» (1857) – 27, «Исповедь» (1882) – 1, «Смерть Ивана Ильича» (1886) – 1, в романах «Война и мир» (1867–1869) – 2, «Анна Каренина» (1878) – 2, «Воскресение» (1899) – 3. Кроме того, писатель использует транслитерированный вариант фразеологизма – агглютинацию: *comme il faut* → *комильфотный* → *комильфотность*.

Приведем примеры контекстуального употребления этого галлицизма, представляющие собой внутрифразовые кодовые переключения:

Людей comme il faut я уважал и считал достойными иметь со мной равные отношения; вторых – притворялся, что презираю, но в сущности ненавижу их, питая к ним какое-то оскорбленное чувство личности; третьи для меня не существовали – я их презирал совершенно. Мое comme il faut состояло, первое и главное, в отличном французском языке и особенно в выговоре. Человек, дурно выговаривавший по-французски, тотчас же возбуждал во мне чувство ненависти («Юность», гл. XXXI).

Кроме того, для Володи и меня Дубков имел двоякую прелесть – воинственной наружности и, главное, возраста, с которым молодые люди почему-то имеют привычку смешивать понятие порядочности (comme il faut) очень высоко ценимую в эти года. Впрочем, Дубков и в самом деле был тем, что называют "un homme comme il faut". Одно, что было мне неприятно, – это то, что Володя как будто стыдился иногда перед ним за мои самые невинные поступки, а всего более за мою молодость («Отрочество», гл. XXV).

Интересен пример, в котором писатель употребляет ФЕ в нетранслитерированном виде, добавляя лишь русский аффикс и окончание, и прибегает к семантизации единицы в тексте, что представляет собой смешанный тип использования ИВ:

Судебным следователем Иван Ильич был таким же comme il faut'ным, приличным, умеющим отделять служебные обязанности от частной жизни и внушающим общее уважение, каким он был чиновником особых поручений («Смерть Ивана Ильича», гл. 2).

Как показывают приведенные примеры, в языке Л.Н. Толстого преобладают ИВ французского происхождения, которые по-разному введены в контекст (как внутрифразовое и как межфразовое переключение кода), имеют место примеры со смешанным типом транслитерированных / нетранслитерированных ИВ. Писатель не приводит перевода выражения, почти никогда не представляет «авторской самодефиниции», в редких случаях проводит семантизацию единицы в тексте. Все это позволяет сделать вывод о том, что адресату писем или читателю художественного произведения, по мнению автора, знакомо использованное ИВ и не требует специального комментария. Частность употребления ФЕ *comme il faut* дает основание говорить о концептообразующей функции ФЕ в языке Л.Н. Толстого и об их функционировании в качестве смысловой доминанты. Контекст позволяет уловить все «обертонны смысла» (Б.А. Ларин), увидеть специфику функционирования фразеологических средств в дискурсивной практике определенного автора, а не в языковой системе в целом. И хотя использование определенной единицы может быть ограничено рамками конкретного текста, иногда возможно расширение этих границ (например, особенности употребления фразеологизма

comme il faut и его производных в контексте творчества Л.Н. Толстого).

Литература

1. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А.М. Бабкин. – Л., 1970.
2. Бабкин, А.М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода / А.М. Бабкин, В.В. Шендцев. – СПб., 1994.
3. Габдреева, Н.В. История французской лексики в русских разновременных переводах / Н.В. Габдреева. – М., 2011.
4. Китанина, Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке / Э.А. Китанина. – Ростов н/Д., 2005. – С. 112–118.
5. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П. Крысин. – М., 1968.
6. Левитская, Н.А. Изучение поздних произведений Л.Н. Толстого на уроках литературы (материалы к уроку по повести «Посмертные записки Федора Кузмича») / Н.А. Левитская, О.В. Ломакина // Русская словесность. – 2007. – № 1. – С. 25–27.
7. Леонтьев, А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь / А.А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – М., 1966. – С. 60–68.

8. Листрова-Правда, Ю.Т. Иноязычные вкрапления-библейзмы в русской литературной речи XIX–XX вв. / Ю.Т. Листрова-Правда // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1. – 2001. – № 1. – С. 119–139.

9. Ломакина, О.В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) / О.В. Ломакина // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2014. – № 77. – С. 177–180.

10. Ломов, А.Г. Фразеология пьес А.Н. Островского / А.Г. Ломов. – Самарканд, 1995.

11. Мишинцева, И.Ю. Переключения кодов в художественных произведениях PDF: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.Ю. Мишинцева. – Ярославль, 2011.

12. Новоженова, З.Л. Иноязычные вкрапления как дискурсивное явление: русское слово в чужом тексте / З.Л. Новоженова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 8. – С. 37–42.

13. Чиршева, Г.Н. Межъязыковые инновации в речи американских русских детей / Г.Н. Чиршева // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2012. – № 3. – С. 50–54.

УДК 81

А.Е. Новиков

**О.И. СЕНКОВСКИЙ КАК ПЕРЕВОДЧИК ГОМЕРА
(О ЕГО КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕВОДА «ОДИССЕИ» ГОМЕРА)**

В статье рассматривается предложенная О.И. Сенковским концепция перевода «Одиссеи» Гомера, основанная на представлении о ее простонародно-фольклорном характере.

О.И. Сенковский, «Одиссея» Гомера, концепция перевода, простонародный характер.

The article considers O.I. Senkovskiy's conception of translation "Odyssey" by Homer based on representation of its demotic and folklore character.

O.I. Senkovskiy, "Odyssey" by Homer, conception of translation, demotic character.

Для русской литературы (по замечанию одного из исследователей) «в течение долгого времени античные памятники играли формирующую роль нормы и образца» [10, с. 21]. Однако отношение к самим «образцам» в отечественной литературно-художественной традиции было далеко не однозначным. Так, наряду с царившим в первой половине XIX в. своеобразным культом античности (см.: [10, с. 21–28]) имело место и стремление к более трезвому, критическому рассмотрению наследия Эллады. «Человекообразное представление божества, грубая вещественность в служении, отсутствие почти всякого нравственного начала в сказках мифических, торжество силы и красоты телесной и, наконец, почти совершенная бесчувственность поэтов к идее правды и добра – вот характер поэзии эллинской» [20, с. 139], – писал, например, в сороковые годы XIX в. известный поэт и мыслитель славянофильского направле-

ния А.С. Хомяков. Кроме того, в это время имели место и попытки шутливо-иронического, пародийно-трагического осмысления явлений античной культуры... Они были связаны, в частности, с журнально-литературными трудами О.И. Сенковского – редактора популярного в 30–40-е гг. XIX столетия журнала «Библиотека для чтения» и литератора, выступавшего обычно под псевдонимом «Барон Брамбеус».

О.И. Сенковский (1800–1858) – известный ученый-востоковед, внесший немаловажный вклад в становление отечественной ориенталистики. В то же время, получив основательное историко-филологическое и естественнонаучное образование в Виленском университете и усовершенствовав свои навыки владения восточными языками во время путешествия в Сирию и Египет, Осип Иванович – помимо Востока – проявлял интерес и ко многим другим

реалиям отечественной и мировой культуры, в том числе и к античности, пробуждению внимания к которой он в значительной степени был обязан своему дяде по материнской линии – «ученому и немного тяжелому немцу, профессору греческой и латинской словесности <...> Готфриду Гроддеку», дававшему первые уроки юному Юзефу и положившему «твердое основание его филологическим познаниям» [17, с. XVII], а также «привившему» ему любовь к Гомеру. «Первою нашею любовью был Гомер. Мы обожили этого слепого, оборванного, нищего старика...» [18, с. 340], – писал Сенковский впоследствии. О своей «первой любви» Осип Иванович вспомнил спустя более 30 лет, поводом к чему стало появление перевода «Одиссеи» Гомера на русский язык, выполненного В.А. Жуковским.

К этому времени О.И. Сенковский был маститым журналистом, редактором самого популярного в России в 1830-е гг. журнала «Библиотека для чтения», тираж которого достигал невиданной для тех лет цифры – 7000 подписчиков (!) [4, с. 326]. Хотя журнал был рассчитан, прежде всего, на невзыскательные вкусы массового читателя (вследствие чего и вызывал резкую критику современников – В.Г. Белинского [1, с. 145–146], Н.В. Гоголя [5, с. 293–294] и др.), однако он отличался разнообразием и «необычайным единством в подаче» материала [4, с. 328], а «многие из его статей (по меткому замечанию А.С. Пушкина) <...> достойны были занять место в лучших из европейских журналов» [15, с. 96]. О.И. Сенковский явился в «Библиотеке для чтения» не только как редактор, но и во многих других ипостасях: как литератор, как ученый, критик...

Литературные описания Осипа Ивановича (они начали печататься еще до появления «Библиотеки...») также вызывали неоднозначную реакцию современной критики, хотя и имели успех у читателей. По поводу уже первых своих сочинений, вышедших в начале 1830-х гг. под псевдонимом «Барон Брамбесус» («Фантастических путешествий барона Брамбесуса», «Большого выхода у Сатаны» и др.), Сенковский, казалось бы, справедливо был обвинен в плагиате – многочисленных заимствованиях у Бальзака и Рабле, Свифта и Гюго... (см.: [11]). В то же время отмечались занимательность изложения, «фельетонное остроумие» [9, с. 468], ирония, характерные для «брамбесусианы». Сенковский, используя известные литературные образы, общественно-философские идеи и научные теории, стремился фактически к их ироническому, пародийному переосмыслению, но с учетом особенностей читательской конъюнктуры, позволявшим в наибольшей степени позабавить публику [13, с. 21].

Аналогичный характер носили и выступления Сенковского-критика. Сенковский выдвигает принцип так называемой вкусовой критики. «...я изъясляю свое мнение по личному моему воззрению на предмет и род изящного сочинения и не спрашиваю совета ни у риторики, ни у пиитики о том, что должно мне нравиться, а что нет» [19, с. 36], – заявлял он, в частности, в статье «О драмах «Россия и Баторий»

барона Розена, «Торквато Тассо» Н.К. <укольника> и «Торквато Тассо» <М. Киреева>», напечатанной в I томе «Библиотеки для чтения». Опираясь на такую установку, Сенковский высказывает весьма произвольные суждения о современных ему авторах. Так, например, он объявляет второстепенного драматурга Н. Кукольника «юным нашим Гете» [19, с. 29], но в то же время сравнивает Тимофеева с Пушкиным и уничижительно отзывается о произведениях Гоголя... При этом, возвеличивая Кукольника, Сенковский одновременно двусмысленно-иронически разбирает его драматическую фантазию «Торквато Тассо». «Выписывая самые нелепые места из драмы, – писал об этом Д.И. Бернштейн, – Сенковский восклицает: «Вот где драма. Настоящая, сильная, великая драма!» – и именует Кукольника «гением»... Приведя самые раздирающие сцены, он указывает Кукольнику на недостаток патетики, которая «усовершила бы эффект и разразила зрителя». Пропев дирамб Кукольнику, Сенковский, точно мимоходом, указывает на его недостатки и издевательски уничтожает этими, будто случайными, указаниями все свои похвалы: пьеса «скудна», автор «не умеет вести действие» [2, с. 172].

Таким образом, как видно, в данном случае имеет место не только подспудное, завуалированное осмеяние Кукольника, но и пародирование типичной формы хвалебной рецензии. При этом пародийный эффект создается за счет контраста между характером анализируемого произведения и непомерно завышенной его оценкой. В дальнейшем такого рода пародийно-иронические пассажи становятся, на наш взгляд, характерными для критических выступлений Сенковского (см.: [12]). Именно в этом контексте, думается, следует рассматривать и статью Сенковского «Одиссея и ее переводы», появившуюся в журнале «Библиотека для чтения» [3, с. 1–56, 57–138] в 1849 г.

Обширная статья Сенковского «Одиссея и ее переводы» была формально посвящена переводу «Одиссеи» Гомера, выполненному В.А. Жуковским. Впрочем, о самом переводе в учено-литературном «опусе» редактора «Библиотеки...» говорилось не столь уж много. «...Жуковский, с своим светлым словом, с своим пленительным русским стихом, Жуковский, поэт нынче более, чем когда-либо, поэт, когда все перестали быть поэтами, Жуковский, последний из поэтов (курсив О.И. Сенковского – А.Н.), берет за руку самого первого поэта, слепого певца, этого дряхлого, но некогда «божественного» Гомера <...> и, являясь перед своими соотечественниками, торжественно зовет нас на пир прекрасного» [18, с. 332], – писал О.И. Сенковский в характерной для него шутивно-ироничной фельетонной манере. Затем он подчеркивает, что «этот перевод «Одиссеи» составит в отечественной литературе самый нетленный монумент его (т.е. Жуковского – А.Н.) поэтического имени» [18, с. 335]. (Что, конечно же, оказалось вполне справедливым – перевод Жуковского сохранил свое значение вплоть до настоящего времени. «...поэтичность целого, гармоничность стиха, пла-

стичность передачи образов ставят перевод Жуковского значительно выше переводов его более поздних соперников» [6, с. 713], – отмечал, например, еще в советское время комментатор С. Ошеров). Казалось бы, далее после столь высокой оценки должно было последовать подробное рассмотрение автором достоинств перевода Жуковского, но этого-то как раз в анализируемой нами статье Сенковского и не было сделано, хотя помещение ее в раздел «Критика» вроде бы обязывало к этому...

Сенковский отмечает, что Жуковский, не зная по-гречески, воспользовался помощью одного из своих «ученых друзей Германии, профессора боннского университета», который «написал ему под каждым словом соответственное слово немецкое, и таким образом составил буквальный подстрочный перевод, который наш поэт превратил в русский гекзаметр» [18, с. 333].

«Буквальный перевод был сухая немецкая проза: вместо нее мы находим великолепную поэзию в образе изящного русского стиха, с сохранением примечательно-близкого сходства в содержании и форме с подлинником» [18, с. 333–334], – указывает затем автор статьи и заявляет о своем намерении выполнить собственный подстрочный перевод («петербургский буквально-русский перевод» [18, с. 335]) «Одиссеи» Гомера. Ведь, как подчеркивает Сенковский, «язык русский, русские обороты, русские приемы, обычаи, нравы, особенно простонародные, так разительно похожи на древние греческие, что все это кажется уже буквальным переводом одно другого», и «русский буквальный перевод должен несравненно чище немецкого напоминать физиономию греческого подлинника» [18, с. 336–337]. Оставшаяся достаточно пространная часть статьи и посвящена изложению предпринятого Сенковским перевода «Одиссеи» (точнее, отдельных его фрагментов) и теоретическому его обоснованию. Правда, сделано это было в достаточно оригинальной форме – в форме рассказа-«воспоминания» Сенковского о его юношеских беседах-дискуссиях со своим учителем Г. Гроддеком, в ходе которых он и излагает выдвинутую им теорию перевода, подтверждая ее практическими примерами.

При этом наставник Сенковского «в греческой литературе <...> был один из ученейших немцев, мастер на сводки, на разночтения, известный в греко-латинском мире комментатор и издатель нескольких трагедий Софокла и Еврипида» [18, с. 341]. Он олицетворял собой традиционно-консервативную (по мнению Сенковского) точку зрения на поэзию Гомера. По словам Сенковского, «поэзии он и не предполагал на земле, в простом быту, в нескладной народной песне. Поэзия представлялась ему не иначе как в виде эолова пузыря, надутого ветром, наполненного гремучими эпитетами и туманно плавающего под облаками. Поэзия – для него – витала на небе, не ближе...» [18, с. 341]. Одним словом, наставник редактора «Библиотеки...» выражал то возвышенно-романтическое представление о поэзии Гомера, которое и нашло выражение в переводе Жуковского

(см.: [14]). В противовес этому Сенковский исходил из представлений о фольклорном происхождении поэм Гомера, получивших распространение в науке в 30–40-е гг. XIX в. [16, с. 82–83], из положения о том, что «Одиссея» и «Илиада» – это «те же простонародные песни и сказания, уличные краснобайства язычества» [18, с. 344]. А «просторечие какого бы то ни было языка может быть переведено только на просторечие другого языка», поэтому «...поэма Гомера в буквальном переводе покажется первоначально писанною на простонародном русском языке: ионийский рапсод как будто с русского перевел ее буквально на греческий и выдал за оригинальное произведение!» [18, с. 339], – утверждал Осип Иванович.

В соответствии с этим Сенковский предлагает, например, переводить известные слова и обороты из «Одиссеи» следующим образом: вместо «о многоопытном муже» (у Жуковского) – «про мужа ... преувертливого» [18, с. 358], вместо «священной Трои» – «Трои святой городишко» [18, с. 359] и т.д. (что, впрочем, имеет под собой некоторые лингвистические основания (см., например: [7, с. 1351]). В результате первые строчки «Одиссеи» в переводе Сенковского звучат так:

Про мужа порасскажи мне, муза, преувертливого,
который очень много

Скитался, после того как Трои святой городишко
разрушил... [18, с. 358].

(Для сравнения – у Жуковского эти строчки звучат так:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже,
который,

Странствуя долго со дня, как святой Илион им
разрушен,

Многих людей города посетил и обычаи видел... [6, с. 419]).

Далее Сенковский предлагает следующие варианты перевода отдельных слов и выражений, придавая им крайнюю степень утрирования, буквальности:

вместо «Гелиоса, над нами ходящего бога» – «Солнце вышход» [18, с. 370]; вместо «облака накопляющий Зевс» – «тучевал Перун» [18, с. 370]; вместо «Пенелопа» – «Мучисковорода» [18, с. 507]; вместо «Одиссей Лаэртид» – «Хитродум Себегнев Мируспособнович, Мирупригожич или Миругожич» [18, с. 505] и т.д. и т.п.

Естественно, попытки такого переложения «Одиссеи» Гомера в русское просторечье, предпринятые Сенковским, вызвали критические отклики как у современников, так и у теоретиков и практиков перевода XX века. В частности, А.В. Дружинин в своем отзыве на статью Сенковского, появившемся в некрасовском «Современнике», замечал (по поводу основной мысли, высказанной редактором «Библиотеки для чтения»), что «все это весьма верно, дельно и умно, хотя не совсем ново. В наше время две трети эллинистов так думают, хотя <...> никто не выражал своей мысли так резко, отчетливо и популярно, как выразил ее г. Сенковский» (цит. по: [8]). Однако Сенковский, по словам критика, старается уверить читателя, «что для перевода «Одиссеи» нужно упот-

ребить не простой язык, не разговорный язык, а какое-то особенное «просторечие», ни дать ни взять смахивающее на слог "Энеиды наизнанку"» [8], изображающее «карикатурными оборотами» [8], шутовскими эскападами и т.д. и т.п.

«Кто из нас не любит простоты слога, кто из нас не возмущался громкозвучными и высокопарными тирадами, которые еще недавно изгнаны из нашей словесности? Но, любя простоту слога, мы не можем полюбить просторечия, выставленного г. Сенковским» [8], – пишет Дружинин, завершая свой разбор статьи «Библиотеки для чтения». И далее: «Я скажу более: если б г. Сенковский предлагал переводить Гомера фразами из русских сказок (которые гораздо проще и приличнее его просторечия), и с этим я бы не согласился. Зачем насильно сближать первобытный язык двух народов, не сходных ни в чем между собою?» [8].

Дружинину вторит и известный писатель и теоретик перевода ХХ в. К.И. Чуковский, который отмечает по поводу статьи Сенковского о переводе «Одиссеи» Жуковского, что она «написана так балаганно, что даже те здравые мысли, которые встречаются на ее первых страницах, кажутся дикою ложью» [21].

Таким образом, оба автора – и Дружинин, и Чуковский – фактически указывают на шутивно-пародийный характер пространной статьи Брамбуса-Сенковского...

Кстати, помимо Сенковского, на фольклорно-просторечную традицию в переводе поэм Гомера на русский язык были ориентированы и некоторые другие отечественные авторы (например, Б.И. Ордынский (см.: [21]), В.В. Вересаев, (см.: [7], [21])). Но в отличие от них Сенковский, как мы старались показать, придает учено-литературному опусу, в котором излагает свою концепцию перевода «Одиссеи» Гомера, шутивно-пародийное звучание. Его буффонада, с одной стороны, была рассчитана на невзыскательные вкусы провинциальной публики, на которые ориентировалась «Библиотека для чтения», а с другой стороны – на шутивно-ироническое переосмысление самой по себе традиции переложения поэтических творений Гомера в простонародные вирши...

Литература

1. *Белинский, В.Г.* Полное собрание сочинений. Т. 1 / В.Г. Белинский. – М., 1953.
2. *Бернштейн, Д.И.* «Библиотека для чтения». 1834 – 1865 / Д.И. Бернштейн // Ученые записки кафедры русской литературы Моск. пед. ин-та, 1839. – Вып. 2.
3. Библиотека для чтения, 1849. – Т. ХСIII. – Отд. V («Критика»).
4. *Гинзбург, Л.Я.* «Библиотека для чтения» в 1830-х годах. О.И. Сенковский / Л.Я. Гинзбург // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 1. – Л., 1950. – С. 324–341.
5. *Гоголь, Н.В.* Полное собрание сочинений. Т. 10 / Н.В. Гоголь. – М.; Л., 1952.
6. *Гомер* Илиада. Одиссея. – М., 1967.
7. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 2. – М., 1958.
8. *Дружинин, А.В.* <О переводе> / А.В. Дружинин // Русские писатели о переводе: XVIII – XX вв. / под ред. Ю.Д. Левина и А.Ф. Федорова. – Л., 1960. – URL: http://www.azlib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0310.shtml (дата обращения – 21 сентября 2014 г.).
9. *Дудышкин, С.С.* Сенковский – дилетант русской словесности / С.С. Дудышкин // Отечественные записки. – 1859. – Т. СХХII. – № 2. – Отд. 1. – С. 451–484.
10. *Мальчукова, Т.Г.* Античность и мы / Т.Г. Мальчукова. – Петрозаводск, 1991.
11. *Надеждин, Н.И.* Здравый смысл и барон Брамбус / Н.И. Надеждин // Телескоп. – 1834. – Т. 21. – С. 131–175, 246–276, 317–335.
12. *Новиков, А.Е.* Пародийные элементы в критике Сенковского / А.Е. Новиков // Пародия в русской и зарубежной литературе: Материалы республиканской конференции. – Смоленск, 1997. – С. 34–38.
13. *Новиков, А.Е.* Творчество О.И. Сенковского в контексте развития русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Е. Новиков. – СПб., 1995.
14. Переводы Гомера. – URL: <http://www.telenir.net/literaturovedenie/gomer/p7.php> (дата обращения – 17 апреля 2014 г.).
15. *Пушкин, А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 12 / А.С. Пушкин. – М.; Л., 1937.
16. *Радциг, С.И.* История древнегреческой литературы / С.И. Радциг. – М., 1982.
17. *Савельев, П.С.* О жизни и трудах О.И. Сенковского / П.С. Савельев // Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбуса): в 9 т. Т. 1. – СПб., 1858. – С. XI–CXII.
18. *Сенковский, О.И.* Одиссея и ее переводы / О.И. Сенковский // Собрание сочинений Сенковского (барона Брамбуса): в 9 т. Т. 7. – СПб., 1859. – С. 331–520.
19. <Сенковский, О.И.> О драмах «Россия и Баторий» барона Розена, «Торквато Тассо» Н.К. <укольника> и «Торквато Тассо» <М.Киреева> // Библиотека для чтения. – 1834. – Т. 1. – Отд. V («Критика»).
20. *Хомяков, А.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1 / А.С. Хомяков. – М., 1994.
21. *Чуковский, К.И.* Высокое искусство / К.И. Чуковский. – М., 1968. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/chuk/04.php (дата обращения – 10 мая 2014 г.).

**ПЕРВИЧНАЯ КОМПРЕССИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ ТИПОВ РЕЧИ ПРИ ЖАНРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
В АНГЛИЙСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Данная статья посвящена первому этапу жанровой трансформации как изменения структурно-композиционного признака исследуемых жанров английских публичных выступлений и информационных газетных сообщений – первичной коммуникативной компрессии, рассматриваемой в рамках ситуационной стратегической модели Т.А. ван Дейка. Особое внимание уделяется преобразованию функционально-смысловых типов речи как одному из способов актуализации первичной компрессии.

Жанровая трансформация, первичная коммуникативная компрессия, ситуационная стратегическая модель, функционально-смысловые типы речи.

This article highlights the first step of genre transformation as a change of structural and compositional characteristics of the studied genres of public speeches and newspaper articles – primary communicative compression which is considered within the framework of situational strategic model. Special attention is given to changes of rhetorical semantic modes as one of the forms of its actualization.

Genre transformation, primary communicative compression, situational strategic model, rhetorical semantic modes.

Целью данной статьи является описание особенностей изменения функционально-смысловых типов речи как одного из способов актуализации первичной компрессии при жанровой трансформации в английском публицистическом тексте. Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений британских государственных деятелей и информационных газетных сообщений, взятые из британских «солидных» изданий в период 2003–2006 гг., затрагивающие политические, экономические, внешнеполитические и внешнеэкономические проблемы. В целом было рассмотрено около 1500 текстов и отобрано для анализа около 200 ПВ и ИГС.

Следует отметить, что осуществление жанровой трансформации обусловлено, прежде всего, современным состоянием функционально-стилевой системы английского языка. Новые эволюционные тенденции функционально-стилевой и жанровой дифференциации и интеграции (дифференциация мегастилей, интеграция макростилей в мегастили и др.) указывают не только на соприкосновение, но и взаимопроникновение стилей и жанров, «наметившееся движение к огрублению всей стилевой системы» [8, с. 11], дают возможность выделить в системе функционального стиля множество «подвижных интегрированных подсистем» (термин К.М. Ирисхановой) [5], вступающих во взаимодействие.

Другим не менее важным, на наш взгляд, фактором, способствующим жанровой трансформации английского публицистического стиля, является общность коммуникативного контекста исследуемых жанров публичных выступлений (ПВ) и информационных газетных сообщений (ИГС), которая обусловлена их доминирующей функцией как жанров политического информирования.

Анализ системообразующих признаков ПВ и ИГС (коммуникативной цели, образа адресанта, образа

адресата, событийного содержания), выявил респонсивный характер вторичного жанра ИГС по отношению к первичному жанру ПВ, что позволяет рассматривать информационные газетные сообщения как вторичный текст. Дифференцирующим признаком выступает языковая форма, – точнее структурно-композиционный признак – определяемая действием категории вариативности и подчиненными ей текстовыми категориями экономии и избыточности, под действием которых и происходит трансформация, т.е. изменение структурно-композиционного признака.

Экономия и избыточность ПВ связаны с такой их особенностью как развернутость, которая предполагает полное, точное изложение мысли с исчерпывающей характеристикой объекта речи. Являясь проявлением категории избыточности, развернутость обусловлена наличием компонентов эмоционального и рационального, пятичастной композиционной структурой, подготовленностью выступления, влиянием риторического аспекта изложения на структуру высказывания. Однако избыточные компоненты облегчают восприятие, способствуют экономии умственных усилий и выполняют воздействующую функцию.

В ИГС определяющей является категория экономии, что связано с исторически сложившейся тенденцией к краткому содержательному представлению ситуации в современной газете, а также со сформировавшимися конструктивными принципами газеты (стандартом и экспрессией) в зависимости от выполняемых ею функций (информативной, воздействия и убеждения). Композиционная структура ИГС, а также принцип «перевернутой пирамиды» при подаче материала свидетельствуют об избыточности.

Развернутость ПВ как проявление категории избыточности и краткость ИГС как манифестация категории экономии доминируют в исследуемых текстах. Однако избыточность занимает подчиненное положение по отношению к экономии, являясь экономной по своей природе.

Способом актуализации доминирующей категории экономии выступает компрессия, обусловленная линейностью и асимметрическим характером языкового знака. Компрессия как диалектическая категория единичного по отношению к общему (экономии) [9] понимается нами как обусловленный принципом языковой / речевой экономии закономерный процесс, протекающий на всех уровнях языковой / речевой структуры, имеющий результатом значительное сокращение плана выражения и плана содержания высказывания и обеспечивающий наиболее оптимальные условия обмена информацией между участниками коммуникации [7, с. 7].

Системно-языковой подход к жанровой трансформации (рассмотрение результатов ее проявления на текстовом и пропозематическом уровне) впервые позволил выработать определенную закономерность ее осуществления: первичную и вторичную компрессию. Вслед за Н.С. Валгиной [1] представляется возможным трактовать первичную и вторичную компрессию как коммуникативную и семиотическую соответственно. Первичная коммуникативная компрессия, проявляющаяся на текстовом уровне, связана со свертыванием информации и определяется как процесс структурно-семантической трансформации ПВ в ИГС, связанный с изменением функционально-смысловых типов речи и исследуется в рамках ситуационной стратегической модели Т.А. ван Дейка [3], которая объединяет разные дискурсивные аспекты текста: широкий коммуникативный контекст его производства и восприятия, а также прагматические, пресуппозиционные, стилистические, риторические и функциональные аспекты дискурса как фрагмента мира. Стратегический характер этой модели позволяет актуализировать такие смысловые грани дискурса, как понимание коммуникативной ситуации, прагматический и семантический аспекты дискурса, а также его структурно-стилистическую актуализацию.

Реализация первичной компрессии связывается с преобразованием тематической (семантической) и прагматической структуры текстов на основе изменения соотношения эксплицитной и имплицитной информации. Взаимодействие информационного пространства ПВ с информационным пространством ИГС приводит к ряду семантических, структурных трансформаций и преобразованию функционально-смысловых типов речи. Рассмотрим изменение функционально-смысловых типов речи.

Следует отметить, что функционально-смысловые типы речи – это типы, способы изложения, которые соотносятся с мыслительными и коммуникативными категориями. Функционально-смысловые типы речи определяются характером передаваемой содержательной информации: фактологической,

концептуальной, гипотетической, методической, эстетической, инструктивной [1, с.75]. В публицистических текстах, рассчитанных на познавательную и ценностно-ориентационную деятельность, преобладает фактологическая и оценочно-эмоциональная информация.

Функционально-смысловые тип речи являются факторами текстообразующими, определяющими тип содержательной информации. Это, в свою очередь, отражает выбор способа изложения. В ПВ чаще всего встречается рассуждение. Описание обычно используется для характеристики законопроектов, предлагаемых мер, положения в экономике, в выступлениях, открывающих дебаты. Повествование встречается в тех случаях, когда необходимо показать предысторию вопроса или положения, представить последовательность событий, подчеркнуть динамику, развитие какого-либо процесса. Повествование часто бывает связано с развитием иррелевантной темы. Например, обозначив основную цель новой лейбористской партии – улучшение благосостояния граждан Британии и их семей – Т. Блэр повествует о достижениях партии и обрисовывает положение дел на данный момент:

The Labour Party today, almost 8 consecutive years into government, something it has never come near achieving before, is more ideologically united than at any time in its 100 year history. Yet it is undoubtedly a new and changed Labour Party from what went before (13/01/05).

Далее в повествовательный контекст включают элементы описания основных лейбористских принципов:

The values of the Party are absolutely Labour. The values hold firm. The policies to implement them have changed radically from the past. At long last, the unchanging principles have been liberated from outdated thinking and policy which necessarily has had to change because the world and society have changed.

В речи оратора сменяются описание и повествование, в определенном смысле подчиненные рассуждению, используются для иллюстрации и доказательства мысли в ходе развития аргументации. Сменяемость видов контекста определяет общую композиционно-речевую структуру текста.

Известно, что развертывание аргументации происходит путем чередования аргументов, несущих основную информационную нагрузку, проводящих главную линию, и аргументов, конкретизирующих основную мысль высказывания. В аргументативном тексте описание и повествование служат для текстовой реализации аргументов, несущих дополнительную информацию, и являются вспомогательными формами, в то время как рассуждение, преобладающее в текстах аргументации, является основным функционально-смысловым типом речи в ПВ. Когнитивные модели и их терминалы вводят основную информацию в текст оратора в форме рассуждения. И тезис, и аргументы, и выводы содержат элементы рассуждения, которые могут сменяться повествованием или описанием.

В текстах информационных газетных сообщений трудно с полной четкостью выделить аналогичные типы речи из-за чрезвычайно сжатого характера изложения. Тем не менее, можно наблюдать то, что при жанровой трансформации в основном передается рассуждение исходного текста, в первую очередь тезис, вывод, основное положение, затем – в зависимости от степени важности и наличия места – доводы, аргументы. Текст ИГС сокращается в основном за счет опущения повествовательного контекста. Чтобы полнее описать трансформационный механизм, рассмотрим особенности контекстно-вариативного членения в ИГС.

Речь автора неизменно используется во вводном абзаце, во вводных фразах, выполняет суммирующую, связующую и оценочную функции, вводит косвенную, прямую и несобственно-прямую речь. Например, первое предложение статьи "History will forgive him" (18/07/03) содержит оценку выступления Т. Блэра, которая выражается лексически благодаря эпитетам *rare* и *historic* и посредством неполной цитации ("forgive" him):

Tony Blair last night used the rare opportunity of a historic address to the US Congress to declare that history would "forgive" him even if no weapons of mass destruction are uncovered In Iraq.

Речь автора на первый взгляд практически лишена индивидуальности, т.е. не выражает личности автора-журналиста, а скорее отражает индивидуальность чужой речи, придавая изложению характер объективности и достоверности. Вместе с тем речь автора может заключать в себе оценку, выявить которую полностью возможно лишь при сопоставлении текстов ПВ и ИГС. Сравните отрывки из выступления и соответствующего ему информационного газетного сообщения:

If we are wrong we will have destroyed a threat that, at its least, is responsible for inhuman carnage and suffering. That is something I am confident history will forgive (17/07/03) – 1. Mr. Blair's prediction that he would be forgiven by history was the highlight of a lengthy address to Congress. 2. With critics likely to seize on his admission, Mr. Blair insisted that he still believed he would be proved right (18/07/03).

В данном случае важная для передачи информация представлена в ИГС в виде повтора (предложения 1, 2). Автор использует рамочную структуру, которая переключается с броским заголовком "History will forgive us", основанным на гиперболизации: история рассматривается в ракурсе вечности. Речь автора / журналиста значительно усиливает категоричность и оценочность высказывания ПВ. В предложении 1 проявляется также авторская ирония, так как Т. Блэр, вероятно, говорит об очевидном, а это вызывает одобрение Конгресса.

Речь автора включает в себя глагол, предваряющий авторскую речь и обозначающий «действительность преобразованную, пропущенную через сознание субъекта» [4, с. 23], который находится в начале предложения и сразу привлекает внимание читателя, вводит его в курс дела, одновременно предлагая

оценку. Семантические признаки значения глагола могут быть ориентированы на отдельные компоненты содержания чужой речи, на ее содержание в целом, либо могут сообщать сведения о компонентах коммуникативного акта, представляемого чужой речью. Однако и нейтральные вводящие глаголы типа *say, tell, ask, add, reply, go on* (например:

Teasing his audience, he said: "May 5 is the focus of the election date." He paused before adding, "For the county council elections, of course". He then said: "But if anything else comes along on that day, we are ready for it, are we not?" (14/02/05))

также могут участвовать в создании оценки, причем часто их использование приводит к снижению экспрессивности и категоричности исходного высказывания. В данном примере оценка создается за счет цитирования и причастного оборота *teasing his audience*.

Взаимодействие глагола и чужой речи может быть интенсифицирующим и модифицирующим [2, с. 16]. При интенсификации глагол усиливает содержание чужой речи и, в итоге, приводит к усилению воздействия всего высказывания на реципиента. Например:

The prime minister praised¹ the US as a 'light of liberty' in the world (18/07/03).

Модификация содержания чужой речи осуществляется новым семантическим признаком, присутствующим в лексическом значении вводящего эту чужую речь глагола, происходит в семантических аспектах истинности и положительной / отрицательной оценки и изменяет семантический аспект воздействия чужой речи на читателя. Например, в предложении

Speaking in a confessional² tone at the end of Labour's spring conference, he promised³ to learn from his mistakes and accepted⁴ that he had, at times, appeared arrogant and out of touch (14/02/05).

положительная оценка позиции Т. Блэра создается глаголами *promise* и *accept*, а словосочетание *confessional tone* оказывает сильное убеждающее воздействие на адресата.

Наиболее многочисленной является группа глаголов, выражающих оценочное отношение (напри-

¹ *Praise* – tell, proclaim, or commend the worth, excellence, or merits of; express warm approbation of; speak highly of; laud, extol (OED XII: 283); to say that you admire and approve of someone or something, especially publicly (LDCE: 1105).

² *Confessional* – of the nature of or pertaining the confession (OED III: 704); confessional speech contains private thoughts that you normally want to keep secret (LDCE: 280); intimate, friendly.

³ *Promise* – give verbal assurance of; give or bestow (some specified thing or act): usually to the benefit or advantage of the person concerned (OED XII: 614); tell smb that you will definitely do smth, make you expect that smth will happen (LDCE: 1129).

⁴ *Accept* – take or receive what's offered willingly or with consenting mind; with favour or approval; with patience or resignation, tolerate (OED I: 70).

мер, *praise, signal, attack, tease* и др.). Этот факт подтверждает положение о том, что ведущим содержательным аспектом прагматики газетного текста выступает оценка.

Таким образом, следует заметить, что речь автора ИГС передает субъективное авторское отношение к описываемым событиям на основе категории пресуппозиции. Взаимодействуя с эксплицитным содержанием высказывания, она делает возможным декодирование авторской импликации. Как показывает исследуемый материал, она актуализируется с помощью неопределенно-личных конструкций с пропозициональными глаголами мнения, которые вводят в высказывание субъективность, не называя эксплицитно оценивающий субъект. Они видоизменяют контекст, вводя в поле зрения говорящего носителя пресуппозиции и соответствующий ему мир. Это обычно предложения с субъектной инфинитивной конструкцией. Например, с помощью конструкции «сложное подлежащее» *he, right* передается субъективное отношение (надежда на правоту) носителя пресуппозиции (Т. Блэра):

Mr Blair insisted that he still believed he would be proved right (18/07/03).

Функционирование категории пресуппозиции носит транзитивный межтекстовый характер, что обусловлено дискретностью и процессуальностью современной периодической печати. Любая информация подается в газете как минимум дважды, и каждое предыдущее сообщение содержит пресуппозицию содержания последующих. Обычно ею имплицитно передаются те части сообщения, которые содержат информацию, актуальную для адресанта. Так автор, не включая в текст эксплицитной оценки описываемых событий, сам выбор материала создает имплицитный комментарий.

Как показывают наблюдения, речь автора ИГС не только передает модальность, содержащуюся в тексте ПВ, но служит средством выражения собственной модальности, главным образом в результате передачи и создания оценки.

Формами передачи чужой речи в ИГС являются косвенная, прямая и несобственно-прямая речь. Прямая речь употребляется в газете реже других видов, так как это форма речи менее предсказуема и обычно используется в газетном сообщении для выражения наиболее важной мысли. Характерной для газетного текста чертой является переплетение форм прямой и косвенной, косвенной и несобственно-прямой речи, что позволяет создать впечатление цельности и достоверности сообщения. Предпочтение отдается несобственно-прямой речи из соображений экономии. Если передавать длинные отрезки текста при помощи косвенной речи, это может привести к искусственности и тяжеловесности изложения, поскольку косвенная речь требует вводящей фразы и подчиняющего союза.

Таким образом, мы можем заключить, что сохранность, преобразование или потеря информации при трансформации ПВ зависит от ряда факторов: изменения коммуникативной ситуации и прагмати-

ческих задач, структурно-композиционной трансформации текстов, изменения функционально-смысловых типов речи и т.д.

Исследуемый нами материал позволяет сделать вывод о том, что при жанровой трансформации, прежде всего, мы имеем дело с компрессией текста, т.е. уменьшением плана выражения. Однако наблюдается и сокращение плана содержания, т.е. имеет место компрессия информации. Этот вывод подтверждает определение М.М. Коровкиным [6] компрессии информации как одновременного уменьшения двух планов языка (плана содержания и плана выражения), которое осуществляется с помощью компрессии текста.

Пределы сжатия текста ПВ при трансформации в ИГС определяются текстовой нормой, в соответствии с которой речевая единица не должна утрачивать своего сообщительного смысла. Первичная компрессия предполагает сохранение ключевой информации: происходит передача концепта сообщения. Также при первичной компрессии имеет место одновременное уменьшение двух планов языка, что позволяет нам определить первичную компрессию не только как коммуникативный способ информационной компрессии, но и как интенсивный способ повышения информативности текста. Однако информативность производного текста не только не уменьшается, но и повышается за счет употребления более кратких единиц языкового кода и их редукции, иными словами, за счет вторичной семиотической информационной компрессии.

Литература

1. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М., 2003.
2. Воронков, В.В. Прагматический аспект текста англоязычной публицистической журнальной статьи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.В. Воронков. – М., 1991.
3. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989.
4. Ильчук, Е.В. Мышление и восприятие сквозь призму языка (на материале английского языка) / Е.В. Ильчук. – М., 2004.
5. Ирисханова, К.М. Коммуникативные форманты стили / К.М. Ирисханова // Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Горького. – М., 1987 – Вып. 286. – С. 26–33.
6. Коровкин, М.М. Внутритекстовые связи как средство компрессии текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.М. Коровкин. – М., 1991.
7. Куряков, В.Н. Компрессия как особенность американского военного текста (на материале боевых приказов армии США): автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Н. Куряков. – М., 1991.
8. Наер, В.Л. К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы дифференциации и интеграции / В.Л. Наер // Лингвостилистические особенности научного текста – М., 1981. – С. 3–13.
9. Спиркин, А.Г. Философия / А.Г. Спиркин. – М., 2003.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. – Oxford, 1995. – (LDCE)
11. The Oxford English Dictionary. – Oxford, 1989. (OED)

Цитируемые источники

1. 'History will forgive us'. – 18/07/03

2. No more 'I know best', says Blair. – 14/02/05

3. Peter Mandelson's speech on a new consensus for Europe. – 13/01/05

УДК 821.161.1

Р.С. Переславцева

МОТИВ ЗНАНИЯ / НЕЗНАНИЯ В ЗАПИСКАХ «НА ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ» В.В. ВЕРЕСАЕВА

В статье рассматривается тема русско-японской войны 1904–1905 гг., недостаточно изученной в отечественном литературоведении. Анализируется образ войны, оптический код и мотивы знания // незнания как маркер японской и русской армий в записках В. Вересаева «На японской войне».

Русско-японская война, В.В. Вересаев, оппозиция знания // незнания (зрячести // слепоты).

The article considers the theme of Russian-Japanese War of 1904th – 1905th, poorly studied in Russian literature criticism. An image of war, an optical code and a motive of knowledge // ignorance are analyzed as markers of Japanese and Russian armies in V. Veresaev's notes 'On Japanese War'.

Russian-Japanese War, V. Veresaev, opposition of knowledge//ignorance (ability to see//blindness).

В отечественном литературоведении долгие годы тема русско-японской войны была «забытой». С одной стороны, это объясняется тем, что она потерялась в информационном и событийном потоке русской революции 1905 г. и последующих общественно-политических реформ. На фоне этих событий, происходящих здесь и сейчас, в России, русско-японская война, прогремевшая на далеких и малоизвестных широкой публике рубежах за непонятные интересы, представлялась «глупой и преступной колониальной авантюрой» [4, с. 155], закончившейся неожиданным позорным поражением отечественной армии. Последний факт послужил закономерным прологом к событиям 1905 г. Например, русская революция и пролетарские массы в романе Андрея Белого «Петербург» сопряжены «желтой опасности», грозившей, по мнению панславистов, с Востока. Вотвторых, свою роль сыграла Первая мировая война, а также последовавшие за ней революционные события и война гражданская. В результате осмысление результатов русско-японской войны оказалось на периферии историко-литературного процесса. В третьих, попытка «забыть» русско-японскую войну объяснялась и причинами ментального характера, «национальным унижением» [2, с. 29]. Е.С. Сенявская цитирует выступление И.В. Сталина 2 сентября 1945 г., который «напомнил советскому народу все обиды, нанесенные России Японией», подчеркнул, что «отторгнутые в 1905 г. территории будут возвращены СССР» и «мы сможем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы... японского нашествия на востоке» [7, с. 59].

Первые попытки осмысления и отображения реалий русско-японской 1904 – 1905 гг. современниками предпринимаются в публицистике, дающей непосредственный взгляд на события, документальной и художественно-документальной прозе: докладных

записках, отчетах, письмах, дневниковых записях, записках с фронта, очерках, репортажах, мемуарах. Не исключение и записки В.В. Вересаева «На японской войне».

Актуализация «документальности» в русской литературе начала XX в., «в условиях стремительных радикальных перемен эпохи», по мысли Т.Г. Симоновой, обусловлена «огромной потребностью в достоверном знании о мире, полностью удовлетворить которую невозможно за счет обычных средств информации» [8, с. 3]. Жанровым особенностям документальной прозы посвящены работы Л.Я. Гинзбург, А.А. Тесля, О.Е. Егорова, Н.А. Богомолова, Т.И. Ерохиной, Л.М. Пивоваровой, Т.А. Карпеевой и др.

Записки «На японской войне» основаны на личных наблюдениях автора, ставшего свидетелем и участником русско-японской войны. Авторская точка зрения в произведении идентична точке зрения повествователя – врача Викентия Викентьевича, призванного в действующую армию и отправленного с полевым подвижным госпиталем в Маньчжурию.

Устойчивыми характеристиками русско-японской войны для писателя становятся определения «ненужная» и «непонятная» [1, с. 3], [4]. С этими определениями корреспондируют также образы «сна», «незрячести», «ловушки» и «смерти», которые получили развернутое воплощение в цикле В. Вересаева «Рассказы о японской войне».

По мысли автора, ни разрыв дипломатических отношений между странами, ни подрыв японскими минами «спавших боевых судов», ни гибель «Варяга» и «Корейца» не дают ответа на главный вопрос: «Из-за чего началась война?» [1, с. 3]. Незнание причин войны представлено тотальным, всеобъемлющим – «никто не знал» [1, с. 3]. «Неведение», «незнание» России того, что происходит за ее пределами, свидетельствует не только о ненужности данной

войны, но и о непонятности, необоснованности державных притязаний России на Востоке. Во многом точка зрения В.В. Вересаева перекликается с утверждением В.И. Ленина о колониальном характере войны со стороны России.

Государственная политика не ставит своей задачей разъяснить жителям причины войны («непонятна своей ненужностью» [1, с. 4]), обращаясь к тиражированию традиционных шаблонов, цель которых сформировать образ войны отечественной, т.е. справедливой. Писатель отмечает «воинственный жар» газет, «кричащих» об «адском вероломстве», «азиатском коварстве» врага [1, с. 3], уличные манифестации и лубочные картинки, которые предстают элементами «непонятного» карнавала («околоточные и городовые») переодеваются в манифестантов, выражающих «патриотические восторги» [1, с. 5]), вытесняющего из актуального дискурса на периферию причины и последствия державной политики на Востоке.

В записках «На японской войне» В. Вересаев борется с фальшью и надуманностью «лубочных», «ура-патриотических», «литературных», «красивых» представлений о войне, сформированных под влиянием государственной пропаганды. Война обнажает конфликт между лозунгом и действительностью. С шаблонными образами не совпадает реальная картина мобилизации. Организаторы мобилизации обезличены: «было что-то равнодушно-свирепое в этой непонятной (выделено мной. – Р.С.) торопливости» [1, с. 7]. Призывники оказываются в положении бесправной вещи («людей выхватывали из дела на полном его ходу, не давали времени ни устроить его, ни ликвидировать», «за ними оставались бессмысленно разоренные хозяйства и разрушенное благополучие» [1, с. 7]).

Абсурдность государственных требований разрушает не только быт призывников, но их жизни и жизни их близких. Например, призывают заводского рабочего, у него жена с пороком сердца и пятеро детей. В итоге жена умирает от приступа, он вешается. Автор приводит пример с призывом вдовца с тремя детьми, который возвратился домой, зарубил детей и пришел снова на призывной пункт. Государство своими неразумными, непонятными распоряжениями, в которых не учитываются элементарные права подданных, превращает законопослушных граждан в убийц и преступников, разрушает упорядоченную жизнь в России: «По всему городу стояли плач и стоны. Здесь и там вспыхивали короткие, быстрые драмы» [1, с. 7]. В. Вересаев описывает, что вопреки здравому смыслу, оставляя в тылу молодых «кадровых солдат», в армию отправляют «запасных», возрастных, обремененных семьями, в силу этого не способных сражаться с полной самоотдачей за непонятные интересы на чужой территории.

Незнание ситуации на театре боевых действий, некомпетентность при мобилизации формируют не сильную, подготовленную, дисциплинированную, готовую сражаться «за веру, царя и Отечество» армию, а фактически готовую на любое преступление

толпу. Солдаты беспробудно пьют и громят лавки и вокзалы, справедливо полагая, что любое наказание будет менее суровым и опасным для жизни, чем пребывание на войне. Тем более, что русская фольклорная традиция искони сравнивала призывника с покойником. «Пускай под суд отдадут, – все равно помирать» [1, с. 15]. «Непрерывное пьянство» царит также «в солдатских вагонах» вплоть до Харбина, так как «люди знали, что едут умирать, чем же их было утратить?» [1, с. 21].

В то же время государственные интересы военных чиновников сводятся к частным разногласиям: «рассказывали, что министр Сахаров сильно враждует с Куропаткиным и нарочно, чтобы вредить ему, посылает на Дальний Восток самые плохие войска» [1, с. 13]. Повествователь приводит факт, когда тридцать семь эшелонов подкрепления задержаны в пути, потому что наместник запретил пропускать ночью составы мимо своего поезда.

Автор показывает, что формальные требования, приказы и циркуляры государственных чиновников не совпадают с реальным положением дел на фронте, становятся непонятным в силу своей абсурдности, но неодолимым препятствием для выполнения боевых задач армии. В действующую армию призываются «психиатры, гигиенисты, детские врачи, акушеры», «врачи, давно уже бросившие практику» [1, с. 10].

Ситуация, когда функции военного врача выполнял... акушер, была, по-видимому, типичной. Помимо произведений В. Вересаева она представлена в рассказах Г. Белорецкого, «Дневнике во время войны» Н. Гарина, «Очерках русско-японской войны» П. Врангеля.

В.В. Вересаев отметил одним из первых антагонизм между интересами тыловых служб и «окопной правдой» тех, кто сражался на передовой (позже эта тема будет актуализирована в литературе о Первой мировой и особенно о Великой Отечественной войне). На одной из станций офицер-стрелок рассказывает следующую историю: «–Послал я в интендантство за консервами и ячменем, – не выдали, нужно требование. Написал требование, послал, – возвращаются люди ни с чем: *требование должно быть написано чернилами, а не карандашом!* (курсив автора. – Р.П.)... Так и ушли без всего, а назавтра все склады подожгли!» [1, с. 199].

Чтобы доказать, что авторское восприятие военных событий соответствует достоверности и объективности, а не является «злым шаржем, пересоленной карикатурой» [1, с. 111]. В. Вересаев включает в повествование документы официального, ведомственного происхождения, фрагменты газетных статей. Например, автор цитирует выдержки из газеты «Новое Время», где приводятся данные, что в 1906 г., уже спустя год после окончания войны, «грузы» с полшубками продолжают поступать в Харбин. Между тем они были отправлены «еще во время стояния на Шахе», то есть в 1904 г. (!), «но до сих пор где-то блуждали» [1, с. 97]. В записках публикуются и телеграммы главнокомандующего русской армией генерала Куропаткина. Последнему,

несмотря на оценки других современников, повествователь дает положительную характеристику: «простой в обращении, без тени бурбонства и генеральства... Замечания его были дельны и лишены самодурства» [1, с. 136]. Как отмечает Т. Симонова, «полная цитация источника подчеркивает важность для мемуариста заключенной в нем информации» [8, с. 91]. Такой цитации, по мнению автора, заслуживают телеграммы главнокомандующего, где ему «приходилось обучать врачей внимательному отношению к больным» [1, с. 99]. Также в записках цитируется приказ главнокомандующего от 17 декабря 1904 г. № 305, направленный на борьбу с «тыломанией». Он обусловлен тем, что офицеры, не желая воевать, обращаются в госпиталь с легкими ранами и заболеваниями, требуют отправки в тыл.

Эти документы еще выразительнее подчеркивают сдвиг, происшедший в русской армии, а, следовательно, и в обществе в связи с японской войной: несовпадение официальной точки зрения и реальных фактов, несовпадение приказов главнокомандующего с интересами чиновников и офицеров высшего и среднего звена, несовпадение главной задачи любой войны, которая заключается в том, чтобы победить, с сиюминутным стремлением во что бы то ни стало, даже незаслуженно, получить награду.

Автор, не однажды обращаясь к историко-культурным аллюзиям, связанным с Отечественной войной 1812 и Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. (т.е. войной, которая велась на своей земле и войной, цели которой были понятны всему русскому обществу), пишет, что «офицеры, бывшие на русско-турецкой войне, поражались этим обилием наград» [1, с. 216–217]. Например, наместник награждает солдата «Георгием», даже не потрудившись понять из путаного рассказа, как рядовой ранили. В действительности же горе-воин угодил под колеса собственной телеги. Пародией выглядит история, как начальник гарнизона выхлопотал «Георгия» солдату, который был ранен шальным снарядом за линией фронта, когда перегонял волов. Часть животных также были ранены. «Эти волю ничуть не в меньшей мере заслуживали георгиевского креста, чем солдат», – с горьким сарказмом замечает автор [1, с. 219].

Награда становится не **знаком отличия**, а еще одной общей, **обесцененной, обезличенной, бессмысленной** метой всех, кто участвует в этой «непонятной» и «ненужной» войне. Замечательно этот образ передан в рассказе А. Костенецкой «Родименький», где солдат возвращается безногим и безруким калеккой с полей сражений. Он наивно полагает, что от равнодушия детей, предательства жены и родного брата его может защитить «Георгий», говорящий о его героической причастности интересам государства, на защите которых он фактически превращается в никому (в том числе и государству) ненужный «обрубок».

Большую роль в произведениях о русско-японской войне играет оптический код, связанный со способностью ориентироваться на местности и находить врага. В записках В. Вересаева говорится об

отсутствии в русской армии корректных карт и планов местности: «Лаоян мы отдали в августе, до этого времени вся страна севернее Лаояна была в наших руках, – и мы не озаботились снять с нее хорошего плана... И вот в деле по Сандепу одною из причин нашей неудачи оказалось ... отсутствие хороших карт, неправильное представление о местонахождении деревни Сандепу» [3, с. 186]. Картографической теме уделяется значительное внимание в «Письмах о войне с Японией» Л. Нодо, рассказах И.И. Митропольского, рассказе «Враги П. Инфантьева и др. В рассказе И.И. Митропольского «Удар» адъютант генерала спешно составляет карты и мучается от того, что на нее нанесено «восемь или девять безымянных деревень»: «Первая рота атакует деревню Безымянную», вторая рота атакует деревню Безымянную, третья рота... Тьфу! Бутунда» [5, с. 88].

Отсутствие корректных карт территории ставит под вопрос адекватность притязаний русского государства на эту территорию. Нельзя владеть тем, чего не знаешь. Кстати, эта же тема неосвоенности (тождественная незнанию территории) актуализируется по отношению собственно к России (!) в романе «Ратные подвиги простаков» А.Н. Новикова, посвященном первой мировой войне: «Русское правительство точности предпочитало произвол: оно многим овладевало, но в совершенстве ничего не осваивало. Освоить же российскую территорию было также возможно, как осознать кожей валяные сапоги, правители, однако, предпочитали держать нацию босиком» [6, с. 98].

Логично, что незнание, неведение, некомпетентность свойственны на войне не только тем, кто руководит, но и тем, кто подчиняется, – нижним чинам и солдатам.

Рядовые чувствуют себя на войне, слепыми (оптический код), т.е. потерявшими ориентацию в прямом и переносном смысле: «Сами солдаты беспомощно блуждали по местности, не умея **ни пользоваться компасом, ни читать карт** (выделено мной. – Р.С.)» [1, с. 129]. **Мотив незнания** находит **буквальное** воплощение в **неграмотности** русских солдат. В записках полковник говорит о японцах: «все они образованные, все солдаты грамотные» [1, с. 27]. В рассказе А.И. Костенецкой «Родименький» герой пишет с фронта: «В Японии солдат учен, как офицер» [3, с. 12]. О всеобщей обязательной грамотности говорит японский солдат русскому в рассказе «Враги» П. Инфантьева.

Еще одной ее проблемой становится проблема идентификации **чужого**, врага в силу того, что **русские его не знают**, так как газетные штампы и образы лубочных картинок не соответствуют реальности. Незнание врага, затрудненность идентификации приводила к анекдотическим ситуациям, когда за чужого принимается **свой, который знает**. Автор приводит историю, когда казак доставляет в штаб человека в русской офицерской форме, утверждая, что тот – японский шпион. Аргументы следующие: «больно хорошо по-русски говорит, а главное, – великолепно знает расположение наших войск» [1,

с. 204]. По мысли В. Вересаева, главное, что отличает японцев от русских, это – «**знание**», **ясность зрения и мысли**. В отличие от русских в японской армии «у каждого солдата компас, план» [1, с. 27]. В. Вересаев приводит анекдот о том, как генерал не может по карте (!) определить, где квартирует «N-ский полк», а взятый в плен японец ему любезно подсказывает: «N-ский полк стоит в деревне Z» [1, с. 204]. Мотив затрудненности идентификации японского шпиона русскими блестяще показан в рассказе А. Куприна «Штабс-капитан Рыбников».

В интерпретации В. Вересаева армия не только дезориентирована, слепа и нема, обречена на поражение, но, представлена, как старая, ветхая, **непрочная, гнилая** вещь, которая буквально **разваливается на глазах**. Метафорами этой непрочности становятся солдатские сапоги, которые «принимали двадцать пять комиссий», а они «в два месяца истрепались» [1, с. 27]. А также вагон, который железнодорожники бросают посреди степи, потому что уже не подлежит никакому ремонту – «износился», и именно такие вагоны, как отмечает автор, становятся причиной «частых крушений», т.е. катастроф [1, с. 147].

Мотив незнания // знания воплощен и как вариант оппозиции **идея // отсутствие идеи**. Один из персонажей записок полковник рассуждает о том, что **знание, идея**, напрямую связаны не только с чувством патриотизма, но и **обуславливают** успешность ведения боевых действий, **победы**. Знание, идея формируют ощущение сопричастности всех воинов служению одной цели, устраняют разобщенности между нижними и высшими чинами, превращают отдельных людей в коллектив, в котором общее, государственное дело торжествует над частными интересами, в отличие от вышеописанной ситуации в русской армии: «**Японские офицеры** отказались от своего содержания в пользу казны, а сами **перешли на солдатский паек**... Жизнь свою никто не дорожит, каждый готов все отдать за родину... Почему? Потому что **у них есть идея**. Потому что **они знают**, за что сражаются. От маршала до последнего рядового, **все** думают только о победе над врагом. И интендантство думает об этом же... А у нас что? Кто из нас знает, зачем война?» [1, с. 27].

Автор подчеркивает: «Она (война. – Р.С.) требует от солдата (впрочем, как и от всех, кто участвует в войне) «разума», **просвещенности, знания**, а он поражает своей «некультурностью и мешковатостью». «Беззаветное мужество, железная выносливость» [1, с. 128] рядовых не могут компенсировать отсутствие разума. Автор приводит рассказ Василия Немировича-Данченко, который «сообщает, что однажды, в частной беседе Куропаткин сказал: «Да,

приходится признать, что в настоящее время войны ведутся не правительствами, а народами». Признать это приходилось всякому, имеющему глаза и уши. Времена, когда русская «святая скотинка» карабкалась вслед за Суворовым на Альпы, изумляя мир своим **бессмысленным** (выделено мной. – Р.П.) героизмом, – времена эти прошли безвозвратно» [1, с. 132] (т.е. времена, когда солдаты чувствовали себя частью государства, а государство о них заботилось). Между тем, пока офицеры решают вопрос с наградами, как пишет автор: «Роты шли в бой с культурным, образованным врагом под предводительством нижних чинов» [1, с. 105].

Таким образом, при всех вышеописанных «бутафорских» промахах военных чиновников, присущих в той или иной мере всем войнам, главной причиной непопулярности русско-японской войны и, как следствие, поражения в ней России, согласно В.В. Вересаеву, является несовпадение государственных и народных интересов.

Этот процесс оборачивается «непонятными» действиями военных и гражданских властей в тылу и на фронте, потерей страной и ее гражданами пространственной и нравственной ориентации, как на театре военных действий, так и в сфере государственной и частной жизни. Закономерным итогом для России становятся не только стабильные неудачи на театре военных действий, но дестабилизация государства в целом, а также обесценивание самого феномена жизни до уровня «гнилой картошки» [1, с. 267].

Литература

1. *Вересаев, В.В.* На японской войне. Живая жизнь / В.В. Вересаев. – Мн., 1988.
2. *Грякалова, Н.Ю.* Война на Востоке и кризис европейских ценностей (Евро-Азиатский маршрут Максимилиана Волошина) / Н.Ю. Грякалова // Русская литература. – 2004. – № 3. – С. 29–39.
3. *Костенецкая, А.И.* Родименький / А.И. Костенецкая // Русская мысль. – 1906. – № 3. – С. 1–41.
4. *Ленин, В.И.* Падение Порт-Артура / Полное собрание сочинений. Т. 9 / В.И. Ленин. – М., 1967. – С. 151–159.
5. *Митропольский, И.И.* Удар. Из Маньчжурских рассказов / И.И. Митропольский // Русская мысль. – 1906. – № 10. – С. 87–102.
6. *Новиков, А.Н.* Ратные подвиги пращавиков. Избранные произведения / А.Н. Новиков. – Воронеж, 2005.
7. *Сенявская, Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е.С. Сенявская. – М., 2006.
8. *Симонова, Т.Г.* Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра / Т.Г. Симонова. – Гродно, 2002.

**СУФФИКСАЛЬНО- И ПОЛУСУФФИКСАЛЬНО-ПРОИЗВОДНЫЕ СЛЕНГИЗМЫ
В СУБКУЛЬТУРНЫХ ЛЕКСИКОНАХ РОКЕРОВ, МЕТАЛЛИСТОВ И ПАНКОВ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

В статье рассматриваются суффиксальный и полусуффиксальный способы образования сленгизмов-слов в субкультурных лексиконах рокеров, металлистов и панков в английском и русском языках.

Субкультура, субкультурный лексикон, сленг, словообразование, суффиксация, полусуффиксация.

The article describes suffixation and semi-suffixation as the means of forming new slangy words in subcultural lexicons of rockers, metalheads and punks in the English and Russian languages.

Subculture, subcultural lexicon, slang, word-formation, suffixation, semi-suffixation.

Цель статьи – кратко очертить основные схемы и модели (М) суффиксально- и полусуффиксально-производных сленгизмов как структурно-неотмеченных дериватов в субкультурных лексиконах рокеров, металлистов и панков в английском и русском языках. Уточним прежде базовые термины и понятия нашего анализа.

Субкультура – это «система ценностей, традиций, норм и форм поведения, присущих определенному социуму, представители которого (чаще добровольно, реже вынужденно) исключены в разной степени из существующей в данном обществе и в данное время привычной среды, сферы деятельности и образа жизни, из общепринятого социокультурного пространства, вытеснены на обочину окружающего, часто навязываемого порядка вещей, оторваны от прежнего окружения, где субкультурный социум имеет свой, отличный от традиционного, взгляд на жизнь, ее ценности и свое место в ней, а также свой лексикон». Здесь *субкультурный лексикон* – это «полуавтономная или неавтономная экзистенциальная форма языка, представляющая собой иерархически структурированную субстандартную лексическую систему, элементы которой (слова и фразеологизмы) функционально (в качестве кода / пароля) и понятийно (именуя определенную систему понятий) соотношены с соответствующим субкультурным социумом, обладают этико-стилистической сниженностью и инвективностью различной степени и качества (от шутливо-иронической и фамильярно-насмешливой до уничижительной / пейоративной и вульгарной-табу) и профессионально-корпоративной маркированностью (детерминированностью), отражающей социально-субкультурную специфику данного социума и обслуживающего его социолекта» [8, с. 85], [9]. Эти оба определения полностью применимы к субкультурам и субкультурным лексиконам рокеров, металлистов и панков в английском и русском языках и адекватно характеризуют названные субкультурные социумы.

Сленг является основным компонентом исследуемых субкультурных лексиконов и понимается как «исторически сложившаяся и генетически неоднородная, относительно устойчивая и незамкнутая, комплексная, системно организованная и иерархически структурированная интерсубстандартная полужизненная форма общенародного лексического просторечия в пределах национального языка..., охватывающая стилистически маркированную лексику..., отличающуюся от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической сниженностью и инвективностью..., формирующую в соответствии с социолингвистическими параметрами интеракции-коммуникации, отвечающий социолингвистическим нормам второго уровня компонент речевого репертуара своих носителей, имеющий основную эмоционально-коммуникативную функцию с преобладанием коннотации над денотацией, создавая при этом ситуацию частичной лексической диглоссии» [7, с. 51].

Основными способами образования структурно-неотмеченных (т.е. образованных на основе исконных морфологических и синтаксических моделей, присущих литературному стандарту языка) сленгизмов являются аффиксация (включающая в себя префиксацию, полупрефиксацию, суффиксацию и полусуффиксацию) и словосложение [7, с. 126]. Все способы словообразования имеют свои словообразовательные средства, присущие конкретному языку, которыми являются те конкретные морфемы, которые участвуют в образовании новых лексических единиц [3, с. 24].

В словообразовательной системе английского и русского языков используются словообразовательные схемы и модели. *Словообразовательная схема* объединяет части речи – производящую и производную, участвующие в словообразовательном акте [10, с. 39]. *Словообразовательная модель* – это «материально выраженная совокупность результата и процесса словообразования, обусловленных и взаимо-

связанных отношениями производности и мотивированности» [4, с. 36].

Суффиксально-производные сленгизмы

Суффиксация – это образование слов с помощью присоединения к основе суффиксов. Суффиксом является морфема, расположенная после корня слова. Как правило, большинство суффиксов изменяют лексическое значение слова и переводят его в другую часть речи [1, с. 120]. Суффиксы сочетаются с определенными частями речи и выполняют словообразовательную и словоизменяющую функцию [12, с. 19]. Суффиксы могут занимать различное положение в структуре слова: некоторые из них являются терминальными (занимающими конечную позицию в структуре слова и не позволяющими добавлять другие суффиксы), а другие – нетерминальными, т.е. они могут присоединяться к стоящим перед ними словообразовательными суффиксам и после них возможно добавление других суффиксов [2, с. 18–20], [33]. Суффиксальная система английского языка характеризуется значительной свободой в соединении основ с суффиксами. Суффиксы могут присоединяться либо непосредственно к корневой морфеме (read – reader), либо образовывать определенные последовательности из двух или более суффиксов (faith – faithful – faithfulness). Характер присоединения суффикса: либо к основе, которая употребляется самостоятельно (post- + -age), либо к основе, не употребляющейся самостоятельно в современном английском языке (dam- + -age). Эта особенность заключается в том, что «сочетаемость суффиксов с основами по определенной модели очень часто ничем не ограничивается» [10, с. 30–38].

Суффиксация в английском субкультурном лексиконе

Существительные

Схема 1: N + suf → N_{suf}:

M1: **-er**: *poser* – a parody-representative of some subculture;

M2: **-ing**: *jamming* – a party; M3: **-o**: *aggro* – trouble; M4: **-y**: *bevy* – a drink.

Схема 2: V + suf → N_{suf}:

M1: **-er**: *slickers* – punk shoes;

M2: **-ing**: *crowd surfing* / *stage diving* – jumping from the scene into the crowd.

Прилагательные

Схема 1: Adj. + suf → Adj_{suf}:

M1: **-ed**: *browned off* – bored;

M2: **-ic**: *paralitic* – drunk; M3: **-y**: *entry level* – basic representatives of music genre; *easy-peasy* – simple.

Схема 2: N + suf → Adj_{suf}:

M1: **-ed**: *zonked* – drunk;

M2: **-er**: *crackers* – crazy; M3: **-less**: *legless* – drunk; M4: **-y**: *batty* – crazy.

Схема 3: V + suf → Adj_{suf}:

M1: **-ed**: *ripped* – unhappy, in grief, drunk;

M2: **-ing**: *cracking* – great.

Схема 4: N + V + suf → Adj_{suf}:

M1: **-ed**: *gobsmacked* – speechless.

Глаголы

Схема: V + suf → V_{suf}:

M1: **-er**: *to scarper* – to run away.

Наречия

Схема: Adv. + suf → Adv_{suf}:

M1: **-ly**: *ta muchly* – thank you very much.

Суффиксация в русском субкультурном лексиконе

Существительные

Схема 1: N + suf → N_{suf}:

M1: **-ан-**: *корешан* – друг;

M2: **-ак-**: *партак* – татуировка;

M3: **-арь-**: *челкарь* – фанат тяжелой музыки с длинной челкой волос;

M4: **-ач-**: *патлач* – рокер с длинными волосами;

M5: **-ик-**: *пивасик* – пиво;

M6: **-к-**: *демка* – музыкальная демо-запись;

M7: **-ник-**: *козлородочник* – слушатель альтернативной музыки и *ни метал*;

M8: **-ух-**: *басуха* – бас-гитара;

M9: **-чаг-**: *пивчага* – пиво;

M10: **-чик-**: *пивчик* – пиво;

M11: **-щик-**: *беспредельщик* – нарушитель законов;

M12: **-юг-**: *вокалюга* – вокалист;

M13: **-юк-**: *басюк* – бас-гитарист.

Схема 2: Adj. + suf → N_{suf}:

M1: **-ух-**: *косуха* – бандана;

M2: **-чк-**: *электричка* – электрогитара;

M3: **-як-**: *голяк* – отсутствие.

Схема 3: V + suf → N_{suf}:

M1: **-ач-**: *махач* – драка;

M2: **-к-**: *уделка* – вечеринка, на которой все уделываются (напиваются, накуриваются до потери сознания);

M3: **-л-**: *бухло* – выпивка; *музло* – музыка; *погоняло* – кличка;

M4: **-ок-**: *ушлепок* – морально опущенный человек.

Прилагательные

Схема 1: N + suf → Adj_{suf}:

M1: **-ов-**: *трешовый* – дикий;

M2: **-оват-**: *гоповатый* – кто-либо вида и манеры поведения гопника;

M3: **-ск-**: *говнарский* – посредственный.

Схема 2: V + suf → Adj_{suf}:

M1: **-н-**: *стремный* – странный.

Глаголы

Схема 1: V + suf → V_{suf}:

M1: **-ива-**: *прокачивать* – заряжать энергией;

M2: **-ну-**: *приходнуться* – словить кайф от наркотика;

M3: **-ся**: *рубиться* – энергично двигаться под музыку.

Схема 2: N + suf → V_{suf}:

M1: **-ить-**: *сигарить* – курить.

Наречия

Схема Adv. + suf → Adv_{suf}:

M1: **-и**: *сляги* – слегка.

Схема 1: N + suf → Adv_{suf}:

M1: -owo: adowo – дико.

Схема 2: Adj. + suf → Adv_{suf}:

M1: -o: klewo – хорошо.

Полусуффиксально-производные сленгизмы

Полусуффиксы относятся к полуаффиксам, основной особенностью которых является семантическая связь с аналогичным словом [12, с. 23]. Термин «полусуффикс» стал широко применяться в германистике в 50–60-х годах XX в. При этом полусуффиксация весьма характерна для английского лексического субстандарта [5, с. 6–9]. Некоторые ученые называют полусуффиксы «относительными суффиксами», «субсуффиксами» и «словами-суффиксами» [11, с. 8]. Мы вслед за В.П. Коровушкиным определяем *полусуффикс* как «словообразовательный элемент (формант), который формально совпадает с основной или словоформой свободно функционирующего слова, схож с ним семантически с разной степенью переосмысления, связан с ним этимологически и серийно употребляется в словообразовании в качестве относительно связанной морфемы, в которой обобщенное грамматическое значение, неизменное для конкретного класса созданных с помощью этой морфемы слов, преобладает над первоначальным десемантизированным лексическим значением» [6, с. 212].

Полусуффиксация в английском субкультурном лексиконе

Существительные

Схема 1: N + semisuf → N_{semisuf}:

M1: -ache: face-ache – a miserable looking person;

M2: -ears: cloth-ears – a person with low sense of hearing;

M3: -head: a(mphetamine)-head – a heavy user of amphetamines;

M4: -up: balls-up – a mess.

Схема 2: V + semisuf → N_{semisuf}:

M1: -out: blow-out – a fancy hairdo.

Прилагательные

Схема: V + semisuf → Adj_{semisuf}:

M1: -out: hung-out – to be hooked on drugs.

Глаголы

Схема: V + semisuf → V_{semisuf}:

M1: -off: rip-off – physically attack, beat.

Суффиксация является одним из самых продуктивных способов словообразования в русском и английском языках. Полупрефиксация, характерная для английского языка, также активно используется при образовании новых слов. Существует множество различных моделей формирования слов с помощью суффиксов, основные из которых были рассмотрены в данной статье.

Литература

1. Гинзбург, Е.Л. Словообразование и синтаксис / Е.Л. Гинзбург. – М., 1979.
2. Зятковская, Р.Г. Суффиксальная система современного английского языка / Р.Г. Зятковская. – М., 1971.
3. Карацук, П.М. Словообразование английского языка / П.М. Карацук. – М., 1977.
4. Коровушкин, В.П. Сокращения в военном жаргоне англоязычных стран (XVII–XX вв.). Ч. I. Аббревиатурное словообразование в англоязычном военном жаргоне / В.П. Коровушкин. – Череповец, 1989.
5. Коровушкин, В.П. Социальная лексикология английского языка. Ч. II. Социолексикологическое описание английской нестандартной лексики / В.П. Коровушкин. – Череповец, 1994.
6. Коровушкин, В.П. Основы контрастивной социолектологии / В.П. Коровушкин. – Череповец, 2005. – Ч. II.
7. Коровушкин, В.П. Английский лексический субстандарт versus русское лексическое просторечие (опыт контрастивно-социолексикологического анализа) / В.П. Коровушкин. – Череповец, 2008.
8. Коровушкин, В.П. Теоретические основы контрастивной социолектологии / В.П. Коровушкин. – Череповец, 2009.
9. Коровушкин, В.П. Англоязычные заимствования в лексиконах русских субкультур / В.П. Коровушкин. – Череповец, 2014.
10. Мешков, О.Д. Словообразование в современном английском языке / О.Д. Мешков. – М., 1976.
11. Палий, С.П. Структурно маркированные образования в американском просторечии / С.П. Палий. – Пятигорск, 1999.
12. Царев, П.В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке / П.В. Царев. – М., 1984.

УДК 81'35

О.С. Сальникова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент Н.П. Павлова

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ НАПИСАНИЯ ДЕТЕЙ 7 ЛЕТ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЧУВСТВА ЯЗЫКА

В статье рассматриваются нормативные написания детей 7 лет как проявления языковой интуиции. Материалом для анализа выступают данные диктанта учеников 1 класса.

Языковая интуиция, нормативные написания, морфемно-деривационные способности.

The article considers the normative writing of 7-year old children as manifestation of language intuition. Dictations of first grade pupils are considered to be the material for analysis.

Language intuition, normative writing, morphemic-derivazione ability.

Как назвать детеныша снегиря?

Снегиренок

Как назвать сок из киви?

Кивиной сок

Как назвать одним словом, что ты наелся много каши?

Я объелся

(Из ответов на вопросы учеников 1 класса)

При описании особенностей письма детей дошкольного и младшего школьного возраста лингвисты и психологи уделяют внимание рассмотрению вопросов, касающихся самостоятельного, естественного, спонтанного развития письма у детей под влиянием чувства языка (языковой интуиции): самостоятельное усвоение морфологического принципа русской орфографии (В.А. Богородицкий, С.Н. Цейтлин, Н.Д. Голев, Н.П. Павлова и др.).

Нас интересует проявление «чувства языка» при письме у детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Лингвисты и психологи указывают на то, что в возрасте около 4–5 лет язык становится для самого ребенка предметом анализа, он пытается понять его, говорить о нем, данная особенность не только сохраняется, но и усиливается с началом обучения в школе. В основе метаязыковой компетенции лежит рефлексия над языковым материалом, которая выражается в метаязыковых представлениях. Осознанные метаязыковые представления переходят в метаязыковые понятия, характеризующиеся категориальностью. Метаязыковые представления могут быть неосознанными и функционировать на практическом уровне.

Роль языковой интуиции в процессе усвоения языка подчеркивалась лингвистами. Так Л.В. Щерба указывал на то, что «дети владеют всеми грамматическими категориями своего родного языка и что наша задача только разбудить у них лингвистический инстинкт и заставить осознать уже имеющиеся категории» [5, с. 97].

В качестве опоры для чувства языка выступает процесс аналогии, который связан с морфематическим характером русской орфографии. Рассматривая «правило» как руководство к речевому действию в процессе порождения речи, С.Н. Цейтлин отмечает, что «именно установление аналогий, выявление каждым индивидом сходного в содержании и форме языковых единиц является основным способом постижения правил, существующих в языке. Если бы человек такой способностью не обладал, было бы невозможно постижение языка, а также передача языка от одного поколения другому» [4, с. 32]. Одновременно психолингвистами высказывается мнение о том, что сама компетентность в языке является результатом его применения и что только в процессе активного отражения действительности и активного

общения у ребенка возникает понимание языка. Например, в межсловесных ассоциациях детей дошкольного возраста отражается то, что дети чувствуют связь между словами: *береза – белый, балкон – балка, петух – петь*.

В основе «чутья тождества морфемы» лежит морфемно-деривационная деятельность как реализация операций морфемного анализа и морфемного синтеза: морфемный анализ – определение семантики слова по его словообразовательной модели; морфемный синтез – конструирование слова по определенной словообразовательной модели. Е.А. Аввакумова указывает на то, что «выполнение данных операций – не результат специального обучения, а результат неосознанного обобщения речевого опыта» [1, с. 4].

В наших наблюдениях за письмом детей дошкольного возраста (задание вставить пропущенные в словах буквы) отмечены случаи, когда дети 5–7 лет в «сомнительных случаях» самостоятельно проверяли слово, дополняя его до проверочного: *зубы, шарфик, грибок, снеговик, паровозы, паровозик, дубик* (как *зубик*). Данные еще раз подчеркивают то, что у детей дошкольного возраста высокий уровень морфемно-деривационных способностей. Отмечены и случаи проверки «сомнительных» согласных детьми 5–7 добавлением суффиксов: *дубик, дубок, окончаний: зубы, паровозы, шарик – шары* (своя пара слов). Ребенок отождествляет разные аллофоны одной морфемы в единую структурную единицу (*дуб, дубок, дубик*). Образование *дубик*, по типу *зубик* указывает на понимание ребенком значения слов с суффиксом *-ик* как чего-либо маленького. Как отмечают лингвисты и психологи, овладевая языком, человек усваивает не только систему лексических значений (так сказать, корневых значений типа *стол*), но и функции специальных морфологических единиц – суффиксов, окончаний и т.п., ту «семантическую работу», которую эти единицы выполняют. Только когда эта система усваивается, человек может оперировать значением слова как комплекса несущих информацию частей.

Исходя из того, что в основе чувства языка лежит обобщение (сверхгенерализация), на его основе первоначально происходит усвоение системы языка.

В качестве примеров проявления чувства языка в письме рассмотрим нормативные морфологические

написания, встретившиеся в спонтанной письменной речи учеников 1 класса.

В качестве материала для исследования выступают письма к Деду Морозу, написанные учениками 1 классов без предварительной подготовки. База исследования – 1 «Г» класс МОУ «СОШ № 7 города Череповца». Количество респондентов – 21 человек. Количество словоформ для анализа – 214. Из них знаменательных – 194, служебных – 20.

К морфологическим написаниям в широком понимании морфологического принципа как единообразного написания морфем относят и этимологические написания (А.Н. Гвоздев, В.Ф. Иванова, Н.С. Рождественский), благодаря этимологической орфографии круг единообразно передаваемых на письме однокоренных слов значительно расширяется, так как в него входят не только слова, родство которых ощущается непосредственным языковым сознанием, но также слова, о родстве которых можно говорить лишь на основании исторических и лингвистических справок.

Именно широкое понимание морфологических написаний дает основание различить среди них группы по их отношению к произношению.

Анализ результатов эксперимента показывает, что сочетание *Дед Мороз* соответствует норме у 67 % респондентов, девиации отмечены при обозначении на письме качественной редукции предударного гласного и закона конца слова: *дет марос. я хачу энсарный. телефое.* (Кирилл Б., 7). Возможно, на нормативное написание оказало влияние то, что сочетание *Дед Мороз* как обращение используется детьми при написании писем к Деду Морозу вместе с родителями, при этом используется и вариант *Дедушка Мороз: дедушка мороз пожалуйста подари мне волшебную палочку и приставку и сенсорный телефон* (Аня Ф., 7 лет).

В когнитивной психологии опознание слов рассматривается с точки зрения трех гипотез:

- 1) графемного кодирования: репрезентации в памяти носят зрительный характер;
- 2) гипотеза фонематического кодирования: зрительная входная информация преобразуется и кодируется фонологически;
- 3) гипотеза двойного кодирования: зрительный и фонологический коды параллельно участвуют в процессе восприятия.

Возможно, зрительное восприятие оказало влияние на появление в письме детей неадекватнофонемных написаний типа *Дед Мороз, Новый год: дед мороз я хочу на новый год куклу винкс. с крыльями* (Маша Ф.), *новый год. я хачу. новый. шлем* (Миша К.), наряду с фонетическими написаниями: *дедушка мороз я теб люблю ты хорошие дедушка морос ты забавные тебе песала. я хачу на новый гот каляску с.* (Люба М.), в данном случае наблюдается неустойчивость письма: зрительный и фонологический коды параллельно участвуют в процессе восприятия. В то же время представлены и примеры выбора детьми фонетических написаний, вместо нефонетических: *я хачу на новый гот каляску с.* (Люба М.). Норматив-

ные непроверяемые морфологические написания также представлены в письме детей: *дедушка мороз я теб люблю ты хорошие дедушка морос* (Женя Р.).

Стратегия «слышу – пишу» (фонетическое письмо: *дарагой дет морос!* (Артем С.) совмещается со стратегией выбора неадекватнофонемных написаний у конкретного ребенка: *дет мороз приходи к нам с нигурачкой в гости в школу приди и всем подрки подри!* (Семен У.).

Отметим, что словоформа «хочу» представлена у 62 % детей, при этом в 46 % случаев написание «хочу» соответствует норме. Фонетическое написание, отражающее качественную редукцию гласного в предударном слоге, обозначено в 54 % случаев. Наряду с написанием типа «хачу» в письме присутствуют морфологические написания: *дед мороз. я очень люблю празники. самый мой любимый празник. новый год. я хачу. новый. шлем. и шио хачу хакейну. ворму камады северсталь* (Миша К.); *дарагой дед мароз мне нравица твайи подрки. а. я хачу* (Илья В.). Письменная речь учеников 1 класса характеризуется обобщенностью, но не системностью.

Речевой опыт является материалом для наблюдения. Психологи высказывают мнение о том, что при восприятии и использовании множества слов, имеющих общие корневые и аффиксальные элементы, в мозгу ребенка происходят аналитические процессы членения употребляемых слов на единицы, соответствующие тому, что в лингвистике называется морфемами. Лингвисты указывают на то, что при овладении морфемой ребенок проходит ряд этапов. Сначала морфема выделяется, потом начинает употребляться функционально, выступать в качестве знака, «оторвавшись» от своего звучания. Непроизвольная рефлексия на основе хорошей языковой интуиции встречается достаточно рано, в то время как произвольное, сознательное осмысление фактов языка формируется в ходе обучения. Рассмотрим особенности детских этимологий, отмеченные А.Н. Гвоздевым: «ребенок доходит до понимания нового неизвестного ему слова, исходя из значения его частей, которые выделяет самостоятельно; конечно, анализируя слова по значащим элементам, ребенок наряду с правильными сопоставлениями морфологически родственных слов, делает и ошибочные; как раз эти последние случаи, как наиболее бросающиеся в глаза, особенно ясно обнаруживают то, что ребенок разлагает слово на морфологические элементы» [2, с. 57 – 58], и «в своих объяснениях ребенок верно передает значение отдельных морфологических частей слова. Это может свидетельствовать о размышлении над морфологическим строением слов» [2, с. 61].

В качестве примеров проявления морфологического анализа и синтеза у детей 7 лет. Рассмотрим данные, полученные в ходе эксперимента, в содержание которого включены задания, обозначенные Е.А. Аввакумовой как приемы для формирования морфемно-деривационных способностей.

Данные, полученные в ходе эксперимента, показывают, что дети в 70 % случаев отмечают общность

корневых аффиксов и мотивированность слов: одуванчик – дуть (67 %), снегирь – снег (42 %), незабудка – не забудь (75 %), подснежник – под снегом (83 %), подсолнечник – под солнцем (75 %), подберезовик – под березой (83 %).

Письменные ответы на вопросы типа как назвать детеныша снегиря? Как назвать сок из киви? Как назвать одним словом, что ты наелся много каши? Также указывают на то, что дети используют модель образования слова актуальную и близкую для себя: снегирь – снегиренок, снегеренок, снегията (тигр – тигренок – тигрята), сок из киви – кивиной, кивовый (слива – сливовый), объелся каши – обкашился, переел, наелся (дети учитывают значение префиксов об-, на-, пере-).

Ученикам предлагалось задание на определение того, что обозначает слово, придуманное маленькими детьми: одетки, стриганок, ползук, копатка, пальчатки, одуван, мазелин, колоток. Отметим, что при определении значения слова дети в ориентируются как на корень слова, так и на другие аффиксы, при этом основным является сочетание смысловых и звуковых ассоциаций: одетки – одежда (67 %), пальчатки – перчатки (92 %), копатка – лопатка (83 %), мазелин – мазь (67 %), колоток – молоток (83 %), одуван – одуванчик (92 %, но без указания разделения большой – маленький), ползук – ползет (17 %), ползук – жук (17 %), ползук – паук (33 %).

Данные эксперимента свидетельствуют о том, что у учеников первого класса высокий уровень морфемно-деривационных способностей, при этом «...дети уже в дошкольном возрасте сумели совершенно самостоятельно, без специального научения,

освоить то, что мы называем морфологическим принципом правописания, т.е. они оказались в состоянии, несмотря на разницу в произношении, определить единый графический образ морфемы и воспроизвести его в своих написаниях» [3, с. 57].

Чувство языка интуитивно, оно проявляется, в частности, в орфографической интуиции как в умении выбрать правильное написание слова, содержащего орфограмму, в основе которого лежит неосознанная опора на системные детерминанты языка.

Литература

1. *Аввакумова, Е.А.* Морфематические основания интуитивной орфографии русского языка: На материале эксперимента с детьми 6–7 лет: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Аввакумова. – Кемерово, 2002.
2. *Гвоздев, А.Н.* Значение изучения детского языка для языкознания. Как дети дошкольного возраста наблюдают явления языка / А.Н. Гвоздев. – СПб., 1999.
3. *Павлова, Н.П.* Отражение морфологического принципа в письме дошкольников / Н.П. Павлова // Проблемы детской речи – 1998. Доклады всероссийской научной конференции / ред.-сост. Р.Л. Смулаковская. – Череповец, 1998. – С. 56–58.
4. *Цейтлин, С.Н.* Языковые правила как руководство к речевой деятельности / С.Н. Цейтлин // Онтолингвистика – наука XXI века: Материалы Международной конференции, посвященной 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. И.А. Герцена (4–6 мая 2011 г., Санкт-Петербург) / редкол. Т.А. Кругликова (отв. ред.) и др. – СПб., 2011. – С. 31–36.
5. *Щерба, Л.В.* О частях речи в русском языке / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974. – С. 77–100.

УДК 821.111

А.О. Тананыхина

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТЕКСТЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

В статье рассматривается проявление феномена языковой игры в текстах современных литературных сказок Р. Даля, Дж. Роулинг и Ф. Пулмана. Особое внимание уделяется языковой игре в словообразовании, нарушении ограничений на словообразовательные модели в языке, на создание нестандартных словообразовательных моделей.

Языковая игра, литературная сказка, словообразовательная модель, Дж. Роулинг, Ф. Пулман, Р. Даль.

The article deals with the phenomenon of language game in the texts of modern literary fairy tales by R. Dahl, J. Rowling and P. Pullman. Special attention is paid to language game in word formation, breaking limits of word-forming models, creating original word-forming models.

Language game, literary fairy tale, word-forming model, R. Dahl, J. Rowling, P. Pullman.

Изучение феномена языковой игры продолжает оставаться актуальным, несмотря на возросшее количество исследований по данной проблематике. Это происходит ввиду того, что сам термин «языковая игра» до настоящего момента не приобрел однозначного осмысления в лингвистике. Введенный в обиход Л. Витгенштейном, который связывал с этим

термином применение языка в соответствующей сфере общения и использование языковых средств с учетом реализуемой ими функции [3, с. 79], термин «языковая игра» приобрел дальнейшее развитие и толкование в значительном количестве работ [4], [5], [7], [8], [9], [10], [12] и др., в которых исследовались различные аспекты языковой игры. Несмотря на зна-

чительное количество работ по данной тематике, необходимо обратить внимание на отсутствие общепринятого определения феномена языковой игры. Более того, в дефинициях термина присутствуют значительные различия и даже противоречия. Впрочем, необходимо признать правоту Т.А. Гридиной в том, что многоаспектность существующих подходов к описанию языковой игры приводит к мысли о невозможности дать ей однозначное определение. Кроме этого, вызывает сомнение необходимость однозначности в объяснении таких сложных феноменов [5, с. 3 – 4]. Таким образом, наиболее взвешенной является точка зрения Т.А. Гридиной: «Языковая игра, таким образом, – это одновременно и когнитивный, и психологический, и лингвокультурный, и эстетический феномен, функциональная сущность которого не исчерпывается традиционно выделяемой сферой комического воздействия и уж никак не вписывается в рамки расхожего определения „игра слов“» [5, с. 4]. Для настоящего исследования актуальным является и видение Б.Ю. Нормана, определившего в своем исследовании языковую игру как использование языка в особых целях (эстетических, социальных и т.п.), при котором языковая система демонстрирует свою пластичность: языковые единицы, их классы и правила функционирования получают большую степень свободы [8, с. 5–6].

Сказочные тексты традиционно связываются с феноменом языковой игры. В частности, было проведено некоторое количество исследований, касающихся, правда, только литературных сказок Л. Кэрролла, которые являют собой яркие примеры языковой игры [1], [6], [11], [13] и др. Между тем, языковая игра является отличительной чертой и других литературных сказок. Рассмотрим тексты литературных сказок Джоан Роулинг, Роальда Даля и Филиппа Пулмана. Эффект языковой игры в литературных сказках названных авторов возникает в результате использования различных игровых приемов, в частности, в создании большого количества примеров безэквивалентной лексики, которые отражают национально-культурную и фантастическую специфику английских литературных сказок. Авторы сказочных произведений создают большое количество новых слов, и языковая игра в словообразовании состоит в нарушении ограничений на словообразовательные модели в языке, на использовании нестандартных словообразовательных моделей.

Остановимся на серии сказок Джоан Роулинг о Гарри Потере. Роулинг выбрала слово "*muggle*" для обозначения далекого от волшебства обыкновенного человека, не волшебника. Это слово имеет несколько пренебрежительную, снисходительную коннотацию. Обратимся к определению слова: "mug – 1. a cup with straight sides and no saucer, used mainly for hot drinks; 2. *informal* someone who does not realize that they are being tricked or treated badly; 3. *informal* someone's face" [22, с. 932]. В английском языке существует неформальное значение слова "mug", под которым подразумевается человек, который не осознает, что над ним потешаются (ср. русское неформальное сло-

во "чайник", также имеющее снисходительную и пренебрежительную коннотацию, использующееся для обозначения неумелых, неопытных людей, новичков в каком-то деле). Имея в виду неформальное значение слова и используя аллюзию на слово "mug", Роулинг создает новое слово "muggle", обозначающее обычных, далеких от волшебства людей. Необходимо отметить, что авторский неологизм создан с использованием языковой игры не по словообразовательным моделям, принятым в английском языке. Название школы волшебства и трех факультетов этой школы образованы также нестандартными способами: "Hogwarts", "Hufflepuff", "Slytherin", "Gryffindor". Название школы волшебства "Hogwarts" происходит от одного из видов лилий, кроме этого, это перевернутое слово "warthog". Названия факультетов школы происходят от имен их создателей, великих волшебников. По-видимому, название факультета "Hufflepuff" произошло от словосочетания "huff and puff": "huff – *informal* 1. huff and puff – to breathe out noisily, especially because you are tired; 2. huffing and puffing – behaviour that shows that someone disagrees strongly with something such as an official plan. [21, с. 697]. Название факультета "Slytherin" происходит от имени его основателя, Salazar Slytherin, Салазара Слизерина. Имя Салазар аллюзивно связано с фамилией португальского диктатора, Антонио Салазара. Название "Slytherin" происходит, видимо от слова "slither – 2. to move along the ground like a snake [22, с. 1346]. И действительно, символом факультета "Slytherin" является змея. Название факультета "Gryffindor" взято из французского языка: "griffin d'or", что означает «золотой грифон». Грифон – существо с головой и крыльями орла и телом льва. Это мифический зверь, соединяющий качества короля зверей и короля птиц, он обозначает силу и бдительность. Кроме того, в средневековой Европе он олицетворял двойственную природу Христа — божественную и человеческую, в Божественной комедии Данте грифон толкает повозку Христа. Грифон выступает противником змей и василисков, являющихся воплощением темных сил [20].

Особенно богата примерами сказочной безэквивалентной лексики сказка-трилогия Ф. Пулмана "His Dark Materials". Автор внимательно и изобретательно играет со словами, творчески подходит к созданию каждого нового слова, используя для их графического образа не только буквы английского алфавита, но и буквы, которых нет в английском алфавите, в частности, он использует лигатуру. Первое новое слово, с которым сталкивается читатель сказки, это – *dæmon* (необходимо вспомнить, что одним из значений слова *demon* в английском языке является "someone who is extremely good at something" [22, с. 369]). Человек в трилогии Пулмана предстает перед нами не как единое целое, он структурно состоит из двух частей: собственно человек и его "*dæmon*" (в переводе В. Голышева и В. Бобкова – деймон), это новое слово определяет совершенно новый концепт, которого раньше не существовало ни в сказочной, ни в фантастической литературе. Поскольку это совер-

шенно новая сказочная сущность, позволим себе объяснить значение этого неологизма. Демон – это часть человека, он имеет форму какого-то зверька, причем этот зверек выражает сущность этого человека, он может разговаривать, и только вместе они составляют единое целое – человека, “a human being”. У каждого деймона есть имя, например, деймона главной героини девочки Лиры зовут Пантелеймон – *Pantalaimon*. Причем у ребенка его демон не имеет постоянной формы, он может превращаться из одного зверька в другого в зависимости от настроения и состояния духа, и только становясь взрослым, человек приобретает деймона постоянной формы. Поскольку демон – это часть человека, человек не может существовать без своего деймона. И только тогда, когда человек умирает, он расстается со своим демоном, демон исчезает. Для создания графической формы слова, представляющего совершенно новую сказочную сущность, автором используется лигатура: “*dæmon*”.

Следующий новое слово, в котором присутствует лигатура – “*Æsahættr*”. “*Æsahættr*” – это ономапоическое слово, созданное по законам звукоподражания. “*Æsahættr*” – это удивительный сказочный нож, который может разрезать окна между параллельными мирами. Как говорит об этом необыкновенном ноже ведьма Серафина Пеккала: “The word sounds as if it means ‘god-destroyer’” [16, с. 243]. Традиционно легендарные мечи в мировой культуре имеют свои собственные имена, достаточно вспомнить “*Hrunting*”, “*прозрающий*”, прославленный меч Беовульфа, *Зульфигар*, знаменитая сабля пророка Мухаммеда и его зятя Али, и, конечно, *Excalibur*, необыкновенный меч короля Артура. Следуя этой традиции, Пулман наделяет собственным именем волшебный сказочный нож – “*Subtle Knife*” – “*Æsahættr*”.

Следующий стилистический неологизм Ф. Пулмана – “*mulefa*”. Это слово также образовано нестандартно. “*Mulefa*” – разумные существа другого мира с необычным строением туловища: “They were about the size of deer or antelopes ... they grew in a diamond formation: two in the center, one at the front, and one under the tail, so ... they moved with a curious rocking motion” [17, с. 75]. “They ... were gray-colored, with horned heads and short trunks like elephants” [17, с. 78]. По замыслу автора, у мулефа есть свой собственный язык, и все последующие слова – это слова из языка мулефа, так как мир мулефа очень отличается от нашего мира, и соответственно, вся эта лексика также является безэквивалентной. Так же как и в предыдущих случаях, все эти слова образованы по нестандартным моделям образования новых слов.

“*Mulefa*” – это народ, отдельный индивид на языке мулефа – “*zalif*”. “*Sraf*” – это слово на языке мулефа равнозначно слову “*dust*” нашего мира. “*Dust*”, или в переводе “*Пыль*”, – это мистические волшебные частицы, появляющиеся с неба и окружающие взрослых “*human beings*”, т.е. разумных существ. Пыль и сама обладает разумом, именно она помогает людям быть удивительными и уникальными, разумными и творческими, т.е. настоящими людьми в

полном смысле этого слова. В нашем мире и в других параллельных мирах люди не видят ее, они могут лишь регистрировать ее наличие с помощью приборов, и только мулефа имеют возможность видеть ее, и могут поэтому сразу понять, является ли существо разумным, подобным человеку, или нет. Еще одно слово на языке мулефа – “*Tualari*”, гигантские злобные птицы, уничтожающие поселения мулефа.

С точки зрения словообразования в тексте современной англоязычной литературной сказки особое место занимает творчество Роальда Даля, всемирно известного сказочника, продолжающего традиции британского сказочного нонсенса. В отличие от упомянутых выше авторов, в сказках Роальда Даля основным способом создания новых слов является словосложение. Нам представляется важным рассмотреть сказку “*The BFG*”, в которой необыкновенный и замечательный великан BFG (*Big Friendly Giant*) изобретает и произносит необычные диковинные слова, такие как “*cannybull*” в значении “*cannibal*”, что может являться примером сказочной «народной этимологии» великанов: Это слово состоит из двух слов: “*canny*” – хитрый, коварный и “*bull*” – бык. Почти в каждой фразе BFG есть новые слова: “*Giants is all cannybully and murderful*” [14, с. 17]. Здесь два новых прилагательных – *cannybully*, произведенное от *cannybull*, и *murderful* – окказиональное прилагательное, образованное от существительного “*murder*” с помощью суффикса прилагательных “*ful*”. Еще один пример из «народной этимологии великанов»: “*human bean*” вместо “*human being*” (Вспомним, что *old bean informal, old-fashioned used for talking to a man who you know well* [22, с. 985]). Следующие два прилагательных – *scrumdiddlyumptious*, удивительным образом комбинирующее два слова: *scrumptious – adjective informal tasting extremely nice* [22, с. 1275] и *diddly – noun American informal nothing* [22, с. 382] и, еще одно слово, *uckyslush*, в котором тоже угадывается комбинация двух слов – *icky adjective, spoken very unpleasant to touch, look at, smell, or taste: disgusting* [22, с. 708] и *slush – noun snow that is starting to melt (=become water) and become dirty* [22, с. 1349].

Общеизвестна лидирующая роль англичан в создании многих популярных во всем мире спортивных игр, и, соответственно, слов спортивной лексики. Д. Роулинг продолжает эту традицию в своей сказке, создав новую сказочную игру волшебников, которая называется “*Quidditch*”. В игре “*Quidditch*” участвуют две команды, в которых игроки летают на метлах и пытаются забросить волшебные мячи в кольца противника. Возможно, это слово является ономапоическим, т.е. созданным по законам звукоподражания. Существует даже предположение, что название волшебной игры является комбинацией названий трех волшебных мячей, принимающих участие в игре: “*Quaffle*”, “*Bludger*” и “*Golden Snitch*”. Слово образовано следующим образом: (Qu)affle + Blu(d)ger + Sn(itch) [20]. Излишне напоминать, что эта лексика также является безэквивалентной и образована по нестандартным моделям.

Один из волшебных мячей – “Quaffle” – мяч, который игроки пытаются забросить в одно из шести колец противника. Мы полагаем, что своим возникновением это слово обязано слову “quaff” (“to quaff – to drink something quickly or with a lot of enjoyment” [22, с. 1152]). Используя аллюзию на слово “quaff”, Роулинг создает новое слово – “Quaffle”. Причем, для создания этого слова она прибегает к нестандартному способу словообразования. Кроме уже упомянутого мяча “Quaffle”, в качестве спортивного инвентаря в волшебной игре “Quidditch” из сказки Д. Роулинг “Harry Potter and the Philosopher’s Stone” упоминаются еще и два других волшебных мяча, “Bludger” и “Golden Snitch”. “Bludgers” – мячи, на огромной скорости летающие по полю и пытающиеся сбить игроков с метел. В австралийском английском существует слово “bludger”, возникшее от слова “bludge”: “verb Australian informal to get things from other people without paying for them” [22, с. 139], но название волшебного мяча не имеет никакого отношения к этому слову. По нашему мнению, слово “Bludger” возникло от слова “bludgeon” (“to bludgeon – to hit someone hard with a heavy object” [22, с. 139–140]). Используя аллюзию на слово “bludgeon”, Роулинг придает корню “-bludg-” еще одно лексическое значение, которого нет в современном английском языке. Название волшебного мяча “Bludger” образовано от основы “bludg-” и суффикса “-er”. “Golden Snitch” – последний волшебный мяч, участвующий в игре, это самый главный мяч, его очень тяжело поймать, потому что он летит с огромной скоростью, и его сложно заметить. В современном английском слово “snitch” означает: “noun informal a person who tells someone in authority about something wrong you have done. This word shows that you dislike people who do this” [22, с. 1355]. Понятно, что название волшебного мяча не связано с данным словом. Логично предположить, что существительное “snitch” произошло от одного из лексических значений глагола “sneak”: “to move somewhere quietly and secretly so that no one can see you or hear you” [22, с. 1354]. По нашему мнению, еще одно название волшебного мяча, “Snitch”, возникло именно от этого лексического значения глагола “sneak”.

Словосложение присутствует и в сказках других авторов. Например, название одного из факультетов волшебной школы в сказке Дж. Роулинг – “Ravenclaw”. Это слово происходит из двух слов – “raven – a large bird with shiny black feathers” [22, с. 1170] и “claw – 2. the sharp curved part at the end of some animals’ toes” [22, с. 248]. Еще один пример словосложения из сказки Д. Роулинг “Harry Potter and the Chamber of secrets”: “You are going to de-gnome the garden for me, they’re getting completely out of hand again [19, с. 33]. Здесь автором используется окказионализм, глагол “de-gnome”, ведущий свое происхождение от существительного “gnome – 1. an imaginary little man in children stories who wears a pointed hat and can do magic [22, с. 605] и отрицательный префикс “de- prefix used with many verbs, nouns and

adjectives for giving a word the opposite meaning [22, с. 354].

В своих сказках Ф. Пулман также прибегает к словосложению. Например, это и “alethiometer” – прибор, показывающий правду (от греч. aletheia – истина и metreō – измеряю), the “Gallivespians” – крохотные люди параллельного мира с очень небольшой продолжительностью жизни. Мы полагаем, что это слово возникло из трех слов: Gulliver – в память о первых крохотных существах в британской литературе по имени главного героя сказки Д. Свифта “Gulliver’s Travels”, одного из значений слова spin – “to go somewhere quickly in a car, on a bicycle etc.” [22, с. 1377] и span (уст.) – “пядь (22,8 см)” [2, с. 505]. Кроме того, словосложением отмечено и слово “panserbørne”, в английском издании первой части трилогии “Northern Lights” [15] или “panserbjørne” – в американском издании “The Golden Compass” [18]. “Panserbørne” – это знаменитый говорящий бронированный белый медведь, очевидно, это слово возникло из двух слов: “Panzer” (нем.) – броня и “Bjorn” (швед.) – медведь.

Итак, все сказанное позволяет сделать вывод, что сам жанр современной литературной сказки предполагает создание новых слов, стилистических неологизмов или окказионализмов, которые представляют совершенно новые сказочные, фантастические концепты. Для создания слов сказочной лексики авторы часто используют принципы языковой игры. Наиболее частотными являются нестандартные способы создания новой сказочной лексики, использующие модели словообразования, которых нет в современном английском языке. Одновременно с этим используются и традиционные модели словообразования: словопроизводство (affixation), т.е. способ образования слов с помощью аффиксов – суффиксов и префиксов, которые, вступая в различные комбинации с основами слов, образуют новые слова, причем лексическим значениям уже существующих слов придаются новые семантические признаки, ранее отсутствовавшие, и словосложение, т.е. способ образования новых слов путем сложения основ.

Литература

1. Ананьина, О.А. Льюис Кэрролл: искусство игры (исследование диалогии Л. Кэрролла об Алисе в свете игровой поэтики) / О.А. Ананьина. – Ростов н/Д., 2002.
2. Большой англо-русский словарь: в 2 т. / под общ. руководством И.Р. Гальперина. – М., 1979. – Т. 2.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // НЗЛ. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 79 – 128.
4. Гридина, Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 1996.
5. Гридина, Т.А. Языковая игра в художественном тексте / Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2012.
6. Демурова, Н.М. Льюис Кэрролл: очерк жизни и творчества / Н.М. Демурова. – М., 1979.
7. Каргаполова, И.А. Человек в зеркале языковой игры / И.А. Каргаполова. – СПб, 2007.
8. Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М., 2012.

9. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М., 1999.

10. Сковородников, А.П. Об определении понятия «языковая игра» / А.П. Сковородников // Игра как прием текстопорождения: коллективная монография. – Красноярск, 2010. – С. 50–63.

11. Усолкина, А.В. Языковая игра как текстообразующий фактор (на материале литературных сказок Л. Керролла и их переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Усолкина. – Екатеринбург, 2002.

12. Чемодурова, З.М. Игра в постмодернистском художественном тексте / З.М. Чемодурова. – СПб, 2013.

13. Blake, K. Play, Games, and Sport: The Literary Works of Lewis Carroll / K. Blake. – Ithaca and London, 1974.

14. Dahl, R. The BFG / R. Dahl. – London, 2001.

15. Pullman, P. Northern Lights / P. Pullman. – London, 1998a.

16. Pullman, P. The Subtle Knife / P. Pullman. – N.Y., 1998b.

17. Pullman, P. The Amber Spyglass / P. Pullman. – N.Y., 2001.

18. Pullman, P. The Golden Compass / P. Pullman. – N.Y., 2003.

19. Rowling, J.K. Harry Potter and the Chamber of Secrets / J.K. Rowling. – London, 1998.

20. Harry Potter Name Etymology, 2000. – URL: <http://www.theninemuses.net/hp/4.html>

21. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Limited, 2001.

22. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners International Student Edition. – Macmillan Publishers Limited, 2003.

УДК 81

Дж.О. Фалоджу

ОБЛИК ЖЕНЩИН В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ: ВЗГЛЯД ИНОСТРАНЦА

Многие привычные факты русской лингвокультуры остаются незамеченными носителями родного языка. Но их сравнение с фактами другой лингвокультуры, такой как африканская культура йоруба, позволяет увидеть специфичное в каждой из культур. В статье рассматриваются особенности и различия русской лингвокультуры в представлении образов женщин в русских паремиях, выявленные в ходе изучения русских пословиц и поговорок о женщинах на основе их лингвокультурологического анализа на фоне паремий йоруба.

Пословицы, поговорки, русская культура, культура йоруба, лингвокультурология.

Many familiar facts of Russian lingvoculturology remain unnoticed by native speakers of Russia. However, their comparison with the facts of another lingvoculture, like the Yoruba African culture, allows to see the peculiarities in each culture. The paper considers the features and differences of Russian lingvoculture presented in the appearance of women in Russian proverbial sayings, identified in the course of studying Russian proverbs and sayings about women based on their lingvocultural analysis on the background of proverbial sayings in Yoruba language.

Proverbs, sayings, Russian culture, Yoruba culture, lingvoculturology.

Услышать пословицы в русской устной речи можно не часто – гораздо чаще в ней звучат афоризмы и цитаты. Но от этого интерес к русской пословице у иностранца не ослабевает. Соглашаясь с тем, что пословицы являются кладезем народной мудрости, что это особый взгляд народа на мир, нельзя не заметить и то, что они оказываются одной из форм проявления культуры народа и его лингвокультуры. Это хорошо видно при анализе словесного наполнения пословиц.

Пословицы – это краткие народные изречения афористического характера, имеющие одновременно буквальный и переносный план или только переносный план и в грамматическом отношении составляют законченные предложения [3, с. 11]. Например, *чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало* отличается двойным планом – буквальным и иносказательным, а пословица *И волки сыты, и овцы целы* имеет только образный план [4, с. 4].

Поговорка определяется как окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заклю-

чения, применения; это одна первая половины пословицы. Например, *Один как верста в поле; один как мак в цвете; поживем, увидим* [2, с. 15].

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Это определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности. Лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке [6, с. 8].

С нашей точки зрения, одной из отличительных черт русских пословиц и поговорок является обилие таковых о русских женщинах. Поскольку пословицы – меткие выражения, русские паремии несут в себе мудрое познание жизни, сердцеведение и мироведение русских о женщинах. С помощью русских пословиц можно создать образы и эталоны молодых девушек или женщин. Молодая девушка должны быть *дорога, кругла, пухла, бела, румяна, кровь с молоком*. Белый цвет кожи лица упоминается в нескольких паремиях, в которых говорится, что девуш-

ка должна быть *И личиком бела, и с очей весела* [2]. Рассмотрим пословицы о девичестве – «состояние до замужества», которые включены в словарную статью ДЕВА [2, с. 508–509].

В паремиях говорится о том, что о девушках нельзя говорить плохо (*О девке худа не молви*) или вообще не надо о них говорить: *Про девку не молви*. Но в паремиях отмечается, что до замужества каждая девушка хороша, а после замужества ее характер меняется: *Все девушки красны, хороши, а отколе берутся злые жены?* Объяснение этому в словаре не дается. Зато из словаря можно узнать, как правильно воспитывать девушку. Русские считали, что девушка должна быть дома, а не бегать гулять: *Держи девушку в тесноте, а деньги в темноте; Сиди, девица, за тремя порогами (запорами); В клетках птицы, а в теремах девицы*. Пословицы сами объясняют, почему опасно отпускать девушек на гулянки: *Мимо гороху да мимо девки так не пройдеши* (обязательно ущипнешь); *Не уберечь дерева в лесу, а девки в людях*. Как бы строго ни воспитывали родители свою дочь, она, судя по содержанию русских пословиц, могла нарушить их запреты. Это русские связывают с особенностями *девичьей памяти*. «...фразеологизм *девичья память* <...> возник как осколок пословицы *Девичья память да девичий стыд до порога* (Варианты: *Девичья память да девичий стыд – до порога: а переступила, так и забыла; Девичий стыд до порога, а переступила, так и забыла; Девичий стыд до порога, а переступила, так забыла*).

В.И. Даль, опираясь на варианты формы паремий, так комментирует ее: «переступила и забыла». Очевидно, что здесь имеется в виду одно: девушка за порогом своего дома может забыть родительские наставления, пытается жить своим умом или по воле сердца, совершая при этом роковые ошибки и покрывая семью несмываемым позором» [6, с. 128]. Даль приводит паремию, которая оправдывает нарушение девушкой запретов: *Девушка не травка, не вырастет без славки*, т.е. как бы девушка ни вела себя, люди всегда будут говорить о ней и обсуждать ее поведение.

Девушки всегда должны знать о том, что *делу время – потехе час*, и о том, что о делах никогда нельзя забывать: *Девушка, гуляй, а своего дела не забывай (а дельце помни)!* При этом девушка не должна лениться, потому что над лентяйкой смеются, используя необычное имя *Гагула*: *Девушка Гагула села прятать да заснула*. Об этом напоминают, потому что *Девичьи (женские) думы изменчивы*.

Паремические единицы утверждают, что *У бабы волос долог, а ум короток*. Согласимся с наблюдениями Ф.Ф. Фархутдиновой о том, что «в народной культуре, представленной в пословицах, последовательно различается мужской и женский ум: *Мужичий ум говорит: надо, бабий ум говорит: хочю; Мужа чтут за разум, жену по уму; Женский ум лучше всяких дум; Женские умы – что татарские сумы (переметные); Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; Бабий ум, что бабье коромысло: и косо, и криво, и на два конца; Ба-*

бы умы разоряют дома. Эти пословицы хорошо демонстрируют <...> немаловажную для народной культуры деталь: <...> разум, разумность характеризуют мужчину, а ум, в котором преобладает эмоциональное, поведенческое начало, является, главным образом, женским качеством» [7, с. 116]. О том, что девушки могут иметь разум, говорит следующая паремия: *Гадано на девочку, а поворочено на мальчика!* – «об умной девке» [1, с. 508]. Иногда девушка настолько уважаема, что ее называют по имени-отчеству: *Невеличка – да Кузминична*. И.М. Снегирев в своем труде «Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах» пишет: смирение «почиталось украшением юношества обою пола и душою супружеской жизни» [4, с. 218].

Среди русских паремий с компонентом-антропонимом выделяется одна, характеризующая внешность русской молодой девушки: *Настя, Настенька, шубейка красенька, сама черноброва, опушка боброва* [2]. Отметим то, что в составе этой паремии используются также сразу два антропонима из номинативной цепочки с крестильным церковным именем *Анастасия*: *Настя* и диминутив *Настенька*. Это не единственный случай, но он интересен тем, что еще и включает портретные характеристики девушки (прилагательное *черноброва*, которое является эпитетом), а также национально-специфические названия одежды. Этот диминутив *шубейка* (от *шуба* – вид зимней теплой верхней одежды, на которой есть *опушка* – по ее краям идет мех бобра – ценного пушного зверя; о нем упоминается в паремии *Не убить бобра – не видать добра*). При слове *шубейка* есть эпитет – краткое прилагательное *красенька*. В паремии создается образ молодой красивой девушки, которая очень нарядно одета.

Облик молодой девушки или женщины передается в паремии *Грудь лебедина, походка павлина, очи соколы, брови соболь* [2]. Скрытое сравнение с образами животного мира (белый лебедь, важный павлин, смелый сокол, красивый соболь) создает портрет русской красавицы. Дополняет этот образ прическа. Поговорки *Коса – девичья краса* и *Красная краса – русая коса* утверждают, что девушка, у которой волосы заплетены определенным способом (в одну косу), всегда красива [2, с. 508]. Однако русская пословица *Хороша девка да не хороша славка* говорит о невинности русской девушки в женитьбе [2, с. 508].

Для африканской культуры йоруба эти составляющие девичьей красоты являются экзотическими. Такие понятия, как *белая кожа* и *румянец* трудно воспринять как эстетическую категорию. Среди представителей йоруба люди бывают с очень темной кожей (почти черной) и более светлой кожей. В любом случае, йоруба – негроидная раса, проживающая на территории Африки, Тринидада и Тобаго, Бразилии и Кубы [7]. У чернокожих людей не бывает румянца. Тем не менее, йоруба считают, что черная кожа – это очень красиво. Для обозначения такой кожи существует фразеологизм *dúdí bí kóró íshín* – черная как семя аки (*аки* – название растения бли-

хия (*Blighia sapida* Koenig) – «растение семейства сапиндовые (*Sapindaceae*) – вечнозеленое полигамное дерево высотой от 7 до 25 м». Плоды вкусной блонии представляют собой белую сморщенную мякоть с тонкими розовыми прожилками; на фоне этой мякоти особенно заметными являются блестящие черные семена [10].

Образец женщины в паремии указывает на особенности и ценности русских женщин: *Баба дорога – от печи до порога*. Здесь есть скрытое сравнение ее со значимостью и ценностью в доме. Кроме этого, в русских изречениях встречаются метафорические употребления слов, обозначающих названия женщин, таких как мать, дочь, сестра. В русской культуре пословицы такого типа патристичны и они показывают любовь к родине: *Родная сторона – мать, чужая – мачеха; Одна у человека родная мать, одна у него и родина* и др. Также в русском языке есть паремии о злых женах: *Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою; Перед злою женою сатана – младенец непорочный*.

В фольклоре йоруба, как в русском фольклоре, есть много паремий о женщинах, но вот пословиц о девичестве у йоруба мало. Это, как правило, единицы, которые строятся на оппозициях *мать – дочь, отец – дочь, муж – жена, жена – друг, мужчина – женщина*. При этом совершенно очевидно, что в культуре йоруба доминирует такая черта, как сексизм. «Сексизм (англ. *sexism*, от лат. *sexus* – пол) – мировоззрение, при котором утверждается неравное положение и разные права полов. Может проявляться ненавистью, недооценкой или предубеждением по отношению к представителям соответствующего пола в целом либо стереотипизацией суждений по отношению к представителям соответствующего пола (например, ожидание от мужчин мужественности, от женщин – женственности)» [12]. Проявления сексизма, на наш взгляд, можно видеть в паремии *Obinrin bí otọ fún ní kò ní kó má pa ní, Obinrin kò bí tọ fún ní kò ní kó má pa ní; Obinrin tọ àlè méfà soju fúrí*. Буквально ее можно перевести следующим образом: *Если женщина родила ребенка для тебя (мужа), это не значит, что она не может убить тебя (мужа). А если женщина не родила ребенка для тебя (мужа), это тоже не означает, что она не может убить тебя (мужа). Если женщина переспала с шестью любовниками, она все равно ведет себя так, как будто ничего страшного не произошло*. Паремия, на наш взгляд, утверждает неравноправие мужчины и женщины и превосходство мужчин над женщинами. Еще одна паремия утверждает более категорично: *Bí kò sí tọ tú tí mbe láyà obinrin, bí kò sí tí ilẹkẹ tí m bé ní idí àgbèrè, òrè mí dára diẹ ju obinrin lọ – У моего друга нет такой красивой груди, как у девушки, у него нет попы с бусами и ожерельями, как у проститутки, которая переспала со всеми мужчинами, но мой друг все равно самый красивый*. Понятно, что смысл паремии заключается в том, что лучше иметь друга, чем подругу, что никакая женщина не сравнится с мужчиной по своим внутренним

качествам. Поэтому *Òrè mí dára diẹ ju obinrin lọ – Мой друг лучше женщины (подруги)*.

В русской лингвокультуре при характеристике женщины активна «гастрономическая» метафора – «женщина – это лакомый кусок». В.Н. Телия, установившая этот факт, показала, что в речи мужчин женщина характеризуется как «аппетитная, пышная, сбитая, ядреная (обычно – баба), та, которая в соку, в прыску, пальчики оближешь. О мужчине так не говорят» [5, с. 264]. В лингвокультуре йоруба женщина может восприниматься как *вещь* и сравниваться с головным убором. Йоруба сравнивают женщину с шапкой, которая находится на голове мужчины. Шапку мужчина носит почти всегда (только дома он обходится без нее и когда идет на охоту). В паремии *Filá l'obinrin wón kí i bá oḍẹ wọ ití* говорится следующее: «Женщина как шапка: она не может быть при мужчине, когда тот идет охотиться в густой лес». В густом лесу ветки цепляются за охотника, поэтому шапка будет мешать ему, и он может даже потерять свою шапку. Смысл пословицы заключается в том, что на женщину нельзя положиться в жизни, потому что женщины никогда не останутся с мужчиной в сложной ситуации и не смогут помочь ему.

С нашей точки зрения, в представлении женских образов в паремиях хорошо видно, что в лингвокультурах йоруба и русских многое не совпадает, но особенность и уникальность женщин явно демонстрируется в лингвокультурах как русских, так и народа йоруба сквозь призму их паремий.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М., 1995.
2. Даль, В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М., 1989.
3. Зимин, В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. – Ростов н/Д., 2005.
4. Снегирев, И.М. Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах / И.М. Снегирев. – Н. Новгород, 1996.
5. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.
6. Фалоджу, Дж.О. Девичья краса в русских паремиях на фоне паремий йоруба / Дж.О. Фалоджу. – Иваново, 2012.
7. Фархутдинова, Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова: опыт лингвокультурологического анализа русскости / Ф. Фархутдинова. – Иваново, 2000.
8. Фархутдинова, Ф. Номинативные цепочки: Лингвокультурологический аспект // Ф. Фархутдинова, Дж.О. Фалоджу. – Иваново, 2000.
9. Oyekan, Owomoyela. Yoruba proverbs / Owomoyela Oyekan. – Lincoln ; London USA, 2005.
10. Isaac, O. Delano. Òwè l'èsin òrò Yoruba Proverbs. Their meaning and Usage / O. Delano Isaac. – Nigeria, 1966.
11. <http://www.ecosystema.ru/07referats/cultrast/154.htm>
12. <http://ru.wikipedia.org>

**«ТОПОС ВНУТРЕННЕГО АДРЕСАТА»
В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕТАПРОЗЫ**

В статье рассматривается повествовательная модель метапрозы, используемая многими постмодернистскими авторами. Конститутивным фактором метапрозы выступает рефлексивная игра многих писателей – постмодернистов, – обуславливающая возникновение игрового «топоса внутреннего адресата» как результата рефлексии постмодернистских авторов над проблемами соотношения вымысла и реальности, а также роли современных читателей в интерпретации художественного текста.

Метапроза, повествовательный уровень текста, «топос внутреннего адресата», рефлексивная игра.

The article considers a narrative model of metafiction used by many postmodernist authors. The constitutive factor of metafiction is believed to be the reflexive play of many postmodernist writers which determines a construction of the playful “narratee’s topos” as a result of postmodern writers’ reflection on the problems of fiction/reality correlation and the role of modern readers in literary text interpretation.

Metafiction, narrative level of the text, “narratee’s topos”, reflexive play.

Для того чтобы объяснить особую роль, которую писатели-постмодернисты отводят текстовой функции читателя, необходимо более подробно рассмотреть уровни литературной коммуникации, в частности: повествовательные уровни художественного текста. Принято различать реальную коммуникацию (автор – текст – читатель) и изображенную (т.е., по существу, фиктивную – общение между персонажами) коммуникацию. Реальные участники общения могут оставаться в тени: писатель, например, может выступать как имя на обложке или титульном листе, а предполагаемое множество читателей выражается в цифре тиража [1, с. 272].

Многие зарубежные исследователи анализировали нарративную модель и уровни повествовательной коммуникации [6], [11], [12] [15]. Схема коммуникативной цепи, предлагаемая С. Четменом, например, имеет 6 повествовательных инстанций (см. рисунок) [11, р. 151].

Трудно, однако, не согласиться с Брайаном МакХейлом, полагающим, что «имплицитный автор» не является участником коммуникативного акта и что данный термин (более или менее соответствующий понятию «образ автора») является репрезентацией общего смысла текста, гипотетической реконструкцией «образа автора» в художественном тексте [15, р. 90].

Ж. Женетт высказывает сходное мнение об избыточности инстанции имплицитного автора в коммуникативной цепи художественного повествования, указывая также на идентичность инстанций имплицитного читателя и экстрадиегетического адресата

(extradiegetic narratee), т.е. адресата, не принадлежащего уровню изображенной коммуникации (миру персонажей) [12, р. 138–139].

Данная статья посвящена проблеме репрезентации экстрадиегетического адресата (extradiegetic narratee, по Женетту) в текстах метапрозы и его роли в моделировании пространственных отношений. Метапроза рассматривается в данной статье как одна из моделей нетрадиционного (неклассического) повествования, получившая широкое распространение в эпоху постмодернизма [см.: 13, 14, 17]. Выбор метапрозаического повествования в качестве нарративной стратегии обусловлен, на наш взгляд, прагматической установкой многих постмодернистских авторов на рефлексивную игру, предполагающую раздвоенность когнитивного субъекта на «Я», творящее (конструирующее) возможный мир (фикциональный мир художественного текста) и «Я», комментирующее игровые условности моделирования вымышленного мира [5].

Иллюзия присутствия в текстах метапрозы реального автора («маска автора») порождает в свою очередь обширный «топос экстрадиегетического адресата», возникающий при помощи намеренного обыгрывания местоимения 2-го лица. Местоимение *you* в современном английском языке является единственным местоимением прямого обращения и всегда предполагает акт коммуникации. По мнению Б. МакХейла, “you” является наиболее надежным знаком нарративного «голоса», заставляя читателя представить коммуникативную цепь, соединяющего адресанта и адресата [15, р. 89].

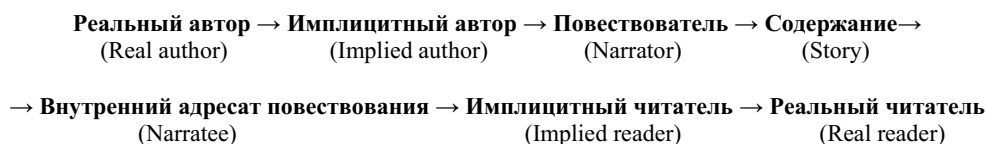

Рисунок. Схема коммуникативной цепи

Многие писатели постмодернизма, реализуя в своих произведениях установку на рефлексивную игру, намеренно создают иллюзию обращения к эмпирическому читателю, моделируя игровой «топос экстрадигетического адресата». Возникновение коммуникативной цепи: «маска автора» («Барт», «Фаулз», «Джонсон») – «реальный читатель» обостряет эффект «игры в текст», вызывая у читателя ощущение «головокружения», размыкая фикциональный мир в мир «внетекстовой реальности». Иллюзия коммуникации напрямую с «творцом» художественного мира ведет, по мнению Б. МакХейла, к «онтологическому скандалу» [15, p. 94], поскольку вместо «абстрактного читателя» романа XVIII века (Филдинга, например) возникает эмоционально-окрашенный топос эмпирического читателя в роли внутреннего адресата повествования.

The reader! You, dogged, unisultable, print-oriented bastards, it's you I'm addressing, who else, from inside this monstrous fiction. You've read me this far, then? Even this far? For what discreditable motive? How is it you don't go to a movie, watch TV, stare at a wall, play tennis with a friend, make amorous advances to the person who comes to your mind when I speak of amorous advances? Can nothing, surfeit saturate you, turn you off? Where's your shame? [8, p. 127]. (I)

Well, how was that? In the literary sense I mean? Art imitates life, n'est-ce pas? But why am I always baiting my readers? That's a nasty habit. This is not Notes from the Underground, after all. Why am I so hostile and defensive? I'll never get to be as shrewd as a saint that way. From now on I'm going to be completely open with you my friend, as wide open as the form of the performance. You may cut me down in my tracks you, reader, may close the book or worse, not even buy it, you editor, may not even publish it, you, agent, may not even try to sell it [16, p.71]. (II)

Прочитываемые выше фрагменты из рассказа Д. Барта "Life-story" (1966) и новеллы Р. Сукеника "The Death of the Novel" (1969) иллюстрируют так называемые повествования «второго лица» ("second-person narratives"), в которых местоимение "you" используется в функции непосредственного вовлечения эмпирических читателей в прагматическую ситуацию общения с «творцом» художественного текста. Конвенциональное обращение к читателю (Dear reader – «любезный читатель») сменяется его намеренной детализацией: "you, dogged, unisultable, print-oriented bastard", "you, reader, ... you, editor", ...; причем доминирующим эмотивным концептом является «неприятель». Использование эмоционально-оценочной лексики с отрицательными коннотациями: dogged – stubbornly persevering, tenacious [7, p. 252]; discreditable – disgraceful, dishonorable [7, p. 244]; loathsome – arousing great dislike, abhorrent; [7, p. 488]. Hostile – feeling or showing enmity [7, p. 405]; инвективов ("bastard") способствует созданию «топоса оскорбления аудитории» [15]. Такой топос «оскорбления читателей» Сукеник (второй пример) эксплицитно репрезентирует через лексическую единицу "bait" [why am I always baiting my read-

ers], в объем значения которой входят семы: 4. to torment, esp. with criticism or ridicule. 5. to tease [7, p. 63].

Можно предположить, что оформляя «топос экстрадигетического адресата» в таком агрессивном стиле, современные писатели стремятся к провоцированию эмпирических читателей на ответную эмоциональную реакцию, поскольку читатель активно подводится к проецированию себя в художественном дискурсе. Барт, например, иронически предлагает читателю [print oriented bastard] некий «алгоритм действий», которые могли бы заменить чтение его текста, а именно: Go to a movie, watch TV, stare at a wall, play tennis, make amorous advances.

Изображенный игровой способ интимизации повествования в эпоху постмодернизма, эпоху «массовой культуры», можно рассматривать как особые сигналы функционирования категории адресованности, понимаемой как «определенное свойство объекта – текста, посредством которого опредмечивается представление о предполагаемом адресате и особенностях его интерпретационной деятельности [3, с. 2].

Как справедливо отмечает Г.В. Степанов, адресат художественного произведения существенным образом отличается от адресата речевых актов. Читатель, публика не вовлечены непосредственно в прагматическую ситуацию. От них не требуется оценки коммуникативного смысла и непосредственной реакции на речевой акт. В художественном произведении вообще нет жесткой адресованности. **Читатель обычно не принимает интенций автора на свой счет** [4, с. 26; выделено мною – З. Ч.].

Игровая рефлексия современных авторов метапрозы ведет к переосмыслению роли современных читателей, становящихся участниками эксплицитной игровой коммуникативной ситуации, в основе которой лежит как раз иллюзия моделирования «непосредственной реакции на речевой акт», подталкивание читателей к активным интерпретационным действиям. Доналд Бартелими, яркий представитель американского постмодернизма, в своем романе "Snow White" (1967) предлагает читателю своеобразный «опросник» по окончании первой части своего произведения.

Questions:

1. Do you like the story so far? Yes ( ) NO ( ) [ ]

8. Would you like a war? Yes ( ) NO ( ) [ ]

13. Holding in mind all works of fiction since the war, in all languages, how would you rate the present work, on a scale of one to ten, so far? (Please circle your answer) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

14. Do you stand up when you read? ( ) Lie down? ( ) Sit? ( ) [9, p. 88–89].

Данная пародия на «анкету» как необходимый атрибут современного образа жизни полностью использует семантический потенциал местоимения "you", позволяющий каждому реальному читателю ощутить себя участником коммуникативного акта. Графический прием создания пробелов после вариантов ответа на риторические вопросы, имитирующие непосредственную ситуацию общения с «твор-

цом» данного текста, создает игровой эффект «размыкания» текста во «внетекстовую реальность». Авторская маска шутника-трикстера реализуется в данной пародийной анкете путем сочетания серьезных и абсурдных вопросов, одновременно развлекающих читателей и стимулирующих их непосредственную реакцию на речевой акт.

Игровая попытка преодолеть «онтологический барьер» между реальным миром читателя и фикциональным миром предпринимается И. Калвино в романе "If on a winter's night a traveler" (1979). Первая глава романа представляет собой повествование «от второго лица» ("the second-person narrative"), поскольку изображаемые ситуации, в которых адресат ("you, Reader") может читать роман Калвино, воспроизводятся настолько конкретно и подробно, что практически каждый эмпирический читатель может идентифицировать себя с местоимением второго лица. Игровая ситуация, создаваемая И. Калвино, актуализируется за счет моделирования особого топоса экстрадигетического адресата, способствующего биспациализации поэтического мира, членению художественного пространства на «мир творящий» и «мир творимый».

You are about to begin reading Italo Calvino's new novel. If on a winter's night a traveler. Relax. Concentrate. Dispel every other thought. Let the world around you fade. Best to close the door; the TV is always on the next room. Tell the others right away, "No, I don't want to watch TV!" Raise your voice – they won't hear you otherwise – "I'm reading! I don't want to be disturbed!" Maybe they haven't heard you, with all that racket; speak louder, yell: "I'm beginning to read Italo Calvino's new novel!" Or if you prefer, don't say anything; just hope they'll leave you alone.

Find the most comfortable position: seated, stretched out, curled up, or lying flat. Flat on your back, on your side, on your stomach. In an easy chair, on the sofa, in the rocker, the deck chair, on the hassock. In the hammock, if you have a hammock. On the top of your bed, of course, or in the bed. You can even stand on your hands, head down, in the yoga position. With the book upside down, naturally [10, p. 3].

Начало романа моделирует ситуацию чтения, обнажая биспациальную структуру романа. Многократное упоминание реального автора данного романа, названия, использование шифтера "you" создают «эффект реальности», референциальную иллюзию [2, с. 400], вызывающую у читателя психологическое ощущение «головокружения» и неуверенности в онтологическом статусе читаемого фрагмента.

Использование глаголов в повелительном наклонении, грамматических форм настоящего длительного и инфинитивного времен способствует вовлечению эмпирических читателей в прагматическую ситуацию. Иронически-шутливая тональность фрагмента приводит к дальнейшей интимизации повествования, которое одновременно призвано рассмешить и озадачить читателя.

Well, what are you waiting for? Stretch your legs, go ahead and put your feet on a cushion, on two cushions,

on the arms of the sofa, on the wings of the chair, on the coffee table, on the desk, on the piano, on the globe. Take your shoes off first. If you want to, put your feet up; if not, put them back. Now don't stand there with your shoes in one hand and the book in the other...

Try to foresee now everything that might make you interrupt your reading. Cigarettes within reach, if you smoke, and the ashtray. Anything else? Do you have to pee? [10, p. 3–4].

«Топос читателя» моделируется при помощи разнообразных лингвистических средств: риторические вопросы, адресованные потенциальному читателю, использование императивов, приемы перечисления и градации [on a cushion, on two cushions,... on the globe] рисуют шутливо-иронический портрет обобщенного читателя современного текста (внутреннего адресата повествования как инстанции «фикционального мира»), не отменяя при этом металептической игры с реальными читателями.

Маска шутника, вовлекающего реального читателя в актуальную «игру в вымысел», актуализируется в первой главе романа И. Калвино путем постоянного эксплицирования двойственного статуса текстового "you":

Following this visual trail, you have forced your way through the shop past the thick barricade of Books you Haven't Read, which were frowning at you from the tables and shelves, trying to cow you. But you know you must never allow yourself to be awed, that among them there extend for acres the Books you Needn't Read, the Books Made for Purposes Other Than Reading, Books Read Even Before You Open Them Since They Belong To The Category Of Books Read Before Being Written. And thus you pass the outer girdle of ramparts, but then you are attacked by the infantry of the Books That If You Had More Than One Life You Would Certainly Also Read But Unfortunately Your Days Are Numbered. With a rapid maneuver you bypass them and move into the phalanxes of the Books You Mean To Read But There Are Others You Must Read First, the Books Too Expensive Now And You'll Wait Till They're Remained, the Books ditto When They Come Out In Paperback, Books You Can Borrow From Somebody, Books That Everybody's Read So It's As If You Had Read Them, Too [10, p. 5].

Процитированный фрагмент являет собой типичный для постмодернизма (в частности метапрозы) пример «повествования от второго лица» ("second-person narrative"), в котором эксплицитным объектом игровой рефлексии «творящего Я» становится читатель. Обычная ситуация выбора книги представляется «маской автора» как игровая конфронтация Читателя с армией книг. Прием олицетворения, способствующий трансформации книг в условных противников читателя, актуализируется при помощи глаголов "frown", "cow", "awe", "attack", а также существительного "the infantry" (of the books), значение которого в метафорическом контексте усиливает образ противостояния между Читателем и неисчислимым количеством книг. Топос «книжного магазина» как «хорошо укрепленной крепости» актуализируется

при помощи пространственных метафор ["the outer girdle of ramparts"; "the phalanxes"] и гиперболы [extend for acres and acres]. Шутливая категоризация книг [the Category of Books; "The Books..."], иронический эффект которой усиливается за счет приема графического выдвигания, осуществляется с точки зрения Читателя, представленного в роли «рефлектора»: The Books you Needn't Read, ...

Альтернативная интерпретация значения местоимения "you" в данном шутливом каталоге книг, как безличного "one" [The Books one Needn't Read] не представляется абсолютно убедительной, поскольку весь фрагмент характеризуется эксплицитной субъективно-оценочной модальностью, не типичной для «безличной» ("impersonal") повествовательной перспективы.

Создаваемый во многих произведениях метапрозы «топос читателя» является, таким образом, неотъемлемой характеристикой пространственной организации постмодернистских художественных текстов, отражающей игровую саморефлексивность постмодернистской литературы.

Литература

1. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / И.В. Арнольд. – СПб., 1999.
2. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М., 1994.
3. Воробьева, О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О.П. Воробьева. – М., 1993.

4. Степанов, Г.В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) / Г.В. Степанов // Контекст-83. – М., 1984. – С. 20–38.
5. Степанов, Г.В. Рефлективная авторская игра в метапрозе / Г.В. Степанов // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 2. – Т. 7. Филология. – С. 160–172.
6. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М., 2003.
7. The American Heritage Dictionary. 2-nd College Ed. – Boston, 1985.
8. Barth, John. Lost in the Funhouse (Fiction for print, tape, live voice) / John Barth. – N.Y. ; London ; Toronto, 1988. – P. 116–130.
9. Barthelme, D. Snow White / D. Barthelme. – N.Y., 1996.
10. Calvino, I. On a winter's night a traveler / I. Calvino. – San Diego ; N.Y. ; London, 1979.
11. Chatman, S. Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film / S. Chatman. – Ithaca and London, 1978.
12. Genette, G. Narrative Discourse Revisited / G. Genette. – Cornell Un. Press, 1988.
13. Hutcheon, L. Narcissistic Narrative. The Metafictional Paradox / L. Hutcheon. – Waterloo, Ontario, 1980.
14. McCaffery, L. The Metafictional Muse / L. McCaffery. – Un. of Pittsburgh Press, 1982.
15. McHale, B. Constructing Postmodernism / B. McHale. – London, 1992.
16. Sukenick, P. The death of the Novel and Other Stories / P. Sukenick. – N.Y., 1969.
17. Waugh, P. Metafiction. The Theory and Practice of Self – Conscious Fiction / P. Waugh. – London ; N.Y., 1984.

УДК 821(4): 008 (5)"17"

К.И. Шарафадина

ОТКЛИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII ВЕКА НА ВОСТОЧНЫЙ «СЕЛАМ»: ПРИСВОЕНИЕ «ЧУЖОГО»

Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции
«Взаимодействие языков и культур» 24–27 апреля 2014 г.

В статье рассматривается интерпретация европейскими путешественниками XVIII в. турецкого «селама» – культурно-этикетной практики «немых писем», основанной на рифменном созвучии названий подарков-предметов и чувств. Автор приходит к выводу, что культурный трансфер этого явления на европейскую почву сопровождается творческой рецепцией, заключающейся в содержательно-ассоциативной семантизации предметного «языка».

Путевые записки, селам, «язык цветов», синьор Обри де ла Моттрей, леди Мэри Уортли Монтегю, культурный трансфер, ассоциативная семантизация.

The article deals with the eighteenth century European travelers' interpretation of Turkish "selam" – the cultural etiquette practice of "mute letters" based on the rhyme harmony of titles of gifts and feelings. The author comes to the conclusion that the cultural transfer of this phenomenon on European ground is accompanied by creative reception, consisting in content-associative semantization of subjective "language".

Travel notes, selam, "language of flowers", Signor Aubrey de la Mottraye, Lady Mary Wortley Montagu, cultural transfer, associative semantization.

Известное коренное изменение мировоззренческой парадигмы в европейской культуре XVIII века стало основанием для взрыва интереса к путешествиям, даже своего рода его культа, и послужило серьезным импульсом для развития изоморфных ему литературно-бытовых жанров, таких как дневник, письмо, путевые заметки. Конец XVII и весь XVIII век называют эпохой открытия Европой классической культуры Востока. Обращение к Востоку впервые принимает такой крупный масштаб, оказывая определенное воздействие на развитие западной культуры и науки.

Наша задача состоит в анализе культурологического генезиса европейской этикетно-бытовой практики «язык цветов», восходящей к турецкому предметному шифру под названием «салам» (слово-приветствие).

Первым опытом европейской культурологической рефлексии, направленной на восточный салам, были эстетизированные образы этого этикетного шифра, которые предложили читателям в своих путевых записках побывавшие в Турции европейские путешественники XVIII в.: синьор Обри де ла Моттрей и леди Мэри Уортли Монтэгю. Эти тексты до сих пор имели статус документальных источников. Их межкультурный диалоговый потенциал серьезно не оценивался, тем более не рассматривался целенаправленно.

Синьор Обри де ла Моттрей (A. de La Motraye, 1674–1743) побывал в Турции в 1727 г. в качестве гостя двора шведского короля Карла XII, находящего в то время в плену у турков, и поделился своими наблюдениями в путевых записках. Французский путешественник включил рассказ о саламе в главу о восточной «чувствительности» [6, р. 290–293], выделив этот тайный способ сообщения влюбленных как более нежный, чем обычные для турков, по его наблюдениям, «кровавые» формы изъяснения своих чувств (например, нанесение себе ран на глазах у любимой девушки). Важно, что в его передаче формализованный (рифменный) механизм салама отошел на второй план, так как стиль саламных посланий в его переложении был по-восточному витиеватым и изощренно-метафорическим, восполняя этими стилевыми качествами отсутствие ассоциативной связи между предметом и репликой-сообщением.

Моттрей попытался систематизировать саламные предметы, сгруппировав их по гендерному принципу: он составил «мужской» и «женский» списки посланий. Например, чай, отосланный мужчиной, содержал такое поэтическое признание: «О ты, солнце моих дней самое светлое, луна моих ночей самая яркая»; соль – уверение «Огонь моей любви горит для тебя днем и ночью»; кофейное зерно – обещание «Я посвятил бы тебе тысячу жизней, если бы имел их».

Яблоко, выбранное для послания женщиной, заменяло мольбу «Не уходи от меня, весна моей жизни»; лук – просьбу: «Пусть твои руки обнимут меня вместо пояса», цвет розы объявлял возлюбленного «соловьем сердца», мел укорял – «Ты отнял у меня разум», наконец, если мед гласил: «Возьми мое

сердце», то цвет зари возвещал: «Возьми мою жизнь».

Отбор некоторых предметов обнаруживал мужские и женские приоритеты и симпатии. Так, в мужской список попали «кровь дракона»¹, свинец, табак и соль, гвоздь и чай, кофе, а также мускус, мастика, имбирь, жемчужина и растения (мирт, жасмин, алоэ, кипарис). Женщины доверяли признания волосам, ниткам, пакле, бобам, маслинам, овощам (лук, огурец) и фруктам (яблоко, груша), цветку розы.

Кроме того, иногда к формальной рифме прибавлялись те ассоциации, которыми располагал избранный предмет. Так, волосы удачно рифмовались с признанием «ты – корона моей головы», вещь голубого цвета – с «очарованием» («Я очарован вами»), жемчужина делала комплимент глазам, тяжелый свинец оправдывал признание «вся моя любовь сосредоточена на тебе».

Растений в списках Моттрея было немного, но они-то как раз и являли пример содержательных рифм, так как в их ассоциативном фонде европейский слух обнаруживал те смысловые сегменты, которые «мотивировали» связанную с ними реплику. Например: *мирт* рифмовался с образом любовной связи («Благодарен небу, предоставившему тебя моим желаниям»), *алоэ* – с «лекарством» («Сладкое лекарство для моего сердца»), *кипарис* – со страданиями («Ты заставила меня страдать»), *жасмин* – с бесчувственностью, целомудрием («Неужели ты бесчувственна к моим страданиям?»)

Наконец, Моттрей приводил примеры своеобразных саламных псевдонимов, которыми обозначался адресат послания, и они также были по-своему выразительными. Так, «семечко подсолнуха» рифмовалось с именем Абдула, «лилия» – с Хасаном, «польша» – с Селимом, «лист винограда» – с Фатимой, а «стеклышко» – с Катиджой.

Леди Мэри Уортли Монтэгю (Mary Wortley Montagu, 1689–1762), будучи супругой посла Англии в Порте, описывала впечатления от пребывания в экзотической Турции в 1717–1718 гг. в своей переписке с друзьями. «Путевые письма», которые начинались как дневник, содержали описание ее путешествий по Европе и Востоку в 10-е гг. XVIII в., но были опубликованы намного позже, посмертно, в 1763 г. [5], и выдержали впоследствии множество переизданий. Высокопоставленная особа при английском дворе, она пользовалась уважением монархов и правителей за пределами Англии как одна из образованнейших женщин своего времени. Сове-

¹ Так называли застывающий на воздухе в красную смолообразную массу сок некоторых растений, а именно: драцены (из семейства драценовых), пальмы демоноропс (сем. пальм), кротона (сем. молочайных), птерокарпуса (сем. бобовых). Чаще всего с «кровью дракона» идентифицировали застывший сок драцены, ценимый за лечебные свойства. См. об этом: Энциклопедический словарь лекарственных растений и продуктов животного происхождения / под ред. Г.П. Яковлева, К.Ф. Блиновой. – СПб., 2002. – С. 123.

менники также высоко ценили ее острый ум и писательский талант, а ее литературно-критическая деятельность повлияла на формирование читательского вкуса англичан [4, р. 40].

Отечественное литературоведение обратилось к серьезному изучению литературных опытов леди Мэри сравнительно недавно, когда появилось диссертационное исследование Е. Нагорновой [2]. Она справедливо утверждает, что репутацию «английской мадам Севинье» Монтэгу заслужила недаром, так как жанр письма приобрел под ее пером классический вид уже в первые десятилетия XVIII в.

Судя по письму от 16 марта 1717 г., леди Мэри решила познать свое английское корреспондентку с турецким селамом интригующим способом. К этому опыту в полной мере можно отнести общую характеристику «Путевых писем», данную К. Атаровой: «...еще более, чем обилие и характер информации, поражает отточенность литературной формы, в которую она облечена» [3, с. 12].

Так, писательница создает некую имитацию селамного послания в виде набора из 17 предметов, выдавая его за достоверное: «Я добыла для вас, как вы просили, турецкое любовное письмо». Все эти предметы были помещены ею в посылку и доставлены адресату вместе с письмом-комментарием.

Селамный набор Монтэгу был по-восточному колоритным и репрезентативным. Он включал жемчужину, ткань, золотую нить и канитель, цветы (нарцисс и роза) и фрукты (груша и виноград), пряности (корица, гвоздика, перец), а также спички, мыло, соломинку, уголек, бумагу и даже прядь волос. В комментирующем пояснении адресант приводила название предмета и его реплику сначала на турецком языке (в латинской транскрипции), чтобы продемонстрировать рифменные созвучия, а затем давала перевод реплик на английский язык.

Если Монтрей лишь сгруппировал известные ему селамные пары, представив читателю их «женский» и «мужской» список, то леди Мэри пошла дальше, проявив творческую инициативу и продемонстрировав незаурядное воображение. Из-под ее пера родилась небольшая новелла с оригинальным сюжетом – мольбой о взаимности безнадежно влюбленного к непреклонной красавице.

Так, жемчужина (*ingi*), открывающая «письмо», рифмуясь с эпитетом «прекрасная» (*gingi*), содержала комплиментарное обращение к адресату: «Прекраснейшая из юных!», а гвоздика (пряность) развивала комплимент в вытекающее из него признание: «Вы стройны, как эта гвоздика, вы – нерасцветшая роза, я уже давно люблю вас, но вы об этом не подозреваете». Нарцисс, бумага, груша, мыло, уголь – каждый на свой лад, молили о взаимности («Имейте жалость к моей страсти!», «Я слабею каждый час!», «Дайте мне надежду», «Я болен от любви», «Я могу умереть, и все мои годы станут вашими»). Комплименты («Корона моей головы» = волосы, «Очи мои!» = виноград) перемежались репликами самых разных любовных модальностей. Здесь было и благородное обещание: «Вы можете радоваться – ваши

печали станут моими» (роза), и униженная просьба: «Позвольте стать вашим рабом» (соломинка), и восторженная хвала: «Вы бесценны» (ткань), и смиренное признание: «Моя судьба – в ваших руках» (корица), и крик души: «Я сгораю, мое пламя истребляет меня» (спичка), и мольба: «Не отворачивайтесь!» (золотая нить). Но, видимо, возлюбленная была столь непреклонна, что влюбленный решил воспользоваться крайним аргументом: завершающая письмо золотая проволока содержала его «последнюю волю»: «Я умираю – приходи быстрее», а постскриптума в виде перца просил «дать ответ», пригласив к продолжению игры-сообщения.

Характер рецепции формально-рифменного турецкого селамы проявил свойственные леди Мэри качества ее писательской манеры: богатую стилевую палитру и не менее богатое воображение. Ведь селам предлагал лишь рифмирование двух слов-понятий: *omoude* («груша») = *omoude* («надежда»), а красноречие влюбленного (роль «наперсницы» которого взяла на себя писательница) должно было выстроиться на этой лаконичной «базе» по-восточному орнаментально-витиеватые реплики-признания. Задачу усложнял тот факт, что в турецком языке рифмуется чуть ли не 70 процентов лексем, при этом ассоциативные связи между срифмованными понятиями не обязательны, поэтому мыло скрывало признание «Я болен от любви», а груша просила дать надежду. Тем не менее леди Мэри в нескольких случаях попыталась отыскать аналогии между селамным предметом и рифмующимся с ним понятием и развить их в реплике в виде ассоциативного мотива: «Вы стройны, как эта гвоздика¹, вы – нерасцветшая роза, я уже давно люблю вас, но вы об этом не подозреваете», «Я (спичка – К.Ш.) сгораю, мое пламя истребляет меня», «Корона моей головы» (прядь волос), «Я могу умереть (как этот уголь сгорает – К.Ш.), и все мои прожитые годы станут вашими».

Согласимся, что леди Мэри нельзя отказать в гармоничном и изобретательном «сочетании познавательного и лирического» [3, с. 13] и такой этюд о селаме, несомненно, должен был остаться в памяти читателей.

Ее сотворчество оказалось счастливой находкой, так как именно этот ассоциативно-символический механизм образования значений шифра оказался в перспективе для европейской версии селамы предпочтительным. Больше отвечая специфике семантических механизмов символизации, характерных для европейской культурной рефлексии, он стал базой для европейской версии селамы в виде так называемого «языка цветов», отсчет которого ведут от конца XVIII столетия.

Таким образом, учитывая разработанную в отечественном литературоведении теорию взаимодействия культур, путевые записки Монтрея и Монтэгу на восточную тему можно рассматривать как проявление такого типа взаимодействия, который опирался на «встречное течение» (термин А.Р. Гейзера) [1].

¹ Пряность, представляющая собой цветочную завязь.

Таким «встречным течением» явилась эстетическая установка всей литературы Просвещения – «почитать развлекающую», или, имея в виду проанализированный нами опыт культурного трансфера, «учиться развлекать и умно, и красиво».

Литература

1. *Гейзер, А.Р.* Восточная тема в английской литературе XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Р. Гейзер. – Л., 1984.

2. *Нагорнова, Е.В.* Пейзаж в произведениях Мэри Монтэгю: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Нагорнова. – М., 2003.

3. От факта к вымыслу / сост. К.Н. Атарова. – М., 1987.

4. *Hafstader, A.A.* Sisters of the Quill / A.A. Hafstader. – N.Y., 1978.

5. Letters of Lady Mary Wortley Montagu, written during her travels in Europe, Asie and Africa. – London, 1763.

6. Voyages du S-r A. de La Motraye, en Europe, Asie, Afrique. A la Haye, M.DCC.XXVII. Tome premier. Chap. XV “Galanterie cruelle des Turcs”.

УДК 378.147

Ю.В. Варламова

РАЗВИТИЕ РЕФЛЕКСИВНЫХ НАВЫКОВ СТУДЕНТОВ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПРОЕКТА «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ» НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена проблеме формирования и развития рефлексивных навыков студентов в рамках проекта «академическая презентация». Автор описывает возможности модифицированного метода Э. Боно «Шесть шляп мышления» как механизма, способствующего рефлексивному формированию коммуникативной компетенции, а также как способа, позволяющего преодолеть коммуникативные барьеры в ходе межличностного общения.

Мотивация, самооценивание, рефлексивные методы, коммуникативные стратегии, латеральное мышление, академическая презентация, шесть шляп мышления.

The article is devoted to the problem of students' reflexive skills in the project «academic presentation». The author describes the possibilities of the adapted method «Six thinking hats» by E. de Bono as the tool supporting reflexive formation of communicative competence as well as the method allowing to overcome communicative barriers in interpersonal communication.

Motivation, self-assessment, reflexive methods, communication strategies, lateral thinking, academic presentation, six thinking hats.

Основные инновационные процессы, которые наблюдаются в настоящее время в образовании, затрагивают главным образом содержание, средства и технологии обучения. Особое значение приобретает компетентностный подход в обучении, направленный на подготовку грамотных специалистов, способных реализовать себя в современных социально-экономических условиях и адаптироваться к постоянно меняющейся профессиональной среде. При обучении иностранным языкам, согласно ФГОС, основными задачами являются развитие коммуникативной компетенции в учебной, профессиональной и социально-общественных сферах общения; академической компетенции, нацеленной на формирования навыков для дальнейшего профессионального совершенствования в вузе и за его пределами [16]. Названные задачи тесно связаны с рефлексивными методами обучения, как механизмом получения новых знаний через себя, через постоянную, ежеминутную рефлексии происходящего субъектом. В центре внимания оказывается не просто самостоятельный человек, как изолированная система с направленностью сознания на самое себя, а система иного уровня, где человек это «человек в мире» [12, с. 335], иная целостность, задающая иной уровень рефлексии.

Анализ зарубежных и отечественных работ показывает, что механизм «рефлексия» широко обсуждается в психологическом, философском, методологическом, общенаучном контекстах. Существует множество толкований и интерпретаций данного механизма. Например, в психологии под рефлексией понимается способность разума обращать свой взор на себя [4]; внутренняя деятельность человека, ориен-

тированная на самопознание, осмысление своих действий и состояний [14, с. 172]. Философия рассматривает рефлексии как процесс размышления индивида о происходящем в его собственном сознании [7, с. 231]. В социологии рефлексия связана с процессом прогнозирования и корректировки действия с целью взаимного влияния партнеров друг на друга в процессе коммуникации [15]. Рефлексия в социальной психологии выступает в форме осознания действующим субъектом того, как он в действительности воспринимается и оценивается другими индивидами или общностями [1]. В контексте профессионального развития личности рефлексия трактуется как базовый механизм самосознания, прогнозирования, критического анализа, реорганизации и оценки уровня профессионального развития [2].

В настоящей статье категория рефлексии понимается как особый вид учебной деятельности, основанный на осмыслении и переосмыслении студентами своих знаний, умений и навыков в процессе исследования осуществленной деятельности с целью фиксации ее результатов и повышения ее эффективности в дальнейшем [3]. Одной из форм работы с применением рефлексивного подхода, позволяющей формировать и развивать коммуникативную и академическую компетенции, является подготовка проекта «академическая презентация». Работа над проектом проводится в соответствии с методико-педагогической теорией, предполагающей поэтапность формирования знаний, стратегий, навыков. Последовательное прохождение ознакомительной, стандартизирующей, варьирующей, творческой, оценочной стадий работы позволяет студентам продемонстрировать умения строить развернутое высказывание по

заданной теме; навыки реферирования, обобщения, аннотирования; формулирование собственной точки зрения по теме; вести беседу по смежным темам; способность наглядно представить результаты своего исследования с использованием аудиовизуальных средств.

Академическая презентация представляет собой индивидуальный исследовательский мини-проект с определенными этапами подготовки:

- 1) определение задач, выбор и обсуждение темы;
- 2) отбор аутентичных источников, анализ прочитанного;
- 3) оформление результатов в виде устного критического "summary", содержащего элементы анализа и ссылки на прочитанный материал;
- 4) подготовка и коррекция стиля устного выступления участников и стадии ответы на вопросы аудитории;
- 5) подведение итогов, обсуждение результатов.

Процесс подготовки проекта «академическая презентация» подчинен алгоритму движения в рефлексивном плане с поочередным прохождением этапов: остановка, фиксация, отстранение, объективация, оборачивание [13]. Для проведения рефлексивного анализа от обучающегося требуется: грамотно контролировать действия, логику развертывания своих суждений; планировать последовательность этапов деятельности; умение сопоставлять известное (то, что уже сделано) с неизвестным (что предстоит сделать); видеть противоречия в имеющихся подходах; грамотно методически подойти к анализу ситуации; понимать позиции разных авторов; применять полученную посредством анализа и синтеза информацию в зависимости от цели и установок проектной деятельности. Данный вид работы сопровождается интерактивными заданиями, в результате чего возникает рефлексивный тип взаимодействия преподавателя и обучающегося. Положительной стороной в развитии навыков общения в профессиональной сфере является высокий уровень мотивации студентов из-за тематической привязки к их курсовым работам по специальности.

Процесс планирования и создания эффективной презентации требует постоянного профессионального межличностного взаимодействия всех участников события, в результате чего неизбежно создаются различного рода трудности коммуникации. Студенты, вовлеченные в диалог между собой и с преподавателями, часто сталкиваются с проблемами, обусловленными «разрывом деятельности» или коммуникативными «барьерами» [6, с. 346], существенно осложняющими педагогический процесс. Основные причины возникновения коммуникативных барьеров связаны с работой социально-психологических механизмов, создающих препятствия, вызываемые особенностями ситуации, сообщения или личными качествами студентов. Это объясняется тем, что студенты обладают большим умственным потенциалом, хорошо анализируют материал, синтезируют информацию, воспринимают печатный текст, но все же испытывают затруднения при освоении речевых навыков.

Опыт работы со студентами показывает, что эффективность коммуникации оказывается под угрозой, речевое воздействие не воспринимается и, следовательно, не оказывает никакого влияния по причине срабатывания определенных барьерных механизмов. Например, отрицание авторитета или потеря доверия к собеседнику и его сообщению появляется при срабатывании механизма «контрсуггестия» [11]. Столкновение в процессе коммуникации разных точек зрения партнеров на одну и ту же проблему, а также неспособность адресанта во время коммуникации учитывать актуальные потребности и стремления или приписывать не существующие в действительности устремления приводят к созданию ситуационного и смыслового [5] барьеров. Различия в объеме имеющейся информации, в эрудиции и знаниях коммуникантов создают тезаурусный барьер [8]. Интеракционный барьер выстраивается из-за неумения последовательно и гибко осуществлять диалогическое взаимодействие [9]. Результатом эмоционального барьера является ограничение и/или сведению к минимуму контактов с собеседником, вызвавшим отрицательные эмоции, искажение восприятия окружающей действительности, увеличение психологической дистанции между партнерами [10].

Автор статьи рассматривает возможности применения модифицированного метода Э. Боно «Шесть Шляп Мышления» (Six Thinking Hats) при прохождении этапов подготовки проекта «академическая презентация». В основе метода лежит идея латерального мышления, дающая возможность обмениваться мнениями, систематизировать и усовершенствовать процесс мышления, при котором различные точки зрения и подходы не сталкиваются, а сосуществуют [17]. Процесс мышления разделен на шесть различных режимов, представленных шляпами своего цвета. Коммуниканты в процессе обсуждения проблемы обращаются к определенной «Мыслешляпе», наиболее целесообразной в сложившейся ситуации, символизирующей конкретный тип мышления, и в соответствии с правилами работают определенный промежуток времени «под полями выбранной шляпы» [17].

Достоинством метода является то, что студенты приобретают возможность через перевоплощения поочередно сыграть роль каждой «мыслешляпы» с ее характерными чертами и качествами, избежать конфликтных ситуаций, прийти к согласию, обучиться навыкам управления вниманием, рассматривая выдвинутую гипотезу с шести разных сторон, с опорой на лексический материал выработать определенную схему действий в зависимости от ситуации. Внедрение метода подкрепляется учебно-методическим обеспечением, включающим оценочные таблицы, вопросы, рефлексивные задания, сопровождающие поэтапное решение задач в ходе проектной деятельности. Регулярное заполнение оценочных листов в группе и/или индивидуально обогащают опыт рефлексивной деятельности, отражают успехи и достижения.

Рассмотрим некоторые стадии подготовки проекта с опорой на представленный метод.

Режимом мышления «белой шляпы» можно пользоваться на этапе работы с имеющейся или пропущенной, но необходимой информацией; при сборе источников, цифр, схем, таблиц, графиков и т.д. Цифры и факты могут помочь при обосновании выбора источников, доказательстве гипотез, отстаивании своей точки зрения. Мы выясняем, какая информация нам еще необходима для решения поставленной задачи и как ее получить. Общая направленность заключается в стремлении собрать достоверную информацию, обмениваясь только фактами, цифрами, событиями; освободиться от эмоций и не демонстрировать чувства. В презентации невозможно осветить слишком большой круг вопросов, поэтому факты, статистические данные помогут систематизировать имеющиеся по теме знания и материал, сформулировать отдельные пункты, тезисы и рассуждения будущей речи.

Приступая к работе над презентацией, студентам необходимо определить, какой тип источников необходим для освещения круга проблем, вопросов, что определяют содержание основной части выступления и оценить его качество. Им предлагается предварительно выбрать источники, которые можно признать академическими / авторитетными / аутентичными. Процесс выбора источников опирается на практичное мышление и подразумевает умение вычленив нужную информацию из общего объема, способность выстроить полученные сведения об источнике в порядке достоверности содержащейся в них информации. На первом этапе рекомендуется собрать по возможности полную информацию об авторе и самой публикации с опорой на предварительно составленные вопросы. Большинство академических текстов, как правило, рецензируются экспертами и специалистами в исследуемой области, что позволяет считать, что информация, изложенная в статьях, достоверна и надежна.

Мышление в «красной шляпе» связано с чувствами и проявлением эмоций как неотъемлемой частью мыслительного процесса [17]. Эмоциональная составляющая включена не только в познавательный рефлексивный механизм, направленный на познание другого человека, его качеств, поведенческих характеристик, но и в коммуникативный рефлексивный механизм, объектом которого являются представления о внутреннем мире собеседника и причинах его поступков. Говорящему дается возможность высказаться, отработать эмоции, которые могут негативно сказаться на работе, ознакомиться с чувствами окружающих, выявить базовый эмоциональный фон, чтобы в последствии учитывать его воздействие в ходе обсуждения. Этот тип мышления позволяет эмоционально давать субъективную оценку проблеме, справиться с волнением, переключать эмоции по мере необходимости, что уменьшает число конфликтных ситуаций.

Мышление в «черной шляпе» отличается строгой логикой и четкостью обоснований своих позиций [17], помогает студентам критически оценить содер-

жание прочитанного, собственный результат, работу товарищей, акцентировать внимание на сомнительных аспектах.

Одним из ключевых критериев, который оценивается в работе над презентацией, является умение анализировать прочитанные источники и предполагает наличие у студентов способности к критическому мышлению, подразумевает навыки: выделять главное, сравнивать разные точки зрения, делать выводы на основе различных точек зрения, обобщать, классифицировать, формировать собственную позицию.

При проведении дискуссии под полями «черной шляпы» от студентов требуется сосредоточить внимание на обнаружении объективно слабых сторон в рассматриваемой проблеме, указать на явные ошибки в ходе работы, предостеречь от однобокости в подходе к рассмотрению гипотезы, установить, в каком месте аргументация противоречит рассматриваемой ситуации, усомниться в точности представляемых сведений.

Неотъемлемой частью проекта является умение редактировать собственный текст, анализировать создаваемый продукт устной речи с целью устранить недостатки логичности и аргументированности изложения, убедиться в наличии академической организации текста, его языкового и стилистического оформления.

С одной стороны, вмешательство «черной шляпы» часто требует коррекции, дополнения и изменения структуру проекта, смещения акцентов в его содержании. С другой стороны, внесенные замечания помогут в поиске выхода из ситуации, предложении новой точки зрения, альтернативной взгляду на ситуацию критикующего собеседника.

Мышление в «желтой шляпе» определяется как позитивное, теоретически обоснованное, позволяющее сознательно сосредоточиться на положительных результатах, изначально нацеленное на исключительно благоприятный исход, помогает в поиске своего видения темы [17]. Оно тесно связано с выдвиганием и построением гипотез, предположений и определяют способы их достижения. Студент выражает изначальную готовность принять и поддержать выдвинутую гипотезу, отыскать, увидеть и раскрыть положительные стороны ситуации, явления, проблемы.

Положительная оценка может быть основана на опыте, представленном в отобранных источниках информации, цепи логических умозаключений, предположениях и ожиданиях, умении ссылаться на авторитетные источники. Работая под полями «желтой шляпы», студенты учатся эффективно применять, ссылаться и цитировать идеи известных, авторитетных специалистов. Цитирование источников является одним из средств убедительности и доказательности выступления, поэтому важно привести не просто имя автора, которого цитируем, но и представить его как специалиста в данной области.

Работа в «зеленой шляпе» связана с творческим настроением и актуализацией латерального мышления, требует от учащихся новых способов, приемов, идей,

нестандартных подходов к решению задач [17]. Интеллектуальная функция проявляется через поиск и анализ методологии, разработку своего эффективного метода и более рационального подхода к решению поставленных задач. Планирование научного исследования определяет понимание темы и предваряет написание текста презентации. Важно, чтобы тема была актуальной с проблемно-информативным содержанием. Студенты работают с необходимой литературой, продумывают содержание и структуру, обсуждают новые предложения, возможные трудности, осуществляют нестандартный подход к решению задачи, ищут новые способы и приемы. Особое внимание выступающих обращается на порядок изложения материала, последовательность и логику, правильность построения тактики выступления. Эффективные в данных условиях приемы и способы аргументации обеспечиваются за счет использования лексических клише.

«Синяя шляпа» представляет конструктивное, творческое мышление и предназначена управлять и контролировать процесс исследования [17]. Ее используют в начале процесса обсуждения для постановки целей, задач, определения следующего мыслительного шага и при подведении итогов на определенном этапе, чтобы обобщить достигнутое и обозначить новые цели. «Синяя шляпа» отвечает за планирование действий в виде цепочки последовательных шагов, демонстрацию максимальной объективности в отношении рассматриваемого вопроса со стороны каждого участника.

Студент в «синей шляпе» управляет дискуссией, по необходимости вмешивается, прерывает и направляет ее протекание в русло конструктивных решений. В ходе дискуссии учащиеся оценивают личный вклад в исследование, определяют степень актуальности проблемы и ее роль в контексте исследования, учатся продуктивно управлять процессом мышления, обобщают накопленный опыт.

Таким образом, работа со студентами показывает, что применение методики «Шесть шляп мышления» способствует развитию рефлексивных навыков как интегральной составляющей учебного процесса, помогает в совершенствовании учебных, исследовательских, коммуникативных компетенций, создает необходимые условия для развития личностного роста. Представленная схема позволяет сосредоточиться на таких видах рефлексии, как: коммуникативная, проектировочная, информационная, смысловая, творческая, мотивационная, оценочно-коррекционная, сделать процесс самопознания более целенаправленным и осознанным. Продуктивность самостоятельной работы учащихся проявляется через ав-

тономность в изучении языка и культуры, их ответственное отношение к делу, активизацию обучающихся в решении различных задач средствами изучаемого языка, критическое отношение к результатам своей деятельности в рамках ситуативной, ретроспективной и проспективной форм рефлексивной деятельности.

Литература

1. *Андреева, Г.М.* Социальная психология / Г.М. Андреева. – М., 1996.
2. *Быкова, Е.А.* Восприятие и понимание механизмов профессионализации студентами психологического факультета на материале формирования профессиональной компетентности: дис. ... канд. психол. наук / Е.А. Быкова. – Казань, 2007.
3. *Выготский, Л.С.* Вопросы теории и истории психологии / Л.С. Выготский. – М., 1982.
4. *Демина, Л.Д.* Психическое здоровье и защитные механизмы личности / Л.Д. Демина, И.А. Ральникова. – АлтГУ, 2000.
5. *Кан-Калик, В.А.* Учителю о педагогическом общении: Кн. для учителя / В.А. Кан-Калик. – М., 1987.
6. *Куницина, В.Н.* Межличностное общение: Учеб. пособие для вузов / В.Н. Куницина, Н.В. Казаринова, В.М. Погольша. – СПб., 2001.
7. *Локк, Дж.* Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. – М., 1985.
8. *Лупьян, Я.А.* Барьеры общения, конфликты, стресс / Я.А. Лупьян. – Мн., 1986.
9. *Мурашов, А.А.* Педагогическая риторика / А.А. Мурашов. – М., 2001.
10. *Платонов, Ю.П.* Эмоциональные барьеры / Ю.П. Платонов. – URL: <http://www.elitarium.ru>.
11. *Поршнев, Б.Ф.* Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев. – М., 1979.
12. *Рубинштейн, С.Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 1999.
13. *Семенов, И.Н.* Рефлексивная психология и педагогика творческого мышления / И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов. – Запорожье, 1992.
14. *Слободчиков, В.И.* Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М., 1995.
15. *Соболевская, М.А.* Рефлексивность современной социологической теории: от истоков к перспективам / М.А. Соболевская // Психология, социология и педагогика. – 2014. – № 2. Февраль. – URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/02/2835>.
16. *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080100.62 «экономика».* – URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgos/8/20111115140416.pdf>.
17. *de Bono, E.* Six Thinking Hats / E. de Bono. – URL: <http://www.debonothinkingsystems.com/tools/6hats.htm>.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы методологии интеграции профессий и специальностей среднего профессионального образования, принципы и критерии формирования его содержания, организации образовательного процесса в современных социально-экономических условиях.

Интеграция профессий, уровни интеграции, принципы и критерии отбора содержания образования, модели организации образовательного процесса.

The article considers the questions of methodology of integration of professions and specialties of secondary professional education, principles and criteria of formation of its contents and organization of educational process in modern social and economic conditions.

Integration of professions, integration levels, principles and selection criteria of the content of education, models of organization of educational process.

Структурные изменения в отечественной экономике существенно влияют на систему воспроизводства квалифицированных кадров. Системная модернизация профессионального образования, инициированная законом «Об образовании в РФ», набирает обороты, в том числе и в среднем профессиональном образовании [3]. Все острее обозначаются противоречия между новыми институциональными требованиями и устаревшими механизмами их реализации, например, эквивалентности современного среднего профессионального образования и среднего специального образования советского периода, особенно на фоне развития прикладного бакалавриата в высшем образовании, конституционной гарантированности общедоступности и бесплатности среднего профессионального образования и фактическом конкурсном приеме и платности этого уровня образования. Многие противоречия в среднем профессиональном образовании могут решаться посредством конкретизации его статуса в системе непрерывного образования, формирования его содержания, организацией образовательного процесса и введением процедуры независимой сертификации профессиональных квалификаций на основе компетентностного подхода в системе подготовки «рабочий – техник – инженер» и переходом к схеме «профессиональный стандарт – государственный образовательный стандарт – образовательная программа» [5]. Это обуславливает необходимость обозначить некоторые методологические подходы в формировании содержания среднего профессионального образования по интегрированным профессиям и их группам. В работах С.Я. Батышева, А.П. Беляевой и других рассматриваются теоретические аспекты этой проблемы, формулируются основные принципы группировки рабочих профессий, являющиеся актуальными и в настоящее время [1], [2], [4]. Под группой родственных профессий понимают совокупность ряда близких друг другу видов деятельности, объединенных общностью содержания, орудий и предметов труда, сходством технологических процессов, а также общ-

ностью научно-технических, трудовых и организационных основ производства. Совмещенными группами рабочих профессий называются те, что созданы производственной необходимостью и целесообразностью, например, для расширения зоны обслуживания, маневра рабочими кадрами. При этом объединяются основные и вспомогательные профессии. Под группой профессий широкого профиля понимается вид трудовой деятельности, сформировавшийся под влиянием научно-технического прогресса, инвариантом которого является совокупность множества элементов общности производства и труда, образующая материальную, экономическую и социальную основу для интеграции узких профессий, всестороннего развития личности и подвижности трудовых функций рабочего, способного к перемене труда [4]. Таким образом, научное обоснование процесса интеграции профессий и связанного с ним содержания профессионального образования базируется на объективных интеграционных процессах, происходящих в экономике и определяющих развитие новых тенденций в профессиональном разделении труда. В качестве основных источников формирования интегрированных профессий выделяют следующие:

- научно-индустриальный тип производства;
- новые виды деятельности;
- знания двойственной природы изучаемого объекта;
- закономерности усвоения знаний, формирования профессионального мастерства.

В основе интеграции профессий выделяются общности: социально-экономическая, научно-техническая, дидактическая, психофизиологическая и медицинские противопоказания [4]. Утвердилась следующая иерархия уровней интеграции профессий: межотраслевая, общепрофессиональная, общепрофессиональная и частнопрофессиональная.

Методология определения степени сложности интегрированной профессии, характеризующей ее

ступень (уровень) в национальной рамке квалификаций, заключается в анализе и определении таких элементов, как: средства труда, предметы труда, результат труда, трудовые функции, ответственность. Для ранжирования профессий по ступеням квалификации выделяют следующие признаки: степень интеллектуальности труда, наукоемкость, количество выполняемых функций, сложность алгоритма труда, степень стереотипности трудовых функций. Для выявления психофизиологических требований по профессиям рабочих и работникам управленческого труда можно применять опросник «Лист Липпмана», позволяющий выявить профессионально важные качества и ранжировать их [4].

Тенденция расширения профессионального поля деятельности квалифицированного рабочего и специалиста является методологической основой дальнейшего углубления интеграционных процессов в образовании в целом. Процесс оптимизации учреждений профессионального образования и создание региональных систем непрерывного образования подтверждают правильность этого положения и позволяют сделать вывод о целесообразности дальнейшей интеграции профессий и специальностей на основе их группировки по видам экономической деятельности. Интегрированное представление о профессиональной деятельности в этом случае имеет системообразующее значение по отношению к профессиональному образованию. При этом методологической основой отбора содержания общетехнических (общепрофессиональных) дисциплин являются проявления закона соответствия рабочей силы характеру применяемых средств производства, а при отборе содержания профессиональных дисциплин – закон общественного разделения труда [2]. С этих позиций содержание профессионального образования должно выступать в виде упорядоченного описания посредством развивающихся научных понятий сферы материального производства как иерархической системы. При этом выделяются следующие уровни этой системы [4]:

- межотраслевой, представляющий знания, умения, нормы и ценности, необходимые для формирования личности рабочего любой профессии, независимо от отрасли экономики;
- общепрофессиональный, раскрывающий специфику определенной отрасли, ее общие технико-технологические основы и закономерности (например, металлургическая отрасль), который может быть представлен циклом общетехнических (общепрофессиональных) предметов;
- общепрофессиональный, представляющий знания, умения и навыки, обеспечивающие внутрипроизводственную мобильность рабочего и раскрывающие особенности организации и осуществления технологических процессов производства;
- общепрофессиональный, отражающий наиболее устойчивые, закономерные моменты собственно профессиональной деятельности;
- частнопрофессиональный, отражающий узкую специализацию, определяемую на основе дифферен-

циации профессиональной деятельности, и представляющий собой конкретные знания, умения и навыки, которые обеспечивают квалифицированную трудовую деятельность на конкретном рабочем месте или группе мест (рабочей зоне), отличаются шириной и глубиной диапазона, прочностью, действенностью, что обеспечивает дифференциацию по уровням квалификации.

Процесс интеграции одиночных профессий в одну группообразующую или интегрированную не может быть бесконечным, а определяется уровнем развития научно-технического прогресса в данной отрасли. Сегодня такими уровнями следует считать общепроизводственный и общепрофессиональный, открывающими возможности для более широкой и динамичной группировки профессий. При этом под *группообразующей* надо понимать учебную профессию, позволяющую на основе технико-технологической общности, объединение ряда родственных и смежных профессий с целью организации обучения и дающей группе общее наименование. *Широко интегрированная профессия* – это учебная профессия, интегрированная на общепрофессиональном уровне и включающая в себя совокупность интегрированных профессий нижестоящих уровней (общепроизводственного, общепрофессионального) конкретной отрасли производства. В рамках такой профессии или их группы возможны различные комбинации интеграции профессий в зависимости от потребностей рынка труда, работодателя, а, следовательно, и процесса профессионального обучения. Отсюда следует, что организация среднего профессионального образования должна строиться на многоуровневой, ступенчатой основе. Методологическими принципами при проектировании содержания среднего профессионального образования являются:

- принцип «возрастания масштабности экономического объекта», который предполагает их последовательное освоение в процессе профессионального обучения и образования личности, «рабочее место» → «участок» → «цех» → «производство» → «группа производств» → «предприятие» → «отрасль»;
- принцип «соответствия и достаточности уровня содержания профессионального образования степени сложности труда для экономического объекта», который определяет соотношение теоретического и практического обучения в содержании образования в зависимости от уровня стереотипности трудовых функций.

Вместе с этим, исходя из целей и задач, сформулированных в законе «Об образовании в РФ» для среднего общего и среднего профессионального образования, можно заметить, что общепринятое понимание образования, как усвоение обучающимися социального опыта прошлого, накопленного человечеством, вступает сегодня в противоречие с их потребностью в самореализации, в достижении собственных целей [3]. Известные в педагогике теории отбора содержания образования рассматривают в основном отбор содержания общего образования с элементами политехнизма, либо как принципа, либо в качестве компонента [6].

В области профессионального образования известны подходы блочно-модульный (С.Я. Батышев) и интегративно-модульный (А.П. Беляева), разработанные для начального профессионального образования в 1990-х гг. XX века, положения и принципы которых актуальны и с некоторыми уточнениями применимы в современной практике среднего профессионального образования. Необходимо учитывать:

- конституционные гарантии среднего профессионального образования;
- задачи, определенные законом «Об образовании в РФ».

Исходя из концептуального подхода в формировании содержания профессионального образования, процесс моделирования содержания образования должен быть трех уровневый: федеральный, региональный и учреждения профессионального образования. На федеральном уровне осуществляется разработка федерального государственного образовательного стандарта на основе профессионального стандарта. На региональном уровне – формирование регионального (вариативного) компонента содержания, отражающего особенности региональной экономики. На уровне учреждения профессионального образования – разработка образовательной программы, рабочей учебно-программной документации по профессиям и специальностям. В качестве основных принципов отбора содержания образования рассматриваем следующие:

- соответствие утвержденной концепции образования и социальному заказу;
- обеспечение научной и практической значимости;
- учет реальных возможностей образовательного процесса;
- обеспечения единства содержания образования с позиций всех блоков (циклов) учебных предметов (дисциплин, модулей);
- гуманизация содержания профессионального образования;
- фундаментализации содержания образования;
- интеграции и дифференциации содержания обучения;
- дисциплинарно (предметно)-компетентностной обусловленности;
- рефлексивного адаптирования.

Из выделенных принципов можно сформулировать следующие критерии отбора содержания образования:

- целостное отражение основных компонентов социального опыта, перспектив его развития, задач развития личности;
- соответствие профессиональному стандарту;
- структуризация содержания обучения по стадиям (этапам) и уровням;
- соответствие возрастным возможностям обучающихся;
- соответствие выделенному на изучение данного содержания времени;

– учет отечественного и международного опыта формирования содержания профессионального обучения;

- преемственность профессиональных образовательных программ базового и повышенного уровней;
- соответствия содержания образования имеющейся учебно-методической, материальной и учебно-производственной базе.

Предметное построение содержания среднего профессионального образования следует рассматривать доминирующим, как отражающим основы современного научного знания при формировании общеобразовательной подготовки, естественнонаучного, социально-гуманитарного, общепрофессионального циклов (блоков) предметов, являющихся инвариантом содержания образования. Общепрофессиональный, общепрофессиональный и профессиональный циклы содержания обучения, являющиеся вариативными, целесообразно формировать с применением модульной технологии, смысл которой заключается в способе реализации людьми сложного процесса путем разделения его на систему последовательных, взаимосвязанных процедур, действий и операций, выполняемых относительно однозначно с достижением запланированных результатов [1], [7]. В совокупности все это определяет условия организации образовательного процесса в учреждении среднего профессионального образования, который должен строиться на ступенчатой, уровневой основе, включать в себя профессиональное обучение, среднее профессиональное образование основного (базового) и повышенного уровней. В осуществлении образовательного процесса целесообразнее следовать дидактическим принципам профессионального обучения и закономерностям профессионализации молодежи [2], [7]. Только при соблюдении этих условий возможно эффективное функционирование системы среднего профессионального образования, действенность которой можно усилить посредством создания и развития предпрофессиональной подготовки в системе общего образования через реализацию принципа в построении содержания профильного обучения по схеме «от технологии – к профессии».

Очевидно, что становление системы непрерывного профессионального образования связано с изменением устоявшихся стереотипов. С точки зрения решения учебных задач, традиционно закрепляемых за уровнями профессионального образования, мы видим, что прежняя их иерархия «размывается». Стереотипные, диагностические и творческие задачи сегодня характерны и присущи многим видам профессиональной деятельности. Именно поэтому в качестве основных задач перед средним профессиональным образованием поставлены интеллектуальное, культурное и профессиональное развитие человека, удовлетворение потребностей личности в углублении и расширении образования [3]. Это предполагает последовательное освоение решаемых учебных задач в процессе профессионального обучения, в направлении возрастания их сложности и разнообразия, что, в свою очередь, определяет особен-

ности организации образовательного процесса в учреждениях среднего профессионального образования. При этом этапы профессионального самоопределения, вхождения в профессию и становления должны последовательно сменять друг друга, эволюционируя по мере формирования образовательных потребностей личности. Отметим, что применяемая в настоящее время в учебных заведениях среднего профессионального образования монопрофессиональная модель организации процесса обучения не отвечает выше изложенным требованиям, так как ориентирована на частнопрофессиональный уровень. Многоуровневая модель процесса профессионального обучения может быть представлена в следующих вариантах: неразветвленная, разветвленная и комбинированная [4].

1. *Многоуровневая неразветвленная модель* предусматривает последовательное, стадийное изучение нескольких профессий. По этой модели обучения каждая стадия завершается итоговой аттестацией по профессии. Переход на следующую ступень обучения для овладения другой профессией в рамках интегрированной возможен только при условии успешного освоения предыдущей.

2. *Многоуровневая разветвленная модель* предусматривает приобретение на первой стадии общеотраслевых знаний, умений и навыков. На следующей стадии обучения происходит профессиональная дифференциация по направлениям подготовки. На третьей стадии обучения осуществляется профессиональная дифференциация.

3. *Многоуровневая комбинированная модель* представляет собой комбинацию двух первых моделей.

Рассмотренные методологические аспекты к отбору содержания образования по интегрированным профессиям и специальностям среднего профессионального образования, основанные на закономерностях экономического развития, психологии и социологии труда, теории систем, сочетании принципов предметности, модульности, интеграции и дифференциации, позволяют организовать процесс профессионального обучения на принципиально новых положениях, сделать его оптимальным, гибким и в большей степени соответствующим сформулированным задачам профессионального самоопределения и становления молодежи в реализации концепции «образование через всю жизнь».

Литература

1. Батышев, С.Я. Блочно-модульное обучение / С.Я. Батышев. – М., 1997.
2. Беляева, А.П. Интегративная теория и практика многоуровневого непрерывного профессионального образования / А.П. Беляева. – СПб., 2002.
3. Закон «Об образовании в Российской Федерации» / Пост. прав-ва РФ от 29.12. 2012 г., № 273 – ФЗ. – URL: www.mon.gov.ru.
4. Листвин, А.А. Профессионально-интегративная система обучения квалифицированных рабочих и специалистов металлургического профиля / А.А. Листвин. – Череповец, 2009.
5. Стратегия развития системы подготовки рабочих кадров и прикладных квалификаций на период до 2020 года. – URL: <http://минобрнауки.рф/новости/3732>.
6. Okon, W. Nowy stownik pedagogiczny / W. Okon. – Warszawa, 1996.
7. Schelten, A. Einfuhrung in die Berufspedagogik / A. Schelten. – Stuttgart, 1991.

УДК 37

А.Н. Смолонская

АКМЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПОМОЩИ И ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ

В статье рассматриваются акмеологические аспекты проблемы помощи и поддержки детей, проведена мысль о том, что необходимо построение системы активной практики комплексной помощи. Акмеолого-психолого-педагогическая помощь и поддержка ребенка направлена на развитие позитивных сторон личности, укрепление его самооценки, формирование уверенности в себе, своих возможностях и способностях, социальное развитие, способствующее социализации. Направленность на субъектность, формирование социальных компетенций в благоприятные периоды, поступательность и преемственность выступают ключевым и системообразующим звеном образовательного процесса.

Адаптация, акмеолого-психолого-педагогическая помощь, жизненный путь, психолого-педагогическая помощь, преемственность, социализация, социальные компетенции.

In the article the problems of acmeologic assistance and support to children are considered. There presented an idea that it is necessary to create an active practice system of integrated care. Acmeologo-psycho-pedagogical assistance and child support is aimed at the development of positive aspects of the personality, strengthening his self-esteem, self-confidence's formation, their opportunities and abilities, social development, which promote socialization. Focus on subjectivity, formation of social competencies in favorable periods, progressiveness and continuity are the key and core of the educational process.

Adaptation, acmeologo-psycho-pedagogical assistance, way of living, psycho-pedagogical assistance, continuity, socialization, social competencies.

В направлении изменений в образовании происходит ориентация на качественно новую личностно-центрированную и практико-ориентированную образовательную парадигму. С такой позиции процесс формирования социальных компетенций выступает одной из задач подготовки к жизни, удовлетворения потребности личности, общества и государства предупредить появление процессов дезадаптации и увеличить шансы детей на полноценное включение в образовательную среду и социальную жизнь.

В акмеологическом изучении человека заложены большие эвристические возможности для рассмотрения ряда ключевых проблем в образовании, направленных на изучение характера неисчерпаемости и многовершинности развития, путей использования скрытых и нереализованных возможностей человека [6, с. 15].

Помочь ребенку открыть себя как особую реальность в поиске возможностей прогрессивного развития сближают основные направления стратегий образования и акмеологии.

Различные аспекты и условия, обеспечивающие развитие субъектной позиции ребенка в образовательном пространстве, ценностно-смыслового обмена участников педагогического взаимодействия рассматривают А.Г. Асмолов, И.Д. Демакова, Н.Д. Никандров, С.Д. Поляков, В.В. Сериков и др. Исследователи опираются на опыт работы педагогов, тьюторов, психологов. Позиция «помогающего поведения» обусловлена общим социальным фоном, на котором и «разворачивается» самоопределение. Исследования данного феномена показывают, что резкое изменение принципов организации социального бытия и связанное с ним преобразование условий жизни ставит перед конкретной личностью новые и трудные задачи самоопределения и конструирования своего жизненного пути, обеспечивающего ощущение стабильности, осмысленности и перспективности своего существования в потоке социальных трансформаций.

С позиции философско-психологических идей разработана акмеологическая теория личности как субъекта жизненного пути, наиболее ярко характеризующая возможности человека, имеющего проблемы в развитии, критериями которого являются:

- способность построить оптимальную гармоничную жизненную позицию;
- реализовать ее во времени как жизненную линию, которая отвечает типу личности (ее способностям, потребностям, мотивам и ее семантическому интегралу – притязаний, саморегуляции, удовлетворенности) и оптимальному для нее способу самовыражения, самореализации в совокупности наличных обстоятельств;
- иметь соответствующую своему типу жизненную перспективу и, главное, переживать, проектировать и реализовать смысл своей жизни [1, с. 140].

В акмеологическом изучении человека интегрировано особое понимание его сущности как индивида, субъекта, личности, индивидуальности, проявляющихся в таких феноменах, как жизненный путь

личности, субъект жизнедеятельности, активная жизненная позиция, самореализация и др. [1, с. 146].

Использование альтруистического и творческого поведения, предполагающее признание поиска помощи и оказание ее в нетрадиционных созидательных формах, необходимо для достижения высшего уровня адаптации – неконформистской творческой включенности личности в процесс преобразования мира и себя. К основным условиям «помогающего поведения» отнесены:

- умение переводить творческий поиск жизненного пути на высший, ценностно-рефлексивный личностный уровень посредством сближения задачи и факта ее решения;
- умение востребовать не одну, а множество альтернатив, обеспечивающих личности свободу поиска вариантов и направлений изменения;
- эффективность творческих решений, соответствующих новым условиям жизни, зависит от содержания базовых ценностей (помощь, справедливость, творчество) в их соотношении с деятельностью личностных структур сознания – мотивированием, индивидуальной картиной мира, интеллектуальной самооценкой, психологической защитой и т.д. [8].

Особенность помогающей деятельности педагога определяется тем, что она связана с постоянной необходимостью принятия управленческих решений и использование акмеолого-психолого-педагогических данных, включение в процесс переподготовки в целях повышения эффективности деятельности и понимания особенностей развития детей (путей использования скрытых и нереализованных возможностей). Степень их осознанности, самостоятельности, соотнесенности с гуманистической идеологией определяет эффективность самоопределения. Разумное решение рассматривается как решение, принятое педагогом в трудной ситуации, когда он учел все необходимые факторы развития ребенка, основные возможные последствия.

Психолого-педагогическая помощь, определяя пути решения актуальных школьных проблем и базируясь на современных достижениях психологии, акмеологии, антропологии, позволяет достаточно широко привлекать психологические механизмы анализа различных аспектов образовательного процесса и использовать возможности коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторон педагогического общения для гуманизации отношений «педагог – ученик» [5].

По А.Г. Асмолову в арсенале идей практической психологии образования были обозначены следующие ценностные ориентиры:

- от диагностики отбора – к диагностике развития;
- от адаптивно-дисциплинарной модели усвоения компетенций – к рождению образа мира в совместной деятельности со взрослыми и сверстниками;

- от информационной когнитивной педагогики – к смысловой ценностной педагогике;
- от технологии обучения по формуле «ответы без вопросов» – к жизненным задачам и познавательной мотивации ребенка;
- от «выученной беспомощности» ребенка – к надситуативной активности и постановке сверхзадач;
- от языка административных «приказов» – к языку «договоров» и «рекомендаций»;
- от школоцентризма – к детоцентризму;
- от культуры полезности – к культуре достоинства [3].

Тактика психолого-педагогической помощи начинается осуществляться в рамках тактики защиты, направлена на создание условий, при которых особый ребенок получает возможность действовать в атмосфере эмоционального комфорта. Основополагающий принцип помощи заключается в следующем положении: ребенок многое может делать сам, если будет активен в решении своей проблемы, необходимо помочь ему убедиться в этом [7, с. 110].

Психолого-педагогическая помощь и поддержка рассчитана на особых детей, которые сами блокируют свою активность, поскольку не в состоянии победить страх перед внешней оценкой. Чтобы начать действовать в тактике помощи, необходимо понять, кого или чего боится ребенок извне, чего боится в самом себе.

Диагностика затруднений ребенка является эффективной, если педагог проанализировал прежнее поведение ребенка, понял, как и почему он предпочитает себя вести так, а не иначе, каким он бывает в разных ситуациях. Тактика помощи рассчитана на то, чтобы ребенок попробовал сам разблокировать свою активность и начал действовать самостоятельно. Образовательный эффект поддержки заключается в том, что ребенок, столкнувшись с проблемой, ощущает себя слабым, однако при создании условий для сознательного разрешения ситуации после самостоятельных действий и преодоления страха получает опыт нового самоощущения [7, с. 111].

Приоритетным направлением педагогики, психологии, акмеологии является профилактика появления отклонений, ранняя диагностика и специальная помощь особым детям и воспитывающим их семьям (Л.И. Аксенова, Е.В. Кожевникова, Н.В. Макарова, Е.М. Мастюкова, Р.Ж. Мухамедрахимов, Г.В. Пантюхина, К.Л. Печора, Ю.А. Разенкова, Л.И. Солнцева, Е.А. Стребелева, Н.А. Урядницкая, Э.Л. Фрухт).

Превентивное акмеолого-психолого-педагогическое воздействие (Е.В. Подворная, Т.В. Карасева, Н.П. Фетискин, В.С. Ступак) должно начинаться с выявления патологической симптоматики, рассматривается как комплексное, многоаспектное, системное воздействие, осуществляемое специалистами и родителями ребенка, успешность которого определяется согласованностью и последовательностью действий всех участников [9, с. 46]. Раннее выявление и ранняя комплексная помощь отклонений в развитии с первых лет жизни ребенка позволяют предупредить

появление дальнейших отклонений в развитии, значительно снизить степень социальной недостаточности, достичь более высокого уровня общего развития, а впоследствии и образования, способствовать более успешной интеграции в общество. Понимание детства неразрывно связано с представлениями о том, какие качества личности надо воспитывать в ребенке, как помочь ему преодолевать «барьеры» – сложные жизненные ситуации, связанные с ограничениями возможностей [2, с. 12–13]. От эффективной организации ранней комплексной помощи зависят предупреждение инвалидности и снижение ограничения жизнедеятельности.

Зачастую к особому ребенку возникает исключительное, не такое, как к другим детям, отношение. Повышенное внимание является тяжелым грузом для ребенка, препятствием, отделяющим его от остальных детей. В воспитательном воздействии первостепенным является проблема формирования социальных потребностей. Основным принципом отношения к детям с особыми потребностями в обучении является отношение к ним как к нормативным детям.

Безопасная для такого ребенка организация помощи эффективна, когда опережает тактика защиты, освобождая безопасное пространство для пробы сил. Помощь восстанавливает у ребенка ощущение собственной значимости для других людей. В тоже время ребенку важно убедиться, что он может обходиться без посторонней помощи. Чем меньше прямой помощи было оказано ребенку в его действии, тем больше у него оснований гордиться лично собой. Общность – условие эффективности помощи, поскольку именно в данном контексте педагог воспринимает реальную ситуацию проблемы ребенка, его «индивидуального будущего», будущего, совместно с другими, создание условий для возникновения общности с социальным окружением, способным поддержать усилия ребенка [7, с. 112–113].

Необходимо сопровождать, а не направлять развитие, так как только та помощь, которая актуализирует личностную потребность ребенка, его личностную силу, его личностный выбор может вести к развитию, а не та, в которой усилия, энергия, влияние взрослого помогают ему стать выше. Любая помощь – это в обязательном порядке помощь, в которой реально объединены усилия всех, окружающих: ребенок, образовательная организация, семья и специалисты.

Существует необходимость участия современных центров и служб в процессах социально-психолого-педагогического проектирования. Важно понимать, что взрослый, являясь посредником между особым ребенком и принадлежащими человечеству социокультурными ценностями, выполняя свою посредническую роль, часто занимает позицию ведущего, организующего, обучающего и относится к ребенку как к объекту воздействия [4]. Итак, акмеолого-психолого-педагогическая помощь и поддержка детей должна отвечать потребностям современного общества, необходимо обеспечить комплексный ин-

тегративный подход, объединение усилий всех участников образовательного процесса.

Однако слабое осуществление преемственной связи дошкольного и начального образования в процессе формирования социальных компетенций приводит к тому, что дети затрачивают большое время на адаптацию к условиям начальной школы, вместо того, чтобы с первых дней активно интегрироваться в коллектив сверстников и учебно-воспитательный процесс, при этом не обеспечивается успешность социализации такого ребенка. Проблема преемственности в данном аспекте возникает по следующим причинам: во-первых, недостаточно плавное изменение методов и содержания обучения, которое зачастую приводит к падению успеваемости и росту психологических трудностей; во-вторых, обучение на предшествующем ступени зачастую не обеспечивает достаточной готовности обучающихся к успешному включению в учебную деятельность. Как правило, особые дети даже к старшему дошкольному возрасту имеют ограниченный круг общения, недостаточный уровень социального развития и взаимодействия с социальным окружением. В то время как большинство детей могут научиться социальным компетенциям при минимальном обучении, особые дети нуждаются в систематическом обучении и развитии [10, с. 20].

Акмеологическое понимание субъекта заключается в том, что, во-первых, субъект самоорганизуется, во-вторых, вырабатывает способы взаимодействия с жизнью, и если эти способы являются оптимальными, они могут быть названы организованными, и, наконец, субъект организует свою жизнь как целое, находя свое место в социуме, место деятельности, познанию и общению в своей жизни, строя ее в соответствии со своими ценностями, целями, мировоззрением, «Я-концепцией» [1, с. 141].

В процессе поступательного формирования и развития компетенций, начиная с дошкольного детства, постоянного разрешения множества конкретных противоречий, личность особого ребенка развивается и совершенствуется, приобретает как субъект жизни новые ресурсы, становится уверенной. В дошкольном возрасте коммуникативные компетенции подготавливают ребенка к активному взаимодействию со сверстниками и взрослыми, благодаря активному участию в совместных играх к ним могут быть отнесены: способность договариваться, учитывать интересы и чувства других, сопереживать неудачам и радоваться успехам других, стараться разрешать конфликты; способность выбирать род занятий, участников совместной деятельности, воплощению разнообразных замыслов; способность следовать социальным нормам поведения и правилам в разных видах деятельности, во взаимоотношениях со взрослыми и сверстниками.

Социальные компетенции заключаются в формировании умения подчиняться разным правилам и социальным нормам, способность различать условную и реальную ситуации; способность к волевым усилиям в разных видах деятельности; уверенность в своих силах, положительное отношение к себе и к

другим, обладание чувством собственного достоинства.

В младшем школьном возрасте коммуникативные компетенции совершенствуются, формируются: доброжелательность, умение слушать собеседника, обосновывать свою позицию, высказывать свое мнение; готовность слушать собеседника и вести диалог; готовность признавать возможность существования различных точек зрения; излагать свое мнение и аргументировать свою точку зрения.

Социальные компетенции заключаются в овладении навыками сотрудничества со взрослыми и сверстниками в разных социальных ситуациях, умение не создавать конфликтов и находить выходы из спорных ситуаций; владение умениями определения общей цели и путей ее достижения; умение договариваться о распределении функций и ролей в совместной деятельности; осуществлять взаимный контроль в совместной деятельности, адекватно оценивать собственное поведение и поведение окружающих; уверенность в себе, своих возможностях, адекватная самооценка и уровень притязаний. Направленность на субъектность, формирование компетенций в сензитивные периоды, поступательность и преемственность в образовании выступают ключевым и системообразующим звеном процесса социального развития и социализации детей.

Таким образом, акмеолого-психолого-педагогическая помощь и поддержка ребенка заключается в развитии позитивных сторон личности, укреплении его самооценки, формировании уверенности в себе, своих возможностях и способностях, социальное развитие, способствующее социализации. Полноценное личностное, социальное развитие ребенка должно быть направлено на внутреннюю личностную подготовку к адекватному участию в жизни окружающих ребенка социальных групп; культурное развитие – совокупность знаний и умений, владение которыми диктуется отдельными социальными (особенно возрастными) группами и позволяет присвоить важнейшие элементы человеческого опыта.

Литература

1. Акмеология: Учебник / под общ. ред. А.А. Деркача. – М., 2004.
2. Аксенова, Л.И. Через раннюю помощь к интеграции в общество // Социальная адаптация детей и молодежи с ограниченными возможностями: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 19–20 марта 2009. / Л.И. Аксенова. – Белгород, 2009. – С. 10–15.
3. Асмолов, А.Г. Психология XXI века и рождение вариативного образовательного пространства России. – URL: http://www.igger.ru/teoria_problemi_asmolov.html.
4. Богдан, Н.Н. Специальная психология / Н.Н. Богдан, М.М. Могильная. – Владивосток, 2003.
5. Ерохова, М.В. Помогающее поведение учителя как средство педагогической поддержки: дис. ... канд. пед. наук / М.В. Ерохова. – Ульяновск, 2002.
6. Козлова, Н.В. Образовательный потенциал акмеологии: коллективная монография / Н.В. Козлова, О.Г. Берестнева, Л.А. Сивицкая. – Томск, 2007.
7. Михайлова, Н.Н. Педагогическая поддержка ребенка в образовании / [Н.Н. Михайлова и др.]. – М., 2006.

8. Педагогика: личность в гуманистических теориях и системах воспитания / под общ. ред. Е.В. Бондаревской. – М. ; Ростов-н/Д, 1999.

9. Подворная, Е.В. Психолого-акмеологические условия развития детей первого года жизни с психомоторными нарушениями / [Е.В. Подворная и др.]. – Иваново, 2011.

10. Смолонская, А.Н. Психолого-педагогические подходы к формированию социально-правовых компетенций у детей // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова / А.Н. Смолонская. – 2013. – Т. 19. – № 4. – С. 19–22.

УДК 371.2; 371.64/.69

Е.В. Яковлева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

В статье раскрывается сущность и компоненты социальной компетенции педагога начального образования, пути формирования социальной компетенции у будущих учителей начальных классов в вузе через использование интерактивных методов обучения (метод проектов, модельный метод, тренинг).

Социальная компетенция, компоненты социальной компетенции учителя начальных классов, интерактивные методы обучения.

The article reveals the essence and components of social competence of primary school teachers, the ways of forming social competence of future teachers of primary classes in high school through using the interactive methods of teaching (project method, model method, training).

Social competence, components of social competence of the primary school teacher, interactive methods of teaching.

Реформирование российского общества потребовало изменений в содержании, формах и методах организации образовательного процесса в вузе, переоценки результатов его функционирования. В науке и в среде практических работников, говоря о качестве обучения, связывают его с конечным результатом – сформированными компетенциями выпускника.

В российской педагогике содержательное наполнение терминов «компетенция» и «компетентность» до сих пор трактуется неоднозначно. В профессиональном образовании наиболее разработанным является подход школы Э.Ф. Зеера:

– компетенция – круг каких-либо полномочий, прав; соответствие лица занимаемому месту; способность осуществлять деятельность в соответствии с социальными требованиями и ожиданиями;

– компетентность – обладание кругом знаний, умений, опыта, необходимых для реализации этих полномочий [2].

Особое значение в профессиональном образовании Европейского сообщества придается ключевым компетенциям, которые рассматриваются как базовые, универсальные. В научной литературе существует несколько подходов к их классификации. Для ключевых компетенций характерны такие свойства, как многофункциональность, надпредметность и междисциплинарность, многомерность. Сформированность ключевых компетенций позволяет создать человеку некий особый ресурс для достижения высокого уровня компетентности в любом виде деятельности.

Среди ключевых компетенций особое место отводится социальной как готовности и способности к социальному взаимодействию в разных жизненных сферах, как единству социальной адаптированности и мобильности.

Понятие «социальная компетенция» было впервые введено в науку Дж. Равеном в 70-е гг. XX в. Однако в связи с содержательным многообразием общеприемлемое определение социальной компетенции до сих пор еще не закрепилось. Если обобщить многочисленные подходы к исследованию данного понятия, то оно отражает способности человека эффективно взаимодействовать со своим окружением, организовывать свои контакты с другими людьми. Социальная компетенция является интегративной характеристикой и включает в себя широкий круг умений.

Любой педагог работает с людьми, включается в систему социальных отношений, и чем качественнее он будет подготовлен к этому, тем успешнее будет его профессиональная деятельность. Таким образом, социальная компетенция становится одним из важнейших условий профессионализма учителя начальных классов, и является комплексной характеристикой, отражающей уровень развития у него социально-коммуникативных способностей, обеспечивающих самостоятельность в профессиональной деятельности.

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки «Педагогическое образование» (квалификация (степень) «бакалавр») в области педагогической деятельности данная компе-

тенция выделяется в разделе профессиональных компетенций и формулируется следующим образом: выпускник «готов включаться во взаимодействие с родителями, коллегами, социальными партнерами, заинтересованными в обеспечении качества учебно-воспитательного процесса (ПК-5)».

На основе требований стандарта мы определяем социальную компетенцию бакалавра педагога – будущего учителя начальных классов как совокупность педагогических и психологических знаний, умений, навыков, способов деятельности, необходимых для эффективной организации и поддержки взаимодействия со всеми участниками педагогического процесса.

В определении структуры социальной компетенции среди ученых так же нет общего мнения. Так, Т.Е. Исаева социальную компетенцию представляет как совокупность знаний, рефлексивных умений и способностей личности, целенаправленно избираемых ею для решения различных конкретных социальных ситуаций, приводящих к изменению отношений между людьми на основе поиска пути, наиболее благоприятного для всех участников, в процессе чего возникает необходимость регулирования своих целей, эмоций, способов поведения [3, с. 59]. Э.Ф. Зеер в структуре социальной компетенции выделяет: способность к сотрудничеству, ведению дискуссий, восприятию критики, готовность к согласованным действиям, направленным на достижение поставленных целей [2, с. 61].

В составе социальной компетенции будущего педагога Г.П. Мосгина обосновывает наличие следующих компонентов: социально-перцептивный (знание и понимание людей, наблюдательность и проницательность); социально-психологический (знание закономерностей поведения, деятельности и отношений человека, включенного в профессиональную группу, коллектив; работа в команде, деятельность в коллективе); ауто-психологический (самопознание, самооценка, самоконтроль, умение управлять своим состоянием и работоспособностью, самоэффективность); коммуникативный (владение различными стратегиями и методами эффективного общения); психолого-педагогический (осуществление влияния) [5].

Таким образом, опираясь на высказанные точки зрения ученых, можно сделать вывод о том, что социальная компетенция обеспечивают преодоление относительности знаний и способностей человека в решении быстро изменяющихся социальных ситуаций благодаря наличию у него социальной подготовленности, опирающейся на цели и смыслы жизни и проявляющейся в выборе рационального поведения, создающего максимально комфортные условия для всех участников деятельности.

Исходя из нашего понимания социальной компетенции будущего учителя начальных классов, выделим ее структурные компоненты:

– мотивационный – подразумевает наличие потребности во взаимодействии и общении с участниками педагогического процесса, позитивной уста-

новки на собеседника, интерес к освоению эффективных способов общения, настойчивость в преодолении затруднений при решении задач, связанных с организацией взаимодействия, четкое понимание не только своих потребностей, желаний, интересов в процессе общения, но и потребностей, интересов других участников взаимодействия;

– когнитивный – представляет собой совокупность знаний о средствах, способах, закономерностях, правилах и нормах общения; об особенностях и стилях взаимодействия на деловых и личностных уровнях отношений, о системе правил регуляции совместных действий, групповой динамике, ролях, позициях, которые занимают участники взаимодействия, об особенностях коммуникативного поведения в процессе взаимодействия;

– технологический (операциональный) компонент включает в себя совокупность коммуникативных, рефлексивных и интерактивных умений.

Рассмотрим содержание технологического компонента социальной компетенции более подробно, так как именно сформированность данного компонента в большей степени влияет на готовность будущего учителя начальных классов включаться во взаимодействие со всеми участниками педагогического процесса. Под коммуникативными умениями будущего учителя начальных классов мы понимаем: умение адекватно ситуациям взаимодействия находить вербальные и невербальные средства и способы формулирования мысли; слушать, слышать и понимать собеседника; умение работать над техникой речи (дыханием, голосом, дикцией и пр.), навыки работы в группе, коллективе; умение наглядно и убедительно проводить презентацию своих идей; предупреждать и разрешать конфликты в профессиональных и жизненных ситуациях, прогнозировать и оценивать последствия конфликтных ситуаций; умение осуществлять эмоционально-волевую саморегуляцию как способность адекватно ситуациям социального и профессионального взаимодействия регулировать собственное поведение в рамках норм коммуникации.

Рефлексивные умения будущего учителя начальных классов проявляются в способности понимать свое состояние в процессе взаимодействия, в осмысленном, критическом отношении к собственной деятельности; в умении воспринимать себя и свои действия глазами партнеров, воспринять внутренний мир партнера, мотивы его поведения, интересы, потребности, чувства, отношения; видеть преимущества и слабые стороны любой позиции, адекватно интерпретировать поведение других участников взаимодействия, уметь критически мыслить, работать с поступающей устной и письменной информацией, принимать объективные решения, что обеспечивает прогностическую функцию деятельности педагога, помогает предвосхищать события, выступает основанием педагогической интуиции.

Интерактивные умения учителя начальных классов включают в себя: эмоциональную устойчивость как способность контролировать свои собственные

эмоциональные реакции и отражать динамику делового или межличностного взаимодействия; гибкость в общении – умение устанавливать и поддерживать взаимодействие с любым участником взаимодействия, учитывать его индивидуальные особенности и своеобразие, умение действовать в новых условиях, меняя способы деятельности; способность к сотрудничеству – интегрированное качество, включающее в себя способности формулировать собственную точку зрения, умение регулировать конфликт, находить компромиссные решения при наличии противоположных мнений, взглядов.

Изучение сформированности социальной компетенции у студентов – будущих учителей начальных классов ЧГУ (3 курс, 25 человек) позволило установить, что большинство из них:

- мотивированы на взаимодействие с другими участниками педагогического процесса (в первую очередь детьми и их родителями), позитивно оценивают собеседника, проявляют интерес к освоению эффективных способов общения;

- имеют достаточный уровень знаний о средствах, способах, закономерностях, правилах и нормах общения, выделяют особенности организации взаимодействия на деловом и личностном уровнях, имеют представление об особенностях коммуникативного поведения собеседника в процессе взаимодействия в зависимости от роли и позиции, которые занимают участники взаимодействия.

Однако многие студенты имеют трудности в выборе коммуникативных тактик, не имеют навыков, связанных с предупреждением и разрешением конфликтов, не всегда могут убедительно донести свои идеи и мысли до партнера по взаимодействию, имеют трудности в осуществлении эмоционально-волевой саморегуляции в ситуациях профессионального взаимодействия, не у всех сформированы рефлексивные умения. Наличие данных проблем затрудняет формирование у них социальной компетенции.

Наш опыт работы показывает, что выделенные трудности и проблемы могут быть преодолены при использовании интерактивных методов в обучении студентов. Под интерактивными методами обучения понимают «способы целенаправленного усиленного межсубъектного взаимодействия педагога и учащихся по созданию оптимальных условий своего развития» [4, с. 5]. Ключевым понятием, определяющим смысл интерактивных методов обучения, является понятие «взаимодействие». Педагогическое взаимодействие на занятиях представляет собой процесс совместной деятельности преподавателя и студентов, атрибутами которого являются: пространственное и временное сопresутствие участников, создающее возможность личного контакта между ними; наличие общей цели, предвосхищаемого результата деятельности, отвечающего интересам всех и способствующего реализации потребностей каждого, планирование, координация, контроль действий, сотрудничество, возникновение межличностных отношений. Интерактивные методы способствуют интенсивной межсубъектной коммуникации преподавателя и сту-

дента, направлены на изменение, совершенствование моделей поведения и деятельности участников педагогического процесса и характеризуются высокой степенью интенсивности общения его участников, их коммуникации, обмена деятельностью, целенаправленной рефлексией участниками своей деятельности, состоявшегося взаимодействия. Структурообразующим элементом интерактивных методов обучения является взаимодействие обучающегося с имеющимся у него собственным опытом жизнедеятельности, углубленная работа с этим опытом, который является главным источником учебного познания.

В практике работы со студентами в рамках дисциплин «Педагогика начального образования», «Методика обучения и воспитания», «Психология обучения и воспитания младших школьников» и других с целью формирования у них социальной компетенции мы используем метод проектов и тренинг (тренинговые упражнения).

Метод проектов – это система обучения, при которой учащиеся приобретают знания, умения и навыки, а также компетентности, компетенции и мета-профессиональные качества в процессе конструирования, планирования и выполнения постепенно усложняющихся заданий-проектов (Э.Ф. Зеер). Проектное задание заключается в проектировании и создании какого-либо предмета профессиональной деятельности. Метод проектов способствует развитию у студентов способности к рефлексивной оценке планируемых и достигнутых результатов, ставить цель и выбирать средства, т.е. формированию компетенций, связанных со способностью брать на себя ответственность, участвовать в принятии решений, ставить цели и планировать результат, анализировать, корректировать. Проектирование также развивает социальную активность и ответственность обучающихся, творческие способности и направленность на самопознание, осмысление путей и возможностей самореализации. Оно развивает умение предвидеть, прогнозировать, моделировать и реализовывать различные варианты решения практических проблем.

Образовательный проект в вузовской подготовке учителей начальных классов предполагает детальную разработку конкретной проблемы, отличающейся своей теоретической и практической значимостью. Обязательным условием технологии проектного обучения является самостоятельная исследовательская деятельность студентов, поиск информации, которая ими обрабатывается, осмысливается и представляется.

Логика педагогического проектирования включает определение замысла, разработку моделей действий, планирование реальных стратегий на уровне задач и условий их реализации, организацию обратной связи, оценку процесса, оценку и анализ результатов, оформление документации [1].

В преподавании педагогических курсов для будущих учителей начальных классов часть практических занятий мы организуем в форме подготовки и защиты проектов, подготовленных в микрогруппах и индивидуально. Проекты носят преимущественно

краткосрочный характер. Можно выделить несколько их типов.

1. Исследовательские проекты, связанные с изучением проблем образования, вопросов теории воспитания. Они требуют обоснования актуальности проблемы, постановки задач исследования, выдвижения гипотезы с последующей проверкой, обсуждением и анализом полученных результатов. Примеры проектов этого типа: «Педагогические условия экологического воспитания младших школьников», «Взаимодействие школы и семьи в воспитании младшего школьника» и др.

2. Информационные проекты, направленные на сбор информации о каких-либо явлениях педагогической действительности с целью анализа, обобщения и представления информации. Они могут быть связаны с обзором педагогической литературы по актуальным проблемам науки, изучением отношения участников образовательного процесса к различным инновациям и проблемам, исследованием особенностей развития той или иной педагогической системы (воспитательная система класса, школы).

3. Творческие проекты, предполагающие свободный и нетрадиционный подход к решению проблемы, его выполнению и презентации результатов (создание тематического проспекта, презентации и др.).

4. Ролевые проекты, моделирующие процессы реального взаимодействия, коммуникации педагогов и обучающихся и требующие поиска оптимальных путей решения педагогических задач, например: «Заседание методического объединения классных руководителей по проблеме организации диагностики воспитанности» и др.

5. Практикоориентированные проекты, которые отличает четко обозначенный результат деятельности, что может быть использован на практике (например, разработка конспектов уроков, внеклассных мероприятий, игр для младших школьников и др.).

Педагогическое руководство самостоятельной работой студентов заключается в оказании им помощи в выборе педагогической проблемы, подборе литературы, проведении индивидуальных и групповых консультаций, определении сроков и форм контроля, разработке рекомендаций по представлению форм отчетности о проделанной работе. В организации работы студентов ставится задача пробудить у них интерес к чтению педагогической литературы, к изучению накопленного педагогического опыта, развитию основных умений проектирования, навыков самоорганизации учебной деятельности. Важнейшей педагогической задачей является развитие позитивных отношений со студентами, создание атмосферы сотрудничества и творческого поиска.

В проектах оцениваются умение будущего учителя обосновать значимость проекта в плане решения актуальных педагогических проблем; наличие в проекте четко обозначенных целей, задач, их соответствие содержанию, формам реализации, ожидаемым результатам; новизне и оригинальности проекта, реалистичность. Результаты работы в группе студенты

анализируют дополнительно по следующим критериям: согласованность в деятельности участников группы, активность участников в высказывании и обсуждении идей, конструктивность в поиске оптимального варианта решения проблемы, аргументированность высказываемых идей.

Такая форма организации обучения как тренинг стимулирует эмоциональное раскрытие участников группы, помогает выработать умения сопереживать, сочувствовать; позволяет научиться понимать не только другого человека, но и мотивы своих действий; способствует творческому развитию личности.

В нашей практике педагогический тренинг представляет собой систему упражнений, направленных на формирование социальной компетенции студентов, его задачами являются:

- познание ими своих сильных и слабых сторон во взаимодействии;
- понимание себя как личности и нахождение способов личностного развития, снятие внутриличностных конфликтов и напряжений;
- формирование умений организации оптимального общения, конструктивного разрешения конфликтов в общении, эмоциональной и поведенческой саморегуляции, психолого-педагогического анализа ситуации;
- развитие навыков рефлексии и обратной связи.

Функции педагогического тренинга заключаются в развитии особенностей духовного восприятия мира, гуманистической направленности личности, в расширении эмоционального опыта и содействии накоплению богатых эмоциональных связей будущего учителя начальных классов с окружающим миром.

Данный вид занятий предполагает работу в группе. Коллективный опыт помогает в решении межличностных проблем, облегчает будущему учителю начальных классов процессы самораскрытия и самопознания, дает ему возможность приобрести новые умения, экспериментировать со стилями общения, апробировать различные тактики взаимодействия в группе и др.

Отработка способов и приемов общения осуществляется на практических занятиях по педагогическим дисциплинам в следующей логике. На основе обобщения изученного теоретического материала студенты на занятиях разрабатывают механизмы реализации различных приемов взаимодействия, а затем апробируют их, разыгрывая различные ситуации общения в парах или микрогруппах.

Например, опыт работы со студентами показывает, что определенную трудность для будущих учителей начальных классов представляет построение диалогов, постановка вопросов. Отсутствие названных умений приводит к тому, что студенты формализуют общение, делают его малоэффективным и неперсонифицированным. В связи с этим значительное место в процессе тренинговых занятий мы уделяем упражнениям по отработке умений задавать закрытые, открытые, альтернативные и другие виды

вопросов. Так, на занятии студентами разыгрывались ситуации, в которых использовались наиболее части встречающиеся в общении вопросы:

- открытые (Что вы об этом думаете? Какой из аспектов для вас наиболее важен?);
- закрытые (Устроит ли вас, если ...? Ожидаете ли вы, что ...?);
- вопросы, выражающие сомнение (Что бы вы сказали, если ...? Вы уже обдумали, что ...?);
- возвратные вопросы (Вы действительно считаете, что...? Это чрезвычайно интересный вопрос. Мы вернемся к нему позднее.) и др.

Отрабатывалась и технология использования уточняющих вопросов, с помощью которых можно эффективно установить обратную связь с говорящим, свести вероятность искажений и пропусков информации к минимуму и тем самым добиться желаемого взаимопонимания. На занятии студентам задавалась конкретная ситуация, в соответствии с которой будущие педагоги должны были сформулировать цель вопроса и сам вопрос.

Например, ситуация 1: собеседник неточно сформулировал свою мысль. Цель вопроса: уточнить мысль перефразированием сказанного. Формулировка вопроса: Насколько я понял, вы говорили о том, что ... Верно?

Ситуация 2: собеседник не соглашается с вашими доводами. Цель вопроса: выяснить причину неприятия. Формулировка вопроса: Не могли бы вы уточнить, по каким позициям мы можем продолжать обсуждение и на чем основаны ваши сомнения?

Овладев этими умениями, студенты увереннее чувствуют себя при структурировании диалогов, активнее включаются в решение проблемных ситуаций, пытаются выбирать оптимальные варианты взаимодействия.

Деятельность в группе со студентами при проведении тренинговых упражнений организуем в двух направлениях: работа с личностью и работа с группой.

Структура занятия состоит из следующих этапов:

- пролог, который предполагает создание атмосферы доверия, установку контакта между участниками тренинга;

- этюды – отдельные упражнения;
- рефлексия – анализ, направленный на осмысление студентами своих действий, их целей, т.е. самопознание путем наблюдения.

Стратегическую линию проведения тренинга мы выстраиваем следующим образом: получение новой информации о себе – переосмысление представлений о своем образе «Я» – выстраивание нового типа отношений с самим собой и окружающими – закрепление позитивного опыта общения и избавление от неконструктивных способов реагирования.

Целенаправленная работа по формированию социальной компетенции у студентов осуществлялась в течение учебного года. Контрольный срез и проведение сравнительного анализа полученных данных позволили сделать вывод о положительной динамике

в формировании социальной компетенции у будущих педагогов начального образования.

Объективное оценивание данного качества учителя представляется весьма сложным процессом при многообразии оттенков его проявления в учебных и профессиональных ситуациях, в реальной деятельности. Учитывая возможные погрешности внешней экспертизы и самодиагностики, мы посчитали необходимым выявить тенденции в динамике развития социальной компетенции. При проведении экспериментальной работы оценивалось степень выраженности компонентов социальной компетенции у будущих учителей начальных классов, готовность продолжать самообразовательную деятельность по ее развитию.

В нашей экспериментальной работе для оценки уровня сформированности социальной компетенции использовались как общепринятые методики, так и педагогическое наблюдение, самооценка. Показательна динамика сформированности социальной компетенции у студентов (см. таблицу).

Таблица

Сводные данные по динамике изменения сформированности социальной компетенции у студентов – будущих учителей начальных классов (%)

Уровень выраженности	3 курс Начало учебного года	3 курс Конец учебного года
Высокий	18	37
Средний	54	48
Низкий	28	15

Полученные результаты свидетельствуют о позитивной тенденции в формировании социальной компетенции у студентов, что нашло подтверждение при статистической обработке результатов с применением критерия однородности χ^2 , значение которого больше соответствующего значения, составляющего 9,21 при вероятности допустимой ошибки меньше, чем 1 %, различия достоверны ($p < 0,01$). Это значит, что изменения, которые произошли у студентов в сформированности у них социальной компетенции в результате использования интерактивных методов обучения, экспериментально подтвердились.

Таким образом, социальная компетентность как составляющая подготовки будущего учителя начальных классов является необходимой в современных условиях образования, обеспечивает его информированность и подготовленность к взаимодействию со всеми участниками педагогического процесса, позволяет включаться в систему самых разнообразных коммуникативных связей. Занятия, проводимые с использованием интерактивных методов обучения, позволяют эффективнее формировать у будущих учителей начальных классов социальную компетенцию.

Литература

1. *Заир-Бек, Н.А.* Теоретические основы обучения педагогическому проектированию / Н.А. Заир-Бек. – СПб., 2005.
2. *Зеер, Э.Ф.* Модернизация профессионального образования: компетентностный подход / Э.Ф. Зеер, А.М. Павлова, Э.Э. Сыманюк. – М., 2005.
3. *Исаева, Т.Е.* Классификация профессионально-личностных компетенций вузовского преподавателя / Т.Е. Исаева // Педагогика. – 2006. – № 9. – С. 55–60.
4. *Кашлев, С.С.* Интерактивные методы обучения: Учеб.-метод. пособие / С.С. Кашлев. – Мн., 2011.
5. *Мосягина, Г.П.* Формирование социальной компетенции будущих педагогов (на примере педагогического колледжа): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Г.П. Мосягина. – Астрахань, 2008.

УДК 78.083.1

А.В. Баушев

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент О.Н. Ромашкова

СПЕЦИФИКА СИНТЕТИЧЕСКОГО ЖАНРОВОГО ТОЛКОВАНИЯ ЦИКЛА КОНЦЕРТА-СЮИТЫ «ПРИЧУДЫ» ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ И ОРКЕСТРА РУССКИХ НАРОДНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ЕФРЕМА ПОДГАЙЦА

Появление значительного количества микстовых жанровых структур с участием концерта знаменует творчество большинства современных композиторов в области народно-инструментального творчества. В данной статье рассматривается необычность микстовой жанровой системы в Концерте-сюите Е. Подгайца. Особый уровень мышления, связанный с сюитностью, взятый из традиционной романтической музыки в синтезе с принципами концертности (характеризующими инструментализм венских классиков), композитора Е. Подгайца приобретает особое значение.

Народно-инструментальное творчество, концерт для балалайки, концерт-сюита, жанровые микстовые структуры, Е. Подгайц.

The emerging of significant number of mixed genre structures with concert involvement represents the most modern folk composers' works. This article describes the singularity of the mixed genre system presented in E. Podgait's concert suite. The particular suite-like level of thought taken from traditional romantic music in combination with the composer E. Podgait's concert concepts (defining Viennese classics' instrumentalism) takes on special significance.

Folk creativity, concert for balalaika, concert suite, mixed genre structures, E. Podgait's.

Композитором Ефремом Подгайцом на сегодняшний день создано более тридцати произведений в жанре концерта для различных инструментов. Опыт композитора в данном направлении можно сопоставить со своеобразной картиной жанра инструментального концерта, сложившейся в отечественной музыке на рубеже XX–XXI вв. В концертах Е. Подгайца органично сосуществует народное и академическое направления. Жанрово-стилевые тенденции современной музыкальной культуры объясняют активное взаимодействие в творчестве композитора традиций народно-инструментальной культуры и области классического инструментального искусства, введение академических жанров в практику народных инструментов. Мышление автора музыкальных произведений характеризуется не только погружением вглубь традиции, но и в современную ему область творчества.

Отличительной чертой всех его концертов является искусное и профессиональное вплетение в авторский текст интонаций современных песен, принадлежащих к сфере так называемого «легкого жанра». Ярким подтверждением этого являются: «Концерт-Ламбада» для гобоя с оркестром, где узнаются интонации популярной песни «Ламбада»; песня «Милорд» из репертуара Эдит Пиаф использована композитором в партите для скрипки, фортепиано и клавесина; в первом скрипичном концерте воспроизводятся интонации песни Раймонда Паулса «Миллион алых роз»; в финале концерта для двух скрипок с

оркестром появляется мелодия «Ах, карнавал, карнавал!», а в «Сарафане для Мишель» для кларнета и камерного оркестра композитор с юмором «наряжает» Мишель от "Beatles" в варламовский «Красный сарафан».

«Жанр концерта мне наиболее интересен и близок – говорит Е.И. Подгайц /.../ Наверное, в каждом инструменте, избранном в качестве сольного, интересно увидеть оригинальную “личность” со своей историей, со своими взаимоотношениями с окружающим миром» [5]. Многовариантность опусов Е.И. Подгайца может быть продиктована коммуникативной способностью композитора к сотрудничеству. Особенно показателен в этом отношении жанр концерта.

Концерт-сюита «Причуды» для народного оркестра (ор. 216, 2008 г.) написан по просьбе Лауреата Международных конкурсов, профессора, заведующего кафедрой струнных народных инструментов Российской Академии музыки им. Гнесиных А.А. Горбачева специально для Вологодского ГОРНИ под руководством Г.И. Перевозниковой. Это не единственное произведение для народного оркестра, в творчестве композитора есть еще два концерта для балалайки с народным оркестром, однако, они являются авторскими переложениями: Концерта для мандолины с камерным оркестром (2004 г.) и «Скерцо» (2011 г.) – финала Концерта для двух скрипок и камерного оркестра (1986 г.).

Жанровая интерпретация этого сочинения отличается оригинальным авторским подходом. Это произведение синтезирует в себе не только ярко выраженные признаки концерта и сюиты, но также вариаций, сонаты, симфонии. Композицию «Причуд» составляют шесть частей: «Интродукция», «Элегия», «Гавот», «Вальс», «Романс», «Бурлеска». На первый взгляд, каждая часть имеет яркую жанровую определенность, но при детальном рассмотрении каждая из них имеет ярко выраженные черты жанровой вариации. «Трактовка жанра каждой части, преломляясь сквозь призму авторского восприятия, индивидуализируется до неузнаваемости. Композитор словно переворачивает их с ног на голову, подшучивая над каждым» [5].

Открывается цикл «Интродукцией», порученной солирующей балалайке. Вместо традиционного привычного оркестрового вступления автор предлагает развернутый монолог солиста. Партия солиста вбирает в себя традиционные черты оркестрового вступления. В главной теме «Интродукции» сконцентрированы ведущие интонации, которые будут использоваться в ведущих темах основных частей. Именно на основе этой темы формируется полижанровый материал концерта. Ведущий интонационный комплекс темы содержит три элемента. Первый элемент темы представляет собой гаммаобразное движение вверх (самое первое проведение в диапазоне уменьшенной квинты, в последующих проведениях тема преодолевает диапазон выше октавы); второй элемент опирается на интервал секунды, многократно повторяющейся в остигатном ритме; третий элемент содержит диссонирующие аккорды нетерцовой структуры (малая секунда, уменьшенная квинта).

Тема второй части цикла – «Элегия» – вырастает из второго элемента темы интродукции. «Здесь и светлая печаль, созерцание, эмоциональные всплески и образ уходящего времени, воплощенный в ровной ритмической пульсации, остигатном движении, и эффект пространства – отдаленность баса и верхней точки прозрачной фигурации, заполняющей это расстояние» [5]. Но самой главной черты жанра – монолога – здесь нет. В основе первого раздела «Элегии» положена тема-исповедь солиста, изложенная крупными длительностями, развивающаяся в диапазоне терции, основанная на секундовой интонации вступления. Этой теме в среднем разделе противопоставлена остигатная тема, основанная на повторении одного звука в партии оркестра. Высокий регистр, переменный размер создают осаацию с известным морским сигналом "SOS", что сообщает этой пьесе напряженность, внутреннюю тревогу. В процессе же развития оркестр и солист вступают в диалог. Тема "SOS" проникает в партию солиста. Перед нами не просто элегия, черты песенно-романсового жанра трансформируются здесь в причудливую сцену-диалог. Особое настроение создается также за счет сохранения практически на протяжении всей пьесы фигурированного органного пункта.

«В трактовке гавота на первый план выходят звукоизобразительные приемы, уводящие к его истокам

– французскому народному бранлю, который в Провансе и называли гавотом /.../ Здесь и поступь тяжелых крестьянских сабо, притопывания, энергичные удары ног об пол, и хлопки, выкрики, и подражание танцующих топоту копыт» [цит. по: 5, с. 24]. Также в третьей части «Причуд» можно наблюдать ассоциацию и с другим образом, речь идет о злой усмешке, некоем сарказме. Что вызывает аналогии с гавотами С.С. Прокофьева. Основная тема «Гавота» начинается с секундовой интонации, как и предшествующие части, кроме того, первый элемент основной темы интродукции представлен здесь в обращенном варианте (движение сверху вниз). Также в «Гавоте» находит свое развитие и третий элемент основной темы «Интродукции». Так в эпизоде (цифра 2) в оркестровом сопровождении используются аккорды, основанные на интервалах секунды и тритона.

Образец еще большего жанрового переосмысления происходит в четвертом номере цикла – «Вальсе». Композитор коренным образом трансформирует основные жанровые признаки этого танца. Авторская ремарка *presto barbaro* настраивает на совершенно противоположный вальсу образ – агрессии, неуправляемого злого вихря. От коренных признаков вальса остается лишь ритмическая сетка сопровождения, но здесь вновь внедряется интервал тритона и секунды. Волнообразная мелодия самого вальса исполняется солистом, основывается на первом элементе темы интродукции.

Причудливость и необычность авторского жанрового понимания проявляет себя в следующей части цикла – «Романсе». Композитор словно подшучивает над характерными чертами жанра – его сентиментальностью, эмоциональной открытостью. Оригинальностью отличается в этом номере и тембровое решение партитуры: в оркестр вводятся партии вибратона, флейты, колокольчиков, гуслей щипковых. Кроме того, оркестровое сопровождение основывается на интонации тритона и секунды (третий элемент основной темы «Интродукции»), а тема, порученная солисту, опирается на первый и второй элементы темы «Интродукции».

Ответ на жанровые поиски композитора можно найти в финале Концерта-сюиты. Композитор обращается к необычному жанровому подзаголовку «Бурлеска». Этот жанр, пришедший в музыку из литературы и театра, является воплощением юмористического, причудливого. По масштабам это самая крупная часть в цикле, по протяженности она равна в сумме пяти предшествующим. Основная тема «Бурлески» на первый взгляд представляет собой новое интонационное образование. Ломаное движение ровными шестнадцатыми длительностями сочетается со знакомым по «Элегии» остигатным монотонным элементом. Как калейдоскоп в «Бурлеске» мелькают интонации с предшествующих частей, причем, знакомые тематические элементы излагаются полифоническим способом: так, в первой цифре, между оркестровыми партиями и солирующей образуется ка-

нон, в основу которой положен первый элемент темы «Интродукции».

Обращает на себя внимание появление в процессе развития совершенно новой темы (цифра 6). Интонации этой темы близки мелодике популярных современных песен. Эта тема также подвергается развитию с помощью полифонических приемов.

Калейдоскопичность образов, представленная в концерте, как бы уравновешивается стабильностью в композиционном отношении. Практически во всех частях обнаруживается трехчастное строение. В случае второй части «Элегия» и пятой части «Романс» трехчастная структура усложняется повторением средней части и репризы, образуя тем самым трехпятнадцатую структуру. Сложная структура «Бурлески» также может трактоваться как трехчастная композиция.

В качестве формы высшего порядка может служить в данном цикле сонатная форма, что также является объединяющим началом между частями этого произведения. Функцию вступления выполняет «Интродукция» концерта, излагающая тематические элементы, из которых произрастут будущие основные партии. Функцию экспозиции выполняют «Элегия» и «Гавот», представляющие две противоположные образные сферы. Черты разработки можно обнаружить в «Вальсе» и «Романсе», а в «Бурлеске», благодаря проведению тем из экспозиционных частей, создается ощущение репризности.

Помимо этого, в шестичастном концерте-сюите «Причуды» проявляются черты сонатно-симфонического цикла. Исполнение частей *attacca* позволяют отнести «Интродукцию» с «Элегией» и «Гавотом» к первой части; «Элегию» и «Романс» можно воспринять как вторую часть; яркая жанровая основа «Гавота» и «Вальса» роднит их с третьей, а стремительный, бодрый, жизнеутверждающий характер «Бурлески» – с финалом.

Но центральной проблемой в трактовке цикла «Причуды» остается жанровая сторона. Двойное определение, данное автором «концерт-сюита», справедливо подчеркивает две самых характерных особенности произведения – импровизационность и сложность солилирующей партии балалайки, а также жанровую яркость и контрастность при сопоставлении

частей. Жанровые признаки сюиты и концерта выступают в произведении в равной степени.

Такие родовые признаки жанра концерта, как виртуозность и состязательность, проявляются в каждой части концерта. Наиболее показательной в этом отношении является «Бурлеска», где максимально сконцентрированы сложнейшие исполнительские приемы в партии солиста, отсутствие развернутой сольной балалаечной каденции компенсируется присутствием полифонических приемов (имитации, канон, контрапункт).

Сюитное мышление в «Причудах», как уже показывалось выше, выразилось в жанровом контрасте между частями. Помимо этого, в цикле можно обнаружить прием сопоставления частей по принципу темпового, образного, тембрового контрастов.

В практике названий произведений для балалайки концертного жанра все чаще встречаются синтетические жанровые определения. В последние десятилетия появился целый ряд подобных сочинений, причем в заглавие многих выносятся не только несколько жанровых определений, но и характерные программные подзаголовки: Концерт для балалайки, подготовленной альтовой балалайки и ОРНИ О.В. Осиповой «Манускрипты Эо» («Шаман-концерт») (2004 г.), «Славянский концерт» (концерт-фантазия) для балалайки и ОРНИ (2013 г.) А.А. Цыганкова.

Литература

1. Калошина, Г. Симфонизация как фактор единства полижанрового сочинения / Г. Калошина // Материалы конференции «Актуальные проблемы развития культуры и искусства на современном этапе». – Л., 1979. – С. 45–51.
2. Подгайц, Е. Разговоры о том, что новая музыка неинтересна – неуместны / Е. Подгайц // Электрон. текстовые дан., 2013. – URL: www.newsnn.ru/post.
3. Подгайц, Е. Я никогда не писал к датам / Е. Подгайц // Культура. – 2002. – № 37 (7344) 12. – 18 сентября. – С. 4.
4. Подгайц, Е. Я просто пишу музыку, чтобы ее слушали и чувствовали / Е. Подгайц // Музыкальная жизнь. – 1988. – № 6. – С. 18–20.
5. Рубахина, Г. Народное и академическое в «Причудах» Е. Подгайца / Г. Рубахина // Электрон. текстовые дан., 2013. – URL: <http://www.opentextmn.ru>.

УДК 159.9 (316.6)

Д.И. Воронов

Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор И.П. Волков

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КОМПЬЮТЕРОЗАВИСИМЫХ

В статье рассматриваются результаты исследования ценностных ориентаций компьютерозависимых. Проведен анализ результатов сравнения ценностных ориентаций двух групп респондентов: с компьютерной зависимостью и без. На основе анализа сделаны выводы и даны рекомендации.

Компьютерная зависимость, ценностные ориентации.

The article considers the results of the research of computer-addicts' value system. The work comprises the analysis of the comparison between value systems of two groups of respondents: computer-addicts and not computer addicts. Based on the analysis the author drew a conclusion and gave recommendations.

Computer addiction, value orientation.

Введение. Развитие компьютерных технологий породило новый вид зависимости – компьютерную зависимость. Данную зависимость А.Ю. Егоров [2, с. 190] отнес к видам нехимических зависимостей, а так же обозначил ее одной из самых разрушительных для человеческой психики и поведения [3, с. 901], [1, с. 68].

Актуальность. Широкое распространение компьютерной зависимости в современном обществе и потребность социума в борьбе и защите от нее подтверждает актуальность настоящей работы, обосновывающей необходимость изучения психологических характеристик компьютерозависимых личностей для разработки эффективных профилактических и психокоррекционных мероприятий.

Цель – выявить особенности ценностных ориентаций компьютерозависимой личности.

Гипотеза: компьютерозависимые личности имеют особенную ценностную иерархию.

Организация исследования. В период с 2008 по 2013 гг. в СПбГЭТУ и НГУ им. П.Ф. Лесгафта, а так же при помощи сети Интернет были проведены психодиагностические опросы и тестирования 120 испытуемых обоих полов в возрасте от 10 до 48 лет, что позволило:

- 1) выявить и уточнить основные группы риска развития киберзависимости в возрасте 10–25 лет;
- 2) выявить особенности ценностных ориентаций компьютерозависимых (КЗ);
- 3) сформулировать предварительные практические рекомендации по профилактике КЗ. Структура выборки испытуемых показана на рис. 1.

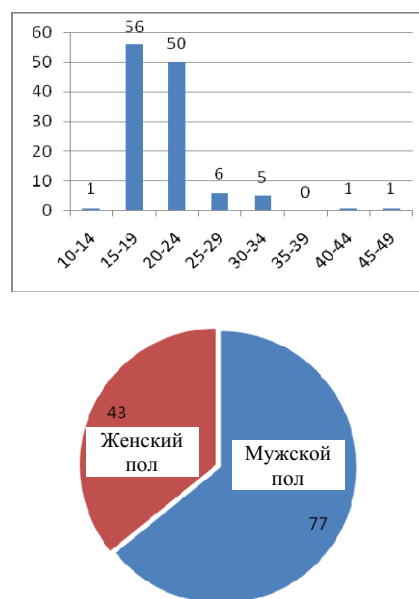

Рис. 1. Структура выборки испытуемых по возрасту и полу

Методы и процедуры исследования включали следующие методики: авторская анкета данных об испытуемых, тест-опросник К. Янг на степень компьютерной зависимости (под редакцией Лоскутовой В.А.), тест Рокича «Ценностные ориентации». По итогам опросов и тестирований выборка была разделена на четыре группы (табл. 1) в соответствии с выявленной у испытуемых степенью компьютерной зависимости.

Таблица 1

Группы респондентов по степени компьютерной зависимости (N = 120)

Группа	Количество испытуемых	Процент (%)	Диапазон КЗ
Отсутствие компьютерной зависимости	24	20	<20
Увлеченность, расположенность к КЗ	38	31,6	21-40
Слабая КЗ	41	34,2	41-60
Компьютерная зависимость	17	14,2	> 61
Всего:	120	100	-

Сравнительный анализ средних по измеренным показателям с использованием *t*-критерия Стьюдента выявил статистически достоверные различия между группами независимых (НЗ) и зависимых (КЗ) респондентов (табл. 2). Для повышения чувствительности математических методов после ранжирования ценностных ориентаций по тесту Рокича, результирующим значениям были дополнительно присвоены веса, соответственно: 1 место – 100 баллов, 2 место – 65 баллов, 3 место – 50 баллов и т.д. 18,17 и 16 местам присвоен 1 балл. Убывание весов соответствует логарифмическому закону.

Метод вычисления уровня статистической достоверности различия между двумя средними по критерию Стьюдента на уровне значимости $p \leq 0,05$ двух групп выявил следующие различия:

1. Группирующий показатель степень компьютерной зависимости у группы КЗ (66,29) значительно выше, чем у группы НЗ (10,96).
2. Данные из социальной анкеты статистически достоверно различаются по таким параметрам: пол,

возраст, занятие ФКиС и использование компьютера для работы, – зависимые респонденты младше и среди компьютерозависимых больше мужчин. Эти молодые люди ведут малоподвижный образ жизни и чаще всего не работают.

3. Данные по ценностным ориентациям. Система ценностных ориентаций двух групп различается почти полностью. Вместо ценностей активной деятельности и любви в группе зависимых респондентов на первое место выходит «Общественное призвание», т.е. потребность в уважении и признании со стороны окружающих. При этом респонденты этой группы ценят хорошую, обеспеченную жизнь и не ценят образованность, хорошие манеры, воспитанность, дисциплинированность, что может свидетельствовать об узком кругозоре и неумении переносить фрустрацию в процессе зарабатывания социальных благ.

Корреляционный анализ (рис. 2) выявил статистически достоверные взаимосвязи компьютерной зависимости с ценностными ориентациями респондентов группы КЗ. На степень компьютерной зависимости положительное влияние оказывает увеличение веса таких ценностных ориентации как: «t5» – ценность красоты природы и искусства, «i3» – высокие запросы и «t9» – потребность в уважении. Чем выше место этих ценностей в ценностных ориентациях, тем выше степень компьютерной зависимости. Возможности получения виртуальных благ стимулирует аддикта к дальнейшему бегству в виртуальный мир. Разработчики игр и создатели различных форумов давно знают об этом, поэтому для стимулирования посещаемости своих ресурсов вводят систему виртуальных поощрений, отличающих заядлых и бывалых пользователей от вновь пришедших.

Таблица 2

Сравнение групп независимых (НЗ) и зависимых (КЗ) от компьютера

Методики		Факторы	НЗ	КЗ	<i>t</i>	<i>p</i>
Социальная анкета		Компьютерная зависимость	10,96	66,29	33,926	0,000
		Возраст	21,67	19,18	2,194	0,034
		Пол	0,42	0,88	3,328	0,002
		Использование компьютера в работе	0,92	0,35	4,645	0,000
		Занятие ФКиС	0,58	0,00	4,758	0,000
Тест Рокича на ценностные ориентации	Терминальные ценности	Активная деятельная жизнь (t1)	55,67	15,29	3,641	0,001
		Красота в природе и искусстве (t5)	13,79	34,47	2,597	0,013
		Любовь (t6)	37,38	12,41	3,073	0,004
		Общественное призвание (t9)	8,42	35,18	3,474	0,001
		Свобода (t14)	22,17	36,82	2,048	0,047
	Инструментальные ценности	Воспитанность (i2)	33,83	7,59	3,122	0,003
		Высокие запросы (i3)	18,50	44,12	2,600	0,013
		Исполнительность (i5)	20,71	6,59	2,688	0,011
		Непримиримость к недостаткам (i7)	10,79	39,18	3,052	0,004
		Образованность (i8)	42,50	12,18	3,195	0,003
		Терпимость (i14)	13,46	32,94	2,450	0,019
		Честность (i16)	27,96	5,35	3,463	0,001

Рис. 2. Корреляция в группе компьютерозависимых (n = 17)

Отрицательное влияние на степень компьютерной зависимости оказывает увеличение веса таких ценностных ориентации, как: ценность «i3» – здоровья и ценность «t1» – активной жизни. Чем выше ценности здоровья и активной жизни в ценностных ориентациях человека, тем меньше он будет тратить свое время, сидя за компьютером.

Имеющуюся выборку n = 120 человек группируем по фактору «занятие физической культурой и спортом», так как физическая культура и спорт могут служить средством профилактики компьютерной зависимости в условиях неуклонно нарастающей гиподинамии, технизации и компьютеризации труда и досуга.

Сравнительный анализ средних показателей выявил статистически достоверные различия в степени компьютерной зависимости между группами занимающихся ФКиС и не занимающихся. В группе не занимающихся физической культурой и спортом степень компьютерной зависимости оказалась значимо выше по сравнению с испытуемыми в группе занимающихся ФКиС. Кроме того, в группе занимающихся ФКиС терминальная ценность активной деятельной жизни выше, чем в группе не занимающихся ФКиС (табл. 3).

Проведенный анализ позволил определить основные ценностные ориентации, обладающие психозащитным эффектом от воздействия компьютерной зависимости и фиксации ее в симптомах компьютерной зависимости (табл. 4).

Таблица 3

Сравнение групп занимающихся и не занимающихся ФКиС

Факторы	Группа не занимающихся ФКиС (n = 69)	Группа занимающихся ФКиС (n = 51)	t	p
Компьютерная зависимость	44,22	30,06	4,415	0,000
Активная деятельная жизнь (t1)	16,54	26,39	2,373	0,019
Общественное призвание (t9)	22,99	11,76	2,537	0,013
Терпимость (i14)	25,45	13,75	2,391	0,018

Таблица 4

Ценностные ориентации, влияющие на проявления компьютерной зависимости

Факторы формирования КЗ испытуемых	Психозащитные факторы, блокирующие формирование КЗ испытуемых
– красота природы и искусства (t5); – общественное призвание (t9); – высокие запросы (i3)	– занятие ФКиС; – активная деятельная жизнь (t1); – здоровье (t3); – воспитанность (i2); – образованность (i8); – честность (i16); – наличие хороших и верных друзей (t8)

Выводы. Больше представителей группы «здоровых» занимаются спортом и используют компьютер для профессиональной деятельности. Результаты исследования подтвердили гипотезу о наличии особенностей в ценностных ориентациях компьютерозависимых. Физическая культура и спорт могут служить средством профилактики компьютерной зависимости. Данные исследования легли в основу программы по профилактике и психокоррекции компьютерной зависимости средствами ФКиС.

1. *Егоров, А.Ю.* Нехимические (поведенческие) аддикции (обзор) / А.Ю. Егоров // Аддиктология. – 2005. – № 1. – С. 65–77.
2. *Егоров, А.Ю.* Нехимические зависимости / А.Ю. Егоров. – СПб., 2007.
3. *Young, K.S.* Addictive use of the Internet: a case that breaks the stereotype / K.S. Young // Psychological reports. – 1996. – № 79. – P. 899–902.

УДК 159.923

А.М. Огородников, Л.М. Попов

САМОПРЕОДОЛЕНИЕ КАК ВОЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СУБЪЕКТА САМОРАЗВИТИЯ

В статье дается интерпретация строения психологической организации человека как субъекта развития и саморазвития. Показан механизм включения интеллектуально-деятельностной активности субъекта (внутренне- и внешнеплановые действия). Предложено и установлено место воли как инструмента самопреодоления в динамической составляющей пространственно-временного комплекса модельной организации человека как субъекта развития и саморазвития, активизирующего запуск механизма психологического маятника.

Воля, самопреодоление, субъект, личность, психологический маятник, интеллектуально-деятельностная модель.

The article presents an interpretation of the structure of the psychological organization of a person as a subject of development and self-development. The mechanism of inclusion of an intellectual activity of the subject is shown (the internal and external actions). The place of will is proposed as the tool of self-overcoming in the dynamic component of the space-time model of the complex organization of a person as the subject of development and self-development that launches a psychological pendulum mechanism.

Will, self-overcoming, subject, person, psychological pendulum, intellectual-active model.

В психологической науке на сегодняшний день активно разрабатываются подходы к личности как саморазвивающейся системе, активному, иницирующему автору своей жизни, возможному выбирать не только стратегию собственного поведения, но и свой путь развития самого себя, механизмов и успешного функционирования в окружающем социуме, где одним из ключевых компонентов реализации является позиция человека как субъекта жизнедеятельности [2], [4], [5], [8].

Разработанная на базе системного подхода концепция человека с позиции субъекта саморазвития в настоящий момент в достаточной степени отображает интеллектуально-деятельностную модель развития и саморазвития человека, в рамках которой первоисточником развития человека как субъекта активности является окружающий его и внутренний мир, во взаимодействующих актах которых происходит непрерывный обмен развитием [6].

Модель включает в себя два структурных комплекса: пространственно-временной и детерминантный. Детерминантный комплекс представлен двумя видами детерминации: внешней, обусловленной действием на субъект внешних причин, и внутренней – состоящей из двух полисфер: мотивационно-личностной (действия во вне) и Я-полисферой (Я-

самосознающий и Я-вкладовое). Я-самосознающее формируется в постоянном сопоставлении себя с самим собой в прошлом и настоящем («Я-реальное») и с самим собой в будущем («Я-идеальное», тем, кем человек имеет возможность быть [1]) и выступает в единстве трех само-процессов: самопознание, самоотношение, саморегуляция-самоуправление.

Говоря об источнике развития и саморазвития человека как активного субъекта собственной жизни, ключевым аспектом является взаимосвязь внешних и внутренних факторов, присутствующих в единстве образа «Я-реальное». В процессе осознанной работы над собой, над выявлением собственных недостатков, человек существует достаточно комфортно в условиях окружающего пространства. Однако в момент преодоления человеком рамок самобытности, «бытия равному среди других», личность преодолевает трудности и противоречивость, связанную с внутренним комфортом, где в ситуации выбора происходит изменчивость образа «Я-реальное», когда человек должен применить возможные варианты продуктивного развития. Таким вариантом в качестве движущей силы саморазвития индивида и реализации заложенных возможностей может являться неудовлетворенность человека качеством насыщения своих потребностей на пути продуктивной жизне-

деятельности, низким уровнем источника побуждающей активности. Другим возможным вариантом является невозможность в силу обстоятельств развиваться в соответствии с предъявляемыми ситуацией требованиями. Человек в данном случае встает перед выбором: либо он не признает ответственность за собственную жизнь и останавливается на стороне количественного пополнения информации, либо он готов с помощью воли преодолеть себя для достижения поставленной им цели, выбрав ту стратегию действий, которая позволит ему адаптироваться в новой, малоизвестной жизненной реальности, справиться с условиями окружающей реальности, «без девальвации ценностей своего Я» [6, с. 131].

В представленной модели под пространственно-временным комплексом понимается системно-структурная организация, задействованная в процессы многомерного взаимодействия личности с окружающим человека миром и с самим собой, а также способы данного взаимодействия. В своей конструкции, пространственно-временной комплекс включает в себя два составляющих элемента: продуктно-пространственный (статический) и процессуально-временной (динамический).

Статический элемент в организации личности представлен психикой, организмом, социальными параметрами, которые у каждого отдельного индивида преобразуются в уровни его структурной организации, образуя ту целостность, позволяющую человеку осознавать себя как способного к адекватной реакции на вызовы, предъявляемые в социальном пространстве. Реальное отображение человеческой инициативности в виде постоянных актов взаимодействия с объектами окружающего мира является динамической составляющей пространственно-временного комплекса. Так, интеллектуальное развитие человека в позиции субъекта в различной степени обусловлено динамической составляющей пространственно-временного комплекса, которое проявляется у человека во внешнеплановых и внутреннеплановых действиях, что наиболее полно представляет собой изложение психологического механизма развития и саморазвития субъекта.

Следует отметить, что данное разграничение пространственно-временного комплекса на статическое и динамическое составляющее является трудно уловимым по причине того, что интернальный и экстернальный переходы происходят непрерывно.

Во внешнем плане деятельностное развитие может быть представлено двумя ветвями: одна ветвь дает представление о созидательных процессах технологической работы (средства, техники, приемы, способы), благодаря которым осуществляется творческая деятельность субъекта. Согласно автору концепции, данный процесс отвечает на вопрос: «Как осуществляется созидание?». Другая ветвь является содержательной, что в творческом проявлении рассматривается как создание совершенно нового продукта. В данном случае деятельностный процесс ассоциируется с вопросом «Что создает субъект?» [7].

К наиболее значимым продуктам, полученным субъектом в ходе созидания в синтезе с применяемыми приемами и техниками, можно выделить три: «для себя», «для немногих других», «для общества, для культуры». Результаты созидательной активности «для себя» есть ничто иное, как оригинальный, креативный и творческий продукт, свойственный только его субъекту. Другие же продукты «для немногих других», «для общества, для культуры» будут являться значимыми, утвержденными и имеющими смысловое значение в определенном диапазоне окружающего мира. И лишь только оцениваемые «для общества, для культуры» продукты деятельности определяются как творческие, имеющие свое значение для всего человечества. Тем самым, внешнеплановые действия являются субъектной активностью, где конечной точкой будет взаимодействие с внешним миром, его преобразованием и выходом на новый уровень [7, с. 149].

Внутреннеплановые действия позволяют создать представление о процессах, этапности реализации интеллектуального процесса в субъекте, незаметных для окружающих и невозможных к измерению объективными средствами. Данные модели внутреннепланового развития подтверждаются лишь посредством продуктов деятельности вовне, на основе оценки их результатов. В своей структуре аналогично с внешнеплановыми действиями выделяются две ветви. Первая ветвь представлена в виде количественного наполнения субъектом полученной информации, без какой-либо дальнейшей мыслительной обработки (репродуктивная деятельность). Стоит отметить, что согласно данному направлению, люди, пользующиеся таким способом действий, не достигают успешных результатов в жизнедеятельности в связи с тем, что ничего не создают, а используют опыт других людей. Вторая ветвь внутреннеплановой деятельности – ветвь качественного преобразования поступающей информации извне (творчество человека внутри). В отличие от репродуктивной деятельности, по первому течению на данном направлении созидание вовне и внешнее преобразование будут являться явлением одного целого, так как творчество в своем значении имеет свойство внешнего и внутреннего созидания.

Качественное преобразование действия субъекта, согласно классическим подходами (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский) осуществляется по фазам: насыщение – проблема – гипотеза – постановка задач – выводы (суждения, умозаключения) – формирование обобщенного образа объекта, ситуации, другими словами, постижение его сути, которое остается в виде модели в сознании. С другой стороны, в соответствии с подходом Я.А. Пономарева, действия субъекта реализуются по следующим фазам: насыщение – проблема – крах логических программ – интуитивное озарение – вербализация – формализация. В первом и во втором подходах процесс прекращается формированием внутренней обобщенной модели, продукта, имеющего предельно сформализованный вид, результат [6, с. 38].

В своей основе интеллектуально-деятельностной модели активности субъекта положена идея Л.С. Выготского [3] (школы С.Л. Рубинштейна, школы Я.А. Пономарева) о «зонах ближайшего развития», в которых с помощью идеи «психологического маятника», идет обращение к пассивным и активным, имеющихся в окружении, колебательным системам.

Во многом благодаря идее взаимопереходов из внешне- во внутриплановые действия процесс происходит постоянно на аритмичной колебательной основе (по В.М. Бехтереву), схожего с движением «маятника». Исходя из сформулированной в концепции идеи психологического «маятника», процессы постоянных переходов экстернальных действий субъекта в интернальные и наоборот позволяют проникновению амплитуды колебаний в зоны ближайшего развития (по Л.С. Выготскому), развитию и плодотворному саморазвитию человека. Согласно этому положению, пассивные системы приводятся в состояние колебания при воздействии на них активных систем, оставляя свой отпечаток в виде процесса стадияльной умственной деятельности, как по ступеням созидания технологического и содержательного планов действий.

Таким образом, человек может выступать в качестве субъекта деятельности лишь только в активной колебательной системе, в процессе функционирования которой он приводит в преобразование собственные мотивы и цели [7]. Благодаря этому механизм реализации поставленных целей и их актуализации посредством внутриплановых воздействий осуществляется во внутреннем пространстве, а осуществление целей во внешнем, окружающем, мире реализуется через внешнеплановые действия. После достижения конечной жизненной цели происходит актуализация и активизация поиска новых, что переводит человека на новый уровень своего развития.

Как можно заметить, существенной проблемой в реализации изложенной выше модели является проблема активизации интеллектуально-деятельностного «маятника». Следуя основным положениям модели развития и саморазвития субъекта в структуре динамической составляющей пространственно-временного комплекса, а именно – идее о процессах взаимопереходов из внутри- во внешнеплановые действия и наоборот, можно предположить, что воля как инструмент самопреодоления может дополнить концепцию, подчиняясь и воздействуя на данный механизм. Происходящий процесс при включении

воли человека в структуру динамической составляющей пространственно-временного комплекса позволяет активизировать механизм «запуска» психологического маятника, необходимого для преобразования внутреннеплановых действий во внешнеплановые, что и представляет собой акт самопреодоления.

При усвоении и преобразовании условий, предъявляемых обществом во внешнем плане, и формировании адекватного ответа на основе своих представлений и само-процессов (внутренний план) плодотворное взаимодействие с окружающим миром возможно лишь при выработке самостоятельной возможности отвечать таким запросам, преодолевать себя за счет осуществляемой субъектом жизнедеятельности и посредством ее постижения, что согласуется с постоянным действием колебательной системы маятника. Показателем такого развития выступает не только желание человека следовать имеющимся ценностям и нормам, а в большей степени возможность преобразования себя и социального пространства в процессе жизнедеятельности. Осуществление взаимоперехода созидательной активности требует от человека совершения акта самопреодоления, что наглядно можно представить на рисунке.

В выраженной двунаправленности модели динамического составляющего пространственно-временного комплекса самопреодоление личности как акт перехода также проявляется в двух направлениях. Первое в качестве внешнего проявления будет выражаться в преобразовании продукта созидательной активности, которое может быть представлено во внешнем пространстве (творчество, искусство, продукт деятельности, который может быть оценен внешне). Внутреннее проявление самопреодоления человека будет выражено следующим: в связи предъявляемым потоком информации извне человек посредством волевого сопротивления будет находиться в состоянии готовности мобилизовать ресурсы в выборе доступной для него нужной поступающей информации как возможность сопротивления внешним вызовам. Данное направление является в достаточной степени сложным для оценки со стороны, так как результат данного преобразования носит субъектную значимость для его носителя, которое тем не менее может быть представлено в виде субъектных характеристиках человека (волевые качества, компоненты личностного преобразования, способности).

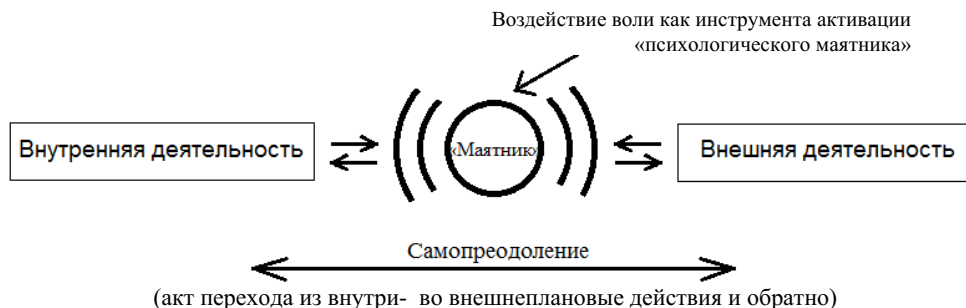

Рисунок. Воздействие воли на активизацию «психологического маятника»

Одной из проблем саморазвития и становления субъекта является проблема движения из зон актуального развития (внутреннеплановые действия) в зону потенциального развития, а именно: возможность запуска движения психологического «маятника». Особенно остро это может проявляться у людей с низким уровнем проявления субъективности, активной позиции, слабым представлением об образе «Я-реальное», неспособностью преодоления себя для созидательного действия. Возможность запуска механизма будет происходить с меньшей трудностью в условиях, если субъект в состоянии к саморазвитию в единую с осознанием собственных возможностей, нераскрытого потенциала личности, воли, готов сформировать основные по называемым специфическим особенностям. Другими словами, это можно назвать стимулом к самопреодолению субъекта к движению по линии интернальных действий (формулировка проблемы). Человек на подобную подсказку для разрешения внутренних конфликтов активизирует волю к самопреодолению для последующей созидательной деятельности по фазам, составляющим внутреннеплановую активность пространственно-временного комплекса: выдвижение гипотезы – постановка задач – выводы по решенной проблеме – обобщение результатов решенных задач, где воля как инструмент самопреодоления может занимать любую из позиций в структуре фазовой реализации действия.

В качестве одной из получивших в современной науке распространение форм преобразования личности может являться тренинг. Активизация запуска механизма психологического маятника возможна посредством тренингового воздействия, где в процессе взаимодействия тренера и участника человек как субъект-модератор внешнеплановых и внутреннеплановых действий способен раскрыть тот скрытый потенциал ресурсов, необходимый для активизации воли с последующей ее готовностью к самопреодолению.

Самопреодоление может быть представлено в качестве занимающего промежуточное положение между свойственной данной системе двунаправленности процесса (внешней и внутренней), которое реализует данный переход с помощью активизации и включения воли (запускает внутриличностные процессы). Именно волевое начало человека позволяет оптимизировать скрытые ресурсы субъекта на основе количественного, созидательного процесса, мыслительной переработки и дальнейшего синтезирования во внешнеплановое действие, где результат творческой активности будет сформулирован в виде созидания, совершенствования себя, общества.

Следовательно, функционирование интеллектуально-деятельностной и личностной организации

человека может быть дополнено волей как активизирующим инструментом «запуска» психологического маятника в акте самопреодоления, т.е. в переходе из внутреннеплановых действий во внешнеплановые. Особое внимание стоит уделить непосредственному этапу перехода в самопреодолении, где он может быть описан следующим образом: после постановки выбора пути и определения средств преодоления себя в жизнедеятельности в момент перехода из внутреннего во внешнее созидательное действие и пропорционально обратному, субъект осуществляет активные сознательные действия, направленные на преобразование и достижение результата в поставленной им цели. Человек как субъект на данной границе выбирает наиболее возможные и эффективные средства, способы, способности, ресурсы, учитывая свой новый опыт в достижении результата. Продукт, произведенный в ходе данного перехода, может быть представлен как «для себя», «для немногих других», так и «для общества, для культуры».

Согласно проведенному анализу модели системно-структурного представления психологической организации человека как субъекта развития и саморазвития, можно заключить, что самопреодоление проявляется с помощью формы активности субъекта, где данная активность исходит из волевого стремления человека, стремления в расширении собственных границ, выборе необходимых средств и ресурсов, направленных на творческое самораскрытие. Волевое начало в субъекте жизнедеятельности содержит в себе определенную свободную, внутреннюю силу за границами «Я», которое, так или иначе, воспринимается как внутренняя сила побуждения.

Литература

1. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – М., 1986.
2. Братусь, Б.С. Нравственное сознание личности / Б.С. Братусь. – М., 1985.
3. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М., 2005.
4. Зинченко, В.П. Человек развивающийся: очерки российской психологии / В.П. Зинченко, Е.Б. Моргунов. – М., 1994.
5. Петровский, В.А. Феномен субъектности в психологии личности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / А.В. Петровский. – М., 1993.
6. Попов, Л.М. Добро и зло в этической психологии личности / Л.М. Попов, О.Ю. Голубева, П.Н. Устин. – М., 2008.
7. Попов, Л.М. Концепция человека как субъекта развития и саморазвития / Л.М. Попов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2005. – Т. 147. – № 2. – С. 123–138.
8. Франкл, В.Ф. Человек в поисках смысла / В.Ф. Франкл. – М., 1990.

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК МЫШЛЕНИЯ И ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПОД ВЛИЯНИЕМ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье приводятся результаты исследования изменения характеристик мышления и психического состояния человека под влиянием виртуальной реальности образовательного характера.

Характеристики мышления, характеристики психического состояния, виртуальная реальность, образование.

Results of research of change of characteristics of human thinking and mental state under the influence of virtual reality of educational character are presented in the article.

Characteristics of thinking, characteristics of mental state, virtual reality, education.

Одними из самых популярных современных цифровых технологий являются технологии виртуальной реальности (VR), позволяющие при помощи специальных технических средств (персонального компьютера (ПК), шлема VR, очков VR, костюма VR и т.п.) погружаться в трехмерную красочную виртуальную среду с возможностью изменять угол обзора виртуального пространства, действовать в ней, изменяя некоторые параметры виртуальных объектов и т.д.

Технологии VR используются во множестве сфер человеческой деятельности: для тренинга профессиональных умений и навыков в военных специальностях, у железнодорожников, водителей и проч., для обеспечения психологической релаксации, для лечения страхов и фобий, для лечения неврозов, в профессиональном обучении, в психологических исследованиях. Относительно психологических исследований можно отметить адекватность и перспективность применения технологий VR для изучения феноменов сознания, когнитивных процессов, психологии общения, психологии воздействия на формирование настроения, некоторых вопросов психотерапии и психологической реабилитации [1].

Наши исследования связаны с влиянием VR на некоторые характеристики мышления и психического состояния человека. Данный вопрос относительно слабо рассмотрен в психологической литературе и поэтому требует дальнейших экспериментальных исследований с теоретическим и статистическим обоснованием полученных данных.

Вопросом влияния VR на мышление и психическое состояние человека занимались различные исследователи (Banos, Riva, В.В. Селиванов, П.В. Сорочинский, Ю.Н. Усов, П.А. Побоккин и др.). В работах отмечается возможность изменять настроение испытуемых за счет изменения различных параметров VR (Banos и др.) [6]; позитивное влияние VR на развитие мышления и интеллекта в решении латеральных (В.В. Селиванов) [3] и предметных задач, например, в области математики (П.А. Побоккин) [2] и биологии (П.В. Сорочинский) [4]; общие аспекты виртуального мышления, развертывающегося под влиянием технических виртуальных сред (Ю.Н. Усов) [5]; позитивное влияние VR образовательного характера на некоторые аспекты настроения и психического состояния человека (П.В. Сорочинский) [4].

Здесь мы приводим некоторые результаты наших экспериментальных исследований и их математико-статистической обработки. Эксперимент проводился с виртуальной обучающей программой по биологической теме «Синтез белка», созданной в 2012 г. в рамках проекта по государственным заданиям Министерства образования и науки России «Влияние обучающих программ, созданных средствами виртуальной реальности, на мышление и психические состояния человека» (2012–2014 гг.) на базе кафедры общей психологии Смоленского государственного университета (СмолГУ) авторским коллективом под руководством доктора психологических наук, профессора, заведующего кафедрой общей психологии СмолГУ В.В. Селиванова (автор сценария – П.В. Сорочинский, программист – В.П. Титов). Данный программный продукт отвечает основным требованиям средств VR (содержит красочные трехмерные объекты, изображающие соответствующие микрообъекты, участвующие в клеточных процессах биосинтеза белка; фон, соответствующий клеточной среде; анимацию с объектами, моделирующую реальные процессы живой природы; возможность навигации в виртуальном пространстве клетки; обеспечивает у пользователя состояние «присутствия» в степени, зависящей от воспроизводящего технического средства (персонального компьютера, шлема VR и др.). Программа создана за счет средств программирования "Unity", в мере, достаточной для полного усвоения соответствующей темы в рамках курса биологии средней общеобразовательной школы и выполнения заданий ЕГЭ всех уровней сложности. В программе есть звуковое сопровождение, раскрывающее основные моменты темы.

Исследования с данной программой включали различные психологические методы и методики, в том числе и математико-статистическую обработку данных при помощи программы «Статистика 6». Количество испытуемых доходило до ста человек, среди которых были в основном подростки 15–17 лет, а также люди взрослого и даже пожилого возраста.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют результаты таких методов исследования, проводимых с данной программой, как микросемантический анализ мышления (А.В. Брушлинский) и

психологическое тестирование на предмет измерения некоторых характеристик психического состояния испытуемых.

Для микросемантического анализа мышления испытуемым предлагалось до и после работы с программой решить цитологическую задачу школьного уровня по теме «Синтез белка» (на определение комплементарных последовательностей генов ДНК и информационной РНК, аминокислотной последовательности белка, которую кодирует определенный участок РНК). При этом испытуемые должны были проговаривать все свои рассуждения по поводу решения задачи вслух. Рассуждения записывались экспериментатором письменно либо на диктофон для последующего микросемантического анализа. При этом оценивалось изменение до и после работы с программой таких характеристик мышления, как анализ через синтез, уровень прогнозов искомого решения задачи, критерий принятия-непринятия подсказки, отражение соотношения условий и требований задачи и др.

Для тестирования на предмет измерения некоторых характеристик психического состояния испытуемых использовался тест-опросник «Актуальное состояние» (Л.В. Куликов). Испытуемым также предоставлялась возможность выполнить этот тест до и после работы с программой. Тестирование позволяло измерить изменение таких характеристик психического состояния, как: спокойствие-тревога, тонус, возбуждение, активация и самочувствие.

Под влиянием виртуальной обучающей программы характеристики мыслительного процесса изменялись следующим образом.

Характер прогнозов искомого решения в 58 % случаев повышался с низкого (до программы) до среднего (после программы), со среднего до высокого – в 25 % и в незначительных количествах (4–7 %) не изменялся вовсе или изменялся с низкого до высокого.

Анализ через синтез изменял характер с направленного до смешанного – в 54 %, со смешанного до направленного – в 23 % и в незначительных количествах (4–8 %) не изменял своего характера или изменялся с низкого до высокого.

Критерий принятия-непринятия подсказки изменялся со значения «не принятия» до «принятия» в 59 % случаев, со значения «принятия» до значения «в подсказке не нуждался» в 26 % случаев и в незначительных количествах (5–8 %) не изменялся (подсказка либо не принята до и после работы с программой, либо в редких случаях принята в обоих случаях).

Относительно отражения в мышлении испытуемых соотношения условий и требований задачи следует отметить, что до работы с программой часто замечалось полное отсутствие связей между данными компонентами задачи, либо бесперспективные в плане решения догадки (гипотезы) об этих связях. После работы с программой при решении задачи испытуемые находили искомые связи более успешно.

После обработки данных по изменениям психического состояния были обнаружены следующие средние величины повышения некоторых компонентов психических состояний: активация – на 12 %, тонус – на 13 %, самочувствие на 13 %, спокойствие-тревога – на 5 % (в сторону спокойствия), возбуждение – на 12 %.

Математико-статистическая обработка данных по изменению параметров психических состояний с использованием программы «Статистика 6» позволила наглядно оценить значимость различий в выраженности того или иного параметра до и после работы с программой. Здесь для примера мы приводим только гистограммы, характеризующие распределение количества испытуемых до и после работы с программой с той или иной степенью выраженности параметров «Активация» и «Возбуждение» (см. рис. 1, 2, 3, 4).

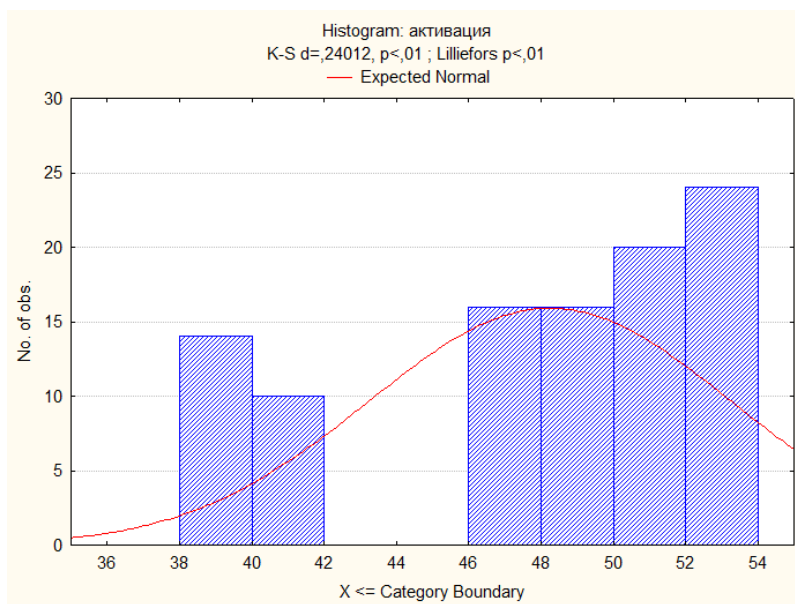

Рис. 1. Гистограмма распределения количества испытуемых (по вертикальной оси) с той или иной степенью выраженности параметра «Активация» (по горизонтальной оси) до работы с программой

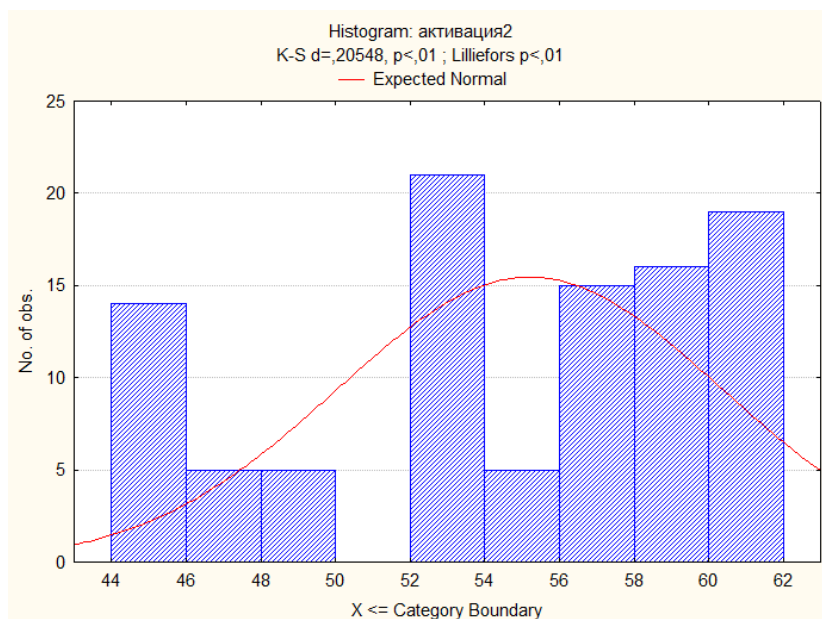

Рис. 2. Гистограмма распределения количества испытуемых (по вертикальной оси) с той или иной степенью выраженности параметра «Активация» (по горизонтальной оси) **после** работы с программой

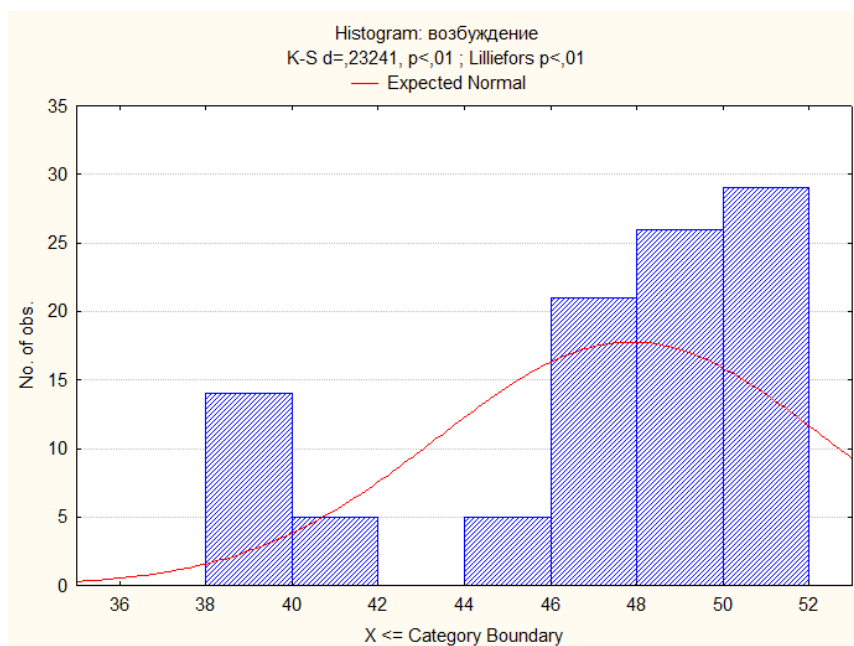

Рис. 3. Гистограмма распределения количества испытуемых (по вертикальной оси) с той или иной степенью выраженности параметра «Возбуждение» (по горизонтальной оси) **до** работы с программой

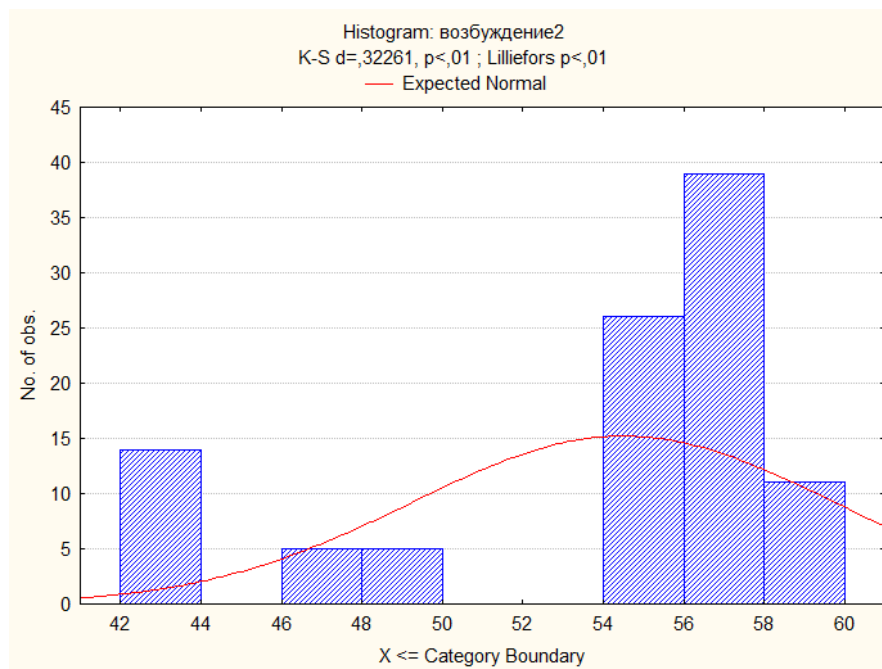

Рис. 4. Гистограмма распределения количества испытуемых (по вертикальной оси) с той или иной степенью выраженности параметра «Возбуждение» (по горизонтальной оси) **после** работы с программой

Как видно из предложенных гистограмм, а также других гистограмм, полученных в процессе обработки данных, указанные параметры психического состояния испытуемых незначительно увеличивается (на 5–13 %), что говорит об общем позитивном влиянии наших виртуальных обучающих программ на психическое состояние испытуемых.

В результате проведенных исследований можно заключить, что работа с нашей виртуальной обучающей программой положительно сказывается как на развитии мышления, так и на формировании благоприятных психических состояний человека:

- при решении предметной задачи увеличивается в положительную сторону характер прогнозов искомого решения;
- анализ через синтез приобретает все больше черт направленности;
- подсказки для решения задачи применяются все чаще и эффективнее;
- соотношение условий и требований задачи в мышлении отражаются все четче и перспективнее в плане решения;
- некоторые основные компоненты психического состояния повышаются в позитивную сторону.

Таким образом, эксперимент наглядно и убедительно показывает значительные перспективы в применении таких программ в плане образования

школьников и студентов, а также интеллектуального развития и релаксации человека в целом.

Литература

1. Войскунский, А.Е. Психология и интернет / А.Е. Войскунский. – М., 2010.
2. Побокин, П.А. Целесообразность использования средств виртуальной реальности в курсе изучения стереометрии / П.А. Побокин // Психология когнитивных процессов. – Смоленск, 2014. – С. 218–222.
3. Селиванов, В.В. Использование методов виртуальной реальности в развитии интеллекта и обучении / В.В. Селиванов // Образование в современном информационном обществе: синергетическая модель. – Саратов, 2009. – С. 135–139.
4. Сорочинский, П.В. Влияние образовательной виртуальной реальности биологической тематики на мышление и психические состояния школьников старших классов / П.В. Сорочинский // Известия Смоленского государственного университета. – № 2 (22). – С. 384–392.
5. Усов, Ю.Н. Виртуальное мышление школьников в приобщении к различным видам искусства / Ю.Н. Усов // Искусство в школе. – 2000. – № 6. – С. 3–6.
6. Banos, R.M. Changing induced moods via virtual reality / R.M. Banos, V. Liano, C. Botella, M. Alcaniz, B. Guerrero, B. Rey // Persuasive technology: Proceedings of first international conference on persuasive technology for human well-being (May 2006, Eindhoven, The Netherlands). Lecture Notes in Computer Science. Vol. 3962 / Ed. by W. IJsselstein, Y. de Kort, C. Midden, B. Eggen, E. van den Hoven. – Berlin et al., 2006. – P. 7–15.

РЕЗУЛЬТАТЫ УРОВНЕЙ СФОРМИРОВАННОСТИ ТОЛЕРАНТНОСТИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Данная статья посвящена результатам уровней сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия. Рассмотрена достоверность различий показателей для контрольной группы до и после эксперимента, где значимых различий не произошло и экспериментальной группы, где произошли количественные изменения младших подростков на уровнях сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия.

Достоверность различий, экспериментальная и контрольная группы, уровни сформированности.

This article presents the results of the levels of formation of tolerance in the process of constructive interaction. The article considers the significance of differences of indicators for the control group before and after the experiment, where significant differences have not happened and the experimental group where young adolescents' quantitative changes at the levels of tolerance formation in the process of constructive interaction.

Reliability of distinctions, experimental and control groups, levels of formation.

Формирование толерантности в современных условиях приобретает особую остроту, так как в обществе нарастает ожесточенность, нетерпимость друг к другу, агрессивность [2]. В нашем исследовании мы ввели авторскую трактовку изучаемого понятия «толерантность» – психологическая способность вступать во взаимодействие с другими людьми и готовность личности к активной нравственной позиции, направленную на позитивное взаимодействие, понимание и признание многообразия культуры мира, друг друга, способствующие принятию другого и сохранению внутреннего равновесия (индивида, общества).

Необходимо отметить, конструктивное взаимодействие – совместная деятельность – направлена на понимание индивидуальных особенностей партнера заинтересованных друг в друге личностей, стремящихся к самосовершенствованию, самоактуализации, продуктивному разрешению возникающих противоречий и к социально-значимому результату.

В работе были использованы методики исследования:

- 1) экспресс-опросник «Индекс толерантности»;
- 2) вопросник для измерения толерантности;
- 3) методика диагностики общей коммуникативной толерантности;
- 4) опросник для диагностики способности к эмпатии;
- 5) диагностика уровня эмпатических способностей;
- 6) шкала фашизма;
- 7) опросник для измерения общих социальных установок у детей;
- 8) диагностический тест отношений;
- 9) методика диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса;
- 10) оценка отношений подростка с классом;
- 11) метод экспертных оценок;
- 11) математико-статистические методы обработки результатов исследования.

Экспериментальное исследование проводилось в МКОУ «Лицей № 1» г. Шадринска Курганской области. В контрольном эксперименте приняли участие 52 ученика 5–6 классов. В результате корреляционного и факторного анализа были выделены критерии и показатели толерантности: индекс толерантности, измерение толерантности вербального поведения, коммуникативная толерантность, способность к эмпатии, эмоциональный канал эмпатии, интуитивный канал эмпатии, установки в эмпатии, идентификация в эмпатии, общий уровень эмпатии, шкала фашизма, уровень предубежденности, эмоции и оценка, соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление, индивидуалистический тип, прагматический тип, коллективистический тип.

В ходе анализа результатов констатирующего эксперимента были выделены критерии и уровни сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия: низкий, ниже среднего, средний, выше среднего, высокий, согласно надежности получаемой информации, обоснованности точности и правильности выбора (пятичленной шкалы по В.А. Ядову). Далее эмпирические показатели каждого компонента преобразовывались в количественные эквиваленты с помощью числовых систем по заранее обусловленным оценкам (баллам), т.е. разрабатывалась специальная шкала для оценки выделенных компонентов толерантности в процессе конструктивного взаимодействия. В исследовании были выделены следующие количественные показатели: 0 баллов – низкий уровень сформированности показателей; 1 балл – ниже среднего; 2 балла – средний уровень; 3 балла – выше среднего; 4 балла – высокий уровень сформированности показателей. Суммарный балл по всем показателям меняется в пределах от 0 до 80, следовательно, уровни толерантности в процессе конструктивного взаимодействия определялись следующими равномерными интервалами. Решение вопроса о том, на каком уровне сформированности толерантности в процессе конструктивного

взаимодействия находится младший подросток, принимался на основе сравнения полученного им суммарного балла со шкалой измерения уровня. Полученные данные каждого испытуемого заносились в сводную таблицу и переводились в баллы.

На основании систематизации теоретических и экспериментальных исследований проблемы формирования толерантности в процессе конструктивного взаимодействия на этапе констатирующего эксперимента была разработана комплексная психологическая модель поэтапного формирования толерантности у младших подростков в процессе конструктивного взаимодействия, ее внедрение осуществлялось на этапе формирующего эксперимента.

Модель формирования толерантности у младших подростков в процессе конструктивного взаимодействия включает этапы: диагностический, мотивационный, когнитивный и блок аккумуляции, которая рассчитана на 48 академических часов, при проведении двух занятий в неделю в течение трех месяцев, каждое из которых имеет свое назначение, процедурное обеспечение, продолжительностью от 40 мин. до 1,2 ч, количество человек в группе – 12. Комплектование группы проводится по принципу добровольности и информированности с созданием атмосферы открытости и спонтанности. Каждое занятие программы состоит из вводной части, которая направлена на создание комфортной атмосферы и эмоционально благополучного фона в группе (15 мин.). Упражнения: «Зверята хлопают». В основе – ориентировка на повышение низкого и среднего уровней толерантности. Упражнение «Ценности» представлено в заключительной части для завершения занятия (15 мин.). Для этого использовали: «Птица, расправляющая крылья». Данная программа состоит из трех блоков:

1. Толерантность – это ... («Выделяем главное»).
2. Толерантность к себе и к другим («Каждый дорог»).
3. Конструктивное взаимодействие («Искусство взаимодействия»).

Качественная оценка полученных результатов данного этапа осуществлялась путем самоотчетов и отзывов участников программы.

Для эффективности реализации программы мы задействовали педагогов, проводя педагогический лекторий на тему: «Взаимодействие в современном мире», педагогическую гостиную на тему: «Конструктивное взаимодействие». Кроме этого были проведены: родительский час, круглый стол, родительские университеты.

Анализ результатов контрольного этапа эксперимента осуществлялся по трем направлениям:

- 1) анализ достоверности различий показателей толерантности в процессе конструктивного взаимодействия для контрольной группы;
- 2) анализ достоверности различий двух экспериментальной и контрольной;
- 3) анализ изменений уровней сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия у экспериментальной и контрольной групп.

Для подтверждения эффективности формирующего этапа эксперимента была выявлена значимость различий по критерию t-Стьюдента [1] у контрольной группы до и после эксперимента, полученные данные представлены в табл. 1.

Показатели, используемые в ходе исследования структуры толерантности в процессе конструктивного взаимодействия: ИнТ – Индекс толерантности, ИзТ – Измерение толерантности вербального поведения, КТ – Коммуникативная толерантность, СкЭ – Способность к эмпатии, ЭКЭ – Эмоциональный канал эмпатии, ИКЭ – Интуитивный канал эмпатии, УвЭ – Установки в эмпатии, ИЭ – Идентификация в эмпатии, ОЩЭ – Общий уровень эмпатии, ШФ – Шкала фашизма, УП – Уровень предубежденности, ЭО – Эмоции и оценка, Сп – Соперничество, Ст – Сотрудничество, Км – Компромисс, Из – Избегание, Пс – Приспособление, Ин – Индивидуалистический тип, Пр – Прагматический тип, Кл – Коллективистический тип. Анализ табличных данных показал, что все показатели $p > 0,05$. Поэтому можно заключить, что в большинстве случаев значимых различий в контрольной группе не произошло.

Статистический анализ сравнения двух групп экспериментальной и контрольной после эксперимента представлен в табл. 2.

Таблица 1

Достоверность различий показателей толерантности в процессе конструктивного взаимодействия для контрольной группы до и после эксперимента (t-критерий Стьюдента)

Показатели	Среднее	Стд.от.	t	p
1	2	3	4	5
ИнТ	35,98	11,97	1,57	0,42
	34,72	12,09		
ИзТ	4,26	4,77	1,45	0,24
	4,20	4,48		
КТ	22,28	7,19	1,76	0,09
	21,37	7,43		
СкЭ	19,73	4,73	1,33	0,25
	19,39	4,81		
ЭКЭ	4,03	1,29	0,45	0,28
	4,00	1,31		

1	2	3	4	5
ИКЭ	4,94	1,32	0,79	0,23
	4,91	1,56		
УвЭ	2,50	1,45	0,23	0,17
	3,01	1,39		
ИЭ	5,42	0,86	0,36	0,73
	5,17	0,97		
ОЩЭ	24,32	2,35	0,24	0,16
	24,04	2,60		
ШФ	40,84	15,84	0,99	0,36
	40,46	15,21		
УП	4,44	1,57	0,34	0,37
	4,13	1,91		
ЭО	14,30	3,54	0,23	0,11
	15,30	3,44		
Сп	5,23	2,40	1,24	0,17
	4,84	2,43		
Ст	5,73	1,80	1,21	0,35
	6,28	1,93		
Км	5,51	2,00	0,22	0,09
	6,51	2,11		
Из	7,50	2,01	0,51	0,49
	7,13	2,13		
Пс	4,40	2,64	0,20	0,07
	5,18	2,79		
Ин	2,76	1,02	0,17	0,09
	3,23	1,24		
Пр	4,03	1,97	0,25	0,07
	5,13	1,79		
Кл	2,53	1,09	0,03	0,12
	3,89	1,58		

Примечание. Отмечены различия, значимые на уровне $p > 0,05$

Таблица 2

Достоверность различий двух групп экспериментальной (ЭГ) и контрольной (КГ) группы после эксперимента (t-критерий Стьюдента)

Показатели	Среднее для ЭГ	Среднее для КГ	t-значение	P (уровень значимости)
ИнТ	44,78	35,98	2,15	0,03
ИзТ	6,94	4,26	3,74	0,00
КТ	24,53	22,28	1,04	0,01
СкЭ	28,86	19,73	1,05	0,00
ЭКЭ	5,96	4,03	1,44	0,00
ИКЭ	5,96	4,94	1,29	0,02
УвЭ	6,00	4,07	3,36	0,00
ИЭ	5,75	5,42	2,16	0,03
ОЩЭ	35,73	24,32	2,80	0,00
ШФ	39,34	40,84	1,62	0,01
УП	1,23	4,44	1,54	0,00
ЭО	16,39	14,30	1,57	0,01
Сп	1,34	5,23	1,08	0,00
Ст	11,76	5,73	2,20	0,00
Км	9,76	5,51	6,99	0,00
Из	0,36	7,50	2,34	0,00
Пс	5,48	4,40	2,21	0,02
Ин	0,01	2,76	1,50	0,00
Пр	3,28	4,03	1,43	0,00
Кл	14,00	2,53	2,75	0,00

Примечание. Отмечены различия, значимые на уровне $p < 0,05$

Данные табл. 2 позволяют заключить, что произошли значимые изменения по всем показателям толерантности в процессе конструктивного взаимодействия ($p < 0,05$).

Таким образом, анализ достоверности различий показателей толерантности в процессе конструктивного взаимодействия для контрольной группы и анализ достоверности различий двух групп экспериментальной и контрольной подтверждают эффективность разработанной психологической модели, направленной на формирование толерантности у младших подростков в процессе конструктивного взаимодействия.

Еще одним из показателей эффективности разработанной психологической модели является анализ изменений уровней сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия у экспериментальной и контрольной группы младших подростков до и после эксперимента.

Проанализируем количественные изменения в распределении младших подростков ЭГ по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия до и после эксперимента (данные отражены на рис. 1 и 2).

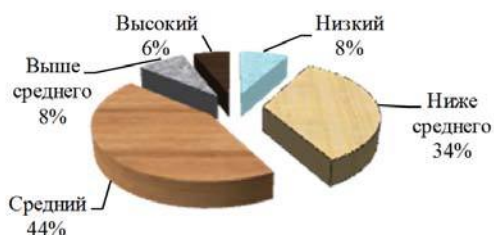

Рис. 1. Распределение младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия у младших подростков ЭГ до формирующего эксперимента, %

Согласно данным рис. 1, распределение младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия в ЭГ до проведения формирующего эксперимента следующее: на низком уровне – 4 (8 %) человека, ниже среднего – 18 (34 %), на среднем уровне – 23 (44 %), выше среднего – 4 (8 %) и высоком уровне – 3 (5 %) младших подростков.

Распределение младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия в ЭГ после формирующего эксперимента представлена на рис. 2.

Анализ полученных данных позволяет заключить, что в ЭГ после формирующего этапа произошли количественные качественные изменения в распределении младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия: низкий уровень отсутствует, наблюдается снижение числа младших подростков на уровне ниже среднего с 18 человек до 4 (8 %), на среднем уровне с 23 до 16 (30 %) человек, увеличилось – на уровне выше среднего с 4 до 22 (43 %) и

на высоком уровне с 3 до 10 (19 %) младших подростков.

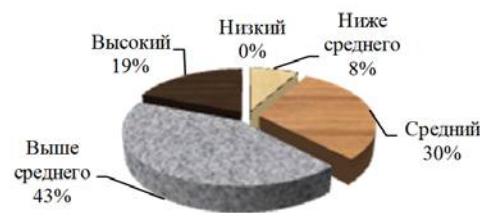

Рис. 2. Распределение младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия у младших подростков ЭГ после формирующего эксперимента, %

Уровень сформированности толерантности у младших подростков в процессе конструктивного взаимодействия ниже среднего снизился до 4 (8 %) человек. Для младших подростков характерна манипуляция чувствами других; с трудом осуществляется взаимодействие с участниками общения, которое ведется через призму своих стереотипов и личных интересов. Младшие подростки боятся разрешения конфликта, ничего не предпринимают, надеются, что все решится само собой; наблюдается слабое стремление к социальной желательности; у них затрудненность развития способностей в эмпатии и в признании толерантного поведения со стороны других, наблюдается избирательная эмпатичность; склонность подверженности к антидемократической идеологии и к интенсивности негативного стереотипа, проявляется избегание самообладания, выдержки; им проще оскорбиться, чем пойти на компромисс, диагностируется предрасположенность к ситуационно-эмоциональному отношению к отличиям других.

Средний уровень снизился до 16 (30 %) человек. Младшие подростки отражают проявление уважения, доброжелательности, вежливости; проявляется позитивное восприятие окружающих; равнодушное стремление к социальной желательности; пассивное взаимодействие; стремление развития способностей в эмпатии; средняя подверженность антидемократической идеологии; неразрешенность конфликта. Иногда замечают чувства других, состояние души, кроме того налаживают отношения и активные действия; признают толерантное поведение со стороны других, но проявляют толерантность избирательно. В большинстве случаев не отдают четкого предпочтения позитивному или негативному полюсу оценки. Чаще всего ситуационное проявление самообладания, выдержки зависит от внешних условий, а ситуационно-эмоциональное отношение к отличиям других зависит от внешних условий.

Количество младших подростков, находящихся на уровне сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия выше среднего, увеличилось до 22 (43 %). Они обладают поддержкой и пониманием друг друга, способны оказывать помощь другим, ориентированы на симпатию, активно стремятся к социальной желательности,

сдержанности по отношению к иной точке зрения и взаимодействию, наблюдается нежелание брать ответственность за свои поступки, слабая подверженность антидемократической идеологии, установка на формирование у себя конкретных качеств, проявление эмоционально-устойчивого отношения к другим, фактически сформированы представления о ценностях толерантности, в большинстве устойчивое проявление терпимого отношения к другим, конфликт разрешается частично или полностью, ориентированы на развитие способностей в эмпатии и проявляют высокую интенсивность позитивного стереотипа.

Количество младших подростков, находящихся на высоком уровне сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия, увеличилось до 10 (19 %). Они обладают высокой степенью сопереживания, сочувствия, установкой на толерантное взаимодействие и на формирование у себя конкретных качеств, интересом к Другому, сменной своей позиции, развитыми способностями в эмпатии, сдержанностью по отношению к иной точке зрения, сформировано позитивное восприятие окружающих, искреннее желание понять, помочь, представления о ценностях толерантности, стремятся к социальной желательности, прислушиваются друг к другу, активно взаимодействуют, наблюдается отсутствие подверженности антидемократической идеологии, интенсивность позитивного стереотипа, эмоционально-устойчивое проявление терпимого отношения к другим, низкий уровень тревожности, агрессивности у ребят, складывается собственное мнение, находится путь к его пониманию, в большинстве случаев решение исходит от одного или нескольких людей, которые совершают активные действия, объясняют свои позиции остальным, и Другие их понимают.

Таким образом, в ЭГ после формирующего этапа эксперимента произошли количественные и качественные изменения младших подростков на уровнях сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия, что во второй раз подтверждает эффективность разработанной комплексной психологической модели формирования толерантности у младших подростков в процессе конструктивного взаимодействия.

Рассмотрим изменения в распределении числа младших подростков КГ по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия до и после эксперимента. Распределение младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия в КГ до проведения формирующего эксперимента следующее: на низком уровне – 3

(6 %) человека, ниже среднего – 19 (36 %), на среднем уровне – 23 (44 %), выше среднего – 4 (8 %) и высоком уровне – 3 (5 %) младших подростков.

Распределение младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия в КГ после формирующего эксперимента свидетельствует: значимых изменений в распределении младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия не произошло. На низком уровне осталось 3 (6 %) человека, на уровне ниже среднего количество младших подростков снизилось с 19 до 17 (32 %) человек, на среднем уровне количество младших подростков возросло с 23 до 25 (48 %) человек, на уровне выше среднего осталось 4 (8 %) человек, и высоком уровне также осталось 3 (6 %) младших подростков. Итак, значимых количественных и качественных изменений в распределении младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия в КГ не произошло.

Анализ результатов контрольного этапа эксперимента позволил нам сформулировать следующие выводы:

1) значимых различий в контрольной группе до и после эксперимента не произошло;

2) в сравнении с КГ произошли значимые изменения в ЭГ по всем показателям толерантности в процессе конструктивного взаимодействия;

3) в ЭГ после формирующего этапа эксперимента произошли количественные изменения младших подростков на уровнях сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия, а значимых количественных изменений в распределении младших подростков по уровням сформированности толерантности в процессе конструктивного взаимодействия в КГ не произошло.

Сформулированные выводы подтверждают эффективность разработанной комплексной психологической модели формирования толерантности у младших подростков в процессе конструктивного взаимодействия.

Литература

1. Бурева, Н.Н. Многомерный статистический анализ с использованием ППП «STATISTICA» / Н.Н. Бурева. – Н. Новгород, 2007.
2. Контров, Г.Е. Формирование толерантности у подростков в условиях работы детских общественных объединений: дис. ... канд. пед. наук / Г.Е. Контров. – Ярославль, 2004.

Сведения об авторах

АВДАШКИН Андрей Александрович / AVDASHKIN Andrew Alexandrovich	Аспирант кафедры политических наук института гуманитарного образования, Челябинский государственный университет / Postgraduate student, department of political science, Institute of Humanitarian Education, Chelyabinsk state university. E-mail: adrianmaricka@mail.ru
АГАФОНОВА Анна Борисовна / AGAFONOVA Anna Borisovna	Соискатель, старший преподаватель по кафедре истории и философии, Череповецкий государственный университет / Applicant, senior lecturer, department of History and Philosophy, Cherepovets state university. E-mail: unerkannt@bk.ru
АФАНЕСЯН Кристина Кареновна / AFANESYAN Kristina Karenovna	Аспирант кафедры отечественной истории, Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь) / Postgraduate student, department of Russian history, North –Caucasian Federal University (Stavropol). E-mail: kuchurashca@ramler.ru.
БАУШЕВ Андрей Валерьевич / BAUSHEV Andrew Valerievich	Аспирант кафедры истории и теории музыки, Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С.В. Рахманинова / Postgraduate student, department of History and Theory of Music, Tambov State Musical and Pedagogical Institute named after S.V. Rakhmaninov. E-mail: Bayshev14@mail.ru
БОДНАРУК Елена Владимировна / BODNARUK Elena Vladimirovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Candidate of Science (Philology), associate professor of German and French Philology department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: bodnaruk@rambler.ru
БОНДАРЕНКО Ольга Александровна / BONDARENKO Olga Alexandrovna	Аспирант кафедры печатных СМИ, Академия медиаиндустрии, генеральный директор, главный редактор ООО «Редакция газеты «Зори» (Северский район, Краснодарский край) / Postgraduate student, Department of print media, Academy of Media Industry, director, editor-in-chief of the newspaper office „Zory“ (Krasnodar Territory). E-mail: alcherniak@mail.ru; bond_zor@mail.ru
ВАРЛАМОВА Юлия Валерьевна / VARLAMOVA Julia Valerievna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Высшая школа экономики / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of Foreign languages, Higher School of Economics. E-mail: julia.varlamova@mail.ru
ВИНОГРАДОВ Артем Николаевич / VINOGRADOV Artem Nikolaevich	Аспирант кафедры экономики, Череповецкий государственный университет, специалист группы ценообразования, Дирекция по продажам и маркетингу, ОАО «Северсталь» / Postgraduate student, department of Economics, Cherepovets state university, expert of pricing group, Management of Sales & Marketing, JSC Severstal. E-mail: vinogradov – artem@mail.ru
ВОРОНОВ Дмитрий Игоревич / VORONOV Dmitry Igorevich	Аспирант кафедры психологии, старший преподаватель кафедры экономики спорта и финансов, Национальный государственный университет им. П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург) / Postgraduate student, department of Psychology, senior lecturer of the department of Economics and Finance of Sports, National state university named after P.F. Lesgaft, St. Petersburg. E-mail: Voronov.D.I@gmail.com
ВОРОШИЛОВ Николай Владимирович / VOROSHILOV Nikolai Vladimirovich	Аспирант, младший научный сотрудник, отдел проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (ИСЭРТ РАН) / Postgraduate student, junior scientific associate, department of problems of socio-economic development and governance in territorial systems, Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (ISEDТ RAS). E-mail: niks789@yandex.ru

ДЕМЕНТЬЕВА Антонина Александровна / DEMENTYEVA Antonina Alexandrovna	Аспирант кафедры русской и общей филологии, Сыктывкарский государственный университет / Postgraduate student, department of Russian and general Philology, Syktyvkar state university. E-mail: antoninadementyeva@yandex.ru
ДЕРБЕНЕВА Ольга Дмитриевна / DERBENEVA Olga Dmitrievna	Старший преподаватель кафедры русского языка, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса / Senior lecturer of Russian language department, Institute of Foreign Languages, Vladivostok state university of Economics and Services.
ДУГАНОВА Алена Андреевна / DUGANOVA Alyona Andreevna	Магистрант кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет; специалист-эксперт, Росстат, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат) / Postgraduate student, department of History of Philosophy, Cherepovets state university; an expert, Federal State Statistics, Territorial authority of Federal State Statistics Service in Vologda region (Vologdastat). E-mail: toropeata.ru@mail.ru
КАРПОВ Евгений Витальевич / KARPOV Evgeniy Vitalievich	Магистрант кафедры проектирования технологических машин, Новосибирский государственный технический университет / Postgraduate student, department of designing technological machines, Novosibirsk state technological university. E-mail: arsenal@sibnet.ru
КАУРКИН Радислав Вячеславович / KAURKIN Radislav Vyacheslavovich	Кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина / Candidate of Science (History), professor, department of History of Russia and auxiliary historical disciplines, Nizhny Novgorod state pedagogical university named after K. Minin.
КРЫЛОВА Елена Николаевна / KRYLOVA Elena Nikolaevna	Кандидат исторических наук, доцент кафедры рекламы и общественных коммуникаций, докторант кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина / Candidate of Science (History), associate professor, department of Advertising and Public Communication, doctoral student, department of History, Leningrad state university named after A.S. Pushkin. E-mail: hellennak@yandex.ru
КУДИНОВА Наталия Леонидовна / KUDINOVA Natalia Leonidovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры специальной лингвистической подготовки, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of special linguistic training, National Research Nuclear University. E-mail: nataliakudinova@mail.ru
КУРТАСОВ Андрей Михайлович / KURTASOV Andrew Mikhailovich	Аспирант кафедры информационных систем и технологий, Вологодский государственный университет / Postgraduate student, department of Information Systems and Technology, Vologda state university. E-mail: akurtasov@gmail.com
ЛЕГОТИНА Юлия Вячеславовна / LEGOTINA Julia Vyacheslavovna	Магистр филологии, аспирант кафедры русской и общей филологии, Сыктывкарский государственный университет / Master of Philology, postgraduate student, department of Russian and general philology, Syktyvkar state university.
ЛИСТВИН Александр Анатольевич / LISTVIN Alexander Anatoljevich	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры профессионального и технологического образования, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, department of professional and technological education, Cherepovets state university. E-mail: Listvin54@mail.ru
ЛОМАКИНА Ольга Валентиновна / LOMAKINA Olga Valentinovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, доцент кафедры русского языка института языков и культур, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of Modern Russian language, Saint Tikhon's Orthodox humanitarian Universi-

	ty, associate professor, department of Russian language, Institute of Languages and cultures, Moscow state university named after M.V. Lomonosov.
МАГРУПОВА Зульфия Мазгаровна / MAGRUPOVA Zulfia Mazgarovna	Доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления бизнес-школы, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Economics), professor, department of Economics and Management of Business School, Cherepovets state university. E-mail: economica@chsu.ru
НИКУЛИЧЕВ Андрей Викторович / NIKULICHEV Andrew Victorovich	Аспирант кафедры автоматизации и вычислительной техники, Вологодский государственный университет / Postgraduate student, department of Automation and Computer Engineering, Vologda state university. E-mail: nikelyn@mail.ru
НОВИКОВ Алексей Евгеньевич / NOVIKOV Alexey Evgenievich	Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of History and Philosophy, Cherepovets state university. E-mail: AE.Novikov59@yandex.ru
ОВЧИННИКОВА Наталья Дмитриевна / OVCHINNIKOVA Natalya Dmitrievna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры международного бизнеса, Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ) / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of International Business, Moscow state university of Railway Engineering.
ОГОРОДНИКОВ Андрей Михайлович / OGORODNIKOV Andrey Mikhailovich	Аспирант кафедры психологии и педагогики, Межрегиональный открытый социальный институт / Postgraduate student, department of Psychology and Pedagogy, Interregional Open Social Institute. E-mail: drewlp@mail.ru
ПАВЛОВА Ольга Анатольевна/ PAVLOVA Olga Anatoljevna	Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт / Candidate of Science (History), associate professor, department of Humanities, Nizhny Novgorod state engineer-economic institute.
ПАВЛУШКОВ Александр Рудольфович / PAVLUSHKOV Alexander Rudolphovich	Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Вологодский институт права и экономики / Candidate of Science (History), associate professor, department of Philosophy and History, Vologda institute of Law and Economics. E-mail: apavlushkov@yandex.ru
ПЕРЕСЛАВЦЕВА Руслана Станиславовна / PERESLAVTSEVA Ruslana Stanislavovna	Кандидат филологических наук, руководитель информационно-аналитического управления, Воронежская городская Дума / Candidate of Science (Philology), head of Information -Analytical department, Voronezh municipal Duma. E-mail: west30@yandex.ru
ПЕТЕЛИН Борис Валентинович / PETELIN Boris Valentinovich	Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (History), professor, department of History and Philosophy, Cherepovets state university. E-mail: PBWTscherepovez@mail.ru
ПОЛИКАРПОВ Дмитрий Федорович / POLIKARPOV Dmitry Fedorovich	Аспирант кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of Germanic Philology and Intercultural Communication, Cherepovets state university. E-mail: vermilion-pt3@mail.ru
ПОПОВ Леонид Михайлович / POPOV Leonid Mikhailovich	Доктор психологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет / Doctor of Science (Psychology), professor, Kazan Federal university. E-mail: leonid.popov@inbox.ru
ПЫЖ Сергей Викторович / PYZH Sergey Victorovich	Аспирант кафедры математического и программного обеспечения ЭВМ, инженер-программист, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of Mathematic Software of Computing machines, program-engineer, Cherepovets state university. E-mail: fgfdsgfd@yandex.ru

РОГОВА Светлана Васильевна / ROGOVA Svetlana Vasilyevna	Магистрант кафедры экономики и управления, Череповецкий государственный университет / Master student, department of Economics and Management, Cherepovets state university. E-mail: svdizayn@mail.ru
САЛЬНИКОВА Ольга Сергеевна / SALNIKOVA Olga Sergeevna	Аспирант кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of Russian Philology and Applied Communication, Cherepovets state university. E-mail: salnikovaos@yandex.ru
СМАГИН Геннадий Иванович / SMAGIN Gennady Ivanovich	Кандидат технических наук, доцент кафедры проектирования технологических машин, Новосибирский государственный технический университет / Candidate of Science (Technology), associate professor, department of designing technological machines, Novosibirsk state technological university. E-mail: g.smagin@ngs.ru
СМОЛОНСКАЯ Анна Николаевна / SMOLONSKAYA Anna Nikolaevna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического образования, Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, department of Teacher Education, Kostroma state university named after N.A. Nekrasov. E-mail: sergiusav@mail.ru
СОРОЧИНСКИЙ Павел Викторович / SOROCHINSKIY Pavel Victorovich	Соискатель кафедры общей психологии, Смоленский государственный университет / Applicant, department of General Psychology, Smolensk state university. E-mail: pivaniki@mail.ru
СТЕПАНОВ Александр Тимофеевич / STEPANOV Alexander Timofeevich	Кандидат технических наук, доцент кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), associate professor, department of Metallurgy, machine building and process equipment, Cherepovets state university. E-mail: stepanovat@chsu.ru
СУВОРИН Николай Николаевич / SUVORIN Nikolai Nikolaevich	Менеджер по технологии ЦТРК ЧерМК, ОАО «Северсталь» / TsTRK technology manager CHERMK of JSC «Severstal».
ТАНАНЫХИНА Алла Олеговна / TANANYKHINA Alla Olegovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of the English language, Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen. E-mail: allatan@mail.ru
ФАЛОДЖУ Джон Олунми / FALOJU John Olubunmi	Доктор филологических наук, профессор кафедры Европейских языков, Университет Лагоса, Нигерия / Doctor of Science (Philology), professor, department of European languages, university of Lagos, Nigeria. E-mail: jfalaju@gmail.com; falorious@yahoo.com/bunmi@mail.ru
ХАЙЛОВА Нина Борисовна / KHAILOVA Nina Borisovna	Кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (ИРИ РАН) / Candidate of Science (History), associate professor, leading researcher of Center of Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn, senior researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRH RAS). E-mail: nkhaiлова@yandex.ru
ЦЮПКО Александр Борисович / TSYUPKO Aleksander Borisovich	Магистрант кафедры проектирования технологических машин, Новосибирский государственный технический университет / Postgraduate student, department of designing technological machines, Novosibirsk state technological university. E-mail: cyu-alex@yandex.ru

<p>ЧЕБЫКИНА Ольга Альбертовна / CHEBYKINA Olga Albertovna</p>	<p>Аспирант кафедры психологии развития и педагогической психологии факультета коррекционной педагогики и психологии, Шадринский государственный педагогический институт / Postgraduate student, department of Psychology of development and pedagogical Psychology, Shadrinsk state pedagogical institute. E-mail: OOLGA-85@YA.RU</p>
<p>ЧЕМОДУРОВА Зинаида Марковна / CHEMODUROVA Zinaida Markovna</p>	<p>Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена / Candidate of Science (Phylology), associate professor of English Department, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. E-mail: zinatim@rambler.ru</p>
<p>ШАРАФАДИНА Клара Ивановна / SHARAFADINA Klara Ivanovna</p>	<p>Доктор филологических наук, профессор кафедры бизнес-технологий, Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна / Doctor of Science (Philology), professor, business technology department, Saint-Petersburg state university of Technology and Design.</p>
<p>ШВЕЦОВ Анатолий Николаевич / SHVETSOV Anatoliy Nikolaevich</p>	<p>Доктор технических наук, декан факультета, профессор кафедры информационных систем и технологий, Вологодский государственный университет / Doctor of Science (Technology), Dean of Distance Education Faculty, Professor of Information Systems and Technology Department, Vologda State University. E-mail: smithv@mail.ru</p>
<p>ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна / YAKOVLEVA Elena Victorovna</p>	<p>Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой начального образования, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Pedagogy), professor, head of the department of Elementary Education, Institute of Pedagogy and Psychology, Cherepovets state university. E-mail: pimno@chsu.ru</p>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском языке по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. Научные статьи принимаются в течение года и при условии положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес vestnik-chsu@yandex.ru один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И.О. научное направление статьи** (при наличии двух и более авторов указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

4. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение трех дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

5. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

6. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

7. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную его подписью и печатью организации, и справку из отдела аспирантуры, подтверждающую обучение, с указанием срока его окончания.

8. Корректур авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

9. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

10. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

162600 Вологодская обл., г. Череповец, Советский пр., 8, к. 302, Веселова Валентина Александровна, тел. 8(8202) 51-72-40, e-mail: vestnik-chsu@yandex.ru

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

<i>Форматирование основного текста</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формат страницы – А4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 5. Междустрочный интервал – полуторный. 6. Номер страницы располагается внизу справа.
<i>Объем статьи</i>	7 – 8 страниц
<i>Требования к составу публикуемой статьи</i>	<p>Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 3. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на русском языке. 4. ДЛЯ АСПИРАНТОВ! В правом верхнем углу ниже фамилии автора пишется: <i>Научный руководитель: степень, звание, И.О. Фамилия.</i> 5. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на русском языке. 6. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на английском языке. 7. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на английском языке. 8. Аннотация (до 6 строк) и ключевые слова (5 – 10 слов) обычным шрифтом на русском языке. 9. Аннотация и ключевые слова обычным шрифтом на английском языке. 10. Текст статьи. 11. Список литературы – по центру обычным шрифтом. <p>Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.</p>
<i>Библиографический список</i>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. <p>Для связи списка литературы с текстом статьи используют ссылки. Ссылка в тексте статьи оформляется следующим образом: если идет указание на работу без прямого цитирования – [2], если идет отсылка к работе для сопоставления (обычно в работах историков) – [см.: 2], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на одной странице – [7, с. 22] или [5, л. 22 об.], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на двух страницах [5, с. 53 – 54]. Если цитата не прямая (цитируется по другому изданию) – [Цит. по: 8, с. 22].</p>

	<p>2. Для раздела «Исторические науки»: Источники и литература указываются с общей нумерацией в алфавитном порядке по первому слову или фамилии автора. Если в перечне источников и литературы указаны архивы, то далее должна следовать расшифровка. Например: ГАВО (Государственный архив Вологодской области). – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 9 об.</p> <p>Образец оформления:</p> <p style="text-align: center;">Литература (для историков – Источники и литература)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 7. 2. ГАРФ. – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 5. 3. <i>Каваками, К.</i> Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии / К. Каваками // Черные металлы. – 1988. – № 13. – С. 3 – 12. 4. <i>Масловский, М.В.</i> Современная западная теоретическая социология / М.В. Масловский. – Н. Новгород, 2005. – URL: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html 5. <i>Платова, Е.</i> Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты / Е. Платова // Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования: тезисы конференции. – М., 2003. – С. 39 – 53. 6. <i>Пропт, В.Я.</i> Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропт. – Л., 1986. 7. <i>Салахетдинов, Э.Р.</i> Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной около-спортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Э.Р. Салахетдинов. – М., 2008. 8. <i>Волков, Н.Д.</i> Труды и дни нашего края / Н.Д. Волков // Северное эхо. – Вологда. – 1917. – 17 января. 9. <i>Третьяков, А.В.</i> Расчет и исследование прокатных валков / А.В. Третьяков, Э.А. Гарбер, Г.Г. Давлетбаев. – М., 1976. 10. <i>Чиршева, Г.Н.</i> Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Чиршева. – Л., 1986. 11. <i>Weber, M.</i> The Rationalization of Education and Training / M. Weber // Gerth H., Mills C.W.R. From Max Weber: Essays in Sociology. – N.Y., 1946. 12. <i>Cross, A.G.</i> An Anglo-Russian Medley / A.G. Cross // The Slavonic and East European Review. – 1992. – V. 70. – P. 708 – 721.
<p><i>Примечания и комментарии</i></p>	<p>Нумерация сносок постраничная.</p>
<p><i>Иллюстрации (схемы, диаграммы, фотографии и т.д.)</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0 или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. 4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.
<p><i>Таблицы</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Таблицы (не более трех) должны быть выполнены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007) с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и пронумерованы по порядку. 2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.12-93, 7.11-78. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.
<p><i>Единицы физических величин</i></p>	<p>Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ.</p>
<p><i>Формулы</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Набор формул осуществляется в редакторе формул Math Type версии 5.2. (закладка «вставка» – «объект» – набор формулы) или в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007). 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами справа в конце строки в круглых скобках. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются только те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 3. Номер ставится посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 4. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 5. Пронумерованные формулы выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста:

	$\begin{cases} \tau'_{xy}(\tau) = \tau'_{xz}(\tau) = \tau'_{yz}(\tau) = \sigma'_x(\tau) = 0, \\ \sigma'_y(\tau) = \sigma'_z(\tau) = \sigma'(\tau) = -\frac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu} [T(x, \tau) - T(x, 0)] \end{cases} \quad (11)$
<p><i>Сведения об авторе (авторах)</i></p>	<p>После статьи в таблице приводятся сведения об авторе (авторах). В 1-м столбце указывается Ф.И.О. полностью. Во 2-м столбце указывается:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Ученая степень (при наличии) полностью. 2. Ученое звание (при наличии) полностью. 3. Место работы (организация, структурное подразделение, должность). 4. АСПИРАНТАМ: место работы (организация, структурное подразделение, должность) научного руководителя. 5. Контактная информация для переписки по каждому автору: полный почтовый адрес с указанием индекса, телефон, e-mail. <p>Все сведения, кроме п. 4, приводятся на русском и английском языках.</p>

Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- АВETИСЯН И.А., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
АЛИЕВ И.А., д-р техн. наук, проф. (Донбасская государственная машиностроительная академия, Украина)
АНДРОНОВ В.П., д-р психол. наук, проф. (МордГУ им. Н.П. Огарева)
АНШЕЛЕС В.Р., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
АРONИИ Л.И., проф. (Академический педагогический колледж Ораним, Израиль), научный сотрудник (Тринити-колледж, Ирландия)
ВАСИЛЬЦОВА В.М., д-р экон. наук, проф. (СПбГТУ)
ВОЛОДИНА Н.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
ВРЕМЕНКО В.А., д-р ист. наук, зав. кафедрой истории (Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина);
ГАРБЕР Э.А., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (ЧГУ)
ГОРДОН Я.М. д-р техн. наук, директор по металлургическим технологиям (фирмы НАТСН, Канада)
ГРУДЕВА Е.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
ГРЫЗЛОВ В.С., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ЧГУ)
ДЕНИСОВА О.А., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)
ДОМАНСКИЙ Ю.В., д-р филол. наук (ТвГУ)
ДОРОГОВЦЕВ А.П., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
ЕГОРОВ А.Н., д-р ист. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
ЕРШОВ Е.В., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
ИГОНИН В.И., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
ИЛЬИН В.А., д-р экон. наук, проф. (ВНКЦ ЦЭМИ РАН)
КАБАКОВ З.К., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
КАМКИН А.В., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
КАРПОВ С.В., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
КАРТУЗОВА О.В., д-р техн. наук (NASA, Cleveland, OHIO, USA)
КОЛОКОЛЬЧИКОВА Р.С., канд. истор. наук, доцент кафедры истории и философии
КОПОТЕВ М.В., д-р философии (Хельсинский университет, Финляндия)
КОРОВУШКИН В.П., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
КОСОРУКОВА Н.В., канд. истор. наук, доцент кафедры истории и философии
КУЗЬМИНОВ А.Л., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
ЛАВРОВА С.Ю., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
ЛЕВШУН Л.В., д-р филол. наук, научный консультант (Издательский совет БПЦ, Республика Беларусь)
ЛЕТАВИН М.И., д-р физ.-мат. наук, проф. (Madison Area Technical College., USA)
ЛУЦЕВИЧ Л.Ф., д-р филол. наук, проф. (Варшавский университет, Республика Польша)
ЛЮБОВ В.К., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
МАРАЛОВ В.Г., д-р психол. наук, проф., засл. деятель науки РФ, зам. гл. редактора (ЧГУ)
МАТИАС Уль, д-р ист. наук, научный сотрудник (Германский исторический институт в Москве, Россия)
МАЩЕКОВА С.А. д-р техн. наук, проф. (Казахский национальный технический университет, Республика Казахстан)
МЕРКЕР Э.Э., д-р техн. наук, проф. (НИТУ «МИССИС»)
МИЛОШЕВИЧ З., д-р соц. наук (Институт политических исследований, Белград)
МОРОЗОВ А.Н., д-р экон. наук, проф. (ОАО «Системные технологии», Москва)
ОСИПОВ Ю.Р., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ВГТУ)
ПЕТЕЛИН Б.В., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
ПЛАШЕНКОВ В.В., д-р воен. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
РЫБАКОВ А.А., д-р искусствоведения, проф. (ЧГУ)
САБУРОВ Э.Н., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
САТОНИН А.А., д-р техн. наук, проф. (Донбасская государственная машиностроительная академия, Украина)
СЕДУШ В.Я., д-р техн. наук, проф. (ГВУЗ «Донецкий национальный технический университет», Украина)
СЕЛИН М.В., д-р экон. наук, проф. (ВГМХА)
СЕРГИЕВСКИЙ Э.Д., д-р техн. наук, проф. (МЭИ)
СИНИЦЫН Н.Н., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
СИТАРОВ В.А., д-р пед. наук, проф. (МГУ)
СЛАВОВ В.И., д-р техн. наук (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского)
СОЛОДЯНКИНА О.Ю., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
СТЕНИН В.А., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
ТЕЛИН Н.В., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
ЦАПЛИН А.И., д-р техн. наук, проф. (ПГТУ)
ЦАРУСКИ Ю., д-р ист. наук, научный сотрудник (Институт современной истории в Мюнхене, Германия)
ЦЕЙТЛИН С.Н., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
ЧЕРКАСОВА М.А., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
ЧЕРНОВ А.В., д-р филол. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
ЧЕРНЯК М.А., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
ЧИРШЕВА Г.Н., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
ЮДИН Р.А., д-р техн. наук, проф., засл. изобретатель РФ (ЧГУ)
ЯКОВЛЕВА Е.В., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 30.10.14. Зак. 34.
Тир. 300 (1 з-д – 54). Уч.-изд. л. 24. Усл. п. л. 23.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Таймс.